

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Л.И. Кондрашова

**КИТАЙ:
К НОВОЙ МОДЕЛИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

Москва
ИД «ФОРУМ»
2017

УДК 338.2(510)
ББК 65.9(5Кит)
К64

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.полит.н. А.В. Виноградов, к.ю.н. В.Ф. Бородич

Ответственный редактор

доктор экономических наук В.И. Шабалин

Кондрашова Л.И.

К64 Китай: к новой модели общественного развития: монография / Л.И. Кондрашова. — М. : ИД «ФОРУМ», 2017. — 336 с.

ISBN 978-5-8199-0686-6

В монографии анализируется сложившаяся в результате почти четырех десятилетий китайских реформ специфическая модель общественного развития. Сохранив социалистическую ориентацию социально-экономического развития и руководящую роль Коммунистической партии, руководители страны смело пошли на корректировку марксистского учения о социализме, признав необходимость широкого развития рыночных отношений и частной собственности. Используя такие факторы экономического развития, как массивные инвестиции, материальное стимулирование, дешевая рабочая сила, китайские реформаторы добились высоких темпов экономического роста, в результате чего Китай вышел в мировые лидеры по общему экономическому потенциалу. На данный момент существующая «китайская модель» в основном себя исчерпала. Ставится задача перехода от сверхбыстрых темпов роста к «нормальному» развитию, ликвидации возникших диспропорций, в особенности между Человеком и Природой, имущественной дифференциации, разрыва в уровне жизни между городом и деревней, приморскими и внутренними районами.

Монография может быть полезной при разработке стратегии дальнейшего развития России, представлять интерес для специалистов-международников и востоковедов, а также для всех, интересующихся сегодняшними событиями и перспективами развития Китая.

Ключевые слова: Китай, китайская реформа, социализм с китайской спецификой, государственный капитализм, индустриализация, модернизация, «китайская модель», «Пекинский консенсус».

**УДК 338.2(510)
ББК 65.9(5Кит)**

ISBN 978-5-8199-0686-6

© Кондрашова Л.И., 2017
© ИДВ РАН, 2017

Оглавление

Введение. ЭТИ ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ НАЗВАНИЯ И ПОНЯТИЯ...	5
Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: СТАРЫЕ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ	21
1.1. Стадиально-формационный и цивилизационный подходы к периодизации исторического процесса	21
1.2. Институциональный и синергетический подходы к «философии истории»	29
1.3. Стадии развития капитализма	39
1.4. Социализм — идеальный и реальный	44
1.5. Идея конвергенции капитализма и социализма	52
1.6. Теории «прогресса» и «модернизации»	61
1.7. Понятие «социально-экономической модели»	68
Глава 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	81
2.1. Наследие китайской империи	81
2.2. Характер дореволюционного китайского общества	94
2.3. Проблема периодизации китайской истории и сдвиги в развитии производительных сил	104
Глава 3. КИТАЙ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО РЕФОРМЫ (1949—1978 гг.)	113
3.1. Ход экономических преобразований до начала реформы	113
3.2. Общая характеристика дореформенной хозяйственной системы	134
Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	148
4.1. Политическая система Китая и ее реформа	148
4.2. Реформа аппарата Госсовета	155

4.3. Эволюция и современное состояние административно-территориального устройства КНР	159
4.4. Проблема демократизации политической системы Китая	177
Глава 5. ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ	194
5.1. 1979—1989 гг. Между двумя внутренними кризисами	194
5.2. 1989—1999 гг. — от внутреннего кризиса к международному	207
5.3. 2000—2013 гг. — между двумя мировыми кризисами	221
Глава 6. «ЧЕЛОВЕК — ОСНОВА ОСНОВ» (КИТАЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)	230
6.1. Общая демографическая ситуация	232
6.2. Проблема занятости	235
6.3. Урбанизационные и миграционные процессы	238
6.4. Жизненный уровень и формирование системы социального обеспечения	246
6.5. Имущественная дифференциация	256
6.6. Социальная структура и социальная модель	263
Глава 7. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ»	274
7.1. Существует ли «китайская модель» и в чем ее специфика?	275
7.2. Формационная принадлежность «китайской модели»	282
7.3. Эволюция «китайской модели» — к рынку или к плану?	286
Глава 8. СЕГОДНЯ И ЗАВТРА «КИТАЙСКОГО ЧУДА»	296
8.1. «Китайское чудо» с оговорками	296
8.2. Претензии и опасения сомневающихся	304
8.3. Перспективы развития Китая — модернизационный и традиционный подходы	309
Заключение. ПОДЛИННОЕ «КИТАЙСКОЕ ЧУДО» — НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ («ТРЕТИЙ ПУТЬ»)	321
Summary	335

*Посвящается памяти
моего любимого мужа —
Кондрашова Петра Тимофеевича,
ученого, дипломата, патриота России*

Введение

ЭТИ ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ НАЗВАНИЯ И ПОНЯТИЯ...

Логичное начало каждой предлагаемой читателю научной работы — толкование «ключевых слов» проведенного анализа. Такого рода «вступительное слово» еще важнее, когда автор опирался на иностранные первоисточники. В этом случае подыскиваемые русские слова не всегда адекватно передают смысл понятий исходного текста, созданного при других исторических и культурных обстоятельствах. Втрое сложнее, если перевод должен совместить термины разных языковых систем — фонетической и иероглифической.

Начнем с того, что принятое в русском языке географическое название Китая жителям этой страны малоизвестно. Самоназвание Китая — *Чжунго* состоит из двух иероглифов — «*чжун*» (середина, центр) и «*го*» (стена, город, княжество, государство). После революции 1911 г., положившей конец многовековому существованию императорского Китая, государство приняло в качестве официального более развернутое название — *Чжунхуа миньго*, что дословно можно перевести следующим образом — Центральное (или Срединное) цветущее народное государство. В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика, что звучит как *Чжунхуа жэньминь гунхэго*, а дословно переводится как Срединное цветущее народное государство всеобщего согласия.

Иероглиф «*чжун*» имеет вид горизонтально расположенного четырехугольника, пересеченного посередине вертикальной линией.

Первоначально вместо четырехугольника рисовался круг, и в таком виде иероглиф с известной долей воображения можно сейчас принять за чертеж земного шара и его оси. Как каждый китайский иероглиф, «чжун» имеет множество значений. Прежде всего, это — «центр», нейтральная «середина», обозначение определенного места в пространстве, от которого идут векторы в разные стороны (четыре стороны света — «сыфан»). В этом смысле Китай — Восток по отношению к России и Запад по отношению к США, а для самих жителей Китая — это «центр», пересечение координат на север, юг, восток и запад. Одно из значений иероглифа «чжун» — беспристрастный, справедливый.

Китайская картина мира с центром в Китае — это прежде всего утверждение своей уникальности, размежевание между «мы» и «они», между тем, что внутри (*нэй*), и тем, что находится вовне (*вай*). Такой подход по существу аналогичен современным представлениям о «центре» и «периферии». Их разъяснения содержатся в трудах И. Валлерстейна, который при изложении своей теории мировых систем предложил рассматривать мировое устройство сквозь призму отношений между ядром (центром), полупериферией и периферией на основании экономических контактов и социокультурной близости государств¹. В таком случае «Срединное государство» — это отношение коренных жителей к своей стране как эпицентру мироздания, осознание высшей значимости своей родины и неповторимости данного мгновения жизни («здесь и сейчас»). Историческое название Китая *Тянься* (Поднебесная) относится по существу ко всей ойкумене, а *Чжунго* — только часть этой ойкумены, хотя, может быть, и самая важная часть (своего рода «пуп земли»). Этот образ в чем-то сродни утверждению «все дороги ведут в Рим», только в другом цивилизационном контексте. Вся символика древних китайских сооружений (гробница Цинь Шихуанди, императорский дворец Гугун, Великая китайская стена) подчеркивала величие Центра, его структурной автономности от остального общества.

Но понятие «центра» несет в себе и иное — политическое содержание, а именно: централизации, объединения разрозненных территорий в единое целое. Как пишут наши известные синологи-философы, сочетание иероглифов «чжун» и «го» обозначало в эпоху Чжоу «срединные», т. е. расположенные в центре ойкумены удельные владения, принявшие власть правителя-вана². В картографическом изображении это совокупность территорий в среднем течении реки Хуанхэ, заселенных в древности китайцами (впоследствии Собственно Китай).

«Середина» в негеографическом смысле может интерпретироваться и более приземленно и более возвышенно, поскольку соотносится и с посредственностью, и с кульминационным моментом. Например, полдень — середина или кульминация суток (*чжунь*). Такое значение «срединности» сродни центральному положению стрелки на ватерпасе. Как писал академик Н.И. Конрад, «середина на языке сунских философов (эпоха Сун) — то, что не склоняется ни в одну какую-либо сторону, не однобокое, а всестороннее, т. е. полноценное»³.

Поскольку иероглиф «*чжун*» своим начертанием очень напоминает весы с двумя чашами на одном уровне, напрашивается параллель с понятием «золотой середины». Центральной «стержень» символизирует нечто «третье», что уравнивает крайности, сопрягает два начала — «темное» (*инь*) и «светлое» (*ян*), устанавливает связь между «землей» и «небом». Соблюдение «золотой середины», необходимой умеренности как хрупкого баланса между «избытком» и «недостатком», выводит на конфуцианский принцип регуляции, контекстуальное «приведение в соответствие» всего и вся⁴. При таком подходе размывается грань между стратегией и тактикой, движение выступает не как приближение к какой-то цели, а как вечная перестройка в соответствии с постоянно совершенствующимся представлением об идеальном.

С такого рода трактовкой «срединности» перекликается положение Б.С. Ерасова относительно духовной системы цивилизации, рассчитанной на охват всего населения, что происходит на основе «усредненных» норм и ценностей, создающих значимое единство и целостность всей духовной жизни.

«Как мы видели, духовная система цивилизации рассчитана на охват всего населения, объединяемого под «крышей» общепринятых принципов, верований и норм. В зрелом состоянии расширение этого охвата происходит на основе «усредненных» норм и ценностей, создающих значимое единство и целостность его духовной жизни. Эта совокупность формирует ту «срединную» культуру общества в целом, которая снимает напряженность оппозиционных ценностей, устраняет угрозу раскола и радикальной инверсии в его динамике... Именно в рамках «срединной» культуры формируется устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс населения на длительный период времени. В ее рамках снимаются крайности ценностных ориентаций: аскетизм—гедонизм, покорность—воля, свое—чужое, священное—бесовское, народное—антинародное, национальное—антинациональное, пролетарское—буржуазное и т. д. — и складывается устойчивый образ жизни, обеспечивающий умерен-

ное благосостояние для широких слоев населения, доступные цели и средства реализации этих целей (*Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 144—145).

Современные интерпретаторы могут акцентировать внимание на еще одном значении «чжун» — попасть в цель, добиться успеха, что служит ориентиром правильного государственного управления (сам иероглиф при определенной доле фантазии напоминает мишень со стрелой, попавшей в «десятку»).

Понятие «гармония» известно человечеству много веков, но сейчас оно переживает взрыв всеобщего интереса, получило своего рода «второе дыхание». Немалая роль в этом принадлежит Китаю, провозгласившему построение гармоничного социалистического общества.

Какой же смысл несет с собой этот термин и в чем специфика трактовки этого термина в Китае?

Само слово «гармония» пришло в русский и другие европейские языки из древней Греции (*harmonia*). В древнегреческо-русском словаре, составленном И.Х. Дворецким, приводятся следующие его значения: связь, скрепа; соглашение, договор; установление порядка; музыкальный строй, слаженность, соразмерность;сообразность, пригодность; правильный, истинный, правильная мера. Каждый древнегреческий философ внес что-то свое в интерпретацию этого философского постулата. В учении Гераклита «гармония» неотделима от понятия «космос» в употреблении, близком словам «миропорядок», «мироустройство». В основе пифагорийского учения о гармонии сфер находится категориальная пара двух противоположностей — предела и беспредельного.

В словаре Даля слово «гармония» имеет следующие значения: соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, равномерность, взаимность, соотношение, согласие, согласность, стройность, аккорд. «Гармонизировать», в понимании Даля, значит отвечать, соответствовать, согласоваться, быть под одно, под стать, под масть, под лад⁵. Родственны «гармонии» такие современные понятия, как симметрия, сбалансированность, пропорциональность. В математическом смысле «гармония» предстает как связанность, соразмерность составных элементов, части с целым, своего рода расчетный «оптимум». В эстетическом ракурсе «гармония» — это совершенство бытия, напрямую ассоциируемое с идеалом красоты, завершенностью композиции. В музыке альтернативой «гармонии» служит «какофония», в жизни — «дисгармония», непримиримость противоречий, конфликт. В поли-

тологии термин «гармония» не пользуется особой популярностью, прежде всего из-за некоего архаического налета, но ему родственны такие концепты, как «толерантность», «соразвитие», согласование различных интересов. За всеми ними стоит достижение компромисса, консенсуса во имя предотвращения конфликта и успешности развития. О специфике трактовки «гармонии» как «справедливости» в этике Платона пишет Дж. Диллон: «В сфере этики Платон, как и Аристотель, придерживается представления о том, что добродетель — это среднее между избытком и недостатком, причем справедливость является той силой, которая связывает весь мир воедино, оказываясь таким образом концептом одновременно метафизическим и этическим»⁶.

Примирение антиномий через гармонизацию перекликается с правилом «золотой середины». Умеренность, т. е. способность придерживаться в действиях и поступках «золотой середины», как соблюдение должной меры, причислялась и греками, и древними китайцами к разряду основных добродетелей. За этим стоит предпочтение «срединного пути» — «усредненных» норм и проверенных ценностей, приемлемых для широких слоев населения, снятие напряженности споров и предотвращение столкновений оппозиционных взглядов, уход от однолинейного прогресса и допустимость продвижения к цели не напрямик, а в обход. Преимущества и опасности такого пути продемонстрированы всем ходом истории, как древней, так и современной.

«Многое, если не все, зависит, таким образом, от того, кто и как определяет, что есть «золотая середина», сам человек или сила общественная, государственная и т. п. извне, над ним. В первом случае — движение к высокой вершине, идеалу гармонии, слияния с природой, народом и т. д., движение по солнечной стороне горы. Во втором случае — насильственное подравнивание людей, общества под середину, сведение «катком усреднения» всех к «среднепонимаемому Шарикову» — «всеобщее усреднение в государственном масштабе» (Степаняц М. Т. «Движение по солнечной стороне горы» — золотой середине: этическая мотивация модернизации общества // Новоевразийская цивилизация великоросса. М., 2013. С. 196).

Оба иероглифических бинорма, переводимых на русский язык как «гармония» — «хэтяо» (мир-упорядочивание) и «хэсе» (мир-согласие), — начинаются с иероглифа «хэ», состоящего из двух элементов — «злак» и «ротик». Глубинный смысл этого символа — сытость, недостаток пищи. Четырехтомный китайско-русский словарь, составленный под руководством профессора И. М. Ошанина, дает следующую

ший перечень его основных значений (в сокращенном варианте): 1) мирный, спокойный, благожелательный; 2) соответствующий, подходящий, умеренный; 3) гармонично, дружно, сообща; 4) ничейный, с мирным исходом. В древнекитайском тексте «Чжоу ли» «хэ» включено в перечень основополагающих «шести Дэ» вместе с разумностью (*чжи*), гуманностью (*жэнь*), мудростью (*шэн*), долгом/справедливостью (*и*), верностью (*и*).

В космологическом плане «хэ» близко к главному концепту китайской философии, понятию «Дао» как гармоничного соединения Неба и Земли, материального и духовного начал мироздания, свойств объективного и субъективного. Многозначность и метафоричность Дао хорошо передается выражением «Путь» с большой буквы. В русском языке его аналогом может считаться термин Мир во всем многообразии его трактовок (Вселенная, Земля, Природа, естественное развитие без внешних катаклизмов). Как выразился профессор Московской духовной академии С.С. Глаголев, «Дао — это естественные законы бытия и осуществление их в бытии...»⁷. Мир существует, следуя общим объективным законам, которые придадут ему величественную Гармонию.

«Дао, — писал выдающийся российский ученый В.М. Алексеев, — есть сущность, есть нечто статически абсолютное, есть центр круга, вечная точка вне познаваний и измерений, нечто единственно правое и истинное... Оно — самопроизвольная самоестественность. Оно для мира вещей, человека, поэта и наития есть Истинный Владыка... Небесный станок, лепящий формы... Высшая Гармония, Магнит, притягивающий к себе не противящуюся ему человеческую душу... Таково Дао как высшая субстанция, инертный центр всех идей и всех вещей, хозяин и направитель поэтического наития» (*Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. СПб., 1916. С. 17).

Если Дао — это природное самоорганизующееся начало, высшая гармония мира, то выступающее с ним в паре понятие Дэ — это земная манифестация Дао, высшая мораль как осознание вселенской гармонии и ответственность человека за ее сохранение, квинтэссенция Культуры. Дао — первопричина, Дэ — ее конкретное проявление и осознание. Учение о Дао и Дэ, авторство которого принадлежит Лао цзы, жившему на рубеже VI—V вв. до н.э., легло в основу всей китайской цивилизации. Слово «гармония» в трактате Лао цзы «Дао-Дэ цзин» («Трактат о пути и морали») не употреблялось, но представле-

ние о ней разбросано по всему тексту. Учение Лао цзы базируется на концепции «морального человека» как личности, преодолевшей свои недостатки и слабости, чуждой корыстным устремлениям, посвятившей себя служению общему благу (Поднебесной), зависящей от «таинственного нечто» — Вселенского разума. В понимании Лао цзы человек — составная часть общей Гармонии мироздания, но занимает низшую иерархическую ступень строго структурированного мироздания, подчиненного объективным (естественным) законам. Будучи разумным существом, он живет, прокладывая свой собственный путь, значимость которого зависит от того, насколько он соответствует требованиям высшей нравственности. В картине происхождения и существования мира, которая нарисована в «Дао-Дэ цзине», связь между Космосом, Землей и Человеком устанавливается по двум направлениям — «вертикали главенства» сверху вниз (один—два—три—можество) и по «вертикали подчинения» снизу вверх. Высший правитель подчиняется законам Земли, Земля подчиняется законам Неба, Небо подчиняется законам высшего первоначала, которое служит воплощением самоорганизации, Природы-самой-по-себе (*цзыжань*). Всем этим рассуждениям предшествует панорама возникновения мира из первозданного хаоса, нерасчлененного Целого, которое пройдя серию делений и мутаций, превратилось в разнообразный мир. Но этот мир остался единым целым, где действуют общие законы идентификации и соразмерности, придающие ему образ величественной Гармонии. При этом гармоничность мира не есть нечто застывшее, неизменное. Постоянное совершенствование этой Гармонии воплощается в самом смысле Пути-Дао как соединения прошлого, настоящего и будущего. Дао по существу аналогично представлению о Вселенской Гармонии как органической упорядоченности мира, а категория Дэ может трактоваться как жизнь человека в созвучии с вселенскими ритмами. Задача человека — «жить в ладу с собой» и выполнить свою миссию участника гармоничного мира, надеясь на долгую жизнь и рассчитывая на богатство ощущений.

Одной из главных идей «Дао-Дэ цзина» следует считать положение «у-вэй», которое в большинстве случаев переводится как «недеяние». Исходя из содержания трактата и первоначального смысла иероглифа «вэй» («вести слона за веревочку»), его следует понимать не как действие в обычном смысле этого слова, не как трудовой акт, а как «воздействие», т. е. включение объекта в «силовое, энергетическое поле» субъекта. «Вэй» — это, скорее, «насилие», «своеволие», «принуждение», а «у-вэй» — ненасилие, терпимость, в современной

терминологии — толерантность. В основе концепции «недеяния» лежало требование гармонии между человеком и природой, в межличностных отношениях вообще.

Учение Лао цзы — даосизм базируется на идее «ненасилия», т. е. «слабого государства», в котором задача управляющих — минимальное вмешательство в естественный ход вещей. Однако «свобода по Лаоцзы» предполагает наличие нравственной личности, которая живет и общается по «внутренним ограничениям», и нравственного правителя, который действует в интересах общества и его просвещения (приобщения к Дао).

Среди других китайских философских течений конфуцианство было одним из самых консервативных, выступавших против отступлений от канонических начал и освященных традиций. Одно из известнейших изречений Конфуция: «Зачем непременно нужно менять, не лучше ли оставить все как есть?» Тем не менее, конфуцианская традиция признавала поступательность общественного развития и необходимость реформ как профилактических мер, предназначенных периодически оздоравливать общественный организм и ставить заклон хаосу и беспорядку.

Китайские философы считают Конфуция родоначальником китайского термина Гармония-Дэ. Почетный президент Фонда Конфуция Гу Му, выступая в октябре 1989 г. в Пекине на торжественном открытии международной научной конференции, посвященной 2540-летию Конфуция, назвал тезис Конфуция «Гармония» самым ценным вкладом в сокровищницу китайской мудрости. По словам Гу Му, этот тезис может сослужить хорошую службу в общении между народами, помочь «превратить земной шар в одну деревню»⁸.

История человечества, согласно конфуцианству, распадается на три эры: хаос («цзюйдуань»), становление («шэнпин») и «великое благоденствие» («тайпин»). В трактате «Ли цзи», к составлению которого Конфуций имел самое непосредственное отношение, в главе «Ли юнь» («Действенность установлений», или «Закономерности движения установлений») впервые зафиксированы две главные утопии общественного устройства.

Общество *Датун*: «Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, /для управления/ избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели признание, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Своя доля была у мужчин, свое прибежище —

у женщин. Нетерпимым /считалось/ тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя, нетерпимо было не дать силам выхода, но не полагалось /работать/ только для себя. По этой причине не возникали /злые/ умыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось великим единением».

Общество *Сяокан*: «Путеводными нитями стали ритуалы и долг. С их помощью упорядочивают /отношения/ государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием братьев, согласием супругов. С их помощью устанавливают порядок, намечают границы полей и общин, возвеличивают мужественных и разумных, наделяют человека заслугами. Их используют в своих целях, ради них поднимают оружие. В соответствии с ними избирались /на царство/ Юй и Тан, Вэй-ван и У-ван, Чэ-ван и Чжоу-гун. Среди этих шестерых благородных мужей не было ни одного, кто бы не почитал ритуала. С ним сверяли они свою справедливость, на нем строили свою верность, проверяли вину, узаконивали человеколюбие, учили уступчивости, являя тем самым народу свое постоянство. Если кто /из правителей/ не следовал ему, он потерял бы свой престол, ибо люди почли бы его сущим бедствием. Все это и называлось малым умиротворением, благоденствием»⁹. С приходом к власти династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) конфуцианство утвердилось на положении господствующей государственной доктрины и слилось с государством в единую административно-идеологическую и светско-духовную организацию¹⁰.

В своем докладе на 4-м Форуме изучения Китая в Шанхае глава Института конфуцианства Пекинского университета и Академии китайской культуры Тан Ицзе сослался на древнекитайский памятник «*Чжоу ли*», в котором говорится, что небесный Путь-*Дао* находится в непрестанном изменении, все объекты мироздания должны находиться на должествующих местах, вместе существовать, поддерживать в сотрудничестве «великую гармонию» (*тайхэ*) — и тогда все вещи смогут беспрепятственно развиваться. Человеческому обществу присущи взаимные противоречия и постоянные изменения, что неизбежно в развитии. Однако людям нужно ответственным образом совместно поддерживать «великую гармонию» сотрудничества, лишь такое общество сможет разумно и беспрепятственно развиваться¹¹.

Как наилучшее состояние некоей данности «гармония» выступает аналогом научной Нормы, обоснованного Порядка вещей. В своих лекциях по античной философии М. Мамардашвили особо отметил

греческую идею гармонии как однозначную идею закона, лежащего в основе всего мироустройства. Он проводил прямую связь между гармонией и справедливостью. «Умный человек сознательно избегает зла, и это является первичной формой ощущения гармонии»¹².

В настоящее время в мировоззренческом плане «гармония» во многом сродни идеальной глобализации, служащей преодолению раздвоенности мира и заложенной в нем враждебности. «Мировая гармония» понимается как единство во множестве и множество в единстве. Ученые-обществоведы, анализируя содержание понятия «совершенное общество», отмечают в первую очередь его изменчивость во времени и в пространстве при устойчивости стремления человека к лучшему устройству жизни в соответствии с принципами рациональности и справедливости. Гармония — это идейно-нравственная максима, которая не может быть установлена единожды и навсегда. Это целый комплекс идей и размышлений относительно высокого качества человеческих отношений, суть которых в принципе нельзя довести до абсурда одной из крайностей. В постоянном процессе переосмыслений, разочарований и надежд меняется смысл отдельных постулатов и выделение доминант. Стремление к «гармонии», как и общая идея социальных преобразований, всегда порождено неудовлетворенностью сложившимся положением, провалом когда-то принятых решений, упущением предоставленных возможностей. Это та положительная социальная перспектива, тот «предел мечтаний», к которому надо стремиться, абстрагируясь от его изначальной недостижимости.

Знаменательна перекличка термина «гармония» с современными философскими доктринами, в частности, теорией синергетики. Одним из важнейших принципов синергетики является принцип комплементарности (дополнительности), сформулированный Н. Бором, согласно которому противоположности сосуществуют, будучи взаимозависимы друг от друга. В первую очередь это относится к основополагающей противоположности духовного и материального, получившего философское преломление в борьбе идеализма и материализма. В основе мироздания, начиная с исходного уровня, материальное начало неотделимо от идеального, находится с ним в неразрывном единстве. Крайняя биполярность несвойственна природе: нет раздельно света и тьмы, жары и холода, есть их динамические сочетания. В современной синергетической трактовке «открытой» системы природа и общество представляют собой единое целое, и в исследовании исторического процесса акцент должен делаться на

уяснение взаимосвязи, взаимозависимости природных и социально-экономических процессов. Это требует объединения методологии естественных, технических и гуманитарных наук. Понятия «частное» и «общественное», «личное» и «коллективное», рассматриваемые марксистами как взаимоисключающие начала, в этом случае выглядят взаимодополняющими с маятниковым переносом акцентов в ту и другую сторону. Проблема состоит не в том, чтобы «уничтожить классы» или поменять их своими местами, а в том, чтобы классовая принадлежность индивида не мешала удовлетворению его личных материальных и духовных потребностей и аналогичных потребностей других членов общества.

В российских официальных документах обращение к понятию «гармония» встречается крайне редко. У нас приняты разговоры о Русской идее как квинтэссенции духовности русской нации, которая воплощается в Вере с большой буквы в некие высшие ценности — в Бога, в светлое будущее, в созидательные способности русского народа. Стремление к гармонии как к идеалу для многих выглядит областью фантазии, воспринимается как прекрасный социальный миф о счастливой жизни в мире, довольстве и спокойствии, как труднодостижимое мимолетное счастье и удовлетворенность всем. В таком виде это — мечта всех народов, всего человечества, и какую-то национальную специфику в ней трудно распознать. После всех мытарств «перестроек» и «реформ» россияне воспринимают «гармонию» как пустую мечту, как оправдание несостоятельности Обломовых, ищущих прибежище от суровой реальности в мире несбыточных грез.

В Китае понятие «гармония» лишено утопического ореола, оно является одной из наиболее важных философских категорий, традиционным идеалом, преобразованным в идеологическое клише. Конечно, это тоже миф — миф о «золотом прошлом» и «лучшем будущем», но он воспринимается и внутри страны, и вне ее не как пустое мечтание, а как важный компонент политической культуры, за которым стоят сегодняшние реалии «китайского чуда» и будущие свершения¹³.

Существуют ли какие-либо отличия в интерпретации понятия «гармония» в китайской и европейской философии?

Сошлемся на рассуждения профессора английского и американских университетов Цзэн Шицзяна. В последние несколько лет из печати одна за другой вышли несколько его книг: «Управление китайского типа» (*Чжунгоши гуаньли*), «Управленческое поведение китайского типа» (*Чжунгоши ды гуаньли синвэй*), «Теория управления»

(*Гуаньли сывэй*), «Магистральный путь управления» (*Гуаньли дадао*), «Управление как масштабные изменения» (*Даи гуаньли*) и др. Его сфера научных интересов ближе всего к социопсихологии с компаративистским уклоном. Больше всего Цзэн Шицяна занимает китайский менталитет, отличие образа мышления европейцев и американцев, что и придает рассуждениям автора характер занимательной интриги. Однако на самом деле его анализ — это профессиональный взгляд на проблемы управления представителя китайской культуры с ориентацией на широкий круг читателей и в своей стране, и за рубежом. Тиражи изданий перечисленных выше книг свидетельствуют о большом интересе читателей к этой тематике и к фигуре самого автора.

Сравнивая китайскую и западную системы управления, Цзэн Шицян затрагивает серьезные методологические проблемы, констатирует «генетическую» несовместимость мышления и поведения представителей этих цивилизаций. Важным исходным моментом его аргументации служит обращение к диалектике «целого» и «части», что столь важно при анализе содержания гармоничного развития.

Автор усматривает два противоположных типа рефлексии. Западный тип (четный) основан как бы на делении клетки, на противопоставлении двух равнозначных частей, появляющихся на месте одного целого, что предстает в виде формулы «два образуют одно» (*«эр гоучэн и»*). Иначе говоря, в целом изначально заложены два однотипных фрагмента, которые сравнительно легко обособляются друг от друга. Восточный тип рефлексии исходит из постулата целого как гармоничного единства двух разнородных частей, парного целого (*«и нэйхань эр»*) и его последовательного дробления — «единое делится на два, два делятся на четыре, четыре — на восемь и т. д.» (*«и фэнь вэй эр, эр фэнь вэй сы, сы фэнь вэй ба...»*). Восточный подход — «из одного рождается два, два порождают третье, за третьим появляется тьма вещей» (*«и шэн эр, эр шэн, сань, сань шэн вань»*). Первый (западный) подход акцентирует анализ, второй (восточный) — синтез.

Из принципа «два образуют одно» вытекает противостояние двух альтернативных составляющих в рамках диалектического понятия борьбы двух противоположностей. Западный человек мыслит в категориях «да» и «нет», одно исключает другое, принятие решения означает выбор между двумя крайностями — либо одно, либо другое, третьего не дано. При китайском подходе «одно вмещает в себя два» между «да» и «нет» отсутствует четкая разделительная грань, в «да» есть что-то от «нет» и, наоборот, в «нет» есть что-то от «да». Между этими полюсами заключено нечто «третье», «царство между» — про-

странство переходов, взаимопроникновения полярных свойств, лишенное опасной категоричности.

Следуя этой логике, Цзэн Шицян выделяет два основных типа управления. Американскую модель управления он характеризует постулатом «я хочу, я добиваюсь желаемого». Исходный момент принятия управленческого решения — постановка цели, конечный момент — достижение поставленной цели. Управляющий ставит определенную цель, настроен на успех (и вознаграждение за него), несет прямую личную ответственность за результаты своей деятельности.

В китайской модели управления «цель» как постановка четкого задания и ориентация на его выполнение не абсолютизируется, при всей важности цели процесс управления не закичивается целиком и полностью на ее достижении. Сам процесс целеполагания из единичного акта превращается в многократный — за достижением одной цели непременно следует постановка следующей, еще более сложной. Присутствует сознание того, что достижение цели не является только следствием чьих-либо индивидуальных усилий, а сами эти усилия отнюдь не зависят от вождя возжеленного вознаграждения. Цель как квинтэссенция управленческих усилий имеет подчиненное значение еще и потому, что в управлении главное — не материальный объект, воплощение в том или ином виде определенных интересов, а субъективная составляющая, все участники действия с их разнообразными интересами, включая личность самого управляющего. Китайскую модель управления автор кодирует четырьмя иероглифами: «*сю цзи ань жэнь*» («исправить себя, успокоить народ», т. е. сосредоточение на стабильности). Началом процесса управления следует считать не постановку цели, а выбор управляющего и его подготовку. Управляющий должен обладать недюженными способностями и навыками, отличаться высоким интеллектом и высокими нравственными принципами, что и дает основание возложить на него функцию руководства. Над конкретной целью, которая ставится в определенных обстоятельствах, возвышается сверхцель — благополучие людей как попадающих в сферу принятия управленческих решений, так и стоящих вне данной управленческой структуры. Эффективность управления зависит, прежде всего, от «качества» управляющего, итоги управления следует оценивать не только с точки зрения достижения поставленной цели, но, прежде всего, с точки зрения «прирастания» общего благополучия, понимаемого в широком смысле и как безопасность макроколлектива, и как материальный достаток всех его членов, и как их внутренняя удовлетворенность. Принцип «самосовершенствования»

управляющего («сюэци») учитывает и квалификационный уровень управляющего, и его нравственное кредо. Задачи управляющего состоят не в том, чтобы двигаться к цели напролом, не считаясь с имеющимися обстоятельствами, а в том, чтобы правильно выбрать линию поведения, постоянно корректировать свои действия, свести к минимуму возникающие противодействия и неизбежные потери.

В условиях постоянных изменений процесс управления приобретает вид периодической «настройки» (гармонизации), восстановления утраченного равновесия. Изменения управленческого поведения становятся столь же перманентными, что и изменчивость окружающей обстановки. Управление — это постоянная корректировка не только тактики, но и самой стратегии; не только методов достижения цели, но и самой цели. Вопрос в том, что менять, как менять и когда.

Две ошибочные позиции, которые автор усматривает в западном менталитете:

- если менять, то менять кардинально;
- если не менять, то лучше вообще ничего не трогать и как можно дольше.

Этим экстремальным точкам зрения автор противопоставляет взвешенный подход, предполагающий дозированные трансформации без нарушения стабильности системы, возникновения хаоса. Проблемы, стоящие перед управляющими, должны «разрешаться», но не в виде единовременного рывка, а путем многочисленных наладок. Поскольку одна цель сменяет другую, одни методы уступают другим, управление трудно вместить в какие-либо узкие временные рамки. Наиболее подходящий метод — разбивка одной крупной проблемы на серию более мелких, легче решаемых. Уменьшение масштабности проблем позволяет их «растворить» в общей «плазме» реальности, решать постепенно и желательно безболезненно. Таким образом, сама задача «решения проблемы» переводится в плоскость «снятия проблемы». Управление превращается в регуляцию, поддержание порядка в системе, приведение ее в соответствие с наиболее благоприятным для нее балансом взаимоотношений, который можно назвать желаемой «гармонией». Принцип исключения крайностей («дано третье») Цзэн Шицян считает основополагающим в китайской науке управления. Западная система управления, базирующаяся на принципе дуализма, делит людей на управляющих и управляемых и признает необходимость прямого насилия и законопослушания (власть людей и власть законов). Китайский образ мышления принципиально иной. Признавая наличие противоположностей и осуществляя

анализ двух составных частей единого целого, управляющие заменяют дуалистическую структуру триадой, вычлениют между двумя крайностями серую зону промежуточного состояния. Тем самым концепция борьбы противоположностей превращается к поиск «третьего», исключаяющего крайности и вбирающего в себя их преимущества. Место двух философских антиподов — материализма и идеализма — занимает теория «соединения духовного и материального», антагонизм двух классов замещают взаимоотношения трех типов людей: хозяин, или управляющий; наемный работник, или управляемый; «ганьбу», посредники между теми и другими, выступающие одновременно и в роли управляющих, и в роли управляемых.

Китайский менталитет полностью соответствует современному мировоззренческому подходу, согласно которому развитие человека, его мышления и сознания лежит в основе общественных изменений. Развитие социума, управление обществом или социальное управление — это прежде всего управление развитием человека в соответствии с его информационной природой. Конечной целью социального управления в современном обществе должно стать развитие человека, его совершенствование в самом широком смысле этого слова.

Констатация человеческой субъективности как «осваивающей природу» человеческой деятельности, воплощающей в себе единство материального и идеального начал, исключает использование в качестве критерия общественно-исторического прогресса понимаемый сугубо технически уровень развития производительных сил, от которого напрямую зависят «производственные отношения». На первый план выдвигаются достигнутые в результате всего предшествующего исторического процесса «качество» человека, прежде всего его познавательная способность, и «качество» общества, степень удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Если американская мечта — «успешный человек в успешном обществе», то китайская мечта — «достойный человек в достойном обществе».

Примечания

¹ *Wallerstein J. The Capitalist World-economy. Paris, 1979; Wallerstein J. The Politic of the World-economy. Paris, 1984.*

² *Крюков М.В. и др. Древние китайцы в эпоху установления централизованных империй. М., 1983. С. 344.*

³ *Копрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 221.*

⁴ *Степаняц М.Т.* Метафора «золотая середина» как ключ к пониманию общего и частного в философии морали // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 45—46.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 2003. С. 326.

⁶ *Диллон Дж.* Наследники Платона. Спб., 2005. Гл. 1. С. 17.

⁷ *Глаголев С.С.* Религии Китая. М. 1904. С. 33.

⁸ Гуанмин жибао. 11.10.1989.

⁹ Цит. по: Древнекитайская философия. 1973. С. 2, 100—101.

¹⁰ *Васильев Л.С., Фурман Д.Е.* Христианство и конфуцианство: опыт сравнительного социологического анализа // История культуры Китая. М., 1974. С. 467.

¹¹ *Кондрашова Л., Ломанов А.* Четвертый форум изучения Китая в Шанхае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 151.

¹² *Мамардашвили М.* Лекции по античной философии. М., 1997. С. 70.

¹³ *Pye L.W.* The Mandarin and the Cadre. China's Political Culture. Ann Arbor. 1988. P. 91.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: СТАРЫЕ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ

1.1. Стадиально-формационный и цивилизационный подходы к периодизации исторического процесса

Марксистская наука для объяснения логики истории опиралась на теорию общественно-экономических формаций, построенную на принципах экономического детерминизма, первичности материального производства над всеми остальными компонентами общественного устройства и на законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Общественно-экономическая формация трактовалась как исторически определенная ступень развития человеческого общества, составляющая в своем наиболее глубоком сущностном выражении совокупность исторически определенных производственных отношений, в основе которых лежат отношения собственности.

По представлению К. Маркса, «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств»¹. Отсюда следует, что общество как некое абстрактное образование представляет собой сочетание разных видов производства и форм собственности, иначе говоря, разных «укладов», один из которых выступает как главенствующий, образующий экономическую основу данной общественно-экономической формации, а все остальные являются дополнительными, добавочными. Таким образом, каждое общество пред-

ставляет собой многоукладную структуру, разнообразную как по сочетанию укладов, так и по их конкретной модификации. Придавая определенную упорядоченность и смысл ходу истории, формационная теория утверждала восходящий характер социальной эволюции в направлении все более полного освобождения человека от разных форм угнетения. Переход на новый, более высокий уровень мог быть осуществлен, согласно этим представлениям, только революционным путем.

К. Маркс делил всю историю человечества на три формации — архаическую (первичную), экономическую (вторичную) и коммунистическую (третичную). Согласно марксистской теории, человечество прошло через первобытный строй, который был распространен повсюду на земле, проходит этап всеобщности товарного обмена и эксплуатации посредством такого обмена и непременно вступит в такое состояние, когда человек выйдет за пределы собственно материального производства и целью развития окажутся творческие способности отдельного индивидуума. Для каждой из трех эпох характерен специфический способ разделения и кооперации труда (замкнутый производственный цикл с преобладанием натурального производства; развитая система разделения труда с господством товарно-денежных отношений; широкое включение в глобальный хозяйственный процесс и всемирную информационную сеть).

В экономической общественной формации Маркс выделял «прогрессивные эпохи» — азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Существовавший на Древнем Востоке особый антагонистический способ производства («азиатский способ производства») он рассматривал как первую историческую форму классового общества. Второй тип протогосударств в марксовой схеме — античная структура — имел узкий ареал распространения (Древняя Греция) и основывался на полисной форме государственной организации, способствовавшей развитию проточастной собственности. Формирование рабовладельческой и феодальной формаций, представляющих две разновидности европейского пути развития, привело позднесредневековую Европу к капитализму и к формированию «гражданского общества».

Поскольку история не дала примеров происхождения античного способа производства из азиатского, теоретический тезис о последовательности смены первых классовых формаций не нашел практического подтверждения. В поисках выхода из этого противоречия Г.В. Плеханов предложил гипотезу, что азиатское и античное общест-

ва представляют собой не две последовательные фазы развития, а два параллельно существовавших типа общества, обязанных своим различием особенностям географической среды². Впоследствии другими учеными было выдвинуто положение, что от первобытного общества тянутся не две, а три равноправные линии развития, одна из которых ведет к азиатскому, другая — к античному, третья — к феодальному обществу. Следуя такой логике, азиатское, античное и феодальное общества оказываются не самостоятельными формациями, т. е. последовательно сменяющимися стадиями всемирно-исторического процесса, а равноправными модификациями одной и той же вторичной формации, основанной на частной собственности и внеэкономическом принуждении³.

В советской политэкономии утвердилась догматическая версия пяти формационных стадий, включавшая первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, буржуазный и коммунистический способы производства. Азиатский способ производства выпадал из этого перечня и долгое время оставался одной из самых дискуссионных проблем исторической науки. Первый крупный научный форум по этой проблематике был проведен в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века, второй состоялся во второй половине 60-х — начале 70-х годов. Официальную поддержку получила позиция считать общества Древнего Востока рабовладельческими, что не нарушало общей схемы «пятичленки»⁴. Однако в ходе обсуждений высказывались и другие точки зрения. Довольно распространенным был взгляд на «азиатский способ производства» как на восточную разновидность феодализма и, соответственно, на древневосточные общества как на феодальные, что предполагало признание феодализма первой формой классового общества.

В ряде современных исследований азиатский способ производства трактуется как собирательное понятие, своеобразие которого в соединении самых различных по европейским меркам отношений — даннических, налогово-рентных, повинностно-трудовых, кабальных, рабских и др.⁵ Главной характерной чертой этого общества признается феномен «власть-собственность», а именно, нерасчлененность властных и собственнических функций. Все управление в таких случаях построено на неограниченной и сакральной власти лидера («восточная деспотия») и редиистрибуции в пользу правящих верхов централизованно установленной ренты-налога. В качестве главной государственной ячейки выступала семья, а взаимодействие государства и общества осуществлялось в рамках социальных корпораций — общи-

на, клан, каста. Всесильное государство, не терпящее конкурентов казны и нарушений общественной стабильности, сдерживало развитие частной собственности.

По сравнению с европейскими реалиями история обществ, основанных на азиатском способе производства, не имеет четко выраженной линейной проекции общественного прогресса, содержит свои особые эпохи и свои особые формационные ступени. Из специфичности развития восточных обществ рядом ученых был сделан вывод, что закономерная смена рабовладения феодализмом, а последнего капитализмом характерна лишь для западноевропейской линии эволюции, что развитие человечества не однолинейно, а многолинейно⁶. Ссылаясь на безуспешность попыток обнаружить в развитии стран Востока в период от VIII в. до н.э. до середины XIX в. н.э. античную, феодальную и капиталистическую стадии, некоторые ученые сходились на концепции единой докапиталистической формации. Ю.М. Кобищанов считал феодализм и капитализм «единственными известными в истории классовыми формациями»⁷. По мнению В.П. Илюшечкина, между доклассовой и постклассовой эпохами общественного развития существует относительно непродолжительная по историческим меркам промежуточная стадия, в которой различаются две фазы — сословно-классовая и капиталистическая⁸.

Современные сторонники формационной периодизации исторического процесса отдают предпочтение не формализованной «пятичленке», а марксистской трехчленной схеме. Переход от одной фазы к другой, от зрелой формы одной общественной формации к зрелой форме другой общественной формации не является унифицированным и однолинейным, а может быть многовариантным и импульсным. Этой трехчленной схемы придерживаются и ученые немарксистского направления, вводя иногда иные названия эпох. Сторонники структурного подхода рассматривают историю как последовательную смену аграрной, индустриальной и постиндустриальной стадий. Тоффлер говорит о трех волнах цивилизации (первая, вторая и третья)⁹. Если брать за основу современную капиталистическую стадию, то ей предшествовала докапиталистическая эпоха, а за ней последует посткапиталистическая.

Современные критики формационной теории, не всегда проявляя корректное отношение к своим оппонентам, указывают на следующие ее недостатки.

Использование чрезмерно абстрактных понятий, оторванных от конкретных условий. В результате формации оказались умозрительны-

ми конструкциями, допускающими широкий спектр отклонений от норматива. Многие исторические явления просто-напросто не вписываются в парадигму формационной линейности, включая упомянутый в свое время Марксом «азиатский способ производства». Универсальной чертой всех докапиталистических обществ является многоукладность или разноукладность, наличие двух или более общественных форм в рамках одного общества, что символизирует гибридность общества. Гетерогенность социальных систем в древности и в средние века настолько велика, что подведение всех известных нам древних обществ под однозначное определение рабовладельческого общества либо отнесение всех средневековых обществ к феодальному типу сопряжено с подтасовкой исторических фактов и явными теоретическими натяжками.

Терминология, выработанная для обозначения структурных элементов общественной системы и характера революций, также нуждается в уточнении с учетом бинарности происходящих процессов. На Западе смена феодальной формации на капиталистическую происходила через серию буржуазных революций. Слабость буржуазии в восточных странах, обычное сочетание в одном лице крупного землевладельца, торговца и владельца промышленного предприятия при отторжении чисто капиталистических отношений ставят под сомнение возможность переноса понятия «буржуазная революция» на массовые движения в развивающихся странах. Отнесение крестьянства к классу «мелкой буржуазии» остается дискуссионной проблемой.

Неправомерное проведение периодизации по единому трафарету стадий материального производства. Сводя дело к определяющей роли материальных условий жизни общества, формационный редукционизм ведет к недооценке человеческого начала и его активной роли в истории. По техническому уровню азиатский и античный способы производства мало чем отличаются, в расхождении этих путей развития «повинны», скорее, надстроечные, нежели базисные факторы.

Схематизм самого деления общественного устройства на производительные силы и производственные отношения, базис и надстройку. Придание решающей роли развитию производительных сил и производственных отношений сделало исторический процесс жестко детерминированным. Исходя из строгой последовательности «формаций» или «стадий», всякое ее нарушение выглядит неоправданным исключением из общего правила. Принцип «восходящего» развития делает весьма затруднительным объяснение циклических движений,

застойных состояний, отступлений вспять и тому подобных зигзагов общественной жизни.

Перенесение метода анализа, разработанного на материале европейской цивилизации на действительность неевропейских стран унифицирует исторический процесс. Следствием является недостаточный учет того, что в мировой истории имеет место чередование не только стадий всемирного развития, но и особых стадий развития Востока и Запада, а также конкретных компонентов исторического развития — социоисторических организмов (то, что Ю.И. Семенов называет «межсоциарными» связями)¹⁰.

Мистификация вопроса о будущем глобального общественного прогресса, который решается исключительно под углом зрения классовых отношений и противоречий между частными и общественными интересами. Именно от марксизма, определявшего общественно-экономические формации как исторически сложившиеся способы добывания материальных благ (способы производства), идут представления о социалистичности полного обобществлении средств производства, уничтожении частной собственности и классов, утверждения плановой организации труда.

У. Ростоу, отрицавший марксистскую идею последовательности формаций, противопоставлял ей свою схему «исторических стадий». Первоначально Ростоу выделял три стадии роста, затем он увеличил их число до пяти, а еще позже — до шести: 1) традиционное общество; 2) переходный период создания предпосылок для «взлета»; 3) сам «взлет»; 4) движение к «зрелости»; 5) общество высокого материального благосостояния; 6) стадия «поиска качества жизни» с выдвиганием на первый план духовных ценностей¹¹. Критерием выделения стадий служили преимущественно технико-экономические характеристики: темпы роста, структура хозяйства и потребления, доля производственного накопления в национальном доходе.

В настоящее время российские политологи все чаще апеллируют к понятию «постэкономического общества», теоретической разработкой которого активно занимается В.Л. Иноземцев. По его словам, «рождающаяся социальная система противостоит не только индустриальному строю, но и всем историческим эпохам, которые были основаны на самостоятельном существовании частного материального интереса. Такой подход восходит как к идее К. Маркса о существовании трех общественных формаций, центральная из которых именуется им экономической, так и к его трактовке будущего общества — скорее общества свободной индивидуальности, чем невиданного развития услуг и информатики»¹².

Цивилизационный подход акцентирует своеобразие и общие закономерности развития цивилизаций как суперэтнических образований, возникших в определенном вмещающем ландшафте. Сам термин «цивилизация» вошел в научный оборот еще в 20-е годы XIX в. и в XX в. стал господствующим в западной науке об обществе. Его популярность возросла под впечатлением от трудов А. Дж. Тойнби, посвятившего истории цивилизаций 12 томов своей исторической эпопеи «Постижение истории». Понимая под цивилизацией «наименьший блок исторического материала», он предлагал «рассматривать историю в понятиях цивилизации, а не в понятиях государства, а государство считать неким подчиненным и эфемерным политическим феноменом в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают»¹³. В понятие цивилизации как «закрытой» системы изначально закладывалась конфронтация по линии Природа—Общество—Человек. Человек познает закономерности развития природы и в соответствии с этим подчиняет ее своим нуждам и потребностям, т. е. покоряет ее.

В настоящее время главенствует представление о двух типах цивилизаций — «техногенной» и «традиционной». Техногенная (инновационная) цивилизация настроена на развитие, на поиски инноваций и переход от изначального состояния к более высокому («прогресс»). Традиционная цивилизация подвержена саморегуляции без четкого целеполагания. Этим двум типам цивилизаций свойственно разное отношение к природе: либо как к материально-ресурсному пространству, «предмету» человеческой деятельности, не создающему для него никаких ограничений. Либо — как к вместилищу ограниченных ресурсов, обеспечивающему человека необходимым в пределах разумного и дозволенного. Они различаются также отношением к идеалу человеческой личности: в первом случае — свободная индивидуальность, добровольно включенная в ту или иную социальную общность при условии соблюдения ее норм, во втором случае — воплощение коллективности, когда личность обязана соблюдать интеграционные интересы иерархически структурированных человеческих сообществ (семья, клан, государство).

Обычно «техногенный» тип цивилизации ассоциируется с Западом, а «традиционный» тип — с Востоком. Восточный и западный путь развития — это обобщения более высокого порядка, нежели те, что связаны с цивилизационным или формационным подходами к периодизации исторического процесса. Запад преподносится как носитель рационального технократического начала, а Восток — мораль-

но-этических ценностей, духа, идеи. В работах конъюнктурно-политологического характера Запад зачастую выдается за синоним прогресса и свободы, а Восток — отсталости и тоталитаризма. Почти шаблоном стало противопоставление азиатских «имперских» предпочтений европейскому государству-нации как более совершенной форме политического устройства. Такого рода научные экскурсы грешат примитивизмом, но подчеркивают важные различия исторического и культурного плана между этими двумя условными «полушариями» земли, в частности, широкое проникновение рынка в жизнь западного общества и сильное государственное начало, характерное для цивилизации Востока.

Дуализм «традиционной» и «техногенной» цивилизаций получил продолжение в историческом противопоставлении «традиционного» («аграрного») общества «рациональному». Для первого характерно доминирование земледелия и животноводства, натуральное хозяйство, существование сословий, авторитарный способ правления. Для второго — господство промышленного производства, рынок, равенство граждан перед законом и демократия¹⁴. Этот подход был продолжен теоретиками «постиндустриального общества», которое еще называют супериндустриальным, сверхиндустриальным, технотронным, сервисным, информационным, программируемым. В основе этого видения — подразделение экономики на три сектора: первичный (сельское хозяйство), вторичный (обрабатывающая промышленность), третичный (сфера услуг). В постиндустриальном обществе на первый план выходит сфера услуг, среди которой ведущее место занимают транспортное обслуживание, финансовые услуги, обработка и предоставление разного рода информации, фундаментальная и прикладная наука.

В целом формационный и цивилизационный подходы объединяет рассмотрение исторического процесса с точки зрения «закрытых систем» и «линейного времени», они обращены к отдельным цивилизациям и государствам, которые ограничены известными пространственными и временными рамками. В ход истории закладываются жесткий детерминизм, связь причины и следствия, развитие по экспоненте в рамках начала и конца, что всегда привлекало возможностью реконструкции прошлого и прогнозирования будущего. Однако линейно-стадиальный подход оказался неподходящим для объяснений феноменов восточных обществ. Ю.И. Семенов писал: «Оказалось, что общества Востока в античное время не были античными в привычном понимании этого слова, т. е. рабовладельческими, и что эти

же общества в средневековую эпоху не были средневековыми в привычном смысле этого термина, т. е. феодальными. И переход к новому времени на Востоке вовсе не означал зарождение там капитализма. Все в большей степени становилось ясным, что нигде на Востоке капитализм не возник в результате самостоятельного развития тамошних обществ. Он был туда привнесен извне — из Западной Европы. Унитарно-стадиальная концепция в ее линейно-стадиальном варианте стала разваливаться на глазах»¹⁵.

1.2. Институциональный и синергетический подходы к «философии истории»

Новую пищу для историко-социологических размышлений дает приобретающая все большую популярность теория институциональных матриц. «Институты» понимаются как действующие в обществе ограничения: формальные [разработанные людьми законы, конституции («правила игры»)] и неформальные (договоры и принятые кодексы поведения). Существование двух базовых матриц с использованием знаков «X» и «Y» детально обосновано в трудах С.Г. Кирдиной, продолжившей исследования, начатые в Новосибирском отделении АН СССР под руководством О. Бессоновой.

Понимая под «матрицей» культурно-исторический генотип, иначе говоря, суперцивилизационный код общественного развития, авторы матричной теории делают основной упор на различиях «раздаточных», или редистрибутивных (X-матрица) и рыночных (Y-матрица) отношений. Для «X-матрицы» свойственны институты «условной верховной собственности» с преобладанием вертикальных связей, направленных к Центру (преимущественно административно-принудительного характера). К числу главных характеристик «Y-матрицы» относятся институты частной собственности, обмена (купли-продажи), наемного труда, конкуренции, эффективности, т. е. получения прибыли за счет использования конкурентных преимуществ на рынке. В каждой из двух основных моделей государственное и рыночное начала существуют либо в доминантном, либо в комплементарном (дополнительном) виде. В конкретных моделях меняется не только доминирование, но и степень доминирования того или другого начала¹⁶. Согласно этой логике, реальная экономика всех стран развивалась и развивается в конкуренции и комбинации рыночных и редистрибутивных элементов (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение институтов X-матрицы и Y-матрицы

Редистрибутивная матрица	Рыночная матрица
Политические институты	
Авторитарный (тоталитарный) характер власти. Унитарное государственное устройство (государство-империя). Сильная вертикаль власти (административная иерархия). Однопартийная система	Демократический режим (выборная демократия). Федеративное государственное устройство (государство-нация). Дополнение властной вертикали горизонтальными общественными связями. Многopартийная система (несколько крупных партий)
Экономические институты	
Редистрибуция (аккумуляция ресурсов и централизованное распределение). Условная верховная собственность. Валовый доход, экстенсивный рост. Административные рычаги хозяйственного управления. Полная занятость и «служебный труд», система государственного найма на работу в городском секторе. Оплата по труду, уравнительное распределение. Автаркические тенденции	Обмен, движение благ и услуг между производителями и потребителями. Частная и корпоративная собственность. Прибыль, интенсивный рост. Экономические рычаги хозяйственного управления. Неполная занятость, контрактный трудовой найм. Оплата по факторам производства, имущественная дифференциация. «Открытая» экономика, глобализация
Культура и идеология	
Коллективистские ценности. Единая государственная идеология. Преобладание православия, буддизма и конфуцианства	Индивидуалистические ценности. Программы конкурирующих партий. Преобладание протестантизма и католичества

Этот «матричный» подход во многом перекликается с принятым в исторической науке различием двух путей общественного развития — западного и восточного (вернее, не-западного) со своими собственными наборами цивилизационных ценностей. На исходе архаичной формации, явившейся предшественницей «матричной дуальности», произошло «деление протогосударственной клетки» на две самостоятельные системы по двум типам государств. Восточные страны с тех пор развивались исторически по институциональным законам «X-матрицы» по формуле власть-собственность. Для западной ры-

ночной экономики основополагающим явился принцип разделения собственности и власти. В самом обобщенном виде в западной цивилизации две главные ценности: отдельная Личность (ценность-объект) и ценность-вектор — Развитие. Для цивилизаций Востока главные ценности — Государство (объект) и Стабильность (вектор)¹⁷. Отсюда разнохарактерность эволюционного движения и различное отношение ко времени.

Известный историк-экономист и антрополог Карл Полаanyi рассматривал обмен и редистрибуцию как основу классификации всего множества национальных хозяйств. Особенно интересно его замечание относительно того, что рыночные и редистрибутивные экономики не имеют характера стадийности, а сосуществуют во времени и пространстве¹⁸. Из этого следует вывод о равноценности двух путей исторического развития и их долговременном сосуществовании. При этом нет исторически предрешенного перехода от одной модели к другой (т. е. от редистрибутивной экономики к рыночной или наоборот). Однако на определенных исторических этапах притягательность авторитета этих двух систем может быть неодинаковой. До последнего времени чаша весов склонялась в пользу рыночной модели, которая в силу достигнутого высокого экономического уровня и умелой пропаганды претендовала на общезначимость. Из рассуждений Полаanyi не вытекает невозможность самого перехода на другой тип развития. Такой переход теоретически возможен, но сопряжен с полным отказом от прежней системной идентичности. «Перейти» в западный блок страна, осуществляющая «догоняющий» путь развития, может только на положении колонии или политически зависимого партнера страны-лидера. Следуя аргументации теории институциональных матриц, «смена колеи» невозможна без утраты национальной идентичности. Попытка навязывания чуждых ценностей может привести к «негативной конвергенции» разрушительного характера. Принципиальная несовместимость разных систем может обнаруживаться в том, что продуктивно функционирующие институты, ценности, отношения в рамках одной системы, попадая или «пытаясь встроиться» в другую, противоположную систему, дают обратный эффект, когда их конструктивная роль превращается в деструктивную, функциональное становится дисфункциональным.

На примере Римской империи Полаanyi пытался показать, как социальные действия, направленные на изменение природы экономической системы, приводят к уничтожению социума в целом либо потере государственного суверенитета¹⁹.

Сосуществование двух главных регуляторов всей человеческой деятельности — экономический (рынок) и административный (государство) — дополняется двумя видами принуждения к труду (экономическое и прямое) и двумя формами власти (политическая, олицетворяемая государственным аппаратом, и экономическая в лице владельцев собственности). Наперекор часто встречающемуся противопоставлению «рынка», с одной стороны, «плану», «государству», «иерархической структуре», с другой, «рынок» и «государство» в реальной жизни находятся в состоянии сосуществования. Планирование рынку не противопоставлено, можно сказать, что «рынки и иерархии играют взаимодополняющие роли в осуществлении экономической координации»²⁰. Провалы рынка может скорректировать только государство, а государство в своей деятельности не может не опираться на механизм самоорганизации общества в виде рыночных связей.

Поскольку сами по себе «рынок» и «государство» не являются антонимичными понятиями, оба регулятора присутствуют в обеих матрицах, и реальное развитие стран в рамках двух путей происходит в конкуренции и комбинации директивно-распределительных и рыночных отношений с тем допуском, что в каждой матрице доминирует либо государственное, либо рыночное начало, причем сочетание этих двух начал может быть более близким или менее близким к некоему оптимуму, нарушение которого чревато возникновением кризиса. Одной из причин начала экономических реформ и в России, и в Китае являлась неэффективная институциональная структура экономики, что выражалось в тотальном доминировании институтов X-экономики. Состояние кризиса навязывает расширение комплементарных признаков системы (в рыночной матрице — нерыночных начал, в редистрибутивной экономике — рыночных).

В то же время расширение участия комплементарных начал не может выходить за пределы «дозволенного». Если же доминантные и комплементарные признаки по значимости меняются своими местами, то происходит слом прежней системы и переход на другой путь развития. В странах «X-матрицы» главный вопрос проведения рыночных реформ — пределы маркетизации. Сопутствующая процессу рыночной трансформации вестернизация создает угрозу имеющейся социально-культурной идентичности.

Институциональный подход, отводящий важную роль в развитии экономики взаимодействию между институтами и организациями, имеет много общего с синергетическим. Классическая наука ограни-

чивала глобальный эволюционный процесс появлением человека, который противопоставлялся Природе как «географическому фактору», влияющему, но не определяющему жизнь общества. В современной синергетической трактовке «открытой системы» природа и общество представляют собой единое целое, и в исследовании исторического процесса акцент должен делаться на уяснение взаимосвязи, взаимозависимости природных и социально-экономических процессов. Это требует объединения методологии естественных, технических и гуманитарных наук. Констатация человеческой субъективности как «осваивающей природу» человеческой деятельности, воплощающей в себе единство материального и идеального начал, исключает использование в качестве критерия общественно-исторического прогресса понимаемый сугубо механистически уровень развития производительных сил, от которого напрямую зависят «производственные отношения». На первый план выдвигаются достигнутые в результате всего предшествующего исторического процесса «качество» человека, прежде всего его познавательная способность, и «качество» общества, объем и качество удовлетворения потребностей человека. Примат производительных сил в историческом развитии расшифровывается как сочетание природных, технологических и личностных факторов производства, установление такого взаимодействия природы и человека, которое было бы на пользу и одной, и другой стороне.

С позиций синергетики общественно-историческое развитие происходит через случайность, флуктуации, бифуркации и т. д. Термин бифуркация, как перепад поступательного движения и как нарушение непрерывности, широко использовался разработчиком синергетического подхода в науке о биосфере и человеке академиком Н.Н. Моисеевым. Согласно концепции Моисеева, эволюция происходит по четко очерченным каналам, пока не доходит до некоей критической точки (бифуркации), где нарушаются русла этих каналов, поведение системы становится неустойчивым и возникает возможность коллективного и индивидуального воздействия на систему (флуктуации), предопределяющего вариант дальнейшего развития («поле путей развития»). Признание «свободы выбора» в точке бифуркации означает ниспровержение одного из самых опасных мифов спекулятивной науки по имени «Иного не дано».

В середине прошлого века Арнольд Тойнби, анализируя исторические судьбы различных цивилизаций, обращал внимание на точки бифуркации, где принятые решения на несколько веков определяли ход развития огромных государств. Ему принадлежит и термин «аль-

тернативная история» для нетрадиционного анализа, имеющего дело не с одной реализовавшейся траекторией эволюции цивилизации, государства или этноса, но и с упущенными возможностями. Выбор одного из возможных вариантов вовсе не означает полного игнорирования «утраченных альтернатив», которые остаются в виде оппозиции произведенному выбору и в виде потенциальной возможности пересмотра принятого решения или появления принципиально иного инновационного подхода. Многовариантность исторического развития принимает разные виды: либо параллельное развитие разных социальных систем в одном пространстве, либо разновременное развитие локализованных социальных систем, либо унификация социального развития и победа в данный момент времени одного из потенциально возможных путей.

Особое внимание Моисеев уделял фактору случайности:

«Среди опасностей, которые подстерегают общество, особое место занимают бифуркационные состояния, поскольку выход из них непредсказуем и не может контролироваться Разумом. В этих состояниях значительно большее влияние на дальнейшее развитие оказывают случайности, а не предыстория. Шутка биологов о том, что первая птица, к удивлению Бога, вылетела из яйца динозавра, имеет глубокий смысл. Особое место в истории общества имеют те бифуркации, которые мы именуем революциями. И разворот событий здесь всегда непредсказуем!» (*Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. Языки русской культуры. М., 2000. С. 135)²¹.

Одним из важнейших принципов синергетики является принцип комплементарности (дополнительности), сформулированный Н. Бором, согласно которому противоположности сосуществуют, будучи взаимозависимы друг от друга. В первую очередь это относится к основополагающей противоположности духовного и материального, получившего философское преломление в борьбе идеализма и материализма. В основе мироздания, начиная с исходного уровня, материальное начало неотделимо от идеального, находится с ним в неразрывном единстве.

Отход от принципа однолинейности временного процесса исключает прежние представления о едином временном массиве (с течением времени исторический процесс как бы ускоряется и уплотняется) и о строгой последовательности перехода от одного этапа к другому. Отсюда иное толкование самого прогресса, поступательности общественного движения, цикличности общественного развития. Нели-

нейность времени предполагает и возможность «возврата» (иногда частичного) к точке перелома (ветвления). Осознание нелинейности развития подводит к необходимости соединения цивилизационного и формационного подходов. Первый подход оказывается главенствующим на стадии, предшествующей масштабной глобализации. При периодизации исторического процесса по правилам синергетики исходная позиция — выделение «точек бифуркации», главных этапов «перелома». Протяженность этих «пограничных зон» может составлять не одно столетие, эти переходные эпохи заполнены сложными проблемами общественного выбора, совершаемого и спонтанным, и сознательным, и революционным, и реформистским путем. Вынужденное вступление в эту «турбулентную зону» непредсказуемо по своим последствиям. «Поле выбора» прорисовано объективными условиями, однако предпочтение того или иного варианта развития — чисто субъективное действо. К тому же осуществление задуманного не менее проблематично.

В синергетике глобальный исторический процесс рассматривается как «разнотемповое развитие» Запада и Востока. «Восток, — пишет В.В. Крапивин. — это иное время. И не в том дело, что ведется оно не от рождества Христова. Оно другое по сути, иначе выстраивается, не линия, не спираль, ввинченная в заоблачную высь, а что-то шарообразное, когда прошлое от будущего не отличить, то, что было вчера, забегает вперед, а присмотревшись, с изумлением понимаешь, что бег этот сродни неподвижности»²².

Переключка институционального и синергетического подходов проявляется в отношении оценки формационной методологии. Вместо жесткой схемы формаций предпочтение отдается выделению различных «способов производства», набор которых зависит не только от объективных факторов, но и фигуры самого исследователя, а чередование допускает «пропуски» и «забегания». Любая стадия исторического развития характеризуется многоукладностью и специфическим сочетанием укладов разной степени зрелости. Важнейшей закономерностью истории является процесс социальной гибридации, который состоит в сознательном, стихийном или полустихийном взаимном обмене опытом.

Ученые-востоковеды пришли к выводу, что в условиях жестких политических режимов вообще не могут существовать общественные формации в их устоявшемся понимании и поэтому требуется вводить дополнительные термины. «Азиатский способ производства» в ракурсе синергетики можно рассматривать как господство «государствен-

ного уклада» и его превращение в стойкую структуру, способную к саморегулированию в меняющихся обстоятельствах. Главенство этого уклада вовсе не означает невозможности стадийного рассмотрения динамики восточного общества, в развитии которого прослеживаются свои «формации», схожие в чем-то с европейскими. И наоборот, такого рода господствующий «государственный уклад» может существовать не только в восточных обществах, что показывает история социализма XX в.

Исторические эпохи, расположенные между двумя точками бифуркации, отличается определенная стабильность общественного развития, происходящего со значительной долей инерции. Каждой их присущи:

- свое соотношение по линии Природа—Человек и своя структура производства с преобладанием одной из трех основных производственных сфер: первичная (сельское хозяйство), вторичная (промышленность) и третичная (сфера услуг, включая информатику);
- свой набор «способов производства», или производственных укладов как определенных форм собственности и методов принуждения к труду;
- свое сочетание «частного» и «государственного» начал в системах собственности и управления;
- свое соотношение «рыночных» (экономических) и «административных» (неэкономических) методов управления.

Что касается использования методологии способов производства, то здесь просматриваются две точки зрения. Одна — подход с позиции единой «первичной» формации, предполагающей господство натурального производства и насилия как способа аллокации ресурсов (войны, иерархическое перераспределение), внеэкономического принуждения (рабство, азиатский деспотизм, крепостничество). Другая — выделение различных способов производства (патриархального, рабовладельческого и феодального), накладываемых на цивилизационный массив (обобщенно Восток—Запад или по отдельным формациям). Тогда можно говорить о «восточном рабовладении», «восточном феодализме».

Аналогичным образом из существования двух институциональных матриц²³ как разных культурно-исторических генотипов с соответствующими суперцивилизационными кодами общественного развития логически вытекает тезис о дуализме такого важного теоретического понятия, как «формация». Признающая универсальность

основных типов технологических укладов и производственных отношений классическая формационная теория более соответствует реалиям Y-матрицы, в то время как в X-матрице господствует смешанная экономика и границы формаций выглядят размытыми. В отличие от незападных стран для развития западной цивилизации характерно поступательное развитие при неуклонном повышении уровня развития производительных сил как главной черте сменяющих друг друга стадий развития.

Попытки вычленить в странах X-матрицы формации западного типа либо безрезультатны, либо требуют серьезных понятийных уточнений в стиле формационного дуализма. Это значит, что устоявшиеся термины «рабовладение» и «феодализм» не однозначны и существенно зависят от того, на какую матрицу они «накладываются». Точно так же политологические понятия «власть», «государство», «классы» и др. при перенесении из одной системы ценностей в другую требуют дешифровки.

Более сложным представляется с позиций синергетики и противопоставление «традиционного» и «современного». Любое докапиталистическое общество, которое вышло из стадии первобытного строя, отличается переплетением традиционных и архаических укладов с вновь складывающимися отношениями, является фактически не моно, а многоукладным, основанным на той или иной форме внеэкономического принуждения в сочетании с определенными элементами товарного хозяйства.

Выбор между «традицией» и «модернизацией» тоже не должен производиться по методу «или-или». Вопрос не в том, нужна ли модернизация как таковая, а в том, какая модернизация предпочтительнее. Навязывание глобалистских представлений о безальтернативности стандартов более развитых стран, с одной стороны, и закрепляющееся деление мира на «богатых» и «бедных», с другой, обостряют проблему выбора между двумя основными моделями социально-экономического развития: «имитационная» модернизация как достаточно последовательное подражание более развитым странам (экзогенный тип модернизации, близкий к «вестернизации») и «модернизация с национальной спецификой», ориентированная на внутренние движущие силы развития, «осовременивание» с учетом собственной способности к саморазвитию (эндогенный тип). Эти две концепции по-разному решают проблему соотношения «современности» и «традиций». Если первый тип модернизации строится на максимально полном отторжении существующих традиций, то второй тип исходит

из необходимости органического развития страны при вмонтировании некоторых традиционных основ. В этом случае модернизируемая страна, не игнорируя импульсы от более развитых стран, продолжает следовать по собственному пути со своими темпами, подходами и своими ответами на вызовы эпохи.

Сбалансирование составных частей триады «Природа—Общество—Человек» позволяет сформулировать несколько основных правил разработки общей стратегии развития.

Правило первое. Чтобы сохранить себя и обеспечить всем людям средства существования, необходимо бережное отношение к природе, соблюдение природного баланса. «Устойчивое развитие» с точки зрения синергетики следует понимать как стремление к синтезу экономики и экологии (в полном виде никогда не достижимому), как развитие общества, «согласованное с состоянием Природы и ее законами» (слова Н.Н. Моисеева). Особая миссия должна возлагаться на развитые страны, в первую очередь ответственные за загрязнение окружающей среды. Природа — это вовсе не неисчерпаемый кладерь, из которого можно брать всегда сколько угодно, ее поддержание само требует инвестиций.

Правило второе. Поскольку есть только два регулятора общественной жизни и экономической деятельности — рынок и государство, от них нельзя отказаться. Любая общественная система (в том числе и посткапиталистическое общество) останется самоорганизующейся и иерархически построенной. Любая стратегия должна базироваться на том или ином сочетании рыночных механизмов и административного управления. Однако отношения между этими двумя регуляторами все более усложняются, и в ходе этого взаимодействия происходит модификация и рынка, и государства. Рынок не выступает более средством решения всех проблем, экономический рост происходит при подключении факторов макрорегулирования, признававшихся ранее внеэкономическими. Современное государство, включаясь в процесс глобализации, теряет диктат над своими гражданами, испытывает влияние транснациональных корпораций и надгосударственных образований.

Правило третье. Процесс экономического обобществления и развитие социума не позволяют отделять друг от друга и, тем более, противопоставлять «общее» и «частное». Экономический прогресс связан с социальным прогрессом, и любая стратегия должна включать социальную составляющую. Социализация общественных отношений означает сближение общественных систем. Поиски будущего общест-

венного устройства идут в направлении сочетания экономической эффективности и социальной справедливости, переплетения элементов двух систем — капитализма и социализма.

Правило четвертое. Цель общественного развития — человек как творческая личность, которая должна быть обеспечена условиями существования и возможностями раскрытия своих способностей. Человеческий ресурс выступает как основа жизнеспособности любой организации, а инвестиции в человека — в качестве важнейшего фактора экономического роста. Однако личность должна строить свою деятельность и свои взаимоотношения с другими людьми, осознавая предельные возможности природы и специфику общественного развития, неся ответственность и перед природой, и перед обществом. «Человек должен измениться как отдельная личность и как частица человеческого сообщества — либо ему суждено исчезнуть с лица земли»²⁴.

1.3. Стадии развития капитализма

Почти целое столетие, начиная со второй половины XIX в., политэкономическая наука развивалась в тенетах альтернативы «капитализм-социализм», а сами эти термины прочно вошли в лексикон пропаганды *pro et contra*. Марксисты, выдвигая в качестве универсального критерия разграничения эпох повышение уровня производительных сил, считали подлинным общественным прогрессом неизбежную смену капитализма социализмом. Настаивающие на том, чтобы «ревизовать политический словарь», «не вливать молодое вино в старые меха»²⁵, предлагают избавиться от устаревших идеологем, сдав их в архив истории вместе с самим формационным методом исторического анализа. Действительно, термины «капитализм» и «социализм», изрядно затасканные в период «холодной войны», прошли такую сложную эволюцию, настолько утратили свое первоначальное значение, свой философский смысл «борьбы противоположностей», что использование их невольно вызывает отторжение. Но учитывая консерватизм языка, наложения «табу» на эти понятия малопродуктивно, разумнее искать консенсус в их употреблении, вносить необходимые разъяснения. Вместо решения дилеммы «рыночное или плановое хозяйство, капитализм или социализм?», лучше задаться вопросом «Какой капитализм?» и «Какой социализм?».

Термин «капитализм» возник в контексте идейных дискуссий середины XIX в. о путях дальнейшего общественного развития. Впервые он появился в социалистической литературе начала 50-х годов — у Луи Блана (1850 г.), Карла Родбертуса (1854 г.) и получил широкое распространение с начала XX в., особенно благодаря трудам Вернера Зомбарта и Макса Вебера. Показательно, что сам Маркс предпочитал говорить о капитале, капиталистическом способе производства обычно без присоединения суффикса «изм»

Максу Веберу принадлежит следующее определение капитализма. «Капиталистическим, — писал Вебер — мы будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством обмена, то есть мирного (формально) приобретательства»²⁶. Это емкое определение грешит полным отождествлением рыночных и капиталистических отношений. Если называть капитализмом любую деятельность, приносящую доход или связанную с товарным обменом, то понятие это становится безбрежным и утрачивает какую-то историческую определенность. Сам Вебер, будучи исключительно последовательным в своих изысканиях, придерживался именно такого расширительного толкования капитализма. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» он отмечал, что «капитализм существовал в Китае, Индии, в Вавилоне, в древности и в средние века».

Как способ производства, сущностью которого является самовозрастание стоимости, т. е. накопление капитала в результате эксплуатации наемного труда, капитализм включает в себя следующие признаки:

- господство частной собственности на средства производства и особого класса собственников (буржуазии);
- отчуждение основных производителей от средств производства и всеобщее распространение наемного труда;
- наличие прибавочной стоимости как неоплаченного труда наемных работников, поступающей в распоряжение класса буржуазии;
- всеобщее распространение рыночных отношений, превращение в товар и произведенных продуктов, и факторов производства (включая рабочую силу).

Отталкиваясь от этих критериев, капитализм можно расшифровать как способ производства, который характеризуется полным отделением непосредственного производителя от средств производства, господством наемного труда, высоким уровнем развития производительных сил при установке на максимизацию прибавочной стоимо-

сти, рыночным механизмом регулирования пропорций общественного производства при наличии поляризированной классовой структуры. На всем трехвековом временном отрезке жизни капитализма его суть оставалась неизменной, а именно — производство ради прибыли и ее капитализации, частная собственность, наемный труд, всеохватывающая конкуренция. Это, тем не менее, не исключает серьезной трансформации капиталистического строя на различных этапах.

Институциональная теория рассматривает капитализм и социализм как два разных матричных генотипа. Развитие по западному сценарию при все большем распространении рыночных отношений и привлечении колониационных форм эксплуатации других стран привело, в конце концов, к возникновению в Европе капитализма, который можно рассматривать как высшую стадию в пределах рыночной матрицы. На Востоке капитализм как экономический уклад действительно существовал испокон веков²⁷, но в условиях редиISTRIBUTИВНОЙ экономики естественным путем не мог перерасти в самостоятельную формацию. Мощный стимул он получил только с приходом колонизаторов, но насильственная капиталистическая «перестройка» оказалась половинчатой и угрожающей самому существованию автономной цивилизации.

Современная историческая наука выделяет три фазы исторического продвижения капитализма: торгово-финансовую (XV—XVIII вв.), индустриальную (XVIII—XX вв.) и современную «геоэкономическую»²⁸. Эти фазы совпадают с «эшелонами развития капитализма» А. Гершенкрона²⁹. Классическим капитализмом можно считать экономический строй, сложившийся в ведущих странах Западной Европы к середине XIX в. На втором этапе сформировалось общество либерального капитализма с подчинением труда рынку и приоритетом индивидуальных целей над ценностями общественного бытия. Переломным этапом в развитии капитализма, положившим начало третьему этапу, можно считать первые три десятилетия XX в. По классификации типов капитализма, предложенной видным экономистом «фрайбургской» школы Вальтером Ойкенем, это третий тип капитализма после свободной конкуренции и образования концернов, трестов и картелей с установлением власти предпринимателей над потребителями.

Распространение массового производства при сдерживании оплаты труда и недостаточной поглотительной емкости внутренних и колониальных рынков привело к катастрофическому отставанию платежеспособного спроса и обернулось возникновением кризиса пере-

производства, который приобрел общесистемный характер. Возникла ситуация, когда крайнее обострение внутренних противоречий не позволяло поддерживать сбалансированное развитие экономики в рамках существовавших институтов и требовало их кардинальных изменений. Капиталистическая система была поставлена перед выбором: либо саморазрушение, либо видоизменение и расчистка территории для свободы действия новых закономерностей развития.

Кризис капитализма, который прогнозировал Маркс, допустив серьезную ошибку в определении его сроков, разрешился разными способами: во-первых, через сужение прежнего ареала системы капитализма (социалистический путь развития как альтернатива капиталистической системы); во-вторых, путем милитаризации экономики и введения принудительных форм труда (появление фашистских режимов); в-третьих, с помощью модернизация капиталистической системы и переключения акцента с экономии производственных издержек на расширение конечного спроса, что ознаменовало конец эпохи промышленного капитализма. Из трех вышеперечисленных вариантов выхода из кризиса второй оказался кратковременным явлением и полностью дискредитированным в результате зверств фашизма и его поражения во Второй мировой войне. Территориальные рамки социалистического строя до середины XX в. продолжали расширяться (образование ряда новых социалистических стран Европы и Азии), а к концу века (после распада СССР) сузились.

Современная модификация капитализма ведет свое начало с 30-х годов XX в. Суть «нового курса» Рузвельта, теоретическое осмысление которого дал Кейнс в своем известном труде «К общей теории занятости, процента и денег», состояла, во-первых, в изменении отношения к социальной сфере и к фактору потребления как таковому. Расширение сферы занятости и повышение оплаты труда стимулировало спрос и вслед за тем рост отраслей потребительского комплекса и позволило достичь выравнивания агрегированного спроса и предложения. Второй важный элемент реформирования капитализма — это установка на финансовую стабилизацию путем регулирования процентной ставки и налогов и повышения тем самым ожидаемой прибыльности капиталовложений и производительного капитала. Наконец, третий момент — осознание того, что рыночная экономика ограничена в своих возможностях самокоррекции, а предотвращение кризисов и безработицы требует вмешательства государства в макроэкономические процессы. Принцип фритредерства был заменен лозунгом государственного регулирования.

Проведенные реформы существенно изменили характер капиталистического общества, обеспечив его выживание и определенный иммунитет по отношению к циклическим колебаниям. Структурные изменения, выразившиеся в опережающем росте инфраструктурных отраслей, сферы обслуживания и финансовой сферы, совместились с кардинальными институциональными реформами, «чистая» частная собственность стала все больше вытесняться разными формами совместной собственности (акционерная, кооперативная, групповая, муниципальная и т. д.). В то же время, несмотря на существенные отличия в имущественном положении масс, социальной стратификации и др., существо капитализма осталось прежним — частная собственность, наемный труд, рыночное хозяйство, жесткая конкуренция, разный доступ элиты и масс к благам цивилизации и рычагам общественного управления. Капитализм не избавился от своих сущностных противоречий (между общественным характером производства и частной формой присвоения; между экономической эффективностью и социальной справедливостью; между человеком и природой; между материальными и духовными потребностями человека), оказался неспособным избавить человечество от военных конфликтов.

Научно-техническая революция потребовала другого качества рабочей силы и даже вовлечения рабочего в управленческий процесс, что сопровождалось созданием механизма выравнивания доходов и социальной защиты трудящихся. Известный востоковед Г.К. Широков писал: «Таким образом, основные закономерности капиталистического способа производства — товарное производство, рынки, частная собственность, система эксплуатации, мотивация производства — претерпели существенные изменения. По моим представлениям, это означает, что капитализм эволюционным путем был замещен новым социально-экономическим строем, отличающимся иными закономерностями воспроизводства»³⁰.

Существует несколько определений модифицированного капитализма, или «неокапитализма»: «государство благосостояния», «социальная рыночная экономика», «общенациональное корпоративное государство», «организованный капитализм», «поздний капитализм», «менеджерский капитализм». В докладе на конференции, посвященной 30-летию «Размышлений» Андрея Сахарова, в 1998 г. Юрий Буртин ввел понятие «конвергентного» (и, соответственно, «доконвергентного») капитализма, т. е. реформированного капитализма, заимствовавшего некоторые черты социализма³¹. Эти «два капитализма»

(доконвергентный и конвергентный) он считает «принципиально различными, подчас до взаимопротивоположности».

Главное отличие современного капитализма — фактическая узурпация наемными менеджерами власти собственников, которые превращаются в собственников денежного капитала и фактически в рантье, т. е. получателей дивидендов. При многократном усилении роли наемных лиц в управлении корпорациями происходит освобождение собственников от функции управления принадлежащим им имуществом. В ходе растущего обобществления производства корпорации получают все большее распространение, и акционерная собственность ведет к распылению собственных прав и появлению фигуры «коллективного собственника». Основоположники марксистской науки определяли акционерный капитал как «упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое, прежде всего, представляется простым переходным пунктом к новой форме производства»³². Расширение сферы монопольного производства требует государственного вмешательства в экономику, многократно усиливающегося в периоды циклических кризисов.

В настоящее время в странах-лидерах капитализма созревают условия для дальнейшей эволюции капитализма. Наступает новая эра постиндустриального общества, который понимается как переход от товаропроизводящего хозяйства к сервисной экономике, повышение роли образования, изменение структуры занятости и ориентиров человека, становление новой мотивации деятельности, внедрение элементов планирования и нерыночного регулирования.

1.4. Социализм — идеальный и реальный

Социализм следует рассматривать в двух ипостасях: как специфическую форму общественного сознания и как определенную форму общественного устройства, иначе говоря, необходимо строго разграничивать исходную идею социализма и его воплощение в реальную жизнь. Понятие «социализм» берет свое начало от латинского «socialis» и французского «socialisme», что означает «общественный», и впервые было употреблено в 1827 г. в английском журнале «Кооператив мэгэзин» для обозначения взглядов последователей Роберта Оуэна. В течение последующих нескольких лет термин разошелся по

Европе, проник в Америку и уже к началу 40-х годов XIX в. стал повсеместно использоваться в приложении к различного рода теоретическим построениям, ориентированным на создание нового справедливого социального порядка, который предполагал кооперативные формы организации общественных отношений. С конца XIX в. социализм стал все более тесно связываться с общественным устройством, характеризующимся в первую очередь господством государственной собственности на средства производства и с государственным регулированием экономики.

Первоначально этим термином обозначались не все построения подобного рода — наиболее радикальные из них назывались «коммунистическими» (от латинского слова *communis*, что означает общий). В трудах классиков марксизма первоначально коммунизм как первая стадия следующей за капитализмом более высокой общественной формации, предшествовал социализму. В последние десятилетия XIX в. коммунизм стал рассматриваться как одно из течений в рамках социализма, один из типов социалистической системы взглядов³³. Название «социализм» для определения первой фазы коммунистической формации получило распространение уже после К. Маркса и Ф. Энгельса. В работах Ленина в этом смысле понятие социализм появляется в 1917 г.³⁴ В настоящее время существует предложение различать социалистические и коммунистические производственные отношения по характеру собственности на рабочую силу. При социализме существует сочетание двух форм собственности на факторы производства (общественная — на средства производства и личная — на рабочую силу). Коммунизм разрешает это противоречие³⁵.

Проект переустройства общества под лозунгом «коммунизма» и «социализма» как его первой стадии был направлен на преодоление основных пороков капитализма — частной собственности и рынка, ведущих к анархии производства, на достижение наивысшей производительности труда и возвращение к «истинной» индивидуальной собственности на основе общественной, на формирование принципиально нового способа присвоения — сначала по труду, а затем — и по потребностям. В основные постулаты социализма вошли следующие задачи, альтернативные капиталистическим признакам: вместо господства частной собственности — господство государственной собственности на средства производства, замена рыночных отношений отношениями продуктообмена и планового распределения, вместо распределения по факторам производства со значительной имущественной дифференциацией — распределение «по труду» со значительными элементами

уравниловки. В отличие от капитализма целью производства стало не возрастание прибыли, а наращивание экономической мощи, реального сектора экономики с отдаленной перспективой максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей каждого человека. Вместо демократических принципов и защиты абстрактных «прав человека» в этику социализма было заложено уничтожение эксплуатации человека человеком и самого класса эксплуататоров, соблюдение социальной справедливости, осуждение паразитического образа жизни, гедонизма и потребительства. Осуществимость социалистического проекта обосновывалась растущим обобществлением производства и пролетаризацией классовой структуры. Однако сами классики марксизма не считали условия конца XIX в. созревшими для перехода к посткапиталистическому обществу. Капитализм тогда еще далеко не исчерпал всех потенций своего развития.

Отвергая религиозное мышление, социалистическое учение заимствовало у религии традиционный идеал «добра» и включило его в свою идеологию. В этические представления социализма вошло сочетание интересов индивидуальных, коллективных и общегосударственных, исключающее паразитический образ жизни и эксплуатацию как таковую. Конечными целями идеализированного социализма считаются достижение социальной справедливости, преодоление резкого имущественного неравенства и создание условий для полной реализации человеческих потенций.

У социалистической идеи оказалась очень сложная судьба. Возникший на рубеже XIX—XX вв. кризис капитализма и колониальной системы вызвал волну демократических и освободительных революций и привел к возникновению альтернативного капитализму общественного строя в нарушение логики марксизма, но в соответствии с его надеждами. Вопреки обоснованному классиками марксизма прогнозу строительства социализма одновременно в целом ряде стран после исчерпания потенций развитого капитализма новый общественный строй, названный «по инерции» социализмом, «прижился» в стране с низким уровнем развития капиталистических отношений и без поддержки мирового пролетариата. Вместе с тем «прорыв России в социализм был не случаен. Это не историческая авантюра. Он был желаем миллионными массами народов великой империи, поскольку реализовывал традиции, мораль, ценностные ориентиры многовекового союза и братства»³⁶.

Современные исследователи высказывают достаточно много критических замечаний в адрес советского социализма вплоть до того,

что сталинские репрессии привели к дискредитации самой идеи социализма. Действительно, наложение социалистического проекта на условия послереволюционной России, оказавшейся одинокой в своем социальном эксперименте, сопровождалось целым рядом ошибок и недостатков, привело к образованию «реального» («неидеального») социализма, обладавшего следующими основными чертами:

- приоритет общественных форм собственности (государственная и коллективная) и ограниченная роль частной собственности (при ее идеологическом осуждении), сохранение недостатков монополизма;
- суженная роль товарно-денежных отношений, отсутствие рынка факторов производства и рыночной системы цен. — «централизованная система хозяйствования», при которой предприниматели становятся исполнителями государственных планов с некоторой хозяйственной самостоятельностью и бременем риска из-за элементов рыночного хозяйствования. При этом значение рынков снижается, и изменяется роль денег³⁷;
- сохранение наемного труда в преобладающей форме государственного найма, фактическое отчуждение производителей от средств производства;
- низкая оплата труда, дефицит основных жизненных средств.

Как форма общественного устройства «реальный социализм», существовавший в условиях СССР, вовсе не идентичен «эталонному социализму». Его можно считать «социализмом в известном смысле слова», соответствующим определению «государственный социализм» или «квази-социализм» (есть предложения называть его конвергентным или даже «мутантным социализмом»)³⁸. Еще Маркузе упоминал о споре относительно «двух социализмов», один из которых существовал на практике, а другой «еще не существовал»³⁹. Тем не менее, построенное общество имело принципиальные отличия от капитализма в виде ущербности частной собственности по сравнению с государственной и слабости стоимостных рычагов управления по сравнению с планово-административными мерами.

При внешнем сходстве с «идеей социализма» элементы социально-экономической стратегии в нашей стране имели совершенно другое содержание. Уничтожение частной собственности вовсе не было ее «преодолением», а созданная государственная собственность не подходит под определение «общенародная», поскольку она не ликвидировала отчуждение работников от средств производства и сам наемный труд. Вместо частных нанимателей появился один «совокуп-

ный работодатель» — государство как верховный владелец средств производства. Отказ от рынка тоже не вытекал из предшествующего исторического развития, а служил подспорьем мобилизационной экономики: рыночные отношения явно препятствовали концентрации имеющихся средств и направлению их в капиталоемкие и низкоприбыльные отрасли тяжелой индустрии. В условиях чрезвычайного положения централизованное распределение всегда более эффективно, нежели рыночное, что доказывает история военного времени всех без исключения стран.

Возникновение в СССР этатизированной хозяйственной системы можно объяснить разными причинами, но на первое место следует поставить именно ускоренную индустриализацию как способ стимулирования экономического роста и обеспечения экономической безопасности страны в условиях противостояния двух мировых систем. Планирование и жесткое администрирование обеспечило возможность «прорыва» в некоторых сферах производства, выбранных как приоритетные, подготовило страну к военному противостоянию с фашизмом, но в то же время значительно снизило значение мотивационного механизма и обернулось нерациональной структурой производства с большими материальными потерями. Место максимизации прибыли заняли максимизация объема совокупного общественного продукта и максимизация затрат труда, что сдерживало научно-технический прогресс. Мобилизация инвестиций для форсирования экстенсивного роста сопровождалась урезанием потребления.

Социалистическая индустриализация, обеспечившая рост тяжелой промышленности, оказалась паллиативом, позволившим временно оттянуть решение тех проблем, которые связаны с разбалансировкой двух основных регуляторов хозяйственной жизни. С течением времени модель «производство ради производства», принявшая гипертрофированные формы в годы войны, а затем законсервированная условиями «холодной войны», стала сдерживать структурные преобразования. Отставание легкой промышленности при небольших масштабах импорта обернулось повальным дефицитом потребительских товаров. Нарастание экономических и социальных противоречий вылилось в серию кризисов: политической системы, натурально-распорядительной системы, политики протекционизма. Выход из «общего кризиса социализма» мог быть осуществлен только путем аналогичным тому, что помог преодолеть системный кризис капитализма, а именно, через рост потребления и потребительского спроса. Только

высокая оплата труда создает предпосылки функционирования современной рыночной экономики, базирующейся на высоких личных сбережениях, высоком подоходном налоге, высоком потребительском спросе и, в конечном счете, высоком качестве рабочей силы.

Многие задачи, которые были успешно решены советским социализмом в рамках «догоняющего развития», носили по существу чисто буржуазный характер. Это и индустриализация, и урбанизация, и культурная революция. Поскольку при социализме сохранились обмен, деньги и наемный труд, государственная собственность не решила проблемы отчуждения непосредственных производителей от собственности на средства производства. Тем не менее, не выиграв экономического соревнования с капитализмом, советский социализм создал условия для высоких темпов экономического роста и поддержания массового энтузиазма, что обеспечило победу в Великой Отечественной войне. Уже одно то, что СССР в результате своего превосходства над Германией в техническом и нравственном отношении сыграл решающую роль в разгроме фашизма, не позволяет отнести советский эксперимент к полностью «провальному», а взятое направление развития характеризовать как «тупиковое». Заслугой советского социализма следует также считать образование мировой социалистической системы и переход на рельсы социалистического строительства великого Китая.

Семена социализма, выращенные в условиях европейского капитализма, были посеяны «не там, где следовало бы», но упали на благодатную почву редистрибутивных отношений и авторитарного государства в то время, когда в России во весь рост встала задача преодоления экономической отсталости и сохранения целостности государства. Построение социализма в СССР проходило в условиях восточного генотипа и мобилизационной стратегии ускоренной индустриализации, в результате чего сильно пострадали как рыночные тенденции, так и социальная направленность экономики.

Попытка реализации марксистского проекта прямо «с колес» социалистической революции показала свою непригодность. Благодаря авторитету Ленина тактика непосредственного перехода к «абстрактному социализму» с явными чертами утопизма сменилась тактикой опосредованного развития производительных сил и соответствующим им производственных отношений «конкретного социализма». Такое высказывание Ленина, как «переход от нэповской России к России социалистической», выглядит как выведение НЭПа за пределы социалистического строя и наделение его свойством пере-

ходного, подготовительного этапа. В статье «К социализму» Бухарин говорил о новой экономической политике как о «некапиталистическом, полусоциалистическом порядке вещей». Ленин же, касаясь формационной сущности НЭПа, не убоился прямой постановки цели построения госкапитализма. При этом он сделал важное замечание относительно двух видов госкапитализма: того, который бывает при капитализме и создает материальные предпосылки пролетарской революции, и того, который относится к послереволюционному порядку в стране, где такие материальные предпосылки отсутствовали. С приходом к власти Сталина и разработкой теории «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» господствующими стали установки «государственного социализма», включавшие форсированную индустриализацию и максимально полное огосударствление производства. Дезавуирование рыночных отношений объяснялось не их естественным «изживанием» на высокой стадии развития производительных сил, а их плохой совместимостью с мобилизационной ситуацией и идеологическим кредо.

Такой исторический путь развития вопреки прогнозированию Маркса, когда социалистическая революция произошла не в развитых капиталистических странах, а в отдельно взятой стране с относительно низким экономическим уровнем и с другой культурно-цивилизационной спецификой, многими считается историческим «казусом» или «забеганием вперед». Однако на самом деле укоренению антирыночных идей социализма благоприятствовали общинные отношения и авторитарное государство, а потом и мобилизационные условия форсированной индустриализации. Жизнь показала, что социалистические революции «первого поколения» могли произойти именно в условиях слаборазвитых стран неевропейского ареала и не в виде отказа от капиталистического строя, исчерпавшего свои потенции, а в виде предотвращения самой перспективы развития по капиталистическому пути, грозившей превращением периферийных стран в колонии Запада. Революция в России была «превентивно антикапиталистической», т. е. направленной не только против реалий своего капитализма, а против капиталистического «проекта» как такового. Социализм сначала в России, а потом и в Китае оказался логичным продолжением общественного устройства, свойственного «X-матрице», и превратился в альтернативу западного капитализма и в образец развития для всех экономически отсталых стран.

Лежащее в основе марксизма представление об истории как о последовательной смене социальных систем (общественных экономи-

ческих формаций), каждая из которых обладает присущим только ей специфическим способом производства, исключает сосуществование в произвольных пропорциях плановой (государственной) и рыночной экономики. Отсюда пошла представления о социалистичности полного обобществлении средств производства, уничтожении частной собственности и классов, утверждения плановой организации труда. В отличие от «капитализма» целью социалистического общества в такой трактовке является не возрастание прибыли, а удовлетворение общественных потребностей. Такой подход «устранил» присущие рыночной экономике проблемы, однако сделал это за счет ликвидации самого рынка, привнеся при этом в общество проблемы, вызванные отсутствием рыночных отношений⁴⁰. Советские политэкономы, разрабатывая тезис о «непосредственно общественном труде при социализме», при котором рабочая сила не является товаром, также признавали, что «социалистическое производство по существу не является товарным производством». При этом не учитывалось, что классики марксизма-ленинизма, связывая построение будущего общества с уничтожением частной собственности и концом товарного производства, исключали «подстегивание» эволюционного процесса и, стремясь соединить социальную защиту граждан с эффективностью производства, говорили не об уничтожении частной собственности и законов рынка, а об их «снятии» при достижении определенного уровня развития производительных сил. «Надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства»⁴¹.

В настоящее время с понятием «социализм» связывают по крайней мере четыре явления. Это социалистическая идея и ее обоснование в марксистской теории. Это общественно-политические движения и партии в капиталистических странах, опирающиеся на различные трактовки социалистических идеалов. Это реальное социалистическое общество, существовавшее в Советском Союзе и прекратившее свое существование в результате распада СССР («старый социализм»). Это группа стран, продолжающая социалистическое строительство в новых условиях современного глобализма («новый социализм»). Первые два феномена — это разновидности посткапиталистического общества. Два вторых — это антикапиталистическое общество.

Современная действительность рождает подход к социализму не как к унифицированной модели или к единообразной общественной

формации, а как к определенным образом структурированной культурной системе. В отличие от сферы экономического расчета и политической целесообразности в этой сфере человек руководствуется, прежде всего, ценностями высшего порядка (свобода, равенство, справедливость, солидарность и др.). Социализм — это идея общества, отдающего культуре приоритет перед экономикой и политикой, живущего по законам гуманизма и нравственности.

1.5. Идея конвергенции капитализма и социализма

Альтернативность капитализма и социализма в их теоретических абстракциях, построенных на реалиях XX в., состоит, прежде всего, в разных доминирующих факторах развития производственных отношений — рынок или государство, частная или общественная собственность. В самой упрощенной трактовке «капитализм» — это строй с господством частной собственности и минимизацией государственного контроля. «Социализм» виделся как господство общественной собственности и утверждение государственного контроля над хозяйственной деятельностью.

Вместе с тем есть все основания констатировать перекличку этих двух систем в рамках политэкономической парадигмы, свойственной этапу индустриализации. Поскольку и в капиталистической, и в социалистической системах наличествуют обмен, деньги, цены и заработная плата, они принадлежат к одной «экономической», или «монетарной» суперсистеме, которую французский экономист Б. Шаванс называет системой «деньги — наемный труд»⁴². И при социализме, и при капитализме существуют эксплуатация и «отчуждения труда». Человек оказывался втянутым в систему властных и экономических отношений, нарушавших его свободное развитие. По мнению Макса Вебера, социализм и капитализм имеют аналогичные доминанты: современный капитализм и современный социализм равно оказываются жертвами механического бюрократического катка, наступающего на человека.

Реальные изменения в социально-экономической жизни в послевоенный период проявились в усложнении форм взаимодействий рынка и государственного регулирования экономики, частного предпринимательства и процесса социализации. Как показала жизнь, преодоление кризисов, свойственных обеим системам, устанавливает новый баланс рыночного механизма и государственного регулирования,

не меняя его доминирующего признака. В 20—30-е годы прошлого века в капиталистических странах соответствующее место в обосновании кейнсианства заняла проблема усиления государственного вмешательства в экономику. В 90-е годы реформы в социалистических и бывших социалистических странах были направлены на расширение сферы рыночных отношений, переход к «цивилизованному» рынку и вступление в мировой рынок. После кейнсианской революции в западных странах и рыночных реформ в постсоциалистических странах было забыто утверждение Людвиг фон Мизеса относительно «нежизнеспособности объединения рыночного хозяйства и плановой экономики».

Современное сближение капитализма и социализма просматривается в технико-технологических изменениях, происходящих в процессе тотальной индустриализации и в переходе на новый виток технического прогресса, сопряженный с кардинальными структурными преобразованиями, распространением информационных технологий, эволюцией самого индустриального процесса труда в сторону преобладания творческих компонентов. Для многих становилось очевидным, что экономика приобретает все более комплексный характер, отличающийся не только сосуществованием различных форм собственности и предпринимательской деятельности, но и государственным регулированием социально-экономических процессов. Эти процессы пытается осмыслить теория конвергенции, обосновывающая становление «интегрального», или «синтетического», типа общества («общества-гибрида»)

Пионерными разработчиками теории конвергенции были американские экономисты Питирим Сорокин и Уолтер Бакингер. Первый затронул эту проблему в своей вышедшей в 1944 г. монографии «Россия и Соединенные Штаты». Бакингер в 1958 г. в книге «Теоретические экономические системы. Сравнительный анализ» обосновал вывод о том, что «реально действующие экономические системы становятся все более сходными и все менее различными». Синтезированное общество, по мнению Бакингема, позаимствует от капитализма частную собственность на орудия и средства производства, конкуренцию, рыночную систему. Из социализма в будущую конвергентную систему перейдут экономическое планирование, рабочий контроль над условиями труда, более справедливое распределение полученной прибыли. Эту позицию в разное время разделяли и популяризировали такие выдающиеся ученые и мыслители, как А. Эйнштейн, Б. Рассел, Ян

Тирбеген, Джон Гэлбрейт. В СССР сторонником конвергенции являлся А. Сахаров.

Можно выделить разные теоретические подходы к расшифровке сути конвергентного общества: 1) создание из двух антиподов на паритетных началах нового общественного образования; 2) построение единого общественного устройства, принципиально отличного от двух прототипов; 3) внутренние трансформации противоположных систем, сближающие их, но одновременно оставляющие за ними их качественную определенность.

В период «холодной войны» от планов военного уничтожения социализма правители капиталистических стран перешли к логике «сдерживания» социализма и ослабления его мощи. Довольно популярная в те годы идея конвергенции пыталась примирить две общественные формации и предостеречь от возможного военного столкновения. На деле каждая из двух сторон лелеяла планы не геэкономического компромисса, а своей полной победы в идеологическом противоборстве и фактической ассимиляции противника. Разработка концепции конвергенции на Западе вдохновлялась перспективой замены «несовершенного» социализма усовершенствованным капитализмом. В середине 1960-х годов З. Бжезинский и С. Хантингтон по этому поводу писали: «Большинство теорий так называемой конвергенции в действительности постулируют не конвергенцию, а поглощение противоположной системы»⁴³. Широкой популярностью пользовался выдвинутый У. Ростоу вариант «победы капитализма в международной конкуренции» на том основании, что с возникновением общества массового потребления коммунизм просто отомрет, а его остатки поглотит социализированное капиталистическое общество. Марксисты наотрез отказывались принимать эту теорию. Противоположная социалистическая версия «социалистического будущего» базировалась на марксистских постулатах единства пролетариата, мировой тенденции обобществления производства и коммунистического будущего — «Все дороги ведут к коммунизму».

Более толерантной выглядит трактовка конвергенции как становления «синтетического» типа общества («общества-гибрида») при исходном «равенстве сил». П. Сорокин еще в самом начале 1960-х годов мечтал об интегральном типе общества, который «будет представлять собой нечто среднее между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни. Он будет объединять наиболее позитивные ценности того и другого типов и будет свободен от их важнейших недостатков»⁴⁴. Эта позиция была поддержана и развита

французским экономистом и социологом Ф. Перру, считавшим, что интегрирование двух экономик произойдет за счет обоюдных трансформаций противостоящих друг другу форм собственности — частной и общественной.

Некоторые более осторожные ученые, уходя от прогнозов слияния разных систем в процессе глобализации и общественного синтеза, делали акцент на взаимный обмен опытом, неизбежность процессов либерализации (на Востоке) и социализации (на Западе), в результате которых существующие противоположные системы придут к плодотворному сосуществованию и взаимодействию. Именно такой подход «сближения двух параллелей» просматривается в концепциях «социализации капитализма» и «капитализации социализма». Он не посягал на постулат принципиальной нередуцируемости капитализма к социализму и социализма к капитализму, но находил точки системного соприкосновения «на нейтральной полосе». Аналогичному осмыслению конвергенции отвечали тактика «наведения мостов» и логика «борьбы за мир во всем мире».

Какое-то время доводы теории конвергенции заглушала пропаганда нового постиндустриального общества, которая выводила «общество-гибрид» за исторические рамки капитализма и социализма, связывая его судьбу с кардинальными изменениями в техническом базисе того и другого и с сближением уровней экономического развития разных стран. Авторы книги «Мегатенденции. Год 2000» Джон Нэсбит и Патриция Абурден так обрисовывали тенденции будущего развития: от индустриального общества — к информационному, от форсированного технологического развития — к передовым технологиям, от национальных экономик — к мировой экономике, от краткосрочных тенденций — к долгосрочным, от централизации — к децентрализации, от институциональной помощи — к помощи своими силами, от представительной демократии — к демократии соучастия, от иерархических структур — к сетевым структурам, от безусловного примата Севера — к выравниванию Севера и Юга, от узкого выбора из двух возможностей (или — или) — к множественному выбору⁴⁵.

Позиции «оптимистической конвергенции» противостояли те ученые, которые не отрицали факты «переключки» двух систем, но не воспринимали вывод об их слиянии в обозримой перспективе. Накануне распада СССР Ю.В. Шишков писал: «Обе социальные системы обречены на более или менее широкое экономическое, научное и культурное взаимодействие, на заимствование друг у друга каких-то приемлемых элементов, но лишь до определенной черты, за которой

пролегал разделяющая их “запретная зона”. Они не могут на нынешнем этапе своего развития ни слиться в некую гибридную систему, ни разойтись в разные стороны»⁴⁶. Уже в конце 1960-х годов, признавая необходимость и неизбежность превращения стран социалистического содружества в открытую систему, активно взаимодействующую с капиталистической системой, один из советских авторов назвал два вектора развития “непересекающимися параллелями”, между которыми пролегал разделяющая их “запретная зона”⁴⁷. Распад СССР и появление теории глобализации возродили идею «единой магистральной дороги развития», но уже по никем не оспариваемому капиталистическому направлению.

«Родственниками» теории конвергенции можно считать концепции «третьего пути» и «смешанной экономики». В цивилизационных теориях «смешанная экономика» подавалась в контексте соотношения экономических и неэкономических начал современного общества. В дальнейшем в расшифровке «смешанной экономики» стал делаться все больший упор на многоукладность, на разнообразие форм собственности. Отмечалось, что формирование многоукладной экономики сопровождается размыванием границ между формами собственности, появлением промежуточных, пограничных зон между государственным и частным секторами с тесным сотрудничеством и многообразными кооперационными связями между ними, миграцией предприятий из одного сектора в другой. В трактовке, инициированной разнообразными социал-реформистскими течениями, обосновывалась разумность сочетания капитала частного предпринимательства и общественных социальных гарантий. Тенденции социально-экономического развития, объективно требуют в одних случаях дополнения рынка государственным регулированием и частно-хозяйственной инициативы — социальными гарантиями, а в других случаях — расширения рыночных отношений и подключения приватизационных процессов. Из этого следует, что «рынки и иерархии играют взаимодополняющие роли в осуществлении экономической координации»⁴⁸.

К концепции «смешанной экономики» примыкает теория «синтеза традиционного и современного», авторство которой принадлежит известным российским востоковедам Л.И. Рейснеру и Н.А. Симония. Еще в бытность СССР они ввели понятие «смешанного типа» образований и термин «синтетическое общество», понимая под «синтезом» «соединение», «единство» в согласии с содержанием данного понятия в древнегреческом языке⁴⁹.

Идея «общественного синтеза» перекликается с представлением о «равноположенном развитии», обоснование которого дали А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов. Они пишут:

«Как анклав “традиционного” не обречен раствориться в окружающей его среде, так и анклаву “современного” не гарантировано преобладание в масштабах всего общества. Среда может стремиться поглотить анклав путем распространения на его внутреннюю природу присущих ей унифицирующих связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной (“сдвоенной”, “строенной”) структуры. Подобная структура позволяет обществу, с одной стороны, адаптировать достижения техногенной цивилизации, а с другой — сохранить условия для воспроизводства архаичных трудовых мотиваций, которые в соединении с современной техникой дают экономический эффект, превосходящий тот, что возможен при модернизации техники и привнесении соответствующей ей системы производственных отношений. Современный Китай, послевоенные Япония и Тайвань — не единственные иллюстрации эффективности обществ конгломеративного типа» (Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 61)⁵⁰.

Особого разговора требует переходное состояние общества с чертами «частичной, или временной конвергенции», свойственными концепциям «государственного капитализма» и «рыночного социализма». Вопреки либеральной пропаганде преимуществ свободного рынка, государственное вмешательство в экономическую жизнь было практически повсеместным, и государственный капитализм активно поддерживал частные компании, производящие общественно значимые товары и услуги. Часто государство субсидировало процентные платежи по корпоративным облигациям, выступало в качестве страхового агента для кредиторов поддерживаемых компаний. Развивающиеся страны в период так называемой импортозамещающей индустриализации делали акцент на установлении торговых барьеров, защищавших нарождающиеся промышленные предприятия и компании государством. Постепенно режим государственной собственности и государственного вмешательства начал себя изживать, что было использовано сторонниками либерализма для продвижения политики приватизации и реструктуризации и одновременно для критики «государственного капитализма». Но уже с кризисом 2008 г., разрушившим Lehman Brothers и захлестнувшим развитые страны, триумф эры свободного рынка подошел к концу.

Особым случаем обращения к государственному капитализму может служить советская Россия эпохи НЭПа. В широкой палитре мнений относительно ленинской политики НЭПа присутствуют самые разные оценки. Ленин выдвинул идею восстановления капитализма «в известной мере», убедившись в «непроеходимости» военного коммунизма. Первопричину этого ленинского решения следует искать в главной особенности Октябрьской революции, которая опиралась на марксистское учение, но нарушила установленные им предварительные условия готовности к социалистическим преобразованиям. Политика НЭПа, возродившая капиталистический уклад и рынок, меняла не только тактику продвижения к социализму, но и саму суть социалистического строя, который уже не мог строиться по канонам классиков марксизма. Собственно, именно так следует понимать заявление Ленина об изменении самого представления о социализме.

Исследователей различных вариантов НЭПа по существу волнует один и тот же вопрос: можно ли считать эту модель в изначальном или модифицированном виде достаточно работоспособной. Столкновение двух точек зрения на построение социализма (непосредственное и опосредованное) отличает точку зрения на НЭП как на короткий период временного отступления в строительстве социализма от его понимания как относительно длительного этапа предсоциализма или даже начального этапа социализма, через который должны пройти все страны некапиталистического пути развития, преодолевающие свою отсталость. Троцкий особенно часто подчеркивал временный характер НЭПа. Сталин уже в 1936 г. заговорил о «втором этапе НЭПа» как этапе индустриализации. Отказ от НЭПа в конце 20-х годов был продиктован задачами ускоренной индустриализации. За 10 лет России удалось «пробежать», по выражению Сталина, тот путь индустриального развития, который в развитых капиталистических странах занял больше столетия. Никакой рынок сделать этого не позволил бы. Потребовались мобилизация всех материальных и финансовых ресурсов и жестокая эксплуатация трудового народа и в городе, и в деревне. Именно этот строй мобилизационного развития при руководящей роли коммунистической партии, при опоре на нерыночные методы регулирования и при господстве государственных форм собственности вошел в историю под именем «социализма», к которому потом стали добавлять разные определения.

Советская модель «государственного социализма», основанная на ограничении товарно-денежных отношений, на господстве централи-

зованно-распределительных связей, на отрицании частной собственности, строилась как антитеза нэповской модели, ориентированной на смешанное производство, на использование стоимостных отношений. Кризис модели «государственного социализма» после почти 50 лет ее внедрения гипотетически мог быть разрешен через возврат к модели смешанной экономики как продвинутого варианта «рыночного социализма».

Существует несколько трактовок понятия «рыночный социализм». Современные теоретики «левых» считают, что «рыночный социализм» возникает там и тогда, где и когда уже поставлен вопрос о ликвидации эксплуататорских отношений, но уровень развития производительных сил вынуждает использовать рыночные отношения для повышения эффективности производства. Известна трактовка «рыночного социализма» как определенного варианта экономической политики в социалистических странах с тактическим «допущением» рынка в качестве временного средства рационализации строительства социализма в его прежнем догматическом представлении. Критики догматического подхода к социализму и коммунизму обращают внимание на то, что получение прибыли не противоречит общественным потребностям и привязка социализма к административной форме связи отнюдь не обязательна. При «рыночном социализме» могут существовать разные формы собственности, наемный труд и изъятие прибавочного продукта в пользу собственника. В свое время было предпринято умозрительное построение «рыночного социализма» в виде попытки чисто теоретически с привлечением математических методов доказать совместимость рыночных отношений с общественной собственностью на средства производства⁵¹.

На наш взгляд, «рыночный социализм» предполагает соблюдение следующих условий:

- всеобщее распространение рыночных отношений;
- создание механизма согласования интересов, при котором предприниматели в своей деятельности ориентируются на соблюдение общегосударственных интересов;
- сохранение важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности;
- существование разных видов доходов при преобладании оплаты по труду;
- противодействие имущественной дифференциации в виде прогрессивного налогообложения и использования государственной системы социального обеспечения.

Присущие «рыночному социализму» черты переходности делают его уязвимым для перекрестной критики — и за поверхностную социалистическую окраску, и за глубинную капиталистическую сущность. Критики «справа» видят, прежде всего, половинчатость преобразований в рамках «рыночного социализма», их «несистемный характер» и утверждают недолговечность этой модели, которая тормозит переход к «цивилизованному» рынку. Российские экономисты марксистского направления видят антисоциалистическую сущность «рыночного социализма», убеждены в том, что он будет воспроизводить многие беды, свойственные капитализму, а именно: неравенство в доходах и благосостоянии; негативные эффекты, связанные с разрушением окружающей среды; коммерциализацию общества и стремление к беспрестанному наращиванию индивидуального потребления; макроэкономическую нестабильность, включая безработицу и инфляцию; недопроизводство общественных благ⁵².

Капиталистическим аналогом «рыночного социализма» может служить теория «социального рыночного хозяйства» как усовершенствование капитализма. Термин «социальное рыночное хозяйство» впервые выдвинул в 1946 г. А. Мюллер-Армак, который считал неприемлемыми как «капитализм *laissez-faire*», так и «социализм-коллективизм». Теория «социального рыночного хозяйства», которая разрабатывалась как реакция на критику капитализма марксизмом и другими теоретическими направлениями, признает необходимость «уравновешивания» рыночного процесса с целью его более эффективного функционирования и укрепления капиталистического порядка, основанного на частной собственности, максимизации прибыли и координации посредством рынка. Рассматривая рыночное хозяйство как исключительно инструментальное средство согласования спроса и предложения, концепция «социального рыночного хозяйства» выдвигает в качестве конечной цели производства улучшение потребления индивидуальных потребителей. Мюллер-Армак многократно указывал на тот факт, что в рыночном хозяйстве именно потребление управляет процессами производства, выражая посредством цен потребительские оценки благ⁵³. «Социальное рыночное хозяйство не только включает в себя экономический порядок, координируемый рынком; прилагательное “социальное” указывает также на то, что эта система преследует социальные цели». В их числе — установление правового порядка рыночной конкуренции, антимонопольная политика, политика стабилизации экономического цикла, политика развития городов, передача капитала малым и средним фирмам, обес-

печение социальной безопасности и социального «уравновешивания», понимаемых как гарантия минимальной заработной платы и выравнивание разницы в доходах посредством налогообложения и безвозмездных социальных выплат нуждающимся семьям⁵⁴.

Проблеме синтеза в переходном обществе посвятили свою работу синологи О.Е. Непомнин и В.Б. Меньшиков. В частности, они отмечают «синтезированную структуру» самого социализма: «Социализм также синтезированная структура: в нем органически сочетаются общественная собственность на средства производства (коммунистическое начало) и буржуазные по типу и методу системы распределения и обмена»⁵⁵.

В настоящее время, когда на фоне повсеместных переходных явлений происходит ревизия многих марксистских положений, понятие «конвергенции» завоевывает все больший авторитет. Можно встретить утверждения, что «последние 10 лет Россия тоже отчасти развивалась по конвергентной модели». Еще чаще это понятие прилагается к современному Китаю. На наш взгляд, такие заключения — определенная «дань моде», за которой не стоит достаточная аргументация. Если совместимость двух главных регуляторов всей человеческой деятельности (рынок и государство) и наличие между ними сложных и противоречивых связей доминантности и комплементарности — это неоспоримый признак смешанной экономики, то противоречия между Трудом и Капиталом могут сглаживаться, но не могут исчезнуть. Важно ответить на такой кардинальный вопрос — подчиняют ли монополии государство своим интересам или государство, служащее интересам большинства населения, подчиняет себе монополии. В прошлом социалистическая теория в сущности была концепцией освобождения от капиталистической эксплуатации. За этим стоит не только доступ наемных работников к общей собственности, но также их приобщение к процессу управления, т. е. изменение взаимоотношений управляющих и управляемых.

1.6. Теории «прогресса» и «модернизации»

Существуют две трактовки содержания модернизации: технологическая и институциональная.

В технологическом отношении модернизация понимается как совершенствование технологии и структуры производства, смена технико-экономических укладов. При различной восприимчивости эконо-

мики к инновациям и различных затратах на образование и науку страна может стать государством первого эшелона модернизации (где основные ресурсы — минеральное сырье, энергоносители и территория и акцент делается на тяжелой индустрии и экстенсивном развитии сельского хозяйства), второго эшелона (ресурсы — психологические установки и трудовые навыки населения, ведущие отрасли — электроника, биотехнология, малотоннажная химия и др.) или третьего (ресурсы — творческий потенциал общества, акцент на создании новых идей и технологий)⁵⁶. Можно говорить о нескольких социально-технологических стадиях исторического развития: доиндустриальная, раннеиндустриальная, позднеиндустриальная. Последней, непосредственно связанной с «новым курсом» Рузвельта и «кейнсианской революцией» в экономической науке, соответствуют структурные сдвиги в экономике в направлении ускоренного развития потребительских секторов и высокотехнологичных видов производства, которые обеспечивают общее повышение эффективности производства. Экономический рост фактически ставится в зависимость от личного потребления, от инвестиций в социальную сферу и инфраструктуру. Повышение статуса членов гражданского общества как потребителей и частных собственников некоторыми учеными интерпретируется как своеобразная «самомодернизация» и «гуманизация» капитализма.

В институциональном смысле модернизация означает вытеснение «старых» институтов «новыми», приведение какой-либо системы в соответствие с ее наиболее рациональным устройством. Если в технологическом понимании модернизация вплотную примыкает к понятиям «научно-технической революции» и «информационной революции», то в институциональном контексте она оказывается синонимом общественного прогресса в его различном толковании.

Понятие «единого пути прогресса» как незыблемость существующего (капиталистического) порядка и его «светлое будущее» было отчетливо сформулировано лишь в XVIII в. идеологами восходящей буржуазии. В XIX и XX вв. прогресс интерпретировался либо в примитивно материалистическом духе как непрерывный количественный рост производства и усложнение социального организма, либо в идеалистическом духе как рост благосостояния, распространение культуры, возрастание власти человека над природой и т. п. Идея «общественного прогресса» привлекала перспективой все большего овладения человеком тайнами природы, гуманизацией общественной жизни и духовного совершенствования самого человека. По выражению социолога Э. Араб-оглы, в идее прогресса воплощался историче-

ский оптимизм революционной буржуазии нового времени⁵⁷. Суровые события XX в. с его катаклизмами и кровавыми войнами сначала разрушили иллюзии в отношении «прогрессивности» капитализма, а затем подорвали привлекательность социалистической идеи, оставив в концепции прогресса один безусловный императив — неуклонное развитие производительных сил, техники и науки. В реальной жизни платой за достижения экономического прогресса стало растущее отчуждение человека от общества и разрушение природной среды.

С середины XX в. в странах Запада начала активно разрабатываться теория «модернизации» в приложении к общественному развитию стран «третьего мира», и разные экономические школы давали свою трактовку этого понятия и того «ядра», который определяет суть модернизационного проекта. В число «идеалов модернизации» известный исследователь проблем слаборазвитых стран Гуннар Мюрдаль включал: 1) рациональность как выбор средств и методов, способствующих достижению научно обоснованных целей; 2) развитие и его планирование как поиск скоординированной системы политических мероприятий, которые могут содействовать экономическому росту; 3) повышение производительности труда в первую очередь путем более высокой технической оснащенности и высокой эффективности капиталовложений; 4) подъем жизненного уровня в качестве предварительного условия увеличения занятости и роста производительности труда; 5) выравнивание социальных и экономических условий, иначе — ликвидация чрезмерной поляризации общества; 6) усовершенствование общественных институтов и взглядов с установкой на создание «нового», или «современного» человека; 7) национальная консолидация; 8) национальная независимость⁵⁸.

В приложении к странам, отставшим в своем экономическом развитии, концепция «модернизации» превратилась в обоснование необходимости быстрого экономического и социального развития при ориентации на принципы капиталистического рыночного хозяйства и культурологические стереотипы капиталистически развитых стран. В числе этих принципов: высокая степень индустриализации и урбанизации, развитое рыночное хозяйство, наличие гражданского общества и демократической политической системы и, соответственно, составляющих такое общество «автономно-суверенных» индивидов, секуляризация, свободная миграция населения, в том числе межгосударственная, развитие образования и широкое распространение средств массовой информации. Первым вступив в то особое состояние, которое характеризуется понятием «модерность», Запад стал эта-

лоном формально-рационального начала, полная реализация которого, согласно Веберу, происходит в рамках капиталистического рыночного хозяйства. В приложении к странам, где вообще не было собственных предпосылок капиталистического развития, концепция модернизации превратилась в аналог требования экономического и социального развития по образцу стран-лидеров, став таким образом альтернативой социалистическому развитию.

Навязывание глобалистских представлений о безальтернативности стандартов более развитых стран, с одной стороны, и закрепляющееся деление мира на «богатых» и «бедных», с другой, обострило проблему выбора между двумя основными моделями «догоняющего развития» — «имитационная» модернизация как достаточно последовательное подражание более развитым странам (экзогенный тип модернизации, близкий к «вестернизации») и «модернизация с национальной спецификой», ориентированная на внутренние движущие силы развития, «осовременивание» с учетом собственной способности к саморазвитию (эндогенный тип). Эти две концепции по-разному решают проблему соотношения «современности» и «традиций». Если первый тип модернизации строится на максимально полном отторжении существующих традиций, то второй тип исходит из необходимости органического развития страны при консервации некоторых традиционных основ. В этом случае в согласии с теорией параллельности модернизируемая страна, воспринимая импульсы от более развитых стран, продолжает следовать по собственному пути со своими темпами, подходами и своими ответами на вызовы эпохи.

Концепции капиталистической модернизации противостояла теория «некапиталистического пути развития», или «социалистической ориентации», обосновывавшая необходимость индустриализации с подключением государственного сектора и плановой системы по образцу социалистических стран. Однако задачу немедленной ликвидации частного сектора ставили только догматики социалистического учения с явными утопическими иллюзиями ускоренного преодоления экономической отсталости. Путь «некапиталистического развития» не смог доказать своей эффективности, и «подопытные» страны, не получив необходимой материальной поддержки со стороны слабеющего Советского Союза, вступили в полосу острых экономических и политических кризисов.

Окончание «холодной войны», завершившееся распадом Советского Союза, ликвидировало закрытые до того зоны вторжения капитала, подтолкнуло развитие процессов глобализации, укрепило пози-

ции сторонников однополярного мирового устройства. Поражение «реального социализма» все больше склоняло чашу весов в пользу построенной на материальном благополучии и конкуренции западной системы ценностей, которые квалифицируются как «общечеловеческие цивилизационные ценности» в полном соответствии со специфическим видением западных политиков будущего мирового порядка. Уничтожение политической биполярности теперь переводится в плоскость философского «снятия» традиционных противоречий между индивидуализмом и коллективизмом, либерализмом и этатизмом, капитализмом и социализмом и дает основание прогнозам относительно полной унификации общемирового развития по индивидуально-либерально-капиталистическим канонам.

Однако сама задача подтягивания уровня менее развитых стран становится в этих условиях все более проблематичной. Есть все основания полагать, что сегодня формирование где-либо развитого капиталистического уклада, подобного существующему в странах «золотого миллиарда», практически уже невозможно⁵⁹. Страны «второй волны» могут в лучшем случае рассчитывать на существенное повышение своего экономического и жизненного уровня, но догнать развитые страны по всем параметрам и подняться на верхний этаж мировой иерархии им уже вряд ли удастся. Для преодоления экономического отставания требуется два главных условия: 1) мобилизация всех ресурсов и увеличение доли накопления и 2) защита своего внутреннего рынка от конкуренции иностранных товаров. Но в современных условиях демонстрационного влияния «общества потребления» и все большей глобализации экономики выполнение этих условий реально только в особых случаях.

Как емкое определение, относящееся к перестройке и сферы базиса, и сферы надстройки, «модернизация» ближе к понятию «реформа», нежели «революция». Она не может осуществляться путем слома или полного уничтожения существующих институтов, всего уклада жизни. В отличие от процесса развития, который может быть как направляемым, так и спонтанным, проведение модернизации предполагает целенаправленные усилия по улучшению существующей ситуации (в том числе создание более благоприятных условий для развития), что составляет также суть реформистских акций. Но если под реформой чаще всего имеется в виду совершенствование экономической и политической системы, то модернизация выходит за рамки чисто институциональных преобразований и охватывает широкий комплекс мероприятий, затрагивающих все основные стороны жиз-

недеятельности общества. Поэтому вряд ли можно согласиться с трактовкой модернизации как просто обновления, трансформации существующего порядка без перехода к чему-то принципиально новому.

На фоне разворачивающегося преобразования капиталистического общества в «посткапиталистическое» прежнее понятие «модернизация» постепенно вытесняется понятием «постмодернизация», вместо безапелляционного акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, что было характерно для классической теории модернизации, наблюдается популяризация идеалов более гуманного общества, где самостоятельности, многообразия и самовыражению личности представляется больший простор⁶⁰. Французский философ Франсуа Лиотар, которому принадлежит пальма первенства в отношении введения термина «постмодернизм», определил его как скептицизм по отношению к «установкам, претендующим на устойчивость» (*incredulity towards metanarratives*), которые порождены прогрессистскими верованиями во всемогущество научного знания⁶¹. По словам Виктора Красильщикова: «Позднеиндустриальная модернизация и научно-индустриальная революция фактически подготовили условия для постиндустриальной модернизации, которая во многом представляет собой отрицание индустриального капитализма, разрыв с культурой “модернити”, — или постмодернизацию. Ее историческая сущность заключается в глобальном переходе от доминирования экономики в привычном смысле слова (т. е. производства материальных благ) к преимущественному производству человека, в возрастании роли научного знания и информации, в вытеснении простого труда интеллектуальной творческой деятельностью. Для постиндустриального, информационного общества характерны также замена массового производства и потребления гибкими производственными системами и индивидуализация потребностей и потребления. В процессе постиндустриализации становится необходимым решать экологические проблемы. Наконец, расширение степеней свободы при принятии решений ставит под сомнение идею предопределенности прогресса, особенно однолинейного, связанного только с покорением окружающей среды и увеличением материального богатства. Все очевиднее становится, что “история свободна”, общество начинает сознательно выбирать варианты своего будущего»⁶².

Необычайная популярность современной концепции глобализации объясняется прежде всего очевидными экономическими и

социальными успехами развитых стран, диктующих свои условия мировому рынку и завоевывающих авторитет своей агрессивной рекламой. Мир становится все более «открытым», а все страны взаимозависимыми, протекционистские потуги отдельных государств выглядят в этих условиях беспочвенными и контрпродуктивными. Развернувшаяся глобализация мирового хозяйства выдвинула на авансцену нового хозяйственного субъекта — транснациональные корпорации (ТНК), проникающие во все уголки света. Сегодня в мире насчитывается 35 тыс. ТНК, из которых, например, 5 крупнейших контролируют более половины мирового производства машинного оборудования. Особенно значительна степень концентрации в отраслях, связанных с информационными технологиями. Экономическая мощь крупных и сверхкрупных ТНК сравнима с экономическим потенциалом средних государств. Они пытаются диктовать свою волю правительствам отдельных стран, корректировать их действия, навязывать выгодную им стратегию через международные экономические организации. В конечном счете, власть транснациональных корпораций ставит под сомнение исключительную роль национальных государств, выдвигает на место национально-административных образований геоэкономические регионы с неопределенными пространственными контурами. Современный рынок, расширяя границы платежеспособного спроса, «взрывает» границы национальных государств и готов наращивать свою территориальную экспансию вплоть до исчерпания пределов планеты. Мир приближается к кульминационной точке поступательного развития капитализма как всемирного хозяйства и рынка как глобальной паутины товарных связей.

Вместе с тем готовность «слиться в глобалистском экстазе» выражают далеко не все страны и народы, да и не всем им предоставляется такая возможность. Среди негативных последствий, или издержек, глобализации ее критики на первое место ставят: увеличение разрыва в уровнях экономического и социального развития между бедными и богатыми странами; негативные последствия для окружающей среды; социальные проблемы, связанные с притоком рабочей силы из развивающихся стран в развитые и ряд других⁶³.

Поскольку участники глобализационного процесса находятся в разных весовых экономических категориях, наибольшую выгоду от глобализации получают развитые капиталистические страны, они желают «идти в отрыв», играя на неэквивалентном (или эквивалентом, но дискриминационном) обмене, расширяя при этом свой доступ к источникам сырья и рынкам сбыта. Технологический прогресс запад-

ных обществ, обеспечивший их доминирование в мировой экономике, породил в них самих сознание своей силы и возрастающей самостоятельности.

Слаборазвитые страны оказываются в сложном положении «аутсайдеров» процесса глобализации. Последствия ее вторжения в традиционную экономику, как когда-то вторжения капитализма, неоднозначны: условия мирового рынка диктуют принятие модели «открытой экономики», но слаборазвитые страны, не завершившие этап индустриализации, продолжают нуждаться в протекционистских мерах и обладают ограниченными экспортными возможностями. Безжалостность рыночной конкуренции лишает их надежды на успех в той «гонке за лидером», которая зовется «модернизацией». При наличии диктата мощных капиталистических стран с их агрессивной конкуренцией и заинтересованностью в сохранении менее развитых стран в качестве своих сырьевых придатков и резервуаров дешевой рабочей силы, «выскочить» из тенет экономической неполноценности и зависимости могут только отдельные счастливицы. В итоге процесс глобализации обеспечил неоспоримые преимущества тем странам, которые ранее других вступили в технологическо-информационную революцию, и в значительной степени лишил надежды всех остальных на успех в «гонке за лидером». Как пишет В.Г. Федотова, «нельзя согласиться с теми, кто считает, что глобализация — продолжение модернизации. Дело обстоит наоборот. Глобальная экономика — клуб уже модернизированных. Прежде господствовала идея прогресса (эвфемизм развития по западному образцу). Именно модернизация была глобальной тенденцией. Теперь клуб избранных отставил идею подталкивать к развитию менее удачливых. Глобализация оказалась противоположной модернизации, ибо догонять и имитировать — значит обрекать себя на прогрессирующее отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным. Поэтому в настоящее время чрезвычайно обострена критика модернизации и в особенности догоняющей модернизации, уже давно обнаружившей свою ограниченность»⁶⁴.

1.7. Понятие «социально-экономической модели»

Понятие «модель» перенесено в гуманитарные исследования из технических наук. В отличие от прикладных экономических разработок, где весьма полезен метод математического моделирования, в ма-

териалах политэкономического содержания термин «модель» выступает в роли особой философской категории, выражающей в конспективном виде суть анализируемого общественного устройства. Если категории «формация» и «цивилизация» служат развернутому определению характера социально-экономических отношений и культурных особенностей данного социума, то «модель» — это видовое своеобразие этих категорий, конкретизация исторического сюжета.

Следует различать два вида «социально-экономической модели»: 1) как некоей теоретической абстракции, набора главных характеристик воображаемой социально-экономической системы; 2) как совокупности типичных и особых черт реально существующего общественного устройства в общем виде или в различных ракурсах (политическая, экономическая, социальная модель). Иначе говоря, в одном случае «модель» — это общественный проект, сжатое изложение стратегии развития, а в другом случае — это отражение объективной реальности, «формула» специфики страны. Если относиться к «модели» не как к определенной данности, а как к продукту социальной инженерии, термин приобретает значение образца, выполняет нормообразующую функцию. В этом случае резонны споры о том, существует ли национальная модель или отсутствует, насколько ее можно считать сложившейся и «образцовой», ординарной или идеальной. Такой глубоко теоретический метод анализа выводит исследователей на различные варианты «моделей» капитализма и социализма, отражающие их стадиальную специфику. Если же придерживаться «приземленного» подхода, каждая страна может претендовать на свою самостоятельную «модель», а сама «модель» есть «слепок» данного общества, набор составляющих его институтов. Конкурирующие на международной арене национальные модели могут иметь более законченный вид или менее, могут отличаться продолжительностью своего существования и многими другими параметрами. Тем не менее, ссылки на переходный характер социально-экономических процессов не могут служить основанием для отказа от самой логики моделирования. В конце концов, существование какой-либо законченной, совершенной модели вообще исключено, в любой стране и на любом временном отрезке легко найти поводы для изменений и совершенствований.

Исходя из комбинации двух основных регуляторов всей человеческой деятельности — «государство» и «рынок», сочетающихся с двумя видами принуждения к труду (экономическое и прямое) и двумя формами власти (политическая, олицетворяемая государством, и экономическая в лице владельцев собственности), можно нарисовать при-

мерную схему эволюции современных социально-экономических моделей⁶⁵. Между двумя полюсными идеальными типами хозяйства (чистый этатизм, когда государство выступает как единственный монопольный собственник всей совокупности средств производства и все решения принимаются из одного центра, и чистое рыночное хозяйство при абсолютной децентрализации хозяйственных решений и господстве частной собственности) помещается множество комбинаций государственного и частного начал и, следовательно, государственно-частного партнерства.

Разные стадии капиталистического развития можно квалифицировать как самостоятельные модели общей капиталистической формации — «традиционный капитализм» («старый») и «современный» («неокапитализм»). Начало XX в. внесло существенные изменения в модель «традиционного капитализма», прежде всего касающиеся структурных характеристик — опережающий рост инфраструктурных отраслей, сферы обслуживания и финансовой сферы, которые совместились с кардинальными институциональными реформами. Модификации капиталистического рынка отличаются в первую очередь по степени вмешательства государства в рыночные отношения, что проявляется двояким образом: как введение государственного контроля над частными товаропроизводителями и как установление государственной собственности в том или ином секторе экономики.

В СССР концепция «множественности моделей социализма» воспринималась не иначе, как ревизия марксизма-ленинизма. Ленинское положение о том, что все нации придут к социализму не совсем одинаково, «каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁶⁶, сторонниками марксистского официоза интерпретировалось «сквозь зубы» как кое-какая вариативность политики построения социализма при неизменной сущности самого социалистического строя. Инициатору изучения «моделей социализма» видному советскому философу А.П. Бутенко пришлось выдержать целый град критических нападок со стороны партийных чиновников.

Схожая позиция видного коммунистического деятеля Роже Гароди послужила основанием для его исключения из французской коммунистической партии. Столь же неприемлемыми оказались для марксистских догматов тезисы Р. Гароди о том, что Восток развивался принципиально не так, как Запад, что марксистская теория общест-

венно-экономических формаций неприменима к Китаю «от начала до конца», что специфика «китайской модели социализма» — это законный повод для Мао Цзэдуна говорить о «китаизации марксизма»⁶⁷. Гароди обвиняли в том, что под предлогом решения «китайской проблемы» он отступил от основополагающих идей научного коммунизма о сущности социализма.

Российская история дала три образца социализма с разными подходами к использованию рыночных отношений — «военный коммунизм» и политика НЭПа как две разновидности «раннего» или первичного социализма и «государственный социализм», называемый также командно-административной системой, восточным социализмом, национал-большевизмом. В первые послереволюционные годы явно прослеживается ориентация на марксистский проект. Политика «военного коммунизма» было вызвана как сложной военной обстановкой и разрухой в хозяйственной жизни, так и, в немалой степени, господствующей среди большевиков идеологией, их стремлением реализовать принципиальные установки марксизма, в частности, на социалистические преобразования капиталистического товарного производства. Политика НЭПа была продиктована необходимостью стимулирования производительных сил, опираясь на нереализованные возможности капитализма. Установившийся в годы правления Сталина «государственный социализм» с его ярко выраженной доминантной ролью нерыночных отношений после завершения мобилизационной стадии сверхиндустриализации и под влиянием изменений международной обстановки был законсервирован условиями «холодной войны». Соперничество экономической и этической версий социализма было решено в пользу экономической, а этические идеалы стали парадным оформлением господствующей идеологии. Родство этой стратегии с элементами редистрибутивной матрицы совершенно очевидно. С течением времени нарастание противоречий вылилось в ситуацию «общего кризиса социализма», включающего серию кризисов: политической системы, натурально-распорядительной системы, политики протекционизма.

К изучению «моделей» социалистической экономики китайские ученые приступили еще в 1980—1981 гг. в известной мере «с подачи» посетивших Китай польского ученого Бруса и чешского ученого Шика. Позднее особое внимание китайских ученых привлекли работы венгерского ученого Корнаи. Выступая в сентябре 1985 г. на организованном в Китае международном совещании по макроэкономическому управлению, он изложил свое видение «социального моделирования»,

учитывающего наличие двух рычагов управления экономикой — административного и рыночного и двух форм воздействия на экономику — прямого и косвенного. Комбинируя эти признаки, Корнаи выделил 4 основные модели управления экономикой: прямое административное управление (1А); косвенное административное управление (1Б); неуправляемый рынок (ПА) и рынок с макроэкономическим управлением (ПБ)⁶⁸.

В 80-е годы в Китае в научных кругах и в СМИ сопоставлялись три модели социалистических преобразований: советская, югославская и венгерская. Большинство китайских экономистов отдавали предпочтение венгерским попыткам сочетания плановой и рыночной экономики. Югославская модель подвергалась критике за отступление от социалистических канонов, а советская модель, уже отошедшая в прошлое, воспринималась исключительно как исторический реликт. Позднее интерес исследователей переместился в Тихоокеанский регион, где находятся страны, принадлежавшие к конфуцианскому цивилизационному региону и обладающие подлинной цивилизационной пассионарностью.

Одним из первых в Китае по проблематике «моделей социализма» выступил видный китайский экономист Лю Гогун. Постепенно «моделирование» социализма превратилось по существу в особый раздел политэкономии социализма в Китае. Обобщая итоги дискуссий по этому вопросу, китайские исследователи выделяли разные виды подходов в зависимости от общего количества выделяемых «моделей»: три, четыре и пять. Теоретические построения базировались на роли государства в экономических процессах, соотношении централизации и децентрализации планового и рыночного регулирования.

Трехмодельная схема включала: 1) модель высокой централизации; 2) модель высокой децентрализации; 3) «гибридную» модель сочетания централизации и децентрализации⁶⁹. Либо: 1) экономическая модель прямого планового управления; 2) экономическая модель косвенного экономического планового управления; 3) экономическая модель автономных хозяйств⁷⁰.

Авторы четырехвариантной классификации опирались на исторический опыт строительства социализма и обосновывали: 1) модель военного коммунизма; 2) модель высокой централизации (сталинская модель); 3) модель демократического централизма (внедряемые в то время реформы в социалистических странах); 4) модель рабочего самоуправления (югославская)⁷¹.

В докладе, специально посвященном целевой модели хозяйственной реформы, который был подготовлен в 1984 г. под руководством вице-президента АОН Китая Лю Гогуана, перечислялись 5 моделей экономической системы социализма на основе следующих параметров: структура принятия решений, структура хозяйственного регулирования, структура интересов и стимулов и организационная структура. В полученном списке пяти моделей: 1) система нормированного снабжения военного коммунизма; 2) традиционная модель централизованной плановой экономики; 3) улучшенная модель централизованной плановой экономики; 4) модель органичного сочетания планового регулирования и рыночного механизма; 5) модель рыночной социалистической экономики⁷².

В статье «Экономические модели социализма и рынок» Лю Цзыхуэй выделил 5 моделей социализма в зависимости от степени товаризации народного хозяйства и характера макроэкономического контроля.

Модель «А» — полное отрицание роли рынка. Исторический пример — политика военного коммунизма в Советском Союзе. Ее наиболее характерные черты: милитаризация труда, высокая централизация экономической деятельности, свертывание товарно-денежных отношений, классовый и социальный принцип распределения жизненных благ.

Модель «В» — модель несовершенного рынка и высокой хозяйственной централизации, соответствующая советской системе до начала проведения реформы. Существует свободный выбор занятий и рынок предметов потребления, цены и заработная плата устанавливаются в основном административным путем.

Модель «С» — модель имитированного рынка. Существует конкурентный рынок трудовых услуг и предметов потребления. Предприятиям не устанавливаются директивные задания и лимиты на получение сырья и материалов. Их деятельность регулируется набором нормативов с учетом соотношения спроса и предложения. Капиталовложения находятся под государственным контролем. Рынок играет определенную роль, но все же не главенствующую, поскольку: 1) цены на средства производства остаются под государственным контролем; 2) финансовые потоки регулируются государством; 3) предприятия находятся не в одинаковых условиях хозяйствования; 4) главенствует государственная собственность.

Модель «Д» — рыночная экономика при макроэкономическом регулировании. Наличествуют рынок и горизонтальный перелив капиталов.

Модель «Е» — рыночное хозяйство без макроэкономического контроля⁷³.

Перечисленные модели дают общую картину реформирования социалистического строя: модели «А» и «В» — исходный момент и начало реформ, модели «Д» и «Е» — завершение реформ, модель «С» — этап проведения реформ. При анализе перехода с одного пути развития на другой или их слиянии (конвергенции) закономерен вопрос о пределах маркетизации. Можно ли удержать процесс рыночной трансформации и сопутствующий ей вестернизации в рамках имеющейся социально-культурной политической специфичности? Как формулировал этот вопрос Тойнби (в статье «Византийское наследие России»): может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутым в принятие ее целиком и полностью?⁷⁴ Вход в когорту западных развитых стран возможен только при условии колонизации реформируемой страны и полной вестернизации, которая естественно распространяется не только на экономическую, но и на духовную сферу.

Господствовавший в России лозунг «нереформируемости социализма» настраивал на смену доминантных признаков институциональной матрицы и переход «на другую колею» развития, что неизбежно сопряжено с утратой цивилизационной идентичности. В итоге в России либерализационно-приватизационные преобразования вышли за рамки допустимой маркетизации, но не привели к полной капитализации страны. Россия «зависла» между двумя институциональными матрицами. Состояние незавершенности реформы усугубляет сложившуюся кризисную ситуацию.

Модель «Вашингтонского консенсуса» (далее — ВК) была разработана на основе рекомендаций Международного валютного фонда, Мирового банка, Казначейства США и предложена в 1989 г. в виде проекта реформ для стран Латинской Америки, составленного сотрудником американского Института международной политики Джоном Уильямсоном. Документ имел целью отход этих стран от дирижистской модели экономического развития и принятие ими принципов экономической политики развитых капиталистических стран. 10 рекомендаций, перечисленных в ВК и претендовавших на универсальность, можно сгруппировать в следующие блоки:

- преобразования системы собственности: приватизация государственных предприятий, обеспечение приоритета частной собственности и гарантия ее сохранности со стороны правовой системы;

- поддержание фискальной дисциплины (минимальный дефицит бюджета), ограничение государственных расходов и их переориентация на сферы с высокой экономической отдачей, минимизация ставок налогов при достаточно широкой налоговой базе, поддержание реальной ставки по кредитам на невысоком уровне;
- ограничение государственного вмешательства в рыночные отношения (дерегулирование), отмена норм, ограничивающих конкуренцию, финансовая либерализация с конечной целью рыночного установления процентных ставок, либерализация притока иностранных инвестиций;
- проведение открытой внешнеэкономической политики, замена торговых ограничений тарифами и снижение ставок импортных пошлин, установление единого порядка конкуренции иностранных и отечественных фирм на внутреннем рынке, свободный обменный курс национальной валюты для стимулирования быстрого роста нетрадиционного экспорта;
- второстепенное значение распределения доходов, приоритетность здравоохранения, образования и инфраструктуры в государственных расходах.

Сутью предлагаемых мер можно считать ориентацию на открытую политику и капитализм свободного рынка при ограниченном государственном вмешательстве. Это — доктрина, обобщающая идеалы американских и британских неолибералов и неоконсерваторов.

Некоторые успехи, достигнутые в первые годы рекламирования ВК, были дезавуированы серией последующих кризисов: мексиканский кризис 1994 г., азиатский кризис 1997—1998 гг., аргентинский кризис 2001—2002 гг. Эта череда кризисов заставила пересмотреть макроэкономическую компоненту ВК. Попыткой скорректировать рекомендации ВК можно считать международный проект «Пересмотр Вашингтонского консенсуса». В сентябре 2004 г. на базе экспертных предложений был принят новый документ — «Барселонский консенсус». Главное изменение касается признания важности качества институтов. Экономический кризис 2008—2009 гг. окончательно дискредитировал «Вашингтонский консенсус», о кончине которого официально заявил в апреле 2009 г. тогдашний британский премьер Гордон Браун на очередном заседании «двадцатки». Вместе с ним была похоронена идея самодостаточности рыночных сил и универсальности регулируемой ими геополитической модели. На смену старому «Вашингтонскому консенсусу» пришли «Пекинский», «Сеуль-

ский» и «Мумбайский» консенсусы, сформулированные на основе обобщения опыта азиатских стран. С определенной долей условности они соотносятся с одним из трех основных типов модернизации в приложении к слаборазвитым странам.

Пекинский консенсус — модернизация, ориентированная на проведение индустриализации. Такая модель является капиталоемкой, высокий спрос на капиталовложения удовлетворяется за счет следующих источников: традиционных секторов экономики (сельское хозяйство), традиционного и нетрадиционного экспорта, сдерживания роста реальных доходов населения, иностранных инвестиций и кредитов.

Сеульский консенсус — экспортно ориентированная модель. Через расширение экспорта преодолевается узость внутреннего рынка, стимулируется диверсификация промышленного производства и внедрение более высоких технико-технологических стандартов.

Мумбайский консенсус — потребительски ориентированная модель. Реализация этой модели предполагает создание условий для повышения товарности сельского хозяйства, рост реальных доходов населения, формирующих потребительский спрос, расширение внутреннего рынка.

Примечания

¹ Маркс К. Из экономических рукописей 1857—3858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т 12. С 733.

² Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Избр. философ. произв. В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 164—165.

³ Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 46.

⁴ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С. 35.

⁵ Плетников Ю. Формационный и цивилизационный подходы к историческому процессу // Диалог. 1997. № 3. С. 50.

⁶ Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.

⁷ Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 46.

⁸ Илюшечкин Е.А. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 135.

⁹ Toffler A. The Third Wave. N-Y. 1980. См.: Егоров. Философия открытого мира. М.; Воронеж, 2002. С. 252.

¹⁰ Семенов Ю.И. *Философия истории // Современные тетради*. М., 2003. С. 250—251.

¹¹ Rostow W.W. *The stages of Economic Growth. A Non-communist Manifesto*. Cambridge, 1960; idem. *The Process of Economic Growth. The 2nd ed.* Oxford, 1960. P. 307—331; idem. *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge: The University Press, 1971. P. 230.

¹² Иноземцев В.Л. *За десять лет. К концепции постэкономического общества*. М., 1998. С. XIII (введение).

¹³ Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. СПб., 1995. С. 134.

¹⁴ Семенов Ю.И. *Указ. соч.* С. 192.

¹⁵ Там же. С. 165.

¹⁶ Можно подумать над введением своего рода маркировки разных моделей по тому типу, как это делается в отношении размеров одежды (т.е. по различной комбинации «Х» и «У» — Ху, Хуу, Ух и т.д.).

¹⁷ Кульпин Э.С. *Восток. Природа — технологии — ментальность на Дальнем Востоке*. М.б 2009. С. 143. А. Дж.

¹⁸ Цит. по: Кирдина С.Г. *Х- и У-экономики. Институциональный анализ*. М., 2004. С. 83.

¹⁹ Там же. С. 85.

²⁰ Долан Эдвин Дж., Линдсей Дэвид Е. *Рынок: макроэкономическая модель*. СПб., 1992. С. 20.

²¹ Моисеев Н.Н. *Судьба цивилизации. Путь Разума. Языки русской культуры*. М., 2000. С. 135.

²² Независимая газета. 19.08.1997.

²³ Авторство теории матриц с использованием знаков «Х» (редистрибутивная экономика) и «У» (рыночная экономика) принадлежит С.Г. Кирдиной.

²⁴ Печчеи А. *Человеческие качества*. М., 1980. С. 190.

²⁵ Сулейманов О. *НГ-сценарии*. 10.03.1999.

²⁶ Weber, Max. *Essays in Sociology*. N.Y.-Oxford. P. 48.

²⁷ Голландский экономист и историк Андре Франк в своей работе «Возвращение к восточным истокам: глобальная экономика и век Азии» (*Frank A. Re-Orient Global Economy in the Asian Age*. Berkley. 1998) утверждает, что Китай, по существу, создал первую систему международной торговли и был главным центром первого глобального экономического рынка, который проходил по «шелковому пути».

²⁸ Этапы и фазы капитализма даны на основе двух работ: А.И. Неклесса. *Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир*. Центр. Периферия. Россия. Сб. 1. М. 1999; В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Р. Федотова

«Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества» // Вопросы философии, 2008. № 5).

²⁹ *Herschencron A.* The Approach in European Industrialization. A Postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge. Mass, 1962.

³⁰ *Широков Г.К.* Парадоксы эволюции капитализма. М., 1998. С. 210—211

³¹ *Буртин Ю.* Конвергенция. Не в ней ли искомая «русская идея»? // Независимая газета. 13.04.1998.

³² *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 481.

³³ *Галкина Л.* Социализм как форма общественного сознания: некоторые закономерности и динамика развития // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 3. С. 16—17.

³⁴ О происхождении термина «социализм» см.: *Волгин В. П.* История социалистических идей. М.; Л., 1928. С. 9—10; Марксистско-ленинское учение о социализме и современность. М., 1975. С. 15.

³⁵ *Корниенко В.П.* Личная собственность как социалистическое производственное отношение. Киев, 1974. С. 5.

³⁶ *Гончарук С.* О соотношении принципов цивилизационного и формационного подходов с социальным познанием // Диалог. 1997. № 3. С. 56.

³⁷ *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М., 1996. С. 248—249.

³⁸ *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Введение в компаративистику. М., 1997. С. 87—97.

³⁹ *Marcuse H.* Protosocialism and late capitalism. Toward a theoretical synthesis on Bahro's analysis/ Intern. Polit. 1980

⁴⁰ *Маркарян К.* Общая теория постиндустриального государства. М., 2002. С. 86.

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 332.

⁴² *Шаванс Б.* Эволюционный путь социализма // Вопросы экономики. 1999. № 6. С. 5.

⁴³ *Brzezinski Z., Huntington S.P.* Political Power. USA-USSR. Similarities and Contrasts. Convergence or Evolution. N.Y., 1964. P. 7.

⁴⁴ *Sorokin P.A.* Mutual Convergence the United States and the USSR to the Mixed Sociological Type. — Mexico, 1961. P. 4—5.

⁴⁵ По итогам встречи с известными футурологами в редакции газеты «Правда» // Правда. 29.11.1990.

⁴⁶ *Шишков Ю.В.* Социализм и призрак «конвергентности» // Драма обновления. М., 1990. С. 159.

⁴⁷ Там же.

- ⁴⁸ Долан Эдвин Дж., Линдсей Дэвид Е. Рынок: макроэкономическая модель. СПб., 1992. С. 20.
- ⁴⁹ Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современно-го / под ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.
- ⁵⁰ Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 61.
- ⁵¹ Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку. М., 1996. С. 76—77 (выступление Бутенко А.П. на «круглом столе» в ИМЭПИ РАН).
- ⁵² Бузгалин А.В. Десять тезисов о рыночном социализме // Альтернативы. 2001. № 1.
- ⁵³ Muller-Frmak A. Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft. 1946. S. 105. Цит. по: Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб., 1999. С. 83.
- ⁵⁴ Социальное рыночное хозяйство... С. 89—90.
- ⁵⁵ Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999. С. 6.
- ⁵⁶ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. С. 100.
- ⁵⁷ Какое будущее ожидает человечество. Прага, 1964. С. 400.
- ⁵⁸ Нюрдаль Гуннар. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. С. 116—120.
- ⁵⁹ Белоцерковский В. Возможно ли создание новых развитых капиталистических государств // Независимая газета. 28.07.1999.
- ⁶⁰ Инглегарт П. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 269.
- ⁶¹ Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984. P. XXIV.
- ⁶² Красильщиков В. Россия и мировые модернизации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 93—94.
- ⁶³ Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М., 2001. С. 20.
- ⁶⁴ Федотова В. Россия в глобальном и внутреннем мире // Независимая газета. 21.02.2001.
- ⁶⁵ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М., 2006. С. 295—303.
- ⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 123.
- ⁶⁷ Garaudy Roger. Le probleme chinois. Paris, 1967. P. 15—29; Le grand tournant du socialisme. Gallimard, 1969. P. 282.
- ⁶⁸ Цзинцзи яньцзю. 1985. № 12. С. 3—4.

⁶⁹ У Цзинлянь. Цзинцзи гайгэ вэньти ды яньцзю : [Исследование проблем экономической реформы]. Пекин, 1987. С. 318.

⁷⁰ Гу Сян. Сулянь юй Дуноу гоцзя ды цзинцзи чжиду ды лэйсин юй та ды гайбянь : [Типы экономических систем СССР и восточноевропейских стран и их изменения] // Цзинцзисюэ дунтай. 1985. № 6.

⁷¹ Су Шаочжи. Шэхуэйчжуй чжиду ды моши: бицзяо хэ яньцзю : [Сравнение и анализ различных моделей социалистической системы] // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 1985. № 1.

⁷² Чжунго шэхуэй кэсюэ. 1984. № 5.

⁷³ Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли. 1986. № 3. С. 41.

⁷⁴ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 106.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

2.1. Наследие китайской империи

Китайская цивилизация — единственная из всех древних цивилизаций, дожившая до наших дней. Ее достоверная история начинается с XIV—XIII вв. до н.э. от иньских поселений в среднем течении реки Хуанхэ. В середине первого тысячелетия до н.э. широкое применение железных орудий, использование тягловой силы домашних животных и ирригации дали мощный толчок повышению производительности труда в сельском хозяйстве, позволили расширить площадь пахотных земель, стимулировали процветание ремесел и рост городов. Это создало необходимые условия для дальнейшего общественного разделения труда и расширения товарного обмена, отделения умственного труда от физического, управленческих функций от исполнительских. Власти поощряли изобретательство и разного рода технические усовершенствования. На VI—IV вв. до н.э. приходится коренной качественный перелом в развитии производительных сил Китая, связанный с прогрессивным изменением системы землепользования и переходом к сословно-классовому обществу.

В условиях жесточайшего социально-экологического кризиса, вызванного сокращением плодородных земель и беспрестанной угрозой со стороны кочевников, окрепла тенденция к централизации власти и объединению складывавшихся на территории Китая прото-государств. Объединение разрозненных земель произвел жестокий правитель наиболее сильного в военном отношении царства Цинь, который основал в 246 г. до н.э. новую династию и стал именоваться Цинь Шихуанди, что значит Первый император династии Цинь. При следующей династии Хань китайское общество успешно решило задачу эффективного использования земли и освоения высокоурожай-

ных сельскохозяйственных культур. По современным оценкам, урожайность зерновых культур в Китае за 2 тыс. лет нашей эры выросла в 2,2 раза¹. Эта подлинная революция в производительных силах и повышении избыточного продукта имели целый ряд последствий, среди которых — демографический рост, развитие кустарных промыслов, освоение пустовавших земель, миграция населения в города, которые превращались в торговые и ремесленные центры. Возникли такие новые формы хозяйствования, как наемный труд, ростовщичество и предоставление денежных ссуд под залог, частнособственническая аренда. Ремесло разделилось на казенное, обслуживавшее нужды верховных правителей, и частное, работавшее главным образом на горожан. Наряду с мелкой городской стала развиваться и межобластная торговля, которой занимались крупные купцы. Что же касается крестьян, то их хозяйство носило по-прежнему натуральный и полунатуральный характер. Они сами изготавливали для себя несложные сельскохозяйственные орудия и самый необходимый в быту инвентарь.

Все 2000 с лишним лет, прошедших с момента основания китайской империи до ее краха и провозглашения страны республикой в результате революции 1911 г. (Синьхайской), Китай жил по закону чередования правящих династий, каждая из которых проходила фазы подъема, расцвета и упадка. Китайская историография придавала большое значение определению хронологических рамок династий, складывавшихся из этапов правления отдельных императоров. В цепи династийных эпох не могло быть никаких «разрывов», и вся история выглядела как единый поток времени с поступательно-циклическим переходом от одной стадии к другой. Каждая династия представляла собой не только временное пространство того или иного «царствующего дома», но и особый тип режима, установленного основателем династии и поддерживаемый его наследниками, со своей государственной идеологией, частично отражаемой в девизе правления.

В течение четырех веков после династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) сменились 6 династий (Вэй, Цзинь, Сун, Лян, Чэнь, Суй). Это была эпоха раздробленности, междоусобных войн, смут и нашествий кочевников. При династиях Тан (618—907 г. н.э.) и Сун (960—1279 г. н.э.) Китай достиг высокого уровня развития экономики и культуры. С 1280 г. он почти на целое столетие оказался под властью чужеземных завоевателей, установивших монгольскую династию Юань со столицей в Пекине. Ее власть распространялась не только на исконно китайские земли, но и на значительную часть Евразийского континента. Только в 1368 г. буддийский монах Чжу Юаньчжан во

главе отряда повстанцев взял штурмом Пекин, изгнал монголов и восстановил национальное китайское государство, основав династию Мин. В XV—XVI вв. страна вновь вступила в состояние экономического подъема, росли города, развивались ремесло и торговля. Китай имел выгодные торговые колонии и установил господство на морских путях западной части Тихого и восточной части Индийского океанов. В целях защиты от возможного повторения монгольского нашествия минские правители предприняли строительство грандиозного оборонительного сооружения вдоль северных рубежей, объединив построенные ранее отдельные участки каменной стены в Великую китайскую стену.

В 1516 г. состоялось первое знакомство китайцев с европейцами. Португальские суда достигли юга Китая и выступили с претензиями на проживание и на торговлю с кантонскими купцами. Сначала минский двор пошел на некоторые уступки, но затем запретил европейцам въезд в страну (кроме португальского поселения в Макао).

В 1628 г. в Шэньси началась крестьянская война, которая бушевала без малого 19 лет и в значительной мере способствовала гибели Минской династии. Сначала восставшие терпели поражения, но потом начали собираться под знамена своего вождя Ли Цзычэна и в 1644 г. совершили поход на минскую столицу Бэйцзин (Пекин). Последний император династии Мин покончил жизнь самоубийством. Испугавшись победы крестьянского восстания, минские правители обратились за помощью к маньчжурам и открыли им дорогу на столицу. Восставшие отступили, но маньчжурские «союзники» заняли Пекин и провозгласили власть династии Цин. Постепенно они начали захватывать одну часть китайской территории за другой. В Китае вторично за всю его историю установилось господство чужеземцев.

Новые правители не посягали на китайское государственное устройство, отдавая себе роль привилегированного сословия реформаторов. Первые императоры Цин упорядочивали налоги и систему землепользования, поощряли ремесла и торговлю. Стремясь расширить свои владения и покончить с крестьянским восстанием, маньчжуры приступили к завоеванию Северной Монголии (Халхи), а затем и Восточного Туркестана. В середине XVIII в. в результате «второй волны» маньчжурских завоеваний к китайской империи были присоединены Тибет, Джунгария и Кашгария. Значительная часть Центральной Азии оказалась в границах Китая на правах образованной в 1759 г. пров. Синьцзян (Новое пограничье). Вассальные отношения связывали цинов с Вьетнамом, Кореей и Бирмой. Приобретая новые

земли и подняв уровень сельского и городского производства, Цинская империя достигла зенита своего могущества.

В начале XIX в. Китай вступил в затухающую стадию династийного цикла, углубления социальных противоречий, о чем свидетельствуют многочисленные крестьянские восстания. В результате своей политической и военной слабости маньчжурские правители не смогли противостоять иностранной агрессии, которая от торговой войны с использованием контрабанды наркотиков перешла к стадии военного вторжения и захвата территории. Поражение Китая в первой опиумной войне начала 1840-х годов положило конец эпохе изоляции Китая и открыло двери вторжению иностранного капитала и колониальному закабалению. Европейские государства навязали Китаю систему неравноправных договоров, разделили страну на «сферы влияния», основали в приморских городах концессии и сэттльменты. С этого времени началось напластование двух разнородных начал: 1) старого, традиционного и автохонного и 2) нового, буржуазного и иностранного. Насильственное «открытие» Китая вело к постепенному разрушению средневековых порядков и утверждению разнообразных форм «зависимого капитализма». О расколе китайского общества свидетельствует развернувшаяся полемика между сторонниками «специфического пути» развития («твердолобые») и «западниками», признававшими необходимость модернизации страны по образцу развитых капиталистических стран.

Недовольство населения и массовые крестьянские восстания усугубляли нарастающую дестабилизацию. В 1850—1868 гг. в Китае развернулась великая Крестьянская война, так называемая тайпинская революция, участники которой называли себя тайпинами. Их руководителем и духовным вождем стал сельский учитель в Гуандуне Хун Сюцюань (1814—1864 гг.). Провозгласив своей целью создание Небесного государства Великого благоденствия (Тайпин Тяньго), вожди тайпинов пытались реализовать свои представления о равенстве и справедливости. Хун Сюцюань и его последователи планировали соединить идеалы традиционного китайского общества с христианскими постулатами, добиться синтеза китайского и западного начал. Военные успехи в первые годы восстания тайпины не сумели закрепить. Цинские правители умело использовали противоречия в стане восставших, нарастили свои силы и в конце концов удержали свою власть. Лидеры китайских военных группировок, сыгравшие важную роль в подавлении крестьянского восстания, заняли важные посты в цинской верхушке. В 1865 г. вдовствующая императрица Цыси при их

поддержке совершила дворцовый переворот и стала на четыре десятилетия по сути единовластной правительницей Китая, не считавшейся с мнением молодого императора Гуансюя и с нараставшими социальными противоречиями.

Поражение в войне с Японией (1894—1895 гг.) спровоцировало начало движения за осуществление реформ, которое возглавила помещичье-буржуазная партия во главе с Кан Ювэем. Созданная почти одновременно первая революционная политическая организация во главе с видным китайским политическим деятелем Сунь Ятсеном, которая объединила в основном представителей национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции Южного Китая, разрабатывала свою, более кардинальную программу реформ, которая получила поддержку со стороны императора Гуансюя. После выхода императорского указа от 11 июня 1898 г. «Об установлении основной линии государственной политики» в течение 100 дней последовала серия государственных установлений в отношении преобразований государственного аппарата, модернизации армии и флота, системы образования, что положило начало кратковременному периоду умеренных буржуазных реформ (так называемые «100 дней реформ»). Опасаясь за свое положение, придворные в окружении Цыси 22 сентября 1898 г. устроили государственный переворот, арестовав реформаторов и посадив под домашний арест самого императора. Укрепив свою власть, Цыси отменила все начатые реформы.

Противоречие между экономической отсталостью, унаследованной от традиционного прошлого, и потребностью быстрого экономического, социального и духовного развития страны не только не было ликвидировано, но продолжало нарастать. Одновременно усилились элементы экономической и политической раздробленности, всегда присутствовавшие в китайской империи.

Начало XX в. ознаменовалось новым революционным подъемом, созданием оппозиционных общественных организаций. Серьезные последствия имело восстание 1900 г. под руководством тайного общества Ихэтуань (Отряды справедливости и мира). Оно носило ярко выраженный национально-освободительный характер и послужило поводом иностранной интервенции восьми западных держав с захватом Пекина. Новое сокрушительное поражение, понесенное Китаем, закрепило его полуколониальный статус и побудило китайские власти к проведению реформ, получивших название «новой политики». Впервые в истории китайской империи государство объявило о своем на-

мерении способствовать предпринимательству, притоку частного капитала в промышленность.

Вместе с ростом капиталистического уклада начала складываться националистическая оппозиция режиму. В 1905 г. разрозненные организации объединились в Революционную лигу (Китайский революционный союз, по-китайски *Чжунго гэмин тунмэнхуэй*), во главе которой встал Сунь Ятсен. Политическая программа нового объединения предусматривала свержение маньчжурской династии, учреждение республики, уравнивание прав на землю, что соответствовало трем принципам Сунь Ятсена — национализм, народовластие, народное благоденствие. Сферой деятельности революционной партии стал в основном Южный Китай. Милитаристские группировки Северного Китая, все более обособлявшегося от Юга, выдвинули на пост главнокомандующего Юань Шикая.

Первое место среди глубоких потрясений начала XX в. занимает Синьхайская революция в Китае 1911 г. Этот год по лунному календарю обозначен циклическими знаками «синь» и «хай», откуда и произошло название революции. Равноудаленная на 6 лет от российских революций 1905 и 1917 гг., Синьхайская революция — проявление глубокого кризиса китайского общества, вызванного застойным состоянием «феодализма с китайской спецификой», порочной политикой цинского правительства и агрессивными действиями империализма. Победу революции обеспечил широкий антицинский фронт, объединивший национальную буржуазию, массы крестьянства и прогрессивно настроенной интеллигенции, а также тех представителей власти, которые осознавали бесперспективность реакционного цинского режима. Показательно, что империалистические державы на этот раз не пошли на военную поддержку обанкротившихся китайских правителей, рассчитывая на большую выгоду от союза с новой властью.

Покончив с более чем двухвековым маньчжурским господством и одновременно с почти двухтысячелетней китайской империей, Синьхайская революция приостановила полную колонизацию страны, что позволяет охарактеризовать эту революции в первую очередь как национально-освободительную. Однако значение революции вышло за рамки свержения пришедшей власти. Вместе с гибелью маньчжурской династии была прекращена династийная цикличность и положено начало политической модернизации. Китай вырвался из тесных оков консервативных традиций. Учреждение новых политических институтов (президентство, парламент, Конституция) свидетельствовало о стремлении обновить политическую надстройку в соответствии с об-

щемировыми демократическими тенденциями и, прежде всего, западными стандартами политического устройства. Развернулась борьба между сторонниками капиталистического и некапиталистического развития Китая. Победа российской революции оказалась мощной поддержкой тех прогрессивных сил, которые защищали интересы простого народа. Под влиянием российской революции первые шаги начало делать коммунистическое движение. В июле 1921 г. в Шанхае состоялся первый нелегальный съезд Коммунистической партии Китая. Принятая съездом Программа КПК провозгласила установку на социалистическую революцию.

О движущих силах Синьхайской революции и достигнутых результатах существуют разные точки зрения. Поскольку буржуазии не удалось пробиться к власти, которую сформировали представители старого режима — чиновники, милитаристы, крупные землевладельцы, заявка на ее буржуазный характер не была реализована. Но, строго говоря, китайская буржуазия в силу своей немногочисленности и слабости не была готова к взятию власти и, тем более, к ее отстаиванию и использованию. Показательно, что революционное требование видного революционера и первого президента Китайской республики Сунь Ятсена об уравнивании прав на землю, которое могло бы стимулировать капиталистическое развитие, не нашло широкой поддержки у торгово-промышленной и мелкой буржуазии.

После Синьхайской революции началось новое государственное строительство с оглядкой на международный опыт. В марте 1912 г. была опубликована временная Конституция Китайской республики, которая провозглашала свободу личности, слова, печати и организаций. В стране началось партийное строительство. В августе 1912 г. в результате слияния самой крупной в то время партийной коалиции Революционной лиги с четырьмя мелкими партийными группировками образовалась национальная партия Гоминьдан, одержавшая победу на выборах в парламент в декабре 1912 — феврале 1913 г. Вскоре национальная буржуазия раскололась на два крыла — либеральное и революционно-демократическое. Либеральная буржуазия оттеснила от власти революционных демократов, руководимых Сунь Ятсеном. После короткого пребывания на посту президента Сунь Ятсен вынужден был уступить руководство страной лидеру северных милитаристов Юань Шикаю. Подавив в июле 1913 г. направленное против него выступление деятелей Гоминьдана, Юань Шикай лишил членов партии Гоминьдан депутатских мандатов и запретил деятельность партии. Затем он распустил парламент и в 1914 г. внес изменения в Кон-

ституцию, увеличив срок президентских полномочий и расширив его права. Общественность расценила эти действия президента как его претензии стать новым императором Китая. такому развороту событий помешала смерть Юань Шикая в июне 1915 г.

Из трех задач, ставших перед Синьхайской революцией (свержение маньчжурской монархии, установление полного государственного суверенитета и противостояние колониальной экспансии) в 1912—1913 гг. была решена только первая. Тем не менее, революция привела к серьезным демократическим преобразованиям, учредила республиканский строй. На местах были проведены меры, направленные на создание условий для расширения торговли и промышленного производства, повышения товарности сельского хозяйства. И все же главный итог революции — не расчистка дороги для становления капитализма, а свержение цинского правительства, служившего олицетворением реакции и политического произвола, предотвращение попыток реставрации монархического режима, в чем, помимо мощного противодействия китайского общества, сыграло роль и такое случайно-неслучайное обстоятельство, как неожиданная смерть президента Юань Шикая. Наиболее подходящим для Синьхайской революции, завершившейся установлением первой азиатской республики, может быть ее определение как «антифеодальная» с оговоркой о специфике восточного феодализма. Однако реальная власть центрального правительства Китайской республики оказалась слабой, страна распалась на региональные милитаристские сатрапии.

Такие действия нового правительства, как облегчение положения трудящихся масс, улучшение правовой защиты граждан, запрещение купли-продажи рабов, запрет на бинтование ног у девочек, запрещение курения опиума, положили конец господству средневековых порядков, предотвратили деградацию китайской нации в результате массовой наркомании, ослабили угрозу дальнейшей колонизации страны западными державами. Огромное моральное значение имело провозглашение революцией равенства полов, прекращение чуждого китайцам бритья головы и заплетания волос в косы в качестве демонстрации своей покорности маньчжурским правителям.

После Синьхайской революции выявились три основных политических течения, по-разному решавших проблему соотношения «государства» и «народа». «Этатисты» на первое место ставили государство, возлагая надежды на отлаженную государственную машину, способную заменить императора и служить гарантом благополучия народа. Другое течение, которое условно можно назвать демократическим, от-

стаивало первичность интересов народа и его участие в управлении страной. «Центристы» стояли за максимальное преодоление разрыва между государством и народом (обществом), возлагая ответственность за соблюдение общественного единства на государственный аппарат.

Японская военщина вознамерилась использовать слабость Китая и поражение Германии в Первой мировой войне для захвата зоны германского влияния — полуострова Шаньдун. В 1919 г. Япония выдвинула Китаю 21 требование, включая закрепление своего фактического господства в Шаньдуне, в южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, что спровоцировало массовые антияпонские выступления (так называемое «движение 4 мая»). Развернувшееся движение за «новую культуру» стимулировало богатые духовные потенции ханьской нации.

В начале 20-х годов Китай находился в состоянии политической раздробленности, непрекращающейся милитаристской междоусобицы. За спинами конфликтовавших генералов стояли империалистические державы. В мае 1923 г. в условиях подъема национально-демократического движения парламент принял Конституцию (до этого действовала только временная конституция), в которой провозглашались буржуазно-демократические свободы. Китайская республика возглавлялась парламентом и избранным им президентом, который наделялся широкими полномочиями. Однако в стране в те годы фактически существовали два самостоятельных и враждебных правительства — реакционное пекинское и прогрессивное гуанчжоуское. Гуанчжоуское правительство не признало преемника Юань Шикая Дуань Цижуя и избрало Сунь Ятсена «генералиссимусом Южного Китая».

С 1923 г. Сунь Ятсен взял курс на союз с СССР. В качестве ядра новой революционной армии в начале 1924 г. была создана офицерская школа Хуанпу, недалеко от Гуанчжоу. Ее возглавил военачальник Гоминьдана Чан Кайши. Один из руководящих постов в школе Хуанпу занимал видный деятель коммунистического движения в Китае Чжоу Эньлай.

Вскоре после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. революционный подъем в Китае вылился в форму антиимпериалистической революции 1925—1927 гг. Основными лозунгами национально-освободительного движения были полное восстановление национального суверенитета, свержение засилья империалистической агентуры в лице милитаристов и политическое объединение страны под властью демократического национального правительства. В достижении целей революции были заинтересованы самые различные политические

силы, что создало возможность временного союза партии Гоминьдан и компартии. Серия событий 1925—1927 гг. завершилась закреплением консервативной тенденции и распадом партийной коалиции Гоминьдана и КПК. После контрреволюционного переворота Чан Кайши развернулся противоречивый процесс формирования новой государственности под эгидой партии Гоминьдан с основополагающей идеей тесного сращивания партийной, военной и управленческой бюрократии, которая мало чем отличалась от традиционной китайской деспотии².

Состоявшийся в феврале 1928 г. IX пленум Исполкома Коминтерна принял резолюцию по китайскому вопросу, в которой было дано определение характера революции 1925—1927 гг.: «Текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции, которая не завершена ни с точки зрения экономической (аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений), ни с точки зрения национальной борьбы против империализма (объединение Китая и национальная независимость), ни с точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства)». Пленум подчеркнул, что «характеристика текущего этапа... как революции, переросшей уже в революцию социалистическую, неправильна. Равным образом неправильна ее характеристика как революции “перманентной”»³.

Резолюции IX пленума ИККИ легли в основу решений VI съезда КПК, который выдвинул курс на создание в сельской местности собственных вооруженных сил и на организацию в глубине страны крупных и стабильных революционных баз. К осени 1931 г. в стране возникло несколько советских районов: Центральный советский район в юго-восточной Цзянси и западной Фуцзяни (4-я армейская группировка Красной армии); советский район на стыке провинций Хубэй—Хэнань—Аньхой; советский район Хэнань—Хубэй, к западу от Уханя (2-я армейская группировка); район Цзянси—Фуцзянь—Чжэцзян (10-й корпус); район Цзянси—Хунань—Хубэй (16-й корпус); район Цзянси—Хунань (8-й корпус).

30-е годы — черная полоса японской агрессии. 18 сентября 1931 г. командование японской Квантунской армии ввело войска в города Шэньян, Чанчунь, Аньдун, положив начало захвату Северо-Восточного Китая. Последний император Цинской империи Пу И был захвачен японцами, перевезен в Чанчунь и объявлен императором нового государства Маньчжоу-го.

В начале января 1932 г. в Нанкине был сформирован новый состав национального правительства, председателем которого стал Ван Цзинвэй, придерживавшийся прояпонской ориентации. Ключевой пост главнокомандующего вооруженными силами занял Чан Кайши. Несмотря на некоторые успехи в деле объединения страны в 1931—1935 гг., нанкинский режим не смог установить действенного и безраздельного контроля ни в стране в целом, ни в партии, ни в правительственном аппарате. Часть территории закрепились за различными милитаристскими группировками и за армейскими подразделениями коммунистов. Весной 1933 г. Чан Кайши приступил к подготовке нового, пятого по счету, похода против советских районов. Ввиду явного численного превосходства гоминьдановцев отряды Красной армии численными были отступили в удаленные районы Северо-Западного Китая и перебазировались в район на стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся.

Политика Нанкина (служившего в те годы государственной столицей) была направлена на союз с империалистическими державами. Несмотря на экономический кризис в 1933 г., доля иностранных предприятий в выплавке чугуна составляла 82,5 %, в производстве электроэнергии — 62,6, хлопчатобумажных тканей — 61,4, табачных изделий — 56,9, в добыче каменного угля — 38,9 %. В 1935 г. фирмам империалистических государств принадлежало 46 % всех веретен и 52 % ткацких станков в текстильной промышленности. В 1931—1936 гг. иностранные капиталовложения выросли на 27 %⁴.

С начала 1935 г. японское правительство приступило к выполнению своего плана полного подчинения Китая. Спровоцировав инцидент у моста Лугоуцяо близ Пекина, японцы в 1937 г. развернули военное наступление на Китай, в течение месяца захватили Пекин и Тяньцзинь, а в ноябре после ожесточенных боев сумели овладеть Шанхаем. 14 декабря в Пекине было создано марионеточное прояпонское правительство. На день раньше пал Нанкин, служивший до того столицей Китайской республики, китайское правительство эвакуировалось в Ханькоу. После захвата Нанкина японская армия в целях устрашения китайцев устроила в городе кровавую резню гражданского населения, продолжавшуюся 5 дней. В ней погибло 200 тыс. человек.

В июне—июле 1938 г. китайская армия остановила стратегическое наступление японцев на Ханькоу, разрушив ради этого дамбы на реке Хуанхэ, которая сменила свое русло и затопила огромный район южнее Шаньдуна. Спустя некоторое время японцы все же захватили

Ханькоу, и столица еще раз была перенесена на запад, на этот раз в город Чунцин. 22 октября последовала сдача японцам города Гуанчжоу и английской колонии Гонконг. В декабре 1938 г. японский премьер Коноэ объявил о плане создания «нового порядка в Восточной Азии» под эгидой Японии и при участии Китая и Маньчжурии. В марте 1940 г. японцы инициировали создание в Нанкине так называемого центрального национального правительства во главе с Ван Цзинвэем, противостоящего национальному правительству, которое возглавил Чан Кайши. 9 декабря 1941 г. Китай официально объявил войну Германии и Италии, а 10 декабря — Японии.

Растущая угроза полной потери самостоятельности страны потребовала от чунцинского правительства временного прекращения противостояния коммунистам и перехода по рекомендации Коминтерна к политике «единого фронта» КПК с Гоминьданом. В начале 40-х годов, полагаясь на победу СССР в войне и с Германией, и с Японией, компартия перешла к тактике пассивного противостояния оккупантам, сохранения и накопления сил для предстоящей борьбы со своими основными политическими противниками.

События после Синьхайской революции (вооруженные столкновения милитаристов, гражданская война, японская оккупация и непрекращавшиеся атаки японских войск против гоминьдановских соединений. последующий разгром фашистской коалиции) приблизили страну к победе народно-демократической революции 1949 г. На состоявшемся в Яньнани 23 апреля — 11 июня 1945 г. VII съезде КПК, когда поражение Японии уже было не за горами, обсуждалась Программа «новодемократической революции», которая предусматривала укрепление национальной независимости нового Китая, ликвидацию феодальных отношений в деревне, передачу земли крестьянству, переход в руки государства ключевых отраслей народного хозяйства (банки, железные дороги, воздушное сообщение и т. д.), ограничение крупного китайского и иностранного капитала при всемерном поощрении деловой активности средней и мелкой буржуазии. В докладе Мао Цзэдуна на этом съезде подчеркивалось, что эта программа «новой демократии» не выходит за рамки «трех народных принципов» Сунь Ятсена и не направлена на уничтожение частной собственности. По словам Мао Цзэдуна, «в результате этой революции будет расчищен путь для развития капитализма»⁵.

8 августа 1845 г. Советское правительство заявило о присоединении СССР к Потсдамской декларации США, Англии и Китая, требующей безоговорочной капитуляции Японии. 9 августа Советский

Союз вступил в войну с Японией. Военные действия развернулись одновременно в Маньчжурии, на Сахалине, в Корее и на Курильских островах. Уже к 28 августа были освобождены крупнейшие города Северо-Восточного Китая — Харбин, Шэньян, Цзилинь, Чанчунь, Льюшунь (Порт-Артур), что сделало сопротивление японской армии бессмысленным. Официальный акт о безоговорочной капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г.

К моменту окончания Второй мировой войны в Китае сложилось два вида власти: официальное гоминьдановское правительство, контролировавшее большую часть территории страны, где проживали почти 300 млн человек, и народные правительства коммунистов в так называемых «освобожденных районах». К концу 1945 г. освобожденные районы занимали почти четверть территории Китая с населением 150 млн человек. В Маньчжурии, полностью освобожденной от японских оккупантов, находились советские войска. Советский Союз оказывал моральную и материальную помощь китайским коммунистам и парализовал осуществление планов американцев по организации прямой вооруженной интервенции против демократических сил Китая.

С осени 1945 г. и до марта 1947 г. между КПК и Гоминьданом шли мирные переговоры и продолжались локальные военные стычки. Было достигнуто временное соглашение о перемирии и о послевоенном государственном строительстве при паритетном участии обеих партий в Государственном совете. Однако это соглашение было нарушено гоминьдановцами, начавшими новые атаки против освобожденных районов. В июле 1947 г. Народно-освободительная армия Китая под руководством коммунистов перешла в стратегическое наступление с целью свержения гоминьдановской власти и создания народно-демократического строя. В конце 1948 — начале 1949 г. НОА провела серию военных операций, оказавшихся решающими для исхода войны и завершившихся осенью 1949 г. полным освобождением континентального Китая от гоминьдановских войск. Остаткам гоминьдановских войск удалось переправиться на остров Тайвань.

21 сентября 1949 г. в Пекине открылась сессия Народной политической консультативной конференции Китая (НПКК). Она явилась организационной формой народно-демократического единого фронта трудового крестьянства, рабочего класса, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и прочих патриотических элементов во главе с коммунистами. Сессия приняла Общую программу

НПКК, которая до выработки конституции (1954 г.) выполняла одновременно роль основного закона КНР. В последний день работы, 30 сентября 1949 г., НПКК выбрала свой постоянный рабочий орган — Всекитайский комитет и Центральное народное правительство КНР. 1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге в Пекине, на площади Тяньаньмэнь, была оглашена Декларация Центрального народного правительства о создании Китайской Народной Республики.

2.2. Характер дореволюционного китайского общества

Главной особенностью «традиционного» (древнего и средневекового) строя Китая можно считать особую роль государства и его первого лица, политическое, экономическое, а также идеологическое господство государственной власти над обществом. Опиравшееся на разветвленную административную иерархию «бюрократическое государство» выступало как ультраконсервативная сила, использовавшая в целях сохранения статус-кво различные методы внеэкономического принуждения. В политической и в хозяйственной жизни наблюдалось сложное сочетание централизации и децентрализации. Крупные административные единицы («*шэнь*», или провинции) вели свое происхождение от древних самостоятельных государств, и в пору существования единой китайской империи сохраняли значительную хозяйственную самостоятельность и стремление к сепаратизму. Столица страны была резиденцией императорского двора и символом нации, но по численности населения и по своему хозяйственному значению все провинциальные центры могли составить ей конкуренцию. Каждая ступень иерархической лестницы имела определенный «резерв» свободы, создававший экономическую заинтересованность в результатах труда (и управления). Чиновник-*шэньши* управлял своим уделом на правах «кормления» и при условии выполнения государственных обязательств мог облагать население дополнительными поборами в свою пользу.

На протяжении многих веков Китай оставался великой аграрной державой. Города в Китае возникли в глубокой древности как сгустки неземледельческих видов деятельности и оборонные форпосты и отличались беспрецедентной по тем временам численностью населения

в несколько сот тысяч человек. Но в дальнейшем процесс урбанизации протекал в вялом режиме. Даже в середине XX в. степень урбанизации оставалась низкой (в 1949 г. — 10,6 %). Город не являлся самостоятельной административной единицей, а объединялся с уездом, последним уровнем местного административного управления с назначаемыми сверху чиновниками. Выполняя функцию урбанистического каркаса государства, города противостояли своей аграрной периферии политически и культурно, но не экономически, снабжая ее изделиями кустарных промыслов и получая взамен необходимые ресурсы в виде продовольствия, собираемых налогов и переселявшихся в города крестьян. Подобно деревне, город был вписан в систему рентных отношений. Горожане не признавались особым сословием и вместе с крестьянством входили в состав «простонародья». Городское самоуправление отсутствовало. И городское, и сельское население в равной мере находилось под жестким присмотром правительственных чиновников. Ремесленные «цеха» были прикреплены к государственным управам, не претендовали на самоуправление и реально оставались формой контроля и управления сверху.

Существуют разные точки зрения относительно характера земельных отношений в традиционном Китае. Бюрократия китайского деспотического государства эксплуатировала крестьянство и коллективно — путем ренты-налога, и индивидуально — в качестве частных землевладельцев через систему кабальной земельной аренды. Отсюда две основные формы земельных отношений по линиям: 1) «казна — податные крестьяне и землевладельцы-налогоплательщики»; 2) «землевладелец — зависимые держатели земли». Полное верховенство государства над всей территорией страны сдерживало развитие частного землевладения. Даже крупный землевладелец-арендодатель должен был считаться с распоряжениями государственных чиновников о выращивании определенных культур или о сроках полевых работ. Никакой конституционной нормы или закона, который хотя бы на бумаге обеспечивал неприкосновенность его прав, не существовало. В интегральное сословие «*нунминь*» (крестьяне) вместе с местной элитой (неслуживые «*шэньши*», крупные землевладельцы-налогоплательщики, сельские торговцы и ростовщики) входили и рядовые земледельцы, работавшие на собственной земле, а также безземельные батраки и арендаторы. Их всех объединяла кланово-общинная система, нивелировавшая противоречия между «имущими» и «неимущими». Протест стихийных крестьянских движений был направлен обычно не столько против арендодателей, сколько против налогов, повинно-

стей, поборов чиновников — т. е. всех видов государственной и связанной с нею видов эксплуатации.

Многие ссылаются на то, что в Китае не было как таковой государственной собственности на землю. Она принадлежала землевладельцам, из которых по мере увеличения прибавочного продукта и его накопления у отдельных лиц формировалась правящая верхушка. По мнению В.П. Илюшечкина, государственная собственность на землю и наделная система землепользования существовали в Китае с IV в. до н.э. до VII—VIII вв. н.э., а примерно с середины XIII в. установилась система землепользования, основой которой следует считать сочетание частной и казенной земельной собственности при преобладании частной, составлявшей экономическую основу господства крупных землевладельцев при наличии широкого слоя мелких самостоятельных крестьян-собственников и столь же широкого слоя малоземельных и безземельных крестьян-арендаторов. С течением времени различные компоненты этой системы претерпевали те или иные изменения: варьировались виды аренды и получали распространение ее новые формы, менялось положение арендаторов, свободных крестьян и наемных работников.

В развернувшейся дискуссии о формах земельной собственности в средневековом Китае постулат о ведущей роли частной помещичьей собственности не был единственным и безапелляционным. Его оспаривают сторонники концепции о главенстве государственной собственности на землю. как реализации власти верховного правителя над всей территорией страны. Они считают, что зажиточные крестьяне выступали в роли арендаторов, выплачивавших в государственную казну ренту-налог, часть которой шла на содержание двора и бюрократии, а другая — на общественные цели, главным образом на нужды армии и ирригационные работы⁶. Значительную часть своих земельных угодий они передавали в субаренду.

Некоторые исследователи склоняются к признанию параллельного существования государственного и частного землевладения. Китайские власти пытались установить компромисс между «*гун*» (общественное) и «*сы*» (частное), придерживаясь резона предоставления определенной доли выгоды частным лицам при полном соблюдении интересов казны. Вместе с тем в понятия «*гун*» и «*сы*» издревле были заложены этические начала. Их можно рассматривать не только как альтернативу «общественного» и «частного», но также «солидарности» и «разобщенности», «справедливости» и «корыстолюбия». Государственный контроль над частной собственностью многие считают

главным сдерживающим фактором развития капитализма в Китае. Товарный уклад, возникнув еще до нашей эры, никогда не вытеснялся полностью натуральными отношениями (тоже особенность китайского феодализма) в то же время никогда не занимал господствующих позиций.

Система господства крупных землевладельцев при наличии широкого слоя мелких самостоятельных крестьян-собственников и столь же широкого слоя малоземельных и безземельных арендаторов с некоторыми изменениями просуществовала до победы революции 1949 г. Страна по существу никогда не выходила из состояния многоукладности. В сельском хозяйстве арендные отношения дополнялись формами батрачного труда и рудиментами патриархальных отношений. Уже в глубокой древности появился и способ производства, тесно связанный с товарно-денежным хозяйством, наемным трудом и частной арендой, что дало повод некоторым ученым говорить о зарождении капиталистических отношений в Китае еще до начала нашей эры. О широком распространении рынков можно судить по китайскому названию города — «чэнши», т. е. «рынок, окруженный стеной». Китай первым в мире стал вводить бумажные деньги, с давних пор использовал кредит и переводной вексель, однако контроль над торговлей, регламентация ее со стороны как местных, так и центральных властей постоянно давала себя знать. При совершении торговых сделок требовалось заключение контракта и уплата определенной пошлины. Все продавцы докладывали о своих сделках специальному чиновнику. С течением времени различные компоненты арендно-феодальной системы претерпевали те или иные модификации, менялись количественные соотношения между различными формами земельного владения и частнособственнической эксплуатации, внедрялись новые виды аренды, по-разному выглядело положение арендаторов в различные периоды⁷.

Для установления господства рыночных отношений требовалось несколько условий: 1) освобождение людей от родовых, клановых и других патриархальных связей; 2) широкое развитие частной собственности и ее поддержка государством; 3) наличие сильного импульса, который дает развитие внешней торговли. Этих условий в Китае не существовало. Торговля развивалась, преодолевая государственные ограничения и общественные предубеждения. По своему официальному статусу торговец уступал не только чиновнику и ученому, но также земледельцу и ремесленнику. Бурный процесс развития частной инициативы, отмеченный еще в середине 1 тысячелетия до н.э.,

натолкнулся на уже сложившуюся жесткую государственную структуру, не допускавшую «утечки» потенциальных доходов казны в третьи руки. Поиски оптимальной формы нормального функционирования хозяйства и всей социальной структуры шли в направлении ослабления системы феодальных уделов и ограничения роли товарно-денежных отношений. Развитие китайской государственности, завершившееся установлением централизованно-бюрократической империи Цинь-Хань, разворачивалось на фоне энергичного вытеснения родовой знати из сферы управления и притеснения частных торговцев и ремесленников.

Типичная для Китая растянутая, многозначная «смешанная экономика» приобрела характер «относительно устойчивого, исторически длительного состояния»⁸, которому до сих пор не находится четкого определения. Многие годы делятся споры относительно применимости к Китаю учения марксизма об общественных формациях, о специфике существовавшего там рабовладельческого и феодального способов производства, о критериях смены рабовладельческого общества феодальным, об их временных границах, о времени зарождения капиталистического строя.

Уже в ходе дискуссий 20-х годов часть китайских исследователей, признавая однотипность общественного строя в Китае на протяжении всей его истории, склонялись в пользу признания «обычного» феодального характера китайского общества. В этой когорте ученых состоял и такой научный авторитет, как Ху Ши, который говорил, что «классическое общество древнего Китая чрезвычайно похоже на европейский феодализм». Позицию типичной «феодальности» Китая разделял и Мао Цзэдун, который в работах «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» и «О новой демократии» заявлял о том, что феодализм в Китае продолжался «приблизительно три тысячи лет».

Точку зрения о феодальном характере предреволюционного китайского общества долгое время отстаивали и японские историографы. Ученые «школы Токио», придерживавшиеся определения феодализма в марксистских традициях, интерпретировали китайский феодализм как господство крупных землевладельцев над крестьянским большинством населения и считали эту социально-экономическую систему господствующей в китайской истории и окончательно утвердившейся в конце эпохи Тан — начале эпохи Сун. Историки «школы Киото» придерживались обычного для немарксистского обществоведения определения феодализма как системы управления аграрными

обществами, основанной на отношениях вассалитета. Они считали, что с эпохи Сун китайский император превратился в абсолютного монарха, что ознаменовало окончание феодального средневековья и начало современной истории.

Ситуация в академических кругах Японии изменилась только после выхода в свет исследования Кэйдзи Адати (ун-т Киото), который поставил под сомнение сам тезис о «феодальном Китае». Наиболее существенным и показательным параметром общественно-экономического строя Китая он объявил существование мелкокрестьянского хозяйства, служившего основой экономики огромной империи на протяжении более 2 тыс. лет. Одно из главных положений Адати — необходимость строго различать публичную власть (осуществление государством административного, военного и судебного контроля) и частную, базирующуюся на неравенстве статуса и социально-экономического положения различных слоев населения (подчиненность арендаторов арендодателям, отсутствие у арендаторов свободы передвижения, право землевладельцев на продажу земли вместе с арендаторами, установление различных трудовых повинностей).

Еще один представитель «школы Киото» Танигава предлагает рассматривать средневековый Китай как нефеодальное государство и вообще отказаться от использования концепции феодализма при изучении китайского общества. По мнению Танигавы, социально-экономическая система, подобная европейскому феодализму, в истории Китая не имела места⁹.

Специфику китайского феодализма подчеркивают и российские синологи. Доктор исторических наук О.Е. Непомнин в своем фундаментальном труде «Социально-экономическая история Китая (1894—1914 гг.)» доказывает, что традиционное китайское общество XIX в. представляло собой бинарную синтезированную систему с двумя главными компонентами: «чиновно-крестьянским подукладом», т. е. государственно-феодальным, и «аграрно-помещичьим», т. е. частно-феодальным, отсюда сама постановка вопроса о том, какому из подукладов принадлежала в то время формационно-образующая функция вообще неправомерна¹⁰. Указанием на двуединую основу феодализма в Китае служит употребляемое автором определение его как «арендо-бюрократического». В итоге О.Е. Непомнин предлагает рассматривать цинскую империю начала XX в. как «в известном смысле “постфеодальное” общество»¹¹. Ему же принадлежит вывод о региональных различиях дихотомии государственное-частное в характеристике китайского феодализма.

«...на Севере и в Маньчжурии местный феодализм был по преимуществу “государственным”, “бюрократическим” с основным противопоставлением “казна — крестьянин-собственник”, с повышенной ролью налогов, чиновников и т. д. Вместе с тем на Юге и в Центральном Китае феодализм был по преимуществу “частным”, “помещичьим”, “арендным” с основным противопоставлением “крупный землевладелец — зависимый держатель земли”, с особой ролью земельной ренты, помещиков, долговой кабалы и т. д. При этом надстройка вместе с сословием *шэньши* обеспечивали целостность и единство обоих регионов» (*Непомнин О.Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894—1914 гг. М., 1980. С. 41)¹².

Опубликованная в 1951 г. в журнале «Вэнь ши чжэ» статья Тун Шуе «Об азиатском способе производства» открыла дискуссию на эту тему в самом Китае. Одни участники дискуссии отождествляли «азиатский способ производства» с первобытно-общинной формацией, другие — с рабовладельческим строем Древнего Востока, третьи — с феодализмом, четвертые — рассматривали его как особую общественно-экономическую систему. Предметом дискуссии оказалась и чрезмерная продолжительность феодализма в Китае, что уже само по себе можно считать значительным отличием китайского феодализма от европейского¹³.

Российские ученые, разрабатывающие теории институциональных матриц, видят в старом Китае реализацию марксистского представления об «азиатском способе производства» как общественной структуры, незнакомой с развитой частной собственностью, а также единства определенной формы государственной собственности (государственно-общинной), соответствующей этой собственности формы эксплуатации (рента-налог) и политической власти (восточная деспотия). Признавая особенность «азиатского способа производства» подчиненную роль индивидуальной эксплуатации по сравнению с государственной, в чем Маркс видел его отличие от феодализма, они находят возможным распространить этот принцип на всю редистрибутивную матрицу. В этом случае стадия феодализма не отбрасывается, но наделяется «восточной спецификой».

Позицию «азиатского способа производства» в приложении к Китаю поддерживает известный российский синолог Л.С. Васильев, который находит ему эквивалент в виде понятий «государственный способ производства», «восточная структура».

«...Отличием Китая, особенностью китайского государства и спецификой традиционного китайского общества, позволяющей воспринимать эту структуру как своего рода эталон, сопоставимый

с античным и феодально-европейским, было преобладание государственно-административного способа производства. Именно такой «азиатский», по Марксу, способ производства был структурообразующей основой традиционного Китая, и в этом смысле можно говорить о специфической «азиатской», или азиатско-феодальной, модификации докапиталистической формации, господствовавшей в традиционном Китае» (*Васильев Л.С.* Возникновение и формирование китайского государства // *Китай: история, культура и историография.* М., 1977. С. 30).

Л.С. Васильев является также активным пропагандистом концепции «власть-собственность» в китайском обществе. С этой точки зрения Восток альтернативен Западу, где власть оказалась отделенной от собственности и вторичной по отношению к экономике. Однако сейчас существует другая точка зрения относительно того, что «власть-собственность» — это не тот признак, который обособляет феодальный Запад от средневекового Востока, что это свойство феодальных отношений как таковых¹⁴.

В целом «традиционный» (средневековый) строй Китая характеризовался следующими особенностями: а) органически избыточным народонаселением; б) существованием системы рента-налог как экономической основы государственности; в) политическим, экономическим, а также идеологическим господством государственной системы над обществом¹⁵. Стремление правителей последней императорской династии Цин сохранить незыблемым установившийся общественный порядок и свое господство в Китае объясняет их двухвековую приверженность политике изоляции Китая от внешнего мира. Опиравшаяся на натуральное сельское хозяйство и ремесленное производство политика «закрытых дверей» превратилась в дополнительный тормоз экономического роста. Законсервировав свой общественный строй, Китай в середине XIX в. оказался на положении «больного человека Азии», страны, не способной обеспечить необходимыми жизненными благами свое население и оказать сопротивление иностранной агрессии.

Начиная с XVI—XVII вв. Китай постепенно становился объектом колониальной экспансии европейских государств, которые навязали ему систему неравноправных договоров, поделили страну на «сферы влияния», поставили своей целью разрушить замкнутость Китая и использовать его возможности как источника сырья и рынка сбыта готовой продукции. Вторжение иностранного капитала ускорило разложение традиционных социальных связей, создало дополнительные

стимулы для развития капиталистических отношений на национальной основе, но одновременно обострило ощущение нарастающего экономического отставания, препятствовавшего социальному и духовному подъему страны.

С этого времени Китай вступил в мучительный процесс распада «докапиталистического национального способа производства», если употреблять известное выражение К. Маркса, и становления «зависимого капитализма» с двумя капиталистическими подукладами — иностранным и национальным — и двумя типами промышленного производства — крупным и мелким. Капитализм насаждался извне и сверху, поощрялся государством, державшим в своих руках основные отрасли хозяйства страны и тесно контактировавшим с иностранным капиталом. На долю частного предпринимательства оставались мелкие предприятия и второстепенные сферы экономики. Открылась перспектива установления бинарной структуры с компромиссным существованием двух начал — современного и традиционного. Вторжение иностранного капитала ускорило разложение традиционных социальных связей, обострило противоречие между нарастающей экономической отсталостью и потребностями экономического, социального и духовного развития страны. Нарастанию кризиса способствовали удары стихии — наводнения, засухи, провоцировавшие голод и эпидемии. Одновременно усилились элементы экономической и политической раздробленности, всегда присутствовавшие в китайской истории.

Как писал в 1928 г. один из корифеев советской синологии Л. Мадьяр, «империализм и развитие капиталистических элементов в экономике Китая наряду с разложением государства вызвали к жизни, с одной стороны, факторы, действующие в направлении объединения замкнутых местных рынков, а с другой — тенденции к разъединению рынка. В этих противоречиях задыхается страна. Попытка буржуазии вырваться из заколдованного круга, создать единый национальный рынок рухнула. Очевидно, разрешение этой чисто буржуазной задачи выпадет на долю пролетариата и крестьянства» (*Мадьяр Л. Экономика сельского хозяйства Китая. М.-Л., 1928. С. 261*).

Китайская историография придерживалась определения характера китайского общества накануне революции 1949 г. как «полуфеодалного и полуколониального». Двусмысленность этой характеристики состоит в том, что стоящие рядом две «половинки» между собой никак не стыкуются. Колония — это политически зависимое

государство, противопоставляемое, с одной стороны, метрополии, с другой — политически независимым государствам. Понятие «полуколониальное» означает, что Китай не опустился до состояния «настоящей колонии» и в период иностранной интервенции сохранил свою национальную идентичность. Феодализм — это особая общественно-экономическая формация, которая может находиться на разных стадиях развития. Те китайские деятели, которые стремились доказать подготовленность Китая к строительству социализма, ставили знак равенства между определениями «полуфеодалное» и «полукapиталистическое». Другие, признавая «дуалистический» характер китайского общества — сосуществование докапиталистических и вырвавшихся из них раннекапиталистических укладов и даже укладов развитого капитализма — не склонны преувеличивать «удельный вес» капитализма, который, хотя и стал активно проникать во все сферы китайской жизни, однако так и не успел развиваться в господствующий уклад. «Полуфеодализм» и «полуколониализм» китайского общества имеют определенное территориальное приложение. В канун революции капитализм «осел» в китайских приморских городах, которые стали поворачиваться «лицом» к Западу и «спиной» к внутренним районам страны, опутанными тенетами родо-племенных и феодально-патриархальных отношений.

При всей научной уязвимости «уполовиненных» классификационных понятий они дают представление о сложном межформационном состоянии китайского общества, сильной зависимости страны от капиталистических держав и в значительной степени «привнесенном» характере раннекапиталистических отношений. Все это надо понимать так, что разложение традиционного китайского общества началось (причем не столько в результате спонтанного развития, сколько под натиском иностранного вторжения), но к 1949 г. еще далеко не завершилось. Иначе говоря, накануне победы революции Китай уже частично потерял свой «традиционный» облик, но только частично, став обществом, в котором тенденция к переходности превратилась в ведущую, причем многие переходные сдвиги «были не столько реальным движением к капитализму, сколько “защитной реакцией”, способом выживания и формой приспособления традиционных явлений к новым условиям»¹⁶. Паллиативный выход состоит в признании дореволюционного Китая «докапиталистическим» обществом. К основным чертам китайского «докапиталистического национального способа производства» А.В. Меликсетов относил: господство ручного труда в сельском хозяйстве и промышленности; полное преобладание

налоговых и арендных форм эксплуатации непосредственного производителя; отсутствие сословных ограничений на владение землей и огромную роль торгово-ростовщического капитала, что вело к социальной многоликости эксплуататоров. Общеизвестна значительная социально-экономическая роль государства, возникшего раньше частной собственности и активно препятствовавшего развитию экономически самостоятельных классов¹⁷.

Трудности определения характера общественного строя древнего и средневекового Китая связаны не только с «упрямством» объекта исследования, но и с недостатками самой формационной методологии, о чем говорилось ранее. С позиций исторической науки, имеющей дело с линейным временем, со сменой господствующих укладов и общим развитием от менее сложного к более сложному, что можно трактовать как «прогресс», приходится признать своего рода «общественную аморфность» Китая, нерасчлененность его исторического существования. Китайская цивилизация переживала свои этапы подъема и кризиса, расширяла и сужала ареал своего влияния, но в своих основных параметрах оставалась неизменной.

2.3. Проблема периодизации китайской истории и сдвиги в развитии производительных сил

Сама по себе периодизация истории — это особого рода систематизация исторических событий с выделением хронологически очерченных периодов в соответствии с требованиями методологии исследования. В зависимости от удаленности «исторического полотна» от исследователя периодизация оказывается более обобщенной или более дробной, далекое прошлое предстает как туманное целое с крупными эпохами, близкое прошлое требует большей детализации, а выделяемые этапы оказываются сравнительно короткими. Отражается одновременно и линейная направленность, и циклическая изменчивость исторического процесса. Если в европейской истории линейность «подавляла» цикличность, вычерчивая вектор исторического прогресса, то в китайской истории цикличность «затушевывала» линейность, рождая представление о «топтании на месте», о несокрушимости традиций. Неприемлемость анализа китайской истории с точки зрения диктата «линейного времени» подтверждает и традиционная китайская философия, которой чуждо возвеличивание разви-

тия как продвижения от низшего к высшему, а в центре внимания оказываются понятийные пары: равновесность—неравновесность, стабильность—нестабильность, устойчивость—неустойчивость. Китай в качестве уникального пространственно-временного образования рассматривался китайской философией как самоорганизующаяся «открытая система», переходящая от состояния хаоса к состоянию упорядоченности через цепь наступлений и отступлений при продвижении к желаемой цели.

На наш взгляд, признание «общественной аморфности» Китая — это, скорее, паллиатив европейского сознания, чем подлинная расшифровка сложной восточной реальности. Такое объяснение пригодно в ситуации философской неурядицы, оно не решает, а только отодвигает решение самой проблемы. Устойчивость генетического кода китайской цивилизации не исключает общего исторического прогресса, смену фаз подъемов и кризисов, расширения и сужения ареала цивилизационного влияния. За время своего существования империя пережила несколько эпох жесткой централизации и разрушительной децентрализации, границы ее то расширялись, то сужались, но сама сакральность императорской власти оставалась неизменной. Сменявшие друг друга правящие династии переживали фазы подъема, расцвета и упадка. Новому династийному циклу всегда предшествовал экономический и политический кризис, вызванный смутой, нашествием «варваров» или стихийным бедствием, а чаще всего сочетанием всех этих трех факторов. Недовольство народа, вызванное нарушениями традиционных норм общинной жизни и усилением эксплуатации, выливалось в разрушительные восстания против власть предержащих. Под давлением изнутри и извне правящая династия слабела и разрушалась. Новая историческая династия начиналась обычно с преодоления последствий кризиса, что облегчалось установлением относительного баланса между численностью населения и пахотными угодьями, и с перестройки системы управления по «консервативному» сценарию с предпочтением стабильности и государственного начала. После достижения пика развития и значительного роста населения, обострявшего дефицит земли, господствовавшая династия вступала в полосу нестабильности и распада. Ослабление государственного начала и ухудшение экономического положения порождали рост недовольства населения, усугублявшийся стихийными бедствиями и военными интервенциями соседних государств. На смену приходила новая династия с повторением традиционного сценария, но уже на новом временном витке.

Существует ряд попыток расчленить этот огромный «феодальный массив» с учетом эволюции методов эксплуатации. В китайских учебных пособиях принята периодизация, выполненная в первые годы существования КНР известным историком Го Можо. Согласно его интерпретации, период V в. до н.э. — II в. н.э. можно считать «ранним феодализмом», II—IX вв. — «развитым феодализмом», IX — середина XIX вв. — «поздним феодализмом». Таким образом, эпоха феодализма заканчивается «опиумными войнами».

Согласно версии О.Е. Непомнина, вся история Китая распадается на четыре неравные эпохи. Первая, доциклическая пора — от Шан до Хань (XVI в. до н.э. — начало III в. н.э.) — охватывает примерно 13 столетий. Вторая — два ханьских цикла (Ранний и Поздний) — более четырех столетий до 220 г. н.э. Третья эпоха являла собой нециклическую, или межциклическую, полосу — от конца Позднеханьского до начала Танского цикла (III—VII вв.). Это была четырехвековая эпоха политической раздробленности, междоусобных войн, смут и нашествий кочевников. Четвертая эпоха — целиком циклическая — эпохи Тан, Сун, Мин и Цин. Из этой череды выпадают сто лет монгольской династии Юань, заполненные непрерывавшейся борьбой китайского народа с завоевателями¹⁸. Если в первые шесть столетий новой эры в эволюции Срединного государства еще наблюдались признаки линейной поступательности, то с VII в. произошел окончательный переход на рельсы циклической эволюции.

С точки зрения Е.Е. Яшнова, которую он изложил в своей работе, вышедшей в свет еще в 1933 г., история Китая знает два революционных сдвига в развитии производительных сил и производственных отношений. Первый — исчерпание потенциалов передельно-общинного землепользования и переход к трудоинтенсивному хозяйству (I тыс. до н.э.). Второй — исчерпание возможностей трудоинтенсивного земледелия и переход к рыночной экономике, поиск нового типа хозяйствования (XX в.). Остановка технического прогресса, дефицит земли и вечная угроза быстрого роста населения — вот три фактора, которые, по мнению Яшнова, объясняют все главнейшие особенности китайской истории. Все богатство социально-экономических событий за два тысячелетия господства трудоинтенсивного типа хозяйствования Яшнов объясняет непрерывной повторяемостью циклов, содержащих три периода: спад—подъем—стагнация¹⁹.

Согласно «толерантному» по отношению к научным категориям синергетическому подходу, при анализе китайской истории особую важность имеет ориентация на «исторически переломные моменты».

В качестве примера можно привести работу китайского ученого Ван Дуна, который выделил 5 «точек бифуркации» до образования КНР, когда были упущены возможности проведения модернизации, иначе говоря, выхода из циклического колебания «стабильность-нестабильность». Первый раз, по его мнению, это случилось при сунской династии в XI—XIII вв. В то время по уровню развития товарного хозяйства Китай далеко обогнал Европу, но государственная власть подавила товарные тенденции и пресекла зачатки капитализма. Второй шанс представился в средней фазе минской династии — около 1500 г. В третий раз аналогичная ситуация сложилась на ранней стадии правления династии Цин — с 1662 по 1795 г. Четвертая возможность появилась в середине XIX в., а потом еще одна — в первой половине XX в.²⁰

В.Н. Никифоров перечисляет следующие поворотные пункты в экономической истории Китая: перераспределение собственности после покорения государства Шан чжоусцами в XI в. до н.э.; реформы, узаконившие рост частной собственности и постепенный распад общины в VI—IV вв. до н.э.; мероприятия центральной власти, направленные на новое перераспределение как общинных, так и частных земель в период надельной системы (III—VII вв. н.э.); распад надельной системы и торжество крупного землевладения (VIII в.); изменения в сфере собственности — новые расширения фонда государственных земель в результате чужеземных завоеваний, в особенности монгольского в XIII в.; дальнейшие успехи частной собственности и рост товарно-денежных отношений в XVI—XVIII вв. С его точки зрения, эти подэтапы объединяются в два больших цикла, в начале каждого из которых роль государства (скорее, как верховного распорядителя, чем верховного собственника средств производства) чрезвычайно велика, но постепенно уменьшается, как бы уступая прогрессирующему давлению частнособственнических отношений. Потом наступает длительная полоса более или менее явного преобладания частной собственности, сменяющаяся к началу следующего цикла кризисом и новым укреплением государственного сектора²¹. Как констатирует Никифоров, главный разрыв в развитии китайского общества пришелся на I—VI вв. н.э. с центром где-то около III в. Между началом I тысячелетия до н.э. и III в. до н.э. — первый большой период стабильности внутреннего строя; между IX и XIII вв. н.э. — второй такой период²².

В китайской истории первой половины XX в. можно выделить четыре примерно равных периода по 10—13 лет: 1) кризис цинской им-

перии и нарастание массового недовольства в стране; 2) Синьхайская революция и перипетии новой государственной власти; 3) революция 1925—1927 г. и ее поражение; 4) японская агрессия и развертывание гражданской войны.

Исследования китайских и иностранных ученых заставляют пересмотреть многие сложившиеся стереотипы, касающиеся застойности китайского общества. В начале второго тысячелетия Китай стал не только крупнейшей, но и наиболее развитой страной тогдашнего мира. По мнению В.А. Мельянцева, в танско-сунское время (VII—XIII вв.) наблюдался значительный экономический рост: среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта равнялись 0,35—0,45 % в год, а душевые — 0,15—0,25 %. Если это так, то в сунскую эпоху ВВП в расчете на душу населения в Китае мог достигать 600—700 современных долларов, что превышало уровень других наиболее развитых афро-азиатских стран (Египет — 470—530, Индия — 550—650 долл.) и, по крайней мере, вдвое показатель по Западной Европе того времени (300—350 долл.)²³. В сунскую эпоху доля занятых в сельском хозяйстве снизилась до 2/3 (повторно такие цифры будут только в конце XX в.)²⁴.

Примечательно, что наблюдавшийся экономический рост был обусловлен не только вовлечением в производство новых ресурсов (экстенсивное развитие), но и в немалой мере (примерно на 25—30 %) участием интенсивных факторов роста. В области технических достижений средневековый Китай опережал Европу на целую эпоху. Даже такие изобретения, как удобная упряжь для лошадей, зонтик, тачка, веялка и ряд других, появились в Китае значительно раньше, чем в Европе. К техническим открытиям древнего Китая (изобретение бумаги, фарфора, книгопечатания и пороха) позже присоединились такого рода новации, как применение водяных двигателей в металлургическом и текстильном производствах, каменного угля в быту и при выплавке металла, многоверетенной самопрядки, горизонтального ткацкого станка. Изобретение компаса позволило усовершенствовать морскую навигацию значительно раньше, чем это сделали европейцы. К XIV в. (эпоха Мин) китайские джонки были самыми совершенными кораблями мира, выдерживавшими дальние океанские плавания, а в XV в. корабли Чжэн Хэна, отправившиеся в плавание раньше Колумба, имели команды в тысячу человек. В военном деле китайцы долгое время были «впереди планеты всей». Им были известны мощные взрывчатые вещества, а арбалеты и стенобитные орудия применялись китайскими армиями на столетия раньше, чем в Европе. В ме-

дицине такая техника, как иглоукалывание, давала исключительные результаты. Мощный подъем в духовной и материальной сферах — так называемый «сунский феномен» — стал выражением значительных потенций развития традиционного общества, высокого взлета его культуры. По уровню грамотности (20—30 % населения) Китай оставил Западную Европу далеко позади²⁵.

По мнению Эндрю Гундера Франка, вплоть до 1800 г. Китай сохранял свое преимущественное положение в мире по уровню развития производительных сил и масштабам своей торговли. Он обладал половиной всего мирового объема серебра (выполнявшего в то время функцию денег)²⁶. Китайские ткани, фарфоровые и другие изделия славились во всем мире. В Нанкине, Сучжоу и Ханчжоу вместе насчитывалось около 40 тыс. шелкоткацких станков. Только в районе Шанхая на хлопчатобумажных мануфактурах работали 200 тыс. ткачей. В Цзиндэчжэне (современная пров. Цзянси) действовало от 200 до 300 мастерских по производству фарфора, на которых трудились несколько сотен тысяч рабочих²⁷. Были развиты добыча соли, медной и железной руды, выплавка металла.

Разного рода оценки показывают близость показателей душевого производства в Китае и в странах Европы с куда меньшим населением. Согласно оценкам Пола Бэрока, опиравшегося на душевой уровень потребления в долларовых ценах 1960 г., в 1800 г. в Англии душевой уровень национального дохода составлял 324 долл., во Франции — 220, в Китае — 228 долл.²⁸ В этом случае в 1800 г. на Китай могло приходиться более 2/5 мирового ВВП²⁹. Альтернативные расчеты, произведенные Энгусом Мэддисоном, показали, что доля Китая в мировом ВВП в 1000—1820 гг. поднялась с 22,7 до 32,9 % при годовом приросте около 1 %³⁰. Близкими данными оперируют и некоторые российские ученые. А.М. Петров в статье «Экономическое соприкосновение Запада и Востока (процесс и итоги к началу XIX столетия)» писал, что в 1800 г. ВНП на душу населения во всех ныне развитых капиталистических странах составлял 198 долл. (в ценах США 1960 г.), а в Китае — 210 долл.³¹

К этим сравнительным экономическим исследованиям недавно обратились и китайские ученые. Из их последних работ особого внимания заслуживает статья Лю Ти из Фуданьского университета (Шанхай), опубликованная в журнале «Цзинци яньцзю» (Экономические исследования), который произвел самостоятельные расчеты с использованием современной методологии. Он пришел к выводу, что Бэрок и Мэддисон несколько завысили китайский экономический потенциал.

По оценке Лю Ти (он опирался на цены 1990 г. в ам. долл.), доля Китая в мировом ВВП в 1600 г. равнялась 1/4, в 1840 г. снизилась до 1/5. Иначе говоря, оценка Мэддисона на 1820 г. завышена примерно на 1/3, а Бэрока даже наполовину. По мнению Лю Ти, по душевым показателям Китай все же значительно уступал Европе³².

Все эти расчеты, хотя и являются приблизительными и имеют значительные расхождения, что требует дополнительного анализа, тем не менее, свидетельствуют о достаточно успешном развитии Китая и опровергают сложившееся представление о передовом общественном устройстве Европы. Другое дело, что уже с 70-х годов XVIII в. началось загнивание маньчжурского режима, освоение присоединенных территорий и усмирение китайского населения требовало больших денег, охрана границ обходилась в треть всех налоговых поступлений³³. Государственная казна разворовывалась коррупционерами. Вследствие консервации установившегося строя и все большей изоляции от внешних контактов Китай оказался в стороне от развертывавшейся в европейских странах промышленной революции. Он начал все больше отставать и вступил в длительную полосу экономической стагнации.

Экономическое отставание Китая стало очевидным лишь в эпоху промышленной революции, что было вызвано как внутренними, так и внешними причинами, в числе которых:

- господство исчерпавшего себя натурального хозяйства и заторможенный процесс разделения труда;
- растущее перенаселение, обгонявшее рост пахотных земель, что создавало земельный и продовольственный голод;
- давление избыточного населения и отсутствие в силу дешевизны труда необходимости в технических нововведениях, отсюда пренебрежение прикладными науками;
- продолжающийся крен в сторону земледелия из-за постоянной угрозы голода и недооценка промышленных занятий, блокирование процесса индустриализации;
- сдерживание частно-собственнической инициативы и всемогущие бюрократии;
- медленное включение Китая в мировую экономическую систему, игнорирование международных связей;
- отрицательные последствия иностранной агрессии, бремя иностранных контрибуций и неравноправных торговых отношений с европейцами.

Прогрессирующее отставание Китая многие на Западе объясняют тем, что потенции политического и экономического либерализма сдерживались могущественной государственной властью, отдававшей предпочтение «стабильности и централизации» перед «динамизмом и расколом».

Примечания

¹ Гуанмин жибао. 10.04.1979.

² Вывод А.В. Меликсетова, с которым солидаризировался Л.А. Березный. См.: *Березный Л.А.* Национальная революция 20-х годов: характер, итоги, хронологические рамки // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тезисы докладов VI Международной синологической конференции (Москва, 11—13 октября 1995 г.). М., 1995. Ч. П. С. 111.

³ Цит. по: Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М., 1972. С. 122.

⁴ Новейшая история Китая. С. 147.

⁵ *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Харбин. 1948. С. 330.

⁶ *Васильев Л.С.* Аграрные отношения в обществе в древнем Китае. М., 1961. С. 131, 136; *Фань Вэньлань.* Древняя история Китая. М., 1958. С. 79.

⁷ *Илющечкин В.П.* Аренда в системе частно-собственнической эксплуатации древнего и средневекового Китая // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 21.

⁸ *Непомнин О.Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894—1914 гг. М., 1980. С. 266.

⁹ *Тяпкина Н.И.* Норико Камати о работах японских историков относительно общества и государства в поздней императорском Китае // Общество и государство в Китае (XXI научная конференция ИВ РАН). М., 2001. С. 153—163.

¹⁰ *Непомнин О.Е.* Указ. соч. С. 40.

¹¹ Там же. С. 265.

¹² Там же. С. 41.

¹³ По словам Мао Цзэдуна, феодализм в Китае продолжался «приблизительно три тысячи лет» («Китайская революция и Коммунистическая партия Китая», «О новой демократии»).

¹⁴ *Алаев Л.Н.* Две концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин, Л.С. Васильев) // Сравнительная политика. 2012. № 1.

¹⁵ *Мугрузин А.С.* Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986. С. 11—44.

- ¹⁶ Там же. С. 278.
- ¹⁷ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана. 1927—1949 гг. М., 1977. С. 7—8.
- ¹⁸ Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цинн. М., 2005. С. 8—9.
- ¹⁹ Яшнов У.У. Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин, 1933. С. 47—48.
- ²⁰ Ван Дун. Создание новой теории особой модернизации Китая и идейное наследие Сунь Ятсена, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина // Бэйцзин дасюэ сюэбао. Пекин, 1994. № 4. С. 11—21.
- ²¹ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С. 211.
- ²² Там же. С. 215.
- ²³ История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 216.
- ²⁴ Там же. С. 216.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Фоланькэ (Франк). Байинь цзыбэнь: чжунши цзинци цюаньцюхуа чжунды Дунфан : [Серебряный капитал: Восток, включившийся в глобализацию]. Пекин, 2001 (пер. с англ. на кит. яз.).
- ²⁷ Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цинн. XVII = начало XX века. М., 2005. С. 131.
- ²⁸ P. Vairoch. The Main Trends in National Economic Disparities since the Industrial Revolution // Paul Vairoch and Maurice Levy-Leboyer. Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. New York. 1981. P. 3—17.
- ²⁹ Оценка Питера Брики на основании данных Бэрока. P. Brecke. Violent Conflicts 1400 A.D. to the Present in Different Regions of the World. Paper for the 1999 Meeting of the Peace Science Society. Ann Arbor, Michigan, 1999.
- ³⁰ Майдисань (Maddison). Чжунго цзинци ды чанци бяосань: 960—2030 нянь : [Долгосрочные тенденции развития китайской экономики: 960—2030 гг.]. Шанхай. 2008 г. (пер. с англ. на кит. яз.).
- ³¹ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 80.
- ³² Лю Ти. 1600—1840 нянь Чжунго гонэй шэнчань цзунчжи ды гусуань : [Подсчеты ВВП Китая на 1600—1840 гг.] // Цзинци яньцзю. 2009. № 10. С. 152—153.

Глава 3

КИТАЙ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО РЕФОРМЫ (1949—1978 гг.)

3.1. Ход экономических преобразований до начала реформы

В канун победы революции 1949 г. Китай представлял собой аграрную страну, делавшую только первые шаги на пути капиталистического развития и сохранявшую все типичные признаки экономической отсталости, а именно:

- неразвитая и неэластичная экономическая структура с преобладанием полунатурального сельского хозяйства растениеводческого направления, подверженного частым стихийным бедствиям;
- крайне слабая промышленная база, низкая степень промышленной диверсификации, господство мелкого кустарного производства;
- ограниченные возможности накопления, медленный и нестабильный экономический рост;
- неразвитость и фрагментарность внутреннего рынка, резкие различия между приморскими и внутренними регионами, а также между городом и деревней;
- общий избыток живого труда, колоссальная городская безработица и аграрное перенаселение;
- чрезвычайно низкий материальный и культурный уровень жизни, повальная неграмотность и нехватка квалифицированных кадров;
- политическая и экономическая экспансия развитых капиталистических стран Запада и Японии. Зависимость от иностранного капитала, неравноправное положение страны на мировом рынке.

Годы японской интервенции и гражданской войны поставили народное хозяйство страны на грань катастрофы. Объем промышленного производства сократился наполовину по сравнению с наивысшим уровнем, достигнутым в прошлом. В промышленности было занято всего 3 млн человек (0,8 % населения страны). Производство зерна составило 113,2 млн т, или было на четверть ниже уровня 1936 г. Баснословный рост цен сокращал и без того низкие доходы населения.

Первый послереволюционный этап связан с проведением политики «новой демократии» как особого начального этапа некапиталистического развития при участии разнообразных классовых сил. В условиях экономической отсталости, когда главными факторами, сдерживавшими прогресс производительных сил, были колониальный гнет и сохранение пережитков феодализма, существование частного сектора, поставленного под контроль государства, могло принести немалые экономические выгоды. Немедленная же и полная экспроприация национальной и мелкой буржуазии была чревата угрозой гражданской войны. Именно эта аргументация лежала в основе генеральной линии VII конгресса Коммунистического Интернационала, которая предполагала переход к социализму в слаборазвитых странах после довольно продолжительного переходного периода. Новые архивные материалы свидетельствуют о том, что в первые годы после образования КНР Сталин также придерживался позиции Коминтерна и настаивал на осуществлении Компартией Китая курса на «новую демократию»¹.

Избранный путь исключал немедленную полную ликвидацию капиталистического уклада. Программа Народного политического консультативного совета, принятая в 1949 г. и выполнявшая на первых порах роль Конституции, провозгласила КНР «государством новой демократии» и объявила о создании «демократической диктатуры», которая является государственной властью единого фронта рабочего класса, крестьян, мелкой буржуазии и прочих патриотически настроенных демократических элементов, основанной на союзе рабочих и крестьян и руководимой рабочим классом. Программа содержала положения о немедленной конфискации собственности компрадорской буржуазии и одновременно о защите прав и частной собственности мелкой и национальной буржуазии наравне с защитой прав трудового народа и укреплением основ государственной и кооперативной собственности².

Формирование концепции «новой демократии» до 1949 г. происходило по согласованию с Мао Цзэдуном, который, приняв в целом

коминтерновскую линию строительства социализма в экономически отсталых странах, подверг ее существенной корректировке. Это проявилось, во-первых, в особом акцентировании роли крестьянства и, во-вторых, в отдалении сроков перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Мао Цзэдун впервые употребил термин «новая демократия» в докладе «Задачи Коммунистической партии Китая в период антияпонской войны» (1937 г.)³. Наиболее развернутое изложение эта концепция получила в работе Мао Цзэдуна «О новой демократии» 1940 г., где он писал: «Сегодняшняя задача революции в Китае — борьба против империализма и против феодализма. Пока эта задача не выполнена, о социализме говорить не приходится. Китайская революция должна пройти две фазы: фазу новой демократии и только затем — фазу социализма. При этом первая фаза будет сравнительно долгой, в день-два ее не завершить. Мы не мечтаем и не можем отрываться от условий реальной действительности»⁴.

Мао Цзэдун, ориентируясь во многом на идеи Сунь Ятсена, считал, что Китай после освобождения должен следовать путем «ограничения капитала» и уравнительного распределения земли. «Ограничение капитала» он трактовал как руководящую роль в экономике государственного сектора и установление государственного контроля над капиталистической частной собственностью. В политике землепользования Мао придерживался курса на экспроприацию помещичьих латифундий и распределение земли среди безземельных и малоземельных крестьян под лозунгом «каждому пахарю свое поле», что предполагало передачу земли в частную крестьянскую собственность. В 1945 г. в своем докладе на 7-м съезде КПК, озаглавленном «О коалиционном правительстве», Мао Цзэдун еще раз подтвердил эту свою позицию в расчете на поддержку большинства населения страны. И действительно, эта концепция оказалась в те годы весьма популярной и была с удовлетворением воспринята даже частью интеллигентов, дистанцирующих себя от КПК. В числе активных пропагандистов этой концепции оказались такие видные деятели КПК, как Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Бо Ибо.

В докладе «О курсе экономического строительства в новом Китае», который относится к июню 1949 г., Лю Шаоци перечислил 5 основных укладов, которые должны сохраниться и развиваться: 1) государственный уклад, 2) кооперативный, 3) государственно-капиталистический, 4) частнокапиталистический, 5) мелкотоварный и полунатуральный. «Кооперативный уклад сейчас занимает небольшое место, но имеет хорошие перспективы развития. Государ-

ственно-капиталистический уклад тоже невелик по размерам, но с хорошими возможностями дальнейшего становления. Государственный уклад после национализации бюрократического капитала и включения крупных объектов может приобрести определенные, хотя и не столь большие масштабы. Но при сохранении экономических рычагов в руках государства он займет главенствующее положение в экономике. Эту национальную экономику, состоящую из перечисленных пяти укладов и развивающуюся под руководством пролетариата и коммунистической партии, мы и называем «экономикой новой демократии» (*Лю Шаоци. О курсе экономического строительства нового Китая* // Лю Шаоци. Избр. произв. Пекин, 1981. Т. 1. С. 426—427)⁵.

Лю Шаоци отмечал важность буржуазии как участника производственного процесса («защита буржуазии — это на самом деле защита производства») и предостерегал от левацких попыток «все отнять и все разделить». По его словам, этап «новой демократии» — это переходный этап, рассчитанный на довольно продолжительный период времени, в течение которого главной задачей будет оставаться развитие экономики. «Если только не разразится третья мировая война, задача экономического строительства останется неизменно самой важной. Не будет войны 20 или 30 лет, мы все то время будем заниматься экономическим строительством, осуществлять индустриализацию Китая».

Многие видные китайские экономисты, придерживавшиеся характеристики китайского общества как полуфеодального и полукOLONиального, также не считали своевременной задачу борьбы с капитализмом и призывали сосредоточить усилия на борьбе с империализмом и остатками феодализма. В числе этих ученых были Ван Сюэвэнь, Сунь Ефан, Сюэ Муцяо, Сюй Сюэхэн, Цянь Цзюньжуй⁶, которые впоследствии за эти свои взгляды получили клеймо «правых элементов».

В первые годы существования КНР были проведены важные общедемократические преобразования: ликвидирован старый административный аппарат и создан новый, уничтожено господство иностранных монополий и национализировано их имущество, провозглашен таможенный суверенитет. Особенно большое значение имело проведение аграрной реформы, передавшей землю в крестьянское пользование. Конфискованные иностранные предприятия и имущество, принадлежавшее гоминьдановскому правительству и представителям бюрократической олигархии, заложили основы государствен-

ного сектора. К концу 1952 г. число государственных промышленных предприятий выросло до 9500⁷. Государственный сектор занял ключевые позиции в промышленности, банковской системе, денежном обращении, на транспорте и во внешней торговле. Вместе с тем получили развитие и другие экономические уклады. Структура промышленного производства по формам собственности выглядела в 1952 г. следующим образом: государственные предприятия — 41,5 %, кооперативные — 3,3, смешанные государственно-частные — 4,0, частнокапиталистические — 30,6, индивидуальное кустарное производство — 20,6 %⁸.

Можно отметить следующие основные черты институциональной системы начального периода существования КНР: 1) различия методов управления в отношении государственных и частных предприятий (директивные методы управления государственными и косвенные методы управления частными предприятиями); 2) постепенное формирование организационной структуры управления государственными объектами, отсутствие единого аппарата управления частными предприятиями; 3) подготовка условий для создания системы планирования; 4) преобладание предприятий местного подчинения.

Напряженная полувоенная обстановка и эмбриональное состояние централизованного аппарата управления повышали роль новых крупных административных образований, какими были военно-административные районы. При Государственном административном совете на первых порах было учреждено пять промышленных министерств (тяжелой промышленности, топливной, текстильной, пищевой и легкой), которые ведали предприятиями Северного Китая и небольшим числом объектов в других регионах. Во всех остальных крупных административных районах хозяйственными вопросами занимались местные народные правительства, при которых были созданы свои промышленные министерства. В конце 1952 г. промышленные министерства в крупных административных районах (заменивших военно-административные районы) были ликвидированы, и управление предприятиями центральной системы сосредоточилось в отраслевых министерствах Центрального народного правительства. Деление промышленности на две системы — центрального и местного подчинения — стало более определенным. Налаживание координации деятельности между различными районами возлагалось на Финансово-экономическую комиссию при Государственном административном совете. С 1954 г. после упразднения крупных административных районов стала все четче обозначаться тенденция к цен-

трализации хозяйственной жизни и внедрению вертикального принципа хозяйственного управления.

До 1951 г. все государственные предприятия находились на полном государственном обеспечении сырьем, основными и оборотными фондами и отчисляли в казну всю свою прибыль. В 1951 г. предприятия получили право оставлять у себя часть плановой (2,5—5 %) и сверхплановой (12—20 %) прибыли, стал формироваться премиальный фонд, который не должен был превышать 15 % фонда заработной платы⁹.

В начальный период существования КНР первоочередными были задачи организации власти и поддержания общественного порядка, восстановления разрушенного войной хозяйства. Этому способствовало укрепление тесной дружбы с Советским Союзом, который стал военным союзником, экономическим помощником, образцом социалистического строительства, нового стиля жизни и новой морали. Потребовалось всего три года, чтобы восстановить максимальный уровень дореволюционного производства.

Конец периода «восстановления» оказался завершающим и для политики «новой демократии». Сам Мао Цзэдун из глашатая режима «новой демократии» и словесного приверженца медленных и постепенных преобразований превратился буквально на глазах в сторонника форсированных социальных перестроек, борца с консерваторами, слепо отстаивавшими «новодемократические порядки», ярого противника буржуазии. Введение в 1952 г. новой налоговой системы, основанной на формальном равенстве государственных и частных предприятий, встретило резкое осуждение со стороны Мао Цзэдуна. Такие положения, как «закрепить новодемократический общественный порядок», «переходить к социализму через этап новой демократии», «всемерно охранять частную собственность», стали классифицироваться партийной пропагандой как «правый уклон».

О решении задач, поставленных новодемократической революцией, было официально объявлено уже в середине 1953 г., когда закончилось в основном проведение аграрной реформы, и это было сделано не без нажима Мао Цзэдуна. По-видимому, главную роль сыграло общее желание покончить с экономической отсталостью, граничившее с нетерпением. На волне революционного энтузиазма побеждали идеалы социалистической индустриализации, что требовало создание экономики мобилизационного типа. Немалую роль сыграла новая международная обстановка, образовавшаяся после смерти Сталина, повысившая амбициозные планы китайского лидера. Можно предполо-

жить, что Мао Цзэдун, никогда не симпатизировавший частной собственности, поддержал концепцию «новой демократии» в интересах своей политической игры, пытаясь расширить число своих сторонников. Первые же экономические успехи подвигли его на решительное изменение своей позиции. По мнению американского синоведа Яна Прибылы, маоисты рассматривали переходный период, во время которого сохраняется частное землевладение и кулачество (этап «новой демократии») как короткую, не очень устраивавшую их прелюдию, с которой следовало покончить как можно быстрее¹⁰.

Так или иначе, но китайский НЭП оказался столь же краткосрочным, что и советский, а те деятели КПК, которые когда-то отдавали предпочтение этому пути развития Китая, оказались на положении подозреваемых в оппортунизме, даже если они никогда не выступали открыто против официального курса. Во время «культурной революции» хунвэйбины обвиняли Лю Шаоци в защите кулацких хозяйств, в поддержке частного предпринимательства в промышленности.

В конце 1953 г. была официально принята «генеральная линия переходного периода», положившая конец политике классового союза с национальной буржуазией, деятельность которой подлежала постепенному ограничению вплоть до окончательного прекращения. Принятая 20 сентября 1954 г. на сессии ВСНП первая китайская Конституция провозгласила задачу последовательного перехода страны к социализму при постепенном осуществлении социалистической индустриализации и поэтапном проведении преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли.

На первых порах окончание переходного периода к социализму связывалось с одновременным выполнением двух задач — создание материально-технической базы социализма и ликвидация частной собственности, на выполнение которых отводился 15-летний срок. Таким образом, многоукладный характер экономики должен был сохраниться как минимум три пятилетних срока при дифференциации политики в отношении государственного, частнокапиталистического и государственно-капиталистического укладов. Но в скором времени две поставленные задачи были разведены в разные стороны, и критерий зрелости социалистических производственных отношений был закреплен за формальным обобществлением производительных сил. Отвечая на вопрос «что такое социализм», Чжоу Эньлай на одном из заседаний Политического консультативного совета 9 сентября 1953 г. сказал: «Основным признаком социализма можно считать осуществ-

ление социалистических преобразований, а именно уничтожение капиталистической частной собственности на средства производства, возвращение их в государственную собственность, коллективизация сельского хозяйства и кустарной промышленности»¹¹.

По мере становления государственного сектора складывались предпосылки организации системы планирования. Первым государственным органом планирования стал плановый отдел Финансово-экономической комиссии. В конце 1952 г. было организовано Статистическое бюро и учреждена Государственная плановая комиссия, которая и занялась разработкой первого пятилетнего плана на 1953—1957 гг. Составление и уточнение плана продолжалось вплоть до середины 1955 г. Таким образом, осуществление плана происходило одновременно с его доработкой и правовым оформлением. Окончательное утверждение его директив состоялось лишь в 1956 г. на VIII съезде КПК, когда основные установки плана были уже выполнены.

Съезд поставил задачу индустриализации Китая, раскрыв следующим образом ее содержание:

1) создание в основном в течение примерно трех пятилеток целостной промышленной системы, включающей все отрасли современного промышленного производства с соблюдением определенных пропорций в соответствии с требованиями технологии и перспективами дальнейшего роста;

2) преимущественное развитие тяжелой промышленности при должном внимании к легкой промышленности с учетом имеющихся средств, сырья и рынка;

3) упор на строительство крупных предприятий и одновременно планомерное строительство и реконструкция средних и мелких предприятий;

4) поддержание высоких темпов промышленного роста при повышении качества выпускаемой продукции;

5) организация системы управления промышленным производством, сочетающей централизацию и децентрализацию производства;

6) развитие специализации и кооперации промышленного производства;

7) координация развития сельского хозяйства и промышленности, общее совершенствование структуры народного хозяйства;

8) использование в основном внутренних источников капиталовложений и творческих сил народа при широком привлечении внешней помощи и расширении экономических, технических и культурных связей с другими странами¹².

Приоритет промышленности и производства средств производства в годы первой пятилетки особенно наглядно демонстрируют данные о распределении капиталовложений. За пятилетие (1953—1957) в промышленное строительство была направлена почти половина общих капиталовложений в народное хозяйство, львиную долю которых (85 %) поглотила тяжелая индустрия. При широкой поддержке Советского Союза и других социалистических стран в Китае были построены сотни новых промышленных предприятий, созданы целые отрасли промышленности: металлургическая, энергетическая, автомобильная, авиационная, станкостроительная и др. Объем промышленного производства за пятилетие более чем удвоился.

Провозглашенная в 1953 г. «генеральная линия переходного периода», в свою очередь, оказалась недолговечной. Трехлетние дискуссии и столкновения между радикалами и консерваторами завершились победой представителей крайне левых. В течение всего двух лет (1955—1956 гг.) почти все частные капиталистические предприятия были реорганизованы в государственно-частные, индивидуальные кустари и торговцы были объединены в кооперативы. Структура промышленности по формам собственности в 1957 г. выглядела следующим образом: на государственные предприятия приходилось 53,8 % валовой промышленной продукции, на кооперативные — 19,0, на смешанные государственно-частные — 26,3, на частные — 0,1, на индивидуальные (кустарные) — 0,8 %¹³. Коллективизация сельского хозяйства была осуществлена в те же сжатые сроки, задолго до создания базы для механизации и электрификации сельского труда.

Состоявшийся в 1956 г. VIII съезд КПК констатировал окончание переходного периода, отметив, что в стране вопрос «кто-кого» решен в пользу социализма, «в основном разрешено противоречие между пролетариатом и буржуазией, положен конец системе классово-эксплуатации, существовавшей в течение нескольких тысячелетий, создан социалистический общественный строй»¹⁴. Эта оценка аналогична той, какую дал Сталин положению в Советском Союзе в 1936 г., провозгласив создание социалистического строя в СССР. Такое кампанейское утверждение общественной собственности на средства производства в условиях низкого уровня развития производительных сил, немногочисленности и недостаточной политической зрелости рабочего класса создало колоссальный разрыв между реальным и формальным обобществлением, что открыло дорогу процветанию разного рода утопических и авантюрных проектов.

В период первой пятилетки в Китае начали закладываться основы системы хозяйствования, базирующейся на двух формах общественной собственности. Методы хозяйственного управления были в основном заимствованы из опыта Советского Союза. Была проведена серия мероприятий по организации системы планирования, оформлению аппарата министерств и хозяйственных органов на местах, внедрению организационных принципов управления социалистической экономикой — демократического централизма, системы хозрасчета и единоначалия. Китайским вариантом принципа демократического централизма в экономике стал лозунг «единое планирование, ступенчатое управление», сменивший прежнюю установку на «единое планирование, централизованное руководство». Под «единым планированием» понимались выработка общей экономической политики, составление общегосударственных производственного и финансового планов и контроль над их выполнением. «Ступенчатое управление» строилось на сочетании отраслевых и территориальных методов управления с определенным разделением функций между центральными ведомствами и административно-хозяйственными органами разных уровней. Предусматривались два типа директивных показателей (устанавливаемых центральными и местными органами управления) и индикативные показатели, которые контролировались государством косвенным путем через систему цен, регулирование снабжения и сбыта и другими путями.

В 50-е годы в масштабах всей страны была проведена инвентаризация наличных ресурсов, осуществлены важные мероприятия по комплектации центральных органов и органов управления на местах, начальному освоению планово-директивных методов управления производством. За каждым предприятием был закреплен определенный объем основных фондов, установлены нормативы пользования оборотными средствами, разработан инструментарий единой по всей стране системы бухгалтерской отчетности, внедрены методы калькуляции себестоимости, исчисления прибыли и нормы амортизации. Каждое предприятие производило отчетность по 12 показателям, включая объем производства в натуре и по стоимости, себестоимость, производительность труда, прибыль, списочный состав рабочих и фонд заработной платы, располагало 30 % сверхплановой прибыли (к концу первой пятилетки эта доля была увеличена до 40 %) и директорским фондом (отчисления от прибыли в пропорции к фонду заработной платы при условии выполнения государственного плана). Остальная часть прибыли, амортизационный фонд, излишки оборот-

ных средств должны были вноситься в государственный бюджет. Средства для расширения производства (капитальные вложения и пополнение оборотных фондов) финансировались из государственного бюджета. Такая упрощенная форма хозрасчета была обусловлена недостаточно высоким уровнем планирования и слабостью руководства финансовой деятельностью. Мелкие хозяйства вообще не могли обеспечить действенного хозяйственного расчета и создать необходимые фонды для развития производства и материального стимулирования работников. Для выработки экономической политики, адекватной наличному уровню развития производительных сил, для постепенной модернизации хозяйственного механизма и более широкого распространения экономических методов руководства требовались время, научные поиски и терпение.

Формирование новой социально-экономической стратегии сопровождалось жесткой борьбой между двумя политическими силами. Можно говорить о столкновении двух моделей — «эволюционной» и «скачковой» (с точки зрения намечаемых темпов развития), или «планово-рыночной» и «антирыночной» (по характеру хозяйственного механизма).

Первая модель предполагала частичную децентрализацию управления на базе развитой системы специализации и кооперирования производства. Предполагалось все «ключевые предприятия» (прежде всего тяжелой промышленности) сохранять в ведении центральных министерств, несущих ответственность за комплекс вопросов производства, снабжения и сбыта, разработку производственных заданий и контроль над их исполнением. Централизованное распределение основных средств производства и капитальных вложений должно было сочетаться с полной государственной монополией на внешнюю торговлю. В то же время намечалась передача всех предприятий негосударственного значения в подчинение местным органам власти с предоставлением им больших хозяйственных и финансовых полномочий. Одновременно намечалось расширение самостоятельности предприятий, введение элементов кредитования оборотных средств и капитальных вложений, создание производственных объединений, расширение специализации производства. Предпочтение отдавалось умеренно высоким темпам индустриального роста при большом внимании к сбалансированности производства и привлечению мер экономического стимулирования непосредственных производителей. На формирование этих проектов преобразований определенное влияние оказывали новые веяния в социалистических странах, в частности,

югославские эксперименты по созданию системы самоуправления на промышленных предприятиях.

Согласно альтернативной модели широкой децентрализации производства в центральном управлении оставалась только небольшая часть самых важных объектов и самых важных сфер деятельности вроде железнодорожного транспорта, почт, телеграфа и т. п. Все остальные предприятия предполагалось передать в управление на места. Абсолютный приоритет отдавался территориальным принципам управления. Провинции должны были целиком отвечать за планирование и добиваться максимального самообеспечения всеми необходимыми видами сельскохозяйственной и промышленной продукции, обмениваясь с другими районами только излишками своего производства. Производственные предприятия и сельскохозяйственные организации, получив статус «народных коммун», обязаны были стать комплексными производственно-социальными ячейками организации общества, нацеленными на перспективу слияния города и деревни, хозяйственную самодостаточность, минимальное привлечение товарно-денежных отношений. Эти организационные преобразования были направлены на ускорение индустриализации с привлечением мелкого и «традиционного» типов производства и с упором на тяжелую промышленность (прежде всего металлургию). Общий ориентир — переход к единой общенародной форме собственности, отказ от материального стимулирования, равенство в потреблении и добровольность труда. Достижению поставленных целей призвана была служить теория «волнообразного развития» как допущение диспропорциональности и перепадов в темпах роста в целях стимулирования развития общества и инициативы трудящихся.

Уже в конце 1950-х годов зародилась идея реформы как создания «хозяйственного механизма китайского типа», имеющего определенные отличия от советского прототипа. Первоначально реформу системы управления намеревались проводить по варианту соединения плана и рынка. В докладе Мао Цзэдуна «О десяти важнейших взаимоотношениях» (апрель 1956 г.) и в докладе Чжоу Эньлая на VIII съезде КПК шла речь о признании более широких административно-хозяйственных полномочий местных органов управления, не нарушающих работы механизма централизованного руководства, об укреплении роли единого государственного плана и об ужесточении финансовой дисциплины. В выступлении члена Политбюро ЦК КПК Чэнь Юня был сформулирован тезис «три главных и три вспомогательных»: главное — государственные и кооперативные предприятия, индиви-

дуальное производство является их дополнением; главное — плановое хозяйство, его дополнение — производство вне рамок плана в соответствии с рыночной конъюнктурой; главное — государственный рынок, дополнение государственного рынка — свободный рынок, контролируемый государством¹⁵.

14 ноября 1957 г. Государственный совет КНР принял постановление о реформе управления, которое должно было вступить в силу с 1 января 1958 г (т. е. с момента начала действия второй пятилетки). Реформа касалась расширения прав мест (через передачу части предприятий в управление на места), пополнения местных бюджетов при повышении роли центра в принятии общегосударственных решений (в области планирования, стандартизации, ценообразования, крупного капитального строительства и т. п.). Одновременно намеревались расширить хозяйственную самостоятельность предприятий и сферу хозрасчетных отношений, активно использовать экономические рычаги регулирования производства. Некоторое замедление темпов роста оправдывалось задачами структурных преобразований с целью подтягивания отстающих звеньев — легкой промышленности и сельского хозяйства.

Но в конце первой пятилетки внутрисполитическая ситуация в стране резко изменилась. Разоблачение культа Сталина Хрущевым, расцененное как ревизионистское перерождение СССР, усилило в Китае позиции леворадикальных сил. Концептуальные разногласия внутри китайского руководства по поводу дальнейшего развития страны «вышли из тени», приняв форму противостояния ультралевых с псевдоправыми, одни из которых выступали под флагом «защитников социализма», а другие получили клеймо «идущих по капиталистическому пути». На новом витке левого экстремизма возобладало мнение о возможности небывалого ускорения темпов экономического роста и обобществления производства, превращения Китая за несколько лет в главный форпост социализма в мире. Состоявшаяся в мае 1958 г. 2-я сессия УШ съезда КПК поддержала инициативу Мао Цзэдуна, «напрягая все силы, идти против течения, строить социализм по принципу “больше, быстрее, лучше, экономнее”» и провозгласила начало «большого скачка». Согласно прожектам «большого скачка», Китай должен был в течение 3 лет по уровню развития производительных сил догнать Англию, а за 10 лет перегнать США, обеспечив при этом переход к единой общенародной собственности и унифицированной первичной хозяйственной организации — «народной коммуне». Целям достижения

сверхвысокого промышленного роста были призваны служить следующие факторы:

- резкое увеличение капиталовложений в промышленность;
- массированное вовлечение в сферу промышленности дополнительной рабочей силы (выходцев из деревни);
- широкое использование мелкого, «традиционного» производства (в том числе в металлургии);
- увеличение продолжительности рабочего дня и усиление интенсивности труда при одновременном замораживании заработной платы;
- стимулирование «технического новаторства масс» в промышленности и разного рода экспериментов по повышению урожайности сельскохозяйственных культур;
- закупки комплектного оборудования из зарубежных стран.

В противовес всему опыту социалистического строительства в других странах была выдвинута установка «идти на двух ногах» — курс на одновременное развитие промышленности и сельского хозяйства, мелкой и крупной промышленности, предприятий центрального и местного подчинения, традиционной и современной технологии, соединения города и деревни, рабочих и крестьян.

На расширенном заседании Политбюро, состоявшемся в августе 1958 г. в курортном местечке Бэйдайхэ, Мао Цзедун изложил свои взгляды на «собственный путь» Китая. Согласно глобальной задаче превращения всей страны в одну большую военизированную Коммуну, каждый регион и каждая отдельная производственная единица должны были полагаться на использование местного сырья и удовлетворять свои основные потребности путем сбалансирования производства и потребления, что должно было обеспечить их полную «самодостаточность» и значительную хозяйственную самостоятельность.

После совещания в Бэйдайхэ в течение нескольких месяцев 740 тыс. прежних кооперативов были преобразованы в 26 тыс. «народных коммун». Земля, все средства производства кооперативов, а также приусадебные участки крестьян перешли в собственность коммун, что рассматривалось как первый шаг к ликвидации различий между государственной и кооперативной собственностью в деревне, а в перспективе должно было помочь преодолению различий между городом и деревней. 6-й пленум ЦК КПК (Лушаньский), состоявшийся в ноябре—декабре 1958 г., внес некоторые коррективы в курс «большого скачка», отметив, в частности, преждевременность и ошибочность попыток полностью отказаться от товарного производства. Од-

нако в решении пленума по-прежнему говорилось о «народной коммуне» как наиболее приемлемой форме перехода от социализма к коммунизму, а о введенной в коммунах системе бесплатного питания и уравнительного распределения как о «ростках коммунистического принципа “каждому по потребностям”»¹⁶. Член Политбюро ЦК КПК Кан Шэн в своем письменном обращении к участникам пленума заявил, что он не видит препятствий для переименования КНР в Китайскую коммуну.

Политика «большого скачка», обращаясь к тезису «передачи прав на места», придала ему расширенное толкование, по существу перечеркнувшее первоначальные замыслы. Задача децентрализации производства, вырванная из контекста углубления разделения труда, приобрела ярко выраженный антирыночный настрой. Под ударом оказались все основополагающие принципы разделения труда, в качестве альтернативы которым предлагался новый вид «комплексных» производственных организаций, новый метод размещения производства с целью полного самообеспечения каждого региона всем необходимым, новый тип работника, совмещающего занятия сельскохозяйственным и промышленным, умственным и физическим трудом. Универсализация и автаркия производства, прямой продуктообмен противопоставлялись товарным отношениям. Идея самообеспечения распространялась и на взаимоотношения с внешним миром, приняв вид экономической автаркии.

Произведенное «делегирование прав вниз» резко сузило масштабы системы центрального подчинения. В соответствии с дополнительно принятым 11 апреля 1958 г. постановлением ЦК КПК и Госсовета КНР в систему территориального подчинения переводились предприятия не только легкой, но и тяжелой промышленности. В итоге к концу 1958 г. под началом министерств осталось всего 12 % подведомственных им прежде предприятий, доля которых в валовой продукции промышленности снизилась с 39,7 до 13,8 %¹⁷. Права центра в области планирования, контроля и финансовой деятельности оказались сильно урезанными. В ходе налоговой реформы местным бюджетам были переданы 7 видов налогов, а остальные стали делиться в определенной пропорции между центром и местами. 20 % прибыли предприятий центрального подчинения также стали поступать в местные бюджеты. В июле 1958 г. в сфере капитального строительства была введена система подряда, предполагавшая полную свободу регионов в отношении использования выделяемых им государственных инвестиций. Число фондируемых видов изделий сократилось на

75 % — с 532 в 1957 г. до 132 в 1959 г. По существу на центральные планирующие органы возлагалась только увязка районных балансов, но в условиях развернувшейся погони за темпами, бесконечного пересмотра плановых установок в сторону их повышения, дезорганизации органов управления и статистической отчетности ни о каком действительном экономическом сбалансировании не могло быть и речи. Центральные органы были бессильны проследить направления торговых потоков внутри провинций и между ними. Число директивных показателей, спускаемых предприятиям, сократилось с 12 до 4, предприятия присвоили себе право манипулировать плановыми заданиями, самостоятельно осуществлять внутренние кадровые перестановки и организационные преобразования¹⁸.

После ликвидации системы вертикального руководства капитальным строительством и введения системы «строительного подряда», а затем передачи летом 1958 г. строительным организациям полной ответственности за утверждение проектных смет и выполнение проектов Центр утратил всякий контроль над капитальным строительством. За 3 года «скачка» общий объем капиталовложений достиг 100,74 млрд юаней, что на 71 % превысило капитальные затраты за весь период первой пятилетки.

В обстановке погони за рекордами, экономического хаоса и неразберихи осуществленная широкая децентрализация управления вылилась в дезорганизацию снабжения, производства и строительства. Наладить процедуру контроля над прибылью предприятий через систему цен и налогов не удалось. Расширившиеся собственные средства и дополнительные оборотные средства, полученные через кредиты без санкции вышестоящих инстанций, предприятия направляли на новое капитальное строительство. Неимоверно разбухшее капитальное строительство не могло быть обеспечено необходимыми строительными материалами и оборудованием, бремя новых заказов оказалось непосильным для существовавших проектных и строительных организаций. С каждым днем нарастали объем незавершенного строительства и материальные потери. Финансовые возможности Центра оказались также сильно урезанными. Удельный вес центрального бюджета в общегосударственных расходах снизился до 56 %, а в доходах — даже до 23 %¹⁹. За один 1958 год число рабочих и служащих увеличилось вдвое (с 24,51 до 45,32 млн человек), а в 1959 г. достигло 59,69 млн человек. Из деревни в город переехало почти 30 млн человек²⁰.

Пагубные последствия имела политика «коммунизации» китайской деревни, которая подорвала заинтересованность крестьян в ре-

зультатах своего труда, привела к разбазариванию ресурсов и рабочего времени, истощению земли. Положение усугубили серьезные стихийные бедствия. Сбор зерна в 1959 г. оказался на 30 млн т ниже уровня предыдущего года, а в 1960 г. упал до 143,5 млн т, т. е. ниже урожая 1951 г. Массовый голод унес жизни многих миллионов людей. Прямые людские потери из-за недоедания и спровоцированных им болезней оцениваются в пределах 15—20 млн человек²¹. С учетом уменьшения числа рождений «недобор» населения в 1957—1964 гг., обнаружившийся в результате переписи 1964 г., составил 54 млн человек²².

В результате политики «большого скачка» Китай очутился в тисках глубокого продовольственного и экономического кризиса, промышленное производство сократилось почти наполовину, система планирования и управления была полностью дезорганизована, а первоначальная идея хозяйственной реформы глубоко скомпрометирована. Возникшая в связи со «скачком» угроза полной хозяйственной анархии, возросшая убыточность предприятий и оскудение государственного бюджета, падение жизненного уровня населения — все это дискредитировало хозяйственные эксперименты и вынуждало вернуться к строго централизованным методам управления. Уже во второй половине 1959 г. начался постепенный возврат переданных в управление на места предприятий под начало министерств. В 1960 г. Госсовет КНР принял специальное решение о восстановлении центрального руководства в области финансов, налогообложения, распределения важных видов продукции, ценообразования на продукцию общегосударственного значения, подготовки и распределения выпускников высших учебных заведений. В 1961 г. было прекращено свободное кредитование оборотных фондов, а в 1962 г. отказались от выделения предприятиям части полученной прибыли.

В январе 1961 г. очередной пленум ЦК КПК наметил ряд мероприятий по ликвидации последствий «большого скачка» и провозгласил «курс на урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». Экономическая стратегия периода «урегулирования» (1961—1965 гг.) предусматривала умеренное и сбалансированное развитие, налаживание системы планирования, повышение эффективности производства. Главные моменты хозяйственной политики были отражены в проекте положения по промышленности от 8 сентября 1961 г., одним из авторов которого считается Дэн Сяопин (так называемые «70 пунктов по промышленности»). Содержавшиеся в этой программе принципы организации труда и управления промышленностью в основном были

аналогичны тем, что существовали в годы первой пятилетки. На предприятиях вернулись к системам единоначалия и персональной ответственности, провели упорядочение системы хозрасчета, усилили контроль над качеством продукции и ее ассортиментом. Расширялись права директоров предприятий и одновременно повышалось значение выборных собраний представителей рабочих и служащих, которым передавались частично контрольные функции. Антикризисный проект включал положения о восстановлении деятельности кустарных кооперативов и закрытии нерентабельных мелких предприятий. В целях улучшения условий труда подтверждались права работников на 8-часовой рабочий день и однодневный отдых в неделю, ограничивалось принудительное перемещение рабочей силы. Предприятия общегосударственного и провинциального значения, которые в ходе реформы 1958 г. были переданы в местное управление (округов, уездов и городов) стали возвращаться в ведение министерств и крупных административных единиц. В 1963 г. под прямым контролем Центра оказалось уже около 60 % промышленного, 70 % сельскохозяйственного производства и 70 % розничного товарооборота²³.

Такого рода «реставрация» первой пятилетки устраивала далеко не всех, хотя по совершенно разным мотивам. Отступление в сторону централизации не отвечало задачам ни текущего момента, ни перспективным. Обилие мелких предприятий, повышение требований к эффективности производства требовало введения более гибких методов управления, расширения хозяйственной самостоятельности предприятий и регионов. Не могли не оказывать влияния и новые веяния в социалистических странах, где в 60-е годы с большей настойчивостью заговорили о хозяйственных реформах. На страницах китайских экономических изданий развернулась дискуссия по поводу показателей прибыли, цены производства при социализме, преимуществ и недостатков показателей валовой и чистой продукции, методов калькуляции себестоимости и формирования собственных фондов предприятий. В то же время экономическая атмосфера оставалась наэлектризованной прошедшей грозой «большого скачка». Леворадикальные установки типа «политика — командная сила», «линия масс» и т. п. были у всех на слуху и имели своих приверженцев.

В 1964 г. вновь была предпринята попытка некоторого ослабления административного контроля и повышения местной инициативы. «Миниреформа» 1964 г. предусматривала меры по расширению прав мест в капитальном строительстве и в 19 других неиндустриальных видах деятельности (третья сфера производства — транспорт, ир-

ригация, торговля и т. п.), а также в части распоряжения прибылью предприятий местной промышленности и снабжения их необходимым сырьем и материалами. Проведенные в том же году мероприятия в области цен подготовили почву для новых хозяйственных маневров. В экспериментальном порядке началось создание производственных объединений типа трестов (*гунсы*) как промежуточных звеньев между министерствами и предприятиями, которые наделялись правами самостоятельных хозрасчетных организаций, оказывающих услуги в области планирования, снабжения и сбыта.

Намерение всерьез заняться совершенствованием хозяйственного механизма прозвучало с новой силой на Всекитайском совещании по промышленности и транспорту в начале 1965 г. В целях, как тогда говорилось, «осуществления революции во всех звеньях работы по экономическому управлению» предлагались такие мероприятия, как совершенствование структуры заводоуправлений, сокращение численности управленческого персонала, проведение реорганизации оплаты труда. В стиле первоначального варианта реформы 1957 г. намечалось расширение прав провинций в отношении предприятий местного значения при одновременном укреплении руководства крупными предприятиями и закреплении важных хозяйственных функций за центральным аппаратом управления.

Новые попытки налаживания специализации и кооперации производства, совершенствования системы планирования с использованием экономических рычагов и на этот раз встретили сильное противодействие. Уже на 10-м пленуме ЦК КПК 1964 г. было много возражений против «опасного» привлечения рыночных сил в экономику, слишком большого внимания к материальным стимулам, что квалифицировалось как «капиталистический путь». После пленума стал широко пропагандироваться выдвинутый Мао Цзэдуном лозунг «сельское хозяйство учится у Дачжая, промышленность — у Дацина, весь народ учится у Народно-освободительной армии». Принципы организации широко рекламируемых «образцовых предприятий» перекликались с теми, что пропагандировались в годы «большого скачка» — «опора на собственные силы», удовлетворение всех потребностей без обращения за помощью к государству, сочетание промышленной и сельскохозяйственной деятельности, привлечение кадровых работников к производительному труду, отказ от сдельной оплаты труда и премий.

Реформа 1964—1965 гг. повторила судьбу своей предшественницы и была похоронена новой маоистской кампанией под громким назва-

нием «великой пролетарской культурной революции», которая возродила стиль и методы «казарменного коммунизма». Экономическая политика тех лет включала следующие основные направления:

- создание «комплексных» органов («революционные комитеты»), на которые возлагались функции одновременно хозяйственного, административного, политического и военного контроля;
- организация обособленных хозяйственных ячеек, построенных на началах самообеспечения продовольствием и основными средствами производства, в рамках которых создаются условия для ликвидации различий между промышленностью и сельским хозяйством, рабочими и крестьянами;
- равномерное размещение производительных сил и создание автономных региональных хозяйственных систем, способных к самовывживанию в условиях военного нападения;
- замена экономических методов хозяйствования и материального стимулирования идеологической пропагандой аскетизма и трудового энтузиазма;
- общая военизация всей общественной жизни.

Сразу же после провозглашения победы «культурной революции» была затеяна еще одна попытка подстегнуть темпы экономического роста и навязать стране «идеалы коммунизма». В хозяйственной практике проявилось резко негативное отношение к экономическим методам управления, учитывающим действие закона стоимости. К «ревизионистским» уловкам в интересах установления «диктатуры буржуазии», помимо материального стимулирования, были причислены рентабельность производства, руководящая роль на производстве технических специалистов, введение системы единоначалия на предприятиях. Так, директору Института экономики АН Китая Сунь Ефану было поставлено в вину его требование наиболее полного учета объективных экономических закономерностей, изучение потребительского спроса, акцент на прибыль как концентрированное выражение результатов экономической деятельности. Широко пропагандировавшийся тезис об «особом пути» индустриализации Китая исключал всякую возможность привлечения иностранных капиталовложений, изучения зарубежного опыта управления, активизации индивидуального сектора.

За рекламируемым лозунгом «опоры на собственные силы», понимаемой как создание самообеспечивающихся агропромышленных ячеек, просматривалось намерение затормозить развитие разделения труда, внедрить районную автаркию, обеспечить равномерное разме-

щение производительных сил. По существу, речь шла о ликвидации товарно-денежных отношений и создании новых, «неденежных» форм социальных связей.

«Стремление найти “особый путь” общественного развития «в обход» не только капитализма, но и социализма, вело к насаждению режима, который должен был обеспечить создание некоего идеального государства по образцу древнекитайских утопий. “Проектировщики” нового типа государства хотели, не меняя фундамента полутрадиционного-полусовременного производства, сохранить каркас общественной собственности и подвести его под крышу военно-бюрократической диктатуры, сцементировав это непрочное социальное построение слепой верой в вождя, беспрекословной дисциплиной и военной муштрой.

В условиях фактической раздробленности производства система общественной собственности стала представлять собой иерархическую структуру, составленную из относительно обособленных хозяйственных ячеек, различавшихся по степени технической оснащенности и государственной значимости, ограниченных при этом в своей самостоятельности и лишенных права выбора хозяйственных партнеров. Первичные производственные ячейки, в которые внедрялись принципы соединения промышленности и сельского хозяйства, города и деревни по образцу Дачжая и Дацина, при экономической отсталости страны представляли собой шаг не вперед, а назад — к традиционным общинам и феодальным полисам. Возникла реальная угроза социальной деградации» (*Молодцова Л.И.* Особенности формирования промышленной системы КНР (1949—1985 гг.). М., 1988. С. 60).

Сходство двух «скачков», разделенных интервалом в 12 лет, обнаруживает также политика децентрализации хозяйственной деятельности: В марте 1970 г. было принято решение Госсовета КНР о передаче предприятий центрального подчинения в управление на места. Из 3082 предприятий, находившихся в прямом подчинении 9 промышленных и транспортных министерств, к концу сентября того же года в местное управление было передано 2237 объектов (73 %) ²⁴. Доля предприятий прямого подчинения в валовой продукции промышленности снизилась с 46,9 % в 1965 г. до 8 % в 1970 г. ²⁵

Перенесение акцента с ведомственной системы подчинения на территориальную сопровождалось значительным расширением полномочий местных властей в области финансов и капиталовложений. В итоге доля прямых централизованных доходов государства понизилась с 30 % в 1970 г. до 13,8 % в 1972 г. ²⁶ Центральные органы сохранили контроль только над 40 % капитальных вложений.

Всю первую половину 70-х годов деятели прагматического толка старались предотвратить нарастание хаоса в экономике и восстановить общегосударственную систему планирования и управления. Гибель в 1971 г. главнокомандующего Линь Бяо подорвала власть военных и прервала процесс всеобщей милитаризации страны. Ослабление позиций леворадикалов было использовано их оппонентами для налаживания хозяйственной жизни и выхода из внешнеэкономической изоляции. Восстановление связей с Западом могло помочь расширению импорта, столь необходимому для переориентации наметившегося нового «большого скачка» в русло хозяйственной стабилизации. Но для этого требовалось значительно больше времени.

В 1972 г. была проведена серия совещаний, в том числе по восстановлению хозрасчета на предприятиях. Распространенный среди кадровых работников документ «10 пунктов по промышленности» акцентировал внимание на мерах по усилению экономического руководства. В 1975 г. хозяйственники были ознакомлены с другим уставочным документом — «Несколько вопросов ускорения промышленного развития» («20 пунктов по промышленности»), который был встречен «в штыки» официальной прессой за якобы попытку «восстановления диктатуры ведомств», «копирования методов экономических реформ советских ревизионистов». Система управления оставалась сильно децентрализованной, производственные связи между предприятиями налаживались с большим трудом. При отсутствии устойчивой кооперации планы поставок и реализации продукции часто нарушались, продолжалось обособление друг от друга систем центрального и местного подчинения, что приводило к дублированию производства. Мелкорсерийность производства, накопление излишних складских запасов стали повсеместным явлением. Система планирования оставалась в рудиментарном состоянии.

3.2. Общая характеристика дореформенной хозяйственной системы

Сложившаяся к концу 70-х годов XX в. хозяйственная система в КНР отличалась слабым развитием товарно-денежных отношений, господством государственной формы собственности, директивным характером управления, иерархическим соподчинением субъектов хозяйственной деятельности. Эта система в китайской экономиче-

ской литературе получила определение «традиционной модели» централизованной плановой экономики. Ее основные черты:

1. Низовые хозяйственные звенья были лишены хозяйственной самостоятельности и выступали как исполнители директивных указаний сверху.

2. Управление строилось по ступенчатому принципу в соответствии с административным делением и отраслевой хозяйственной структурой, каждая ступень хозяйственного механизма во многом дублировала функции вышестоящих органов соответственно на более узком хозяйственном пространстве. Между структурными компонентами системы существовали отношения прямого подчинения нижестоящих органов вышестоящим (так называемая интегрированная система).

3. Государственные органы управления совмещали в себе функции административно-политического и хозяйственного управления.

4. Производственные организации находились частично в центральном, преимущественно в местном подчинении, на некоторые из них распространялась система «двойного подчинения». Формирование бюджетов (центрального и местных) производилось также в соответствии с принципом хозяйственного подчинения (доходы предприятий центрального подчинения перечислялись в центральный бюджет, местного подчинения — в местный).

5. В принятии решений участвовали административные, хозяйственные и партийные руководящие инстанции при решающем слове партийных организаций.

За 30 лет, прошедших с момента образования КНР, страна пережила четыре кампании социально-экономических преобразований с «приливами» и частичными «отливами» процесса обобществления производства — национализация собственности компрадорской и национальной буржуазии после победы революции 1949 г., преобразование промышленности и торговли в 1956 г., поголовная коммунизация в годы «большого скачка» (1958—1960 гг.), рецидив «большого скачка» в период накала «культурной революции» (1966—1969 гг.).

В конечном счете, после нескольких «волн» преобразований системы собственности накануне реформы все разнообразие имущественных отношений уложилось в три сектора в полном соответствии с «триадой» форм собственности при социализме — государственная (общенародная), коллективная и индивидуальная. Официальная пропаганда тех лет признавала социалистический характер только за двумя формами общественной собственности — государственной и коллективной. Третья форма собственности — индивидуальные хозяйства —

считалась «пережитком капитализма», обреченным на постепенное отмирание. Частная собственность вообще «выносилась за скобки» нового общественного устройства как форма производственных отношений, основанная на эксплуатации, т. е. присвоении собственником средств производства неоплаченного труда непосредственных производителей.

Дореформенную структуру системы собственности в несельскохозяйственной сфере демонстрирует табл. 2.

Происхождение и закрепление административно-командной хозяйственной системы китайские исследователи объясняют комплексом причин, среди которых: живучесть феодальных традиций и наследие натурального хозяйства, примитивное истолкование «продуктообменного коммунистического общества», приверженность революционному прошлому с его идеями «опоры на собственные силы» и равенства в потреблении, догматизация опыта Советского Союза, нагнетание военной угрозы и проведение политики «подготовки к войне» с ее ориентацией на дублирование производства. В целом дореформенную хозяйственную систему можно рассматривать как сочетание продуктообменного хозяйства с элементами планирования и унаследованными от прошлого остатками хозяйственной автаркии. Марксистские тезисы о бестоварном коммунистическом хозяйстве и социальной справедливости фактически служили маскировкой внешнеэкономического принуждения и грубой уравниловки.

Директивно-распределительная система предполагает наличие сильного государства, вмешивающегося и в собственнические отношения, и в управленческий процесс. Опорой экономики становятся создаваемые на государственные средства и жестко привязанные к государственному бюджету предприятия, Народное хозяйство спон-

Таблица 2. Эволюция экономических укладов в промышленности КНР в 1952—1978 гг.

Экономические уклады	Доля в валовой продукции промышленности, %			Доля в численности занятых, тыс. человек		
	1952	1957	1978	1952	1957	1978
Государственный	41,5	53,6	77,6	63,5	76,5	78,3
Частный и смешанный государственно-частный	34,6	26,4	0	0	0	0
Индивидуальный	20,6	0,8	0,5	35,5	3,20	0,2
Коллективный	3,3	19,0	21,8	0,01	20,3	21,5

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1981. С. 107.

танно и целенаправленно движется в сторону все большего формального обобществления при ведущей роли государственного сектора, дополняемого полуогосударственными — полукolleктивными предприятиями. Безусловно, что вышеприведенная экономическая конструкция напоминает советскую хозяйственную систему, хотя отнюдь ее не повторяет. Ориентация на опыт Советского Союза объясняется как общей социалистической ориентацией, так и опытом социалистической индустриализации, позволившей СССР существовать в условиях экономической блокады и выдержать многолетнюю войну. К тому же СССР готов был предоставить Китаю материальную и техническую помощь в пределах своих возможностей и охотно делился своими политэкономическими теориями. Это определило сходство китайской и советской хозяйственных систем.

«Экономическая политика, которую навязал стране и партии Сталин, не могла опираться ни на какую другую систему, кроме командно-административной.

Финансы не играли в планировании почти никакой роли. Грубо говоря, утверждалась директива, согласно которой к концу пятилетки страна должна производить столько-то стали, угля, нефти, автомобилей, тракторов и т. д.; эти цифры разбрасывались по годам. Госплан определял, какие предприятия должны быть для этого построены и в какие сроки, сколько и каких стройматериалов, оборудования и рабочей силы им потребуется. Объем всех межотраслевых потоков товаров устанавливался в натуре; каждое предприятие и каждая отрасль должны были поставлять туда-то в такие-то сроки свою продукцию. Товары имели свои установленные Госпланом цены, и предприятия производили через Госбанк платежи своим поставщикам. Предприятия должны были покрывать выручкой свои издержки; это называлось хозрасчетом. Но расчета тут было мало. Поскольку предприятия не могли менять цены, поставщиков и покупателей.

Вообще все ценностные, денежные показатели были второстепенными по сравнению с выполнением плана в тоннах, метрах, единицах машин и т. п. Для выполнения первоочередных задач, особенно в тяжелой и оборонной промышленности, деньги всегда находились в виде бюджетных дотаций или кредитов Госбанка.

Непомерно завышенные планы хронически не выполнялись, сроки срывались. Чтобы любой ценой выполнить планы, предприятия гнали в производство сырье и промежуточные продукты, не считаясь с их ценностью, с затратами. Для всех главная проблема состояла не в том, чтобы иметь деньги и на эти деньги что-то купить или заказать, а в том, чтобы получить и «выбрать» фонды. Это была экономика дефицита на уровне предприятий.

На уровне населения дело обстояло не лучше. Каждый пятилетний план закладывал стабильные цены и превышение роста производительности труда над денежной заработной платой. Ничего подобного не было в действительности. Ради выполнения плана предприятия набирали больше рабочих, чем диктовалось требованиями эффективности, и завышали зарботки. Фонды заработной платы хронически перерасходовались. Эти доходы обрушивались на убогие ресурсы потребительских товаров, которые могло всеми правдами и неправдами мобилизовать государство. Хронический дефицит потребительских товаров стал необходимой чертой экономики.

Планирование и нерыночное распределение ресурсов порождало бездну бюрократизма, путаницы, потерь. И над всем этим постоянно царил *насилие*. Насильно забирали продукты у крестьян и сгоняли их в колхозы, насильно отбирали землю под строительство и с применением разных форм и степеней насилия мобилизовали на стройки рабочих» (*Аникин Андрей*. История финансовых потрясений. М., 2000. С. 218—219).

Назвать китайскую дореформенную систему «плановой» можно только с большой долей условности. Плановая система переживала процесс становления и испытала на себе разрушительное воздействие маоистских социальных экспериментов. Китайские пятилетки никогда не были глубоко проработанными и выполнялись со значительными отклонениями в ту и другую стороны. Государственные планы носили ориентировочный характер и не обсуждались на общегосударственных форумах. Из первых четырех (до 1975 г.) китайских пятилетних планов разработанным и выполненным оказался только самый первый, но и то его составление шло параллельно с осуществлением, а досрочное выполнение можно рассматривать как значительное расхождение между прогнозами и реальностью вследствие недостаточной информированности и подготовленности плановиков. Второй пятилетний план был сорван «большим скачком», а третий — дезорганизован «культурной революцией». Четвертый пятилетний план тоже оказался в значительной степени декларативным.

Что касается территориального планирования, то хотя в период существования «ревкомов» при них имелись плановые комиссии, которые вырабатывали приблизительные планы развития данного региона, но поток «встречных обязательств», особенно в периоды «погоны за высокими темпами» (сбор предложений от хозяйственных организаций и корректировка предварительного проекта), обычно ломал все предварительные наметки. Недостаток статистических данных сказывался на общем схематическом характере планов. Выполнение

устанавливаемых плановых показателей постоянно сталкивалось с отсутствием необходимого материального обеспечения. Все это дает основания для заключения о «полуплановости» экономики Китая и существовании периодов подлинной хозяйственной анархии²⁷. Китайская плановая система существовала больше «в потенции», чем в реальности, что отличало ее от советской системы и облегчило впоследствии задачу ее рыночного реформирования.

«Что касается планирования сельского хозяйства, финансовой деятельности, денежного обращения, цен и т. п., то в этих областях плановая система строилась на базе опыта, накопленного во время финансово-экономической работы в освобожденных районах, т. е. это было наше собственное творчество... Что же касается промышленности, капитального строительства, материально-технического снабжения, заработной платы, то здесь мы в основном заимствовали методы Советского Союза 50-х годов. В этой сфере влияние Советского Союза было очень сильным, но это тоже не было полным копированием» (Дандай Чжунго ды цзинци тичжи гайгэ : [Реформа экономической системы в современном Китае]. Пекин, 1985. С. 216).

Весьма проблематична характеристика китайской хозяйственной системы как «зацентрализованной». Мнения китайских экономистов относительно степени централизации дореформенной системы управления диаметрально расходятся. Одни констатируют ее чрезмерную централизацию, отмечая, что предприятия являлись, по сути, придатками административных органов управления, которые ущемляли их самостоятельность, что управление экономикой осуществлялось административными методами и по административным районам при слабости горизонтальных межрегиональных связей, что сверху спускалось слишком большое число директивных показателей, а централизация бюджетных доходов и расходов вела к уравниловке и иждивенчеству. Бывший одно время президентом Академии общественных наук Китая, видный экономист Ма Хун, отмечая существование «чрезмерной централизации», связывал ее с порочными представлениями о социализме как о натуральном и полунатуральном хозяйстве, где все хозяйственные решения должен принимать Центр²⁸.

Другие ученые считали главной проблемой Китая не чрезмерную централизацию экономики, а недостаточную централизацию²⁹. Чаще всего в этом случае они ссылались на то, что большинство предприятий оказалось в местном подчинении и было лишено необходимого

государственного контроля. Система макрорегулирования находилась в зачаточном состоянии. Центральный хозяйственный аппарат не справлялся с потоком оперативных задач и сбором необходимой информации, контроль над выполнением планов не был налажен, и попытки его установления зачастую квалифицировались как «зажим инициативы снизу». Места распоряжались непозволительно большой долей финансовых и материальных средств без должного учета общегосударственных интересов, а распоряжения министерств блокировались явным или скрытым сопротивлением местных хозяйственников³⁰. Широкое распространение получило дублирование производства и капитального строительства.

Это расхождение мнений отражает крайнюю противоречивость самой экономической ситуации, для которой было характерно сочетание жесткого администрирования и фактически слабого экономического контроля. В свое время наиболее ходовым было название хозяйственной системы в Китае, как «сочетания единого планирования и ступенчатого управления», что схоже с определением, бытовавшим в годы первой пятилетки. Однако, пройдя сложные перипетии политических кампаний конца 50-х и конца 60-х годов прошлого века, принцип «единое планирование и ступенчатое управление» утратил свое первоначальное содержание в виде разграничения компетенций органов государственного и местного управления и стал трактоваться в духе «двух активностей» (центра и мест) при принципиально ином подходе к характеру законодательной и исполнительной власти, политическому и хозяйственному управлению, самому соотношению экономики и политики. Система ступенчатого управления оказалась практически вытесненной моделью местного и «двойного подчинения» при неопределенном разграничении прав и обязанностей между центральными ведомствами и местными органами власти. Особо важные предприятия находились в системе центрального (ведомственного) подчинения или в системе «двойного подчинения» при ведущей роли центральных хозяйственных ведомств. Производственные и финансовые планы должны были составлять плановые службы различных отраслевых министерств, которые также определяли цены на их продукцию, утверждали списочный состав рабочих и фонд заработной платы. Получение сырья и реализация готовых изделий осуществлялись в основном в централизованном порядке. Прибыль изымалась в центральный бюджет либо целиком, либо с очень небольшой долей отчислений в местный бюджет и в фонды предприятий.

Мероприятия по реконструкции и расширению производства проводились путем бюджетного финансирования.

Большая же часть крупных и средних предприятий была отнесена к системе «двойного подчинения» с местным управлением в качестве главного. Кураторами этих предприятий были местные органы власти, которые осуществляли оперативное руководство, отвечали за выполнение плановых заданий. Обеспечение рабочей силой, снабжение сырьем и сбыт готовой продукции происходили разными способами в зависимости от степени их дефицитности. Прибыль предприятий отчислялась частично в центральный, частично в местный бюджет.

Предприятия «двойного подчинения» с местным управлением в качестве главного и предприятия провинциального подчинения образовывали верхний ярус общей конфигурации местной промышленности. На среднем ярусе находились предприятия, подчиненные округам, уездам и городам окружного подчинения. Нижний ярус представляли предприятия «народных коммун» и производственных бригад. Это были мелкие государственные предприятия, кустарные кооперативы и так называемые «кооперативные фабрики». По методам управления они занимали промежуточное положение между государственной и коллективной собственностью. Что касается предприятий «народных коммун», то они не включались в систему государственного планирования и предоставляли весьма примитивную статистическую отчетность. Регулирование снабжения и сбыта осуществлял уезд, который контролировал расход денежных средств. Эти объекты почти целиком функционировали по методу «опоры на собственные силы», создавались на средства самих крестьян и были предназначены в первую очередь для удовлетворения их нужд. Через цены, налоги и проценты на кредиты государство изымало часть доходов «народных коммун» от их несельскохозяйственных предприятий. Таким образом, директивное планирование проводилось в жизнь только в отношении предприятий государственного сектора, причем достаточно детальным оно было лишь в отношении объектов центрального подчинения, а для объектов местного подчинения — значительно более упрощенным и схематичным.

Для характеристики такого положения современной экономической наукой Китая был введен термин «административная децентрализация». Его разработчиками явились видный китайский экономист У Цзинлянь³¹ и сотрудники Института экономики АОН Китая Чжан Шугун и Ян Чжунвэй³². Сама идея выделения двух типов децентрализации в социалистических странах принадлежит Шурманну, выдвигав-

нувшему ее еще в 1966 г. «Децентрализацию-1» он рассматривал как передачу хозяйственных полномочий первичным хозяйственным организациям, а «децентрализацию-2» — как передачу прав от высших органов управления местным органам власти³³. Моррис Борнштейн в 1977 г. в своем выступлении в Конгрессе США по поводу реформ в социалистических странах использовал уже понятия «экономическая децентрализация» (аналог «децентрализации-1» Шурманна) и «административная децентрализация» («децентрализация-2»)³⁴.

Чжан Шугун и Ян Чжунвэй, исходя из разграничения прав и обязанностей между тремя уровнями хозяйственного управления (центральные власти, местные власти и предприятие), выделили четыре универсальные структуры, или модели управления: 1) сочетание административной и экономической централизации; 2) сочетание административной децентрализации и экономической централизации; 3) сочетание административной централизации и экономической децентрализации; 4) сочетание административной и экономической децентрализации.

При первой и второй модели государство выступает и как представитель политической власти, и как собственник. Как правитель оно осуществляет административную власть и взимает налоги, а как собственник оно получает прибыль. Налоги и прибыль вместе вливаются в государственные финансы и расходуются по единообразным правилам. Правительство, осуществляющее административное управление, занимается также и инвестициями. Что же касается третьей и четвертой моделей, то в этом случае двойственный статус государства и его двойственные функции разделены. Налоги и прибыль имеют разные кругообороты. Прибыль не поступает в общегосударственные финансы в качестве дани государству за то, что оно реализует предоставленную ему власть, а распределяется и обращается за пределами системы государственных финансов.

Дореформенная система в Китае относилась ко второй модели. Существование налога и отчисления от прибыли при главенстве последнего только по видимости означало их раздельное движение. На деле же они одинаково поступали в государственную казну, что было результатом неразграниченности прав и обязанностей органов власти и предприятий.

«Вторая модель представляет местным правительствам определенные реальные права, в том числе в области финансовой деятельности, наделяет их ответственностью и полномочиями для строи-

тельства и развития различных местных объектов. Однако пока в экономике по-прежнему осуществляется непосредственное управление, независимо от того, сосредоточены ли права в руках центрального правительства или ими наделены местные правительства, предприятия не могут превратиться в самостоятельных товаропроизводителей и субъектов хозяйственной деятельности, обрести подлинную самостоятельность и жизнеспособность. Такой экономике, как и прежде, не хватает жизнедеятельности и эффективности, что находит подтверждение в современной практике. — Отстаивать курс на умеренную децентрализацию, перекомпоновать структуру управления государством: о проводившейся в последние годы реформе финансовой системы и макроуправления» (КНР на путях реформ. М., 1989. С. 196 (пер. с кит.)).

Один из главных недостатков дореформенной системы — игнорирование общественного разделения труда и рыночных отношений. Местные власти были нацелены на создание в своих регионах «относительно целостной хозяйственной системы», ставили на первый план интересы мест при одновременном игнорировании общественных интересов, были в значительной степени предоставлены самим себе, но в то же время вынуждены были консультироваться с центральными ведомствами по ряду даже мелких вопросов, не располагали полномочиями на установление хозяйственных связей с другими предприятиями и регионами, обладали ограниченными техническими возможностями и выступали по отношению к подведомственным им хозяйственным организациям с тех же позиций административного диктата, который испытывали на себе. В наиболее невыгодном положении в этом противостоянии центра и мест оказывались низовые хозяйственные звенья, которые не получали ни необходимой самостоятельности, ни четких хозяйственных ориентиров.

Современные китайские экономисты нередко называют дореформенную экономическую политику «неудачной», возлагают на нее ответственность за недостаточно высокие темпы роста, низкую эффективность экономики и медленные сдвиги в жизненном уровне населения³⁵. На самом деле, управление планового (правильнее сказать, полупланового) типа в какой-то мере себя оправдало, позволив сконцентрировать скудные материальные и финансовые ресурсы и начать ускоренную индустриализацию. Сами же критики дореформенной системы вынуждены признать, что в период 1952—1978 гг. темпы экономического роста были сравнительно высокими³⁶. Статистические данные показывают, что в этот период среднегодовые тем-

пы совокупного общественного продукта, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства и национального дохода составили соответственно 7,9, 8,2 и 6,0 %. Такие темпы экономического роста были не только выше среднемирового уровня, но и не уступали быстро развивающимся Республике Корея и Тайваню. Благодаря таким темпам Китай почти за 30 лет из чисто аграрной страны превратился в аграрно-индустриальную державу с многоотраслевой промышленной системой. К середине 70-х годов Китай уже располагал определенной базой тяжелой индустрии, мог самостоятельно проектировать и выпускать оборудование для металлургических заводов в расчете на 1,5 млн т стали в год, угольных шахт мощностью угледобычи 2,2 млн т, нефтеперегонных заводов, способных ежегодно перерабатывать 2,5 млн т сырой нефти³⁷. За период 1949—1978 гг. в национальном доходе удельный вес промышленности увеличился с 12,6 до 46,8 %, а удельный вес машиностроения в промышленном производстве поднялся почти до 30 %. Значительный рост был отмечен в автомобилестроении, транспортном и сельскохозяйственном машиностроении и даже в таких современных отраслях, обслуживающих военные нужды, как электроника и счетно-вычислительная техника.

Вопрос, который поставили авторы работы «Китайское чудо», а именно: почему реальный душевой ВВП в Китае рос медленно и цель «догнать и перегнать Англию и Америку» не была достигнута³⁸, мы считаем некорректным. Такая цель не могла быть достигнута в силу огромной экономической отсталости Китая и его колоссального населения. Более того, саму постановку такой цели следует считать ошибочной.

Другое дело, что по мере экономического развития, разрастания числа хозяйственных единиц, появления все более сложных структурных и технических задач и без того недостаточная маневренность принятия управленческих решений стала прогрессивно ухудшаться. Проблема не в том, мог ли Китай развиваться еще более высокими темпами и завершить модернизацию, а в том, что развитие экономики сопровождалось значительной деформацией экономической структуры и за достигнутый прогресс была заплачена слишком высокая цена в виде лишений населения и растрат ресурсов. Виновны не плановая система и стратегия преимущественного роста тяжелой индустрии как таковые, а слепая приверженность им, задержка с проведением реформы, навязывание стране утопических и по сути варварских экспериментов. Дело не в недостаточном динамизме китайской экономики, а в цикличности развития, лихорадившей экономику, в игнорировании интересов народа.

Вся дореформенная экономическая стратегия, которую современные китайские экономисты предпочитают называть «стратегией догоняющего развития», была подстроена под задачу ликвидации отсталости, и цель не могла быть иной. Китай подгоняли вопиющая бедность широких слоев населения, чувство ущемленного национального достоинства, нависшая над всем миром опасность Третьей мировой войны. Страна оказалась вовлеченной в войну на Корейском полуострове, вступила в чреватое военным столкновением противостояние с укрепившимся на Тайване чанкайшистским режимом. Курс на преимущественное развитие тяжелой промышленности был продиктован своеобразно понятой экономической и военной необходимостью. К тому же руководители Компартии Китая полагали, что выбор легкой промышленности и производства товаров массового спроса в качестве приоритетных отраслей развития оказался бы связанным с проблемой узости рынка и недостаточного потребительского спроса, в связи с чем невозможно было бы получить необходимые для ускоренного экономического роста накопления капитала.

Стратегия преимущественного развития тяжелой промышленности, требующая мобилизации колоссальных внутренних накоплений, «перепрыгивания» через ряд этапов исторического развития, по существу не совместима с «нормальной» рыночной экономикой, регулируемой личными интересами и конкуренцией. Частный капитал в неконкурентоспособную тяжелую промышленность ни в коем случае не пошел бы. Значит, нужно было создать механизм централизации ресурсов и искусственным образом избежать убыточности тяжелой индустрии.

Средством достижения поставленных целей мог быть только отказ от рыночных цен и их установление в директивном порядке, а именно: занижение цен на сельскохозяйственную продукцию и создание «ножниц цен» в пользу промышленности и в ущерб сельскому хозяйству; занижение цен на инвестиционные товары, на сырье и топливо для понижения себестоимости продукции в отраслях тяжелой индустрии; занижение «цены труда», иначе говоря, замораживание заработной платы; сдерживание роста цен на потребительские товары для обеспечения прожиточного минимума и платежеспособности населения. Эта деформация ценовой и денежной системы дополнялась понижением процентных ставок ради привлечения кредитов к финансированию капитального строительства, а также контролем над экспортными и импортными ценами при фиксированном валютном курсе.

Низкие цены на энергию и сырьевые товары препятствовали энерго- и ресурсосбережению. Введение низких процентных ставок привело, с одной стороны, к снижению заинтересованности в сбережениях, с другой — к повышению спроса предприятий на финансовые средства. В итоге нарастал товарный и финансовый дефицит, сложилась скрытая инфляция, принявшая форму карточной системы и льготного распределения.

Примечания

¹ *Меликсетов А.В.* «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949—1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82—95; *Панцов А.В.* Как Сталин помог Мао Цзэдуну стать вождем // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 75—87.

² Программа Народного политического консультативного совета Китая. М., 1950.

³ *Мао Цзэдун.* Задачи Коммунистической партии Китая в период анти-японской войны // Мао Цзэдун. Избр. произв. В 4 т. М., 1953. Т. 3. С. 17—18.

⁴ *Мао Цзэдун.* О новой демократии // Мао Цзэдун. Избр. произв. В 4 т. М., 1953. Т. 3. С. 232—233.

⁵ *Лю Шаоци.* О курсе экономического строительства нового Китая // Лю Шаоци. Избр. произв. Пекин, 1981. Т. 1. С. 426—427.

⁶ Чжэнлунь юй фачжань: Чжунго цзинци лилунь 50 нянь : [Дискуссии и развитие: 50 лет китайской экономической мысли]. Куньмин, 1999. С. 55.

⁷ Дандай Чжунго ды цзинци тичжи гайгэ : [Реформа экономической системы в современном Китае]. Пекин, 1985. С. 27.

⁸ Чжунго тунци няньцзян. Пекин, 1984. С. 194.

⁹ Реформа экономической системы в современном Китае. С. 216.

¹⁰ *Prybyla Jan S.* The Political Economy of Communist China. Scranton, 1970. P. 41.

¹¹ *Чжоу Эньлай.* Генеральная линия переходного периода // Чжоу Эньлай. Избр. произв. Пекин, 1984. Т. 2. С. 105.

¹² Материалы УШ Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 32—36. 132—133, 142.

¹³ Чжунго тунци няньцзянь. Пекин, 1985. С. 308.

¹⁴ Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. С. 471.

¹⁵ Там же. С. 400.

- ¹⁶ Материалы 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая 8-го созыва. Пекин, 1959. С. 24—27.
- ¹⁷ Реформа экономической системы в современном Китае. С. 70.
- ¹⁸ У Цзинлянь. Дандай Чжунго цзинци гайгэ (Экономическая реформа в современном Китае). Шанхай, 2003. С. 47—48.
- ¹⁹ Цайчжэн. 1958. № 10. С. 1.
- ²⁰ У Цзинлянь. Указ. соч. С. 49.
- ²¹ Там же.. С. 50.
- ²² Молодцова Л.И. О численности населения КНР // Народны Азии и Африки. 1975. № 4. С. 84.
- ²³ Дандай Чжунго ды цзинци гуаньли : [Экономическое управление в современном Китае]. Пекин, 1985. С. 97.
- ²⁴ Чжунго шэхуэйчжуи цзинци цзяньши. 1949—1983 гг. : [Краткая история социалистической экономики Китая. 1949—1983 нянь]. Харбин, 1985. С. 372.
- ²⁵ Экономическое управление в современном Китае. С. 137.
- ²⁶ Там же. С. 131.
- ²⁷ Жэньминь жибао. 06.10.1978.
- ²⁸ Цзинци яньцзю. 1981. № 7. С. 12.
- ²⁹ Жэньминь жибао. 25.10.1979.
- ³⁰ Гуанмин жибао. 24.10.1979.
- ³¹ Цзинци яньцзю. 1987. № 2.
- ³² Цзинци яньцзю. 1987. № 6.
- ³³ Schurmann H. F. Ideology and Organization in Communist China. University of California Press. 1966. Цит. по: У Цзинлянь. Указ. соч. С. 53.
- ³⁴ Bornstein, Morris. Economic Reform in Eastern Europe. — Eastern-European Economies Post-Helsinki. Washington D.C. : US Government Publishing Office, 1977. P. 102—134.
- ³⁵ Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа. М., 2001. С. 113 (пер. с кит).
- ³⁶ Линь Ифу и др. Указ. соч. С. 90.
- ³⁷ Beijing Review. 1978. № 5. С. 13.
- ³⁸ Линь Ифу и др. Указ. соч. С. 92.

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

4.1. Политическая система Китая и ее реформа

К началу современных реформ в Китае сложилась монархическая форма правления, построенная на исторических устоях, революционных традициях и зарубежных заимствованиях. От своего длительного исторического прошлого Китай унаследовал представление о необходимости мощного централизованного начала, иерархической государственной структуры, этических установок в управлении. Согласно конфуцианским постулатам о рациональном государственном устройстве, каждый член общества был призван беспрекословно выполнять свои общественные обязанности и служить общему благу. Первое лицо в государстве воспринималось народом как верховный правитель и духовный наставник нации, олицетворяющий собой естественный порядок вещей.

Развивавшаяся по законам редистрибутивной X-матрицы (см. гл. 1) китайская государственность пронесла через всю свою историю верховенство ритуала над правом, политики над экономикой. В отличие от европейских реалий в Китае слияние власти и собственности (принцип «власть-собственность») сочеталось не с олигархической, а с бюрократической элитой, которая зависела от императора не только в материальном отношении, но и в доступе к управлению через систему государственных экзаменов. Традиционная теория управления была построена на тесной взаимосвязи объективных законов и субъективного фактора, предпочтении компромисса, консенсуса, дозированных изменений, постоянной корректировки поставленных целей с учетом обстоятельств («переходить речку по камушкам»).

Успех управления считался зависящим в первую очередь от «качества» и служебного рвения бюрократов, выполнявших посредническую миссию между верховным правителем и народом. Назначение управляющего состояло в том, чтобы правильно выбрать линию поведения, анализировать последствия своих решений, свести к минимуму возникающие противодействия. Таким образом, управление превращалось в регуляцию, поддержание порядка в системе, приведение ее в соответствие с наиболее благоприятным для нее балансом взаимоотношений, который можно назвать желаемой «Гармонией».

В XX в. растянувшаяся почти на три десятилетия гражданская война привела к фактическому распаду страны и политическому хаосу. Обстановку осложнили японская оккупация и серьезные стихийные бедствия. Власть центрального правительства на созданные коммунистами «освобожденные районы» не распространялась. Для этих «партизанских» территориальных образований, находившихся в военной блокаде, было характерно слияние политической и военной власти, нерушимый авторитет лидера, атмосфера аскетизма и коллективизма. Все существование человека подчинялось военной дисциплине, решениям политических собраний, суровым партийным установкам. Партия формировалась как революционный авангард, принадлежность к которому считалась высшим почетом. В условиях отсутствия законов и строгой воинской дисциплины сложился особый «дух Яньнани» (главный освобожденный район), понимаемый как постоянная готовность к самопожертвованию, способность к самоорганизации, высокая ответственность, товарищеская солидарность. Возродить такой уклад жизни пытались организаторы «народных коммун» во время «большого скачка».

Как все республики советского типа, «новорожденная» Китайская республика конституировалась в качестве партократического государства, в котором главенствующую роль играла созданная в 1921 г. Коммунистическая партия. В результате сращивания партийной и административной верхушки КПК превратилась в своеобразный орден политических единомышленников, стоящий над всеми управленческими структурами и контролирующий как политическую, так и экономическую жизнь страны. В основе партийной идеологии лежали постулаты марксизма-ленинизма, вера в преимущества социализма, расчет на его победу во всем мире. Отсюда наблюдавшееся в КНР, как и в СССР, неприятие буржуазных методов политической жизни, построенных на индивидуализме, «правах человека», «разграничении

властей». Вместе с тем Китай отнюдь не был слепым подражателем советских порядков ни непосредственно после революции, ни в последующие годы политических кампаний, когда он превратился в борца с советским догматизмом и «ревизионизмом». Современная критика в Китае дореформенной политики порою грешит «обидой» на СССР за навязывание не оправдавшей себя стратегии социалистической индустриализации, за скоропалительный отзыв работавших в Китае специалистов. Но преобладающими остаются трезвые оценки важной роли советской помощи как проявления коммунистической солидарности.

Формально КНР никогда не была однопартийным государством. К началу 50-х годов в стране существовали восемь так называемых демократических партий, которые официально признавали руководство КПК и не оппонировали правящему режиму. В первые годы существования КНР представители демократических партий занимали значительное число постов в административных структурах, затем их политическая роль снизилась, но вновь возросла в годы реформы. Сейчас они активно участвуют в подготовке важных государственных решений, выступают инициаторами крупных реформистских начинаний.

Коммунистическая партия, в рядах которой насчитывается примерно 85 млн рядовых членов, — это та «железобетонная конструкция», которая служит каркасом государственного здания. КПК ответственна за формирование и ретрансляцию всех государственных решений, за подготовку управленческих кадров и комплектацию государственных учреждений. Сама принадлежность к партии, скрепленной воедино партийной дисциплиной, дает ее членам право претендовать на роль общественных арбитров. Созданные во всех хозяйственных и административных учреждениях партийные организации выступают в качестве политических ячеек, надежно вмонтированных в систему исполнительной и хозяйственной власти. Партийные собрания на местах с обсуждением текущих проблем — важный компонент всей общественной жизни, а регулярно проводимые верховные съезды КПК служат государственными форумами, оценивающими итоги проводимой политики и намечающими направление дальнейшего развития страны. Все основные аспекты жизни страны обсуждаются на ежегодно проводимых пленумах ЦК КПК. Органы представительной власти придают партийным решениям характер законов, выводя их за рамки собственно партийных документов. Вопросы оперативной работы решаются на заседаниях руководящих групп ЦК

КПК. В настоящее время особой властью и авторитетом обладает Руководящая группа ЦК КПК по всестороннему углублению реформы, в составе которой находятся 6 специализированных групп.

Если к моменту образования КНР за плечами партии было уже почти 30 лет жизни в условиях конспирации и военных действий, то формирование представительных и исполнительных органов власти развернулось только с победы революции. Первыми законодательными органами КНР в городах были конференции народных представителей, назначаемые военными властями или местными правительствами. На селе действовали крестьянские советы или собрания крестьянских представителей. Высшим органом власти в стране являлся Центральный правительственный совет, который разработал первые общегосударственные законодательные акты. В декабре 1952 г. было принято решение об избрании Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и собраний народных представителей (СНП) в административных регионах. Депутаты СНП уездов и волостей избирались непосредственно жителями, СНП высших административных районов комплектовались из депутатов, избранных на заседаниях СНП уездного уровня. В районах национальной автономии — автономных районах и автономных уездах — органы власти опирались в значительной мере на методы самоуправления.

Совершенствование системы представительной власти было прервано начавшимися в конце 50-х годов массовыми политическими кампаниями, сопровождавшимися административными пертурбациями. Начиная с кампании «большого скачка» «народные коммунны» на два с лишним десятилетия заменили собой прежние поселки и волости, власть на местах осуществляли военизированные «революционные комитеты». В 1964 г. прошли выборы в советы народных представителей, но через несколько лет во время «культурной революции» работа представительных органов вновь прекратилась. Только в 1975 г. состоялась сессия ВСНП 4-го созыва, принявшая новую Конституцию в сокращенном варианте. К восстановлению представительных органов приступили в 1977 г., но при весьма упрощенной системе выборов. В 1979 г. ревкомы были официально упразднены и вместо них введена система постоянных комитетов местных СНП, начиная с уездного уровня.

С началом реформ страна вернулась к нормальной политической жизни. В сентябре 1982 г. на XII съезде КПК были выдвинуты 4 принципа общественного развития Китая: социалистический путь, руководство КПК, диктатура народной демократии, идеология мар-

ксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. Принятая в 1982 г. новая Конституция зафиксировала наличие необходимого общественного консенсуса, но не приостановила целиком внутривнутрипартийную борьбу. Она продолжалась, но уже при значительно ослабленных позициях крайне «левых» и крайне «правых» и закреплении центристского курса. Предпринятые решительные действия по нормализации политической жизни Дэн Сяопин назвал впоследствии «революцией», отметив тем самым кардинальный характер начатой реформы¹.

Современные китайские исследователи не признают какого-либо отставания политических реформ от экономических, ссылаясь, в частности, на такие крупные политические акции, как ликвидация «народных коммун», перестройка центрального административного аппарата, оживление деятельности демократических партий. Немаловажно не только восстановление организационных процедур в стиле демократического централизма, включая строгий порядок созыва партийных форумов, но и реабилитация репрессированных партийных кадров, чистка партийных и правительственных органов от сторонников «банды четырех». Установившаяся с тех пор периодичность смены руководящего состава партии и государственных органов обеспечивает стабильность власти и корректировку политического курса. Авторитет первого лица в государстве подкрепляется совмещением в одних руках высших политических, партийных и военных должностей.

Порядок избрания представительных органов на основной территории КНР определяется Законом о выборах 1995 г., по которому прямым голосованием избираются только представительные органы низового (волостно-поселкового) и уездного уровня. Выборы собраний народных представителей провинциального уровня осуществляются из кандидатур, выдвигаемых уездными собраниями, политическими партиями, общественными организациями или группами избирателей. Замыкают избирательную кампанию выборы Всекитайского собрания народных представителей. Сессии СНП и ВСНП проходят раз в год и посвящены обсуждению стратегически значимых бюджетно-плановых вопросов.

СНП всех ступеней наделены полномочиями по формированию государственных органов и назначению лиц руководящего состава. Уездные и вышестоящие СНП избирают постоянные комитеты соответствующих собраний, губернаторов и вице-губернаторов провинций, председателей и вице-председателей автономных областей, мэров и вице-мэров городов, начальников и заместителей начальников

уездов и городских районов. ВСНП избирает Постоянный комитет ВСНП, председателя КНР и его заместителя, по представлению председателя КНР утверждает премьера Государственного совета, а по представлению последнего — членов Госсовета, министров и председателей госкомитетов.

Председатель КНР как своего рода обладатель «государственной печати» выполняет массу представительских функций: он подписывает все наиболее важные документы, исходящие от Всекитайского собрания народных представителей, утверждает в должности премьера Госсовета, ратифицирует международные договоры, подписывает указы о награждении и т. п. Каждая правящая группировка остается у власти на два срока полномочий — 10 лет. Установленная процедура комплектации органов управления предназначена обеспечить ротацию кадров и исключить возможность узурпации власти. После Мао Цзэдуна (первое поколение руководителей страны) лидером стал Дэн Сяопин, затем Цзян Цзэминь, который передал свои полномочия Ху Цзиньтао, а последний — Си Цзиньпину (пятое поколение). В годы правления Мао Цзэдуна сложился порядок концентрации в руках верховного вождя прав и обязанностей руководителей трех главных ветвей власти — административной, партийной и военной. Си Цзиньпин в настоящее время занимает не менее 10 высших постов: генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Центрального военного совета КНР, глава пяти руководящих групп ЦК КПК, а также Комитета национальной безопасности ЦК КПК.

За годы реформ в политической и общественной жизни страны произошли серьезные изменения:

1. Восстановлена нормальная работа законодательных и исполнительных органов страны. Расширены права Всекитайского и провинциальных собраний народных представителей, укреплен кадровый состав их органов. Идет совершенствование всей процедуры выборов, в том числе органов управления на местах (в волостях и поселках). Произошло усиление роли такого демократического органа, как Народный политический консультативный совет (НПККСК).

2. Перманентно производится реформирование государственного аппарата с целью его сокращения и модернизация системы административного управления. Осваиваются демократические методы системы управления, начиная с низового уровня сельского самоуправления. Отмечено значительное омоложение правящей элиты.

3. Установлен строгий и легитимный порядок преемственности власти, предпринимаются меры по организации коллективного руководства и коллективного принятия особо важных решений. Исчезла опасность появления нового «культа личности» и диктаторских замашек манипуляции общественным мнением. Из политической жизни страны ушли массовые политические кампании и показательные репрессии в отношении инакомыслящих.

4. Начался процесс создания нового государства и модернизации юридической системы; действует Конституция, в которую периодически вносятся поправки в соответствии с новыми требованиями времени. Прошло принятие широкого спектра законов общегражданского, уголовного и экономического назначения. Идет воплощение в жизнь концепции главенства закона в деятельности правительства, совершенствование правовой основы работы властных органов. Имеются достижения в борьбе с коррупцией и бюрократизмом.

5. Поддерживается главенствующая роль КПК в жизни общества при усилении ее связей с демократическими партиями и упорядочении взаимоотношений с правительственными органами. Начата работа по демократизации внутрипартийной жизни в КПК, совершенствованию организационной структуры партии. Состоялся переход от партии революционного типа к правящей партии.

6. В жизнь страны вошли различного рода консультации и совещания, на которых проходят оживленные дискуссии по важным политическим проблемам. Выработана процедура принятия стратегически важных решений с постановкой целей отдельных этапов. Намеченные ориентиры проходят научную проработку и выносятся на обсуждение высших политических форумов.

7. Сделаны первые шаги по ликвидации дуальной системы (город—деревня), принято решение по переходу к равному представительству в законодательных органах городских и сельских жителей. Ликвидированы запреты на сельскую миграцию в города, находится на заключительной стадии работа по полному снятию паспортных ограничений на выбор местожительства.

8. Налажена работа средств массовой информации, выпускается колоссальное количество книг и журналов, в том числе научного и политического содержания. Расширяется компьютерная и интернетовская сеть. Большое внимание уделяется содержанию и методам официальной идеологии и партийной пропаганды, преодолению прежних жестких черт насильственной идеологизации в ходе волонтерских политических кампаний.

9. Граждане получили возможность свободного выезда за рубеж, в иностранных вузах прошли обучение миллионы китайских студентов. Создана широкая сеть культурных, увеселительных и спортивных учреждений, которые предоставляют широкие возможности для отдыха и культурного проведения досуга.

О задаче преобразования политической системы известный китайский экономист Ху Аньган пишет так: «Крайне важно для Китая качество управленческих решений и всего административного аппарата. В первую очередь надо покончить с традиционным мнением, что правительство является единственным органом управления всей страной, надо подключать к управлению общественные организации, включая хозяйственные организации, различные ассоциации, самих граждан. Правительство должно налаживать связи с обществом, вместо прежних отношений контроля и подчинения создавать новые отношения партнерства и сотрудничества. Целью успешного управления является максимизация общественного благосостояния через наиболее рациональную аллокацию общественных ресурсов. Второй крайне важный момент — перекрыть истоки коррупции, сделать правительство народным правительством, чистым и бескорыстным, а правительственных чиновников — настоящими слугами народа. Третий момент — осуществление “революции прозрачности”, вывести правительство из тени, чтобы простые люди знали, каковы доходы членов правительства и как они их расходуют»².

4.2. Реформа аппарата Госсовета

В марте 1982 г. на 22-м заседании Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян сделал доклад «По вопросу реформы аппарата Госсовета». В нем было дано определение задач и функций министерств и ведомств Госсовета, намечено сокращение их числа и кадрового состава, повышение квалификации работников. Общее число рабочих организаций Госсовета было сокращено со 100 до 60, число министерств и комитетов — с 52 до 43, органов прямого подчинения Госсовету — с 43 до 15³. Число сотрудников аппарата Госсовета уменьшилось с 51 тыс. до 30 тыс. человек.

Административная реформа продолжалась до 1984 г. и затронула всю вертикаль управления страной вплоть до уездного уровня. Но в скором времени выявилась необходимость углубления реформы, поскольку сохранилось большое число органов, осуществлявших непо-

средственное экономическое управление. Задачи следующего этапа реформы были изложены в докладе премьера Ли Пэна на заседании 1-й сессии ВСНП 7-го созыва 22 марта 1988 г. В плане разделения функций партийного и административного управления («дан чжэн фэнькай») было решено сосредоточить управление в руках руководителей министерств и ведомств, оставив за партией контроль и содействие административным органам и хозяйствующим организациям. Правительственные органы, со своей стороны, обязывались перейти от методов прямого («ручного») управления к экономическим и правовым способам воздействия. Большое внимание было уделено разграничению правомочий центральных и местных правительственных органов, подкрепленное соответствующими финансовыми мерами. Тем самым закладывалась основа реализации принципа «чжэн ци фэнькай» (разделение функций административных органов и хозяйствующих организаций) в общем русле разгосударствления системы собственности. Министерства и ведомства экономического профиля было намечено заменить негосударственными экономическими объединениями типа отраслевых ассоциаций. С 1989 г. намеревались начать работу по реформированию местных народных правительств.

На 1989 г. пришлась кульминация политического и идеологического противостояния сторонников разных путей дальнейшего социально-экономического развития страны. Оппозиционеры стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных экспериментов маоистского толка, но и от частичного «реформирования социализма», за неприкосновенность «прав человека» и установление режима политического плюрализма. Ссылаясь, в частности, на высказанное Дэн Сяопином в 1980 г. недовольство чрезмерным вмешательством КПК во все сферы общественной жизни⁴, они настаивали на скорейшем «отделении правящей партии от государства», проведении кадрового и функционального размежевания партийных и государственных институтов.

За событиями на площади Тяньаньмэнь последовала трехгодичная пауза в экономических и политических реформах. Принятое в июле 1991 г. «Уведомление о замораживании структуры и штатов административных органов учреждений» инициировало борьбу против раздувания управленческих штатов, но одновременно послужило предлогом для притормаживания экспериментов по «отделению партии от государства». В правительственных организациях и на предприятиях были восстановлены парткомы с расширенными функциями. Вновь стало практиковаться совмещение государственных и пар-

тийных постов, в том числе и на уровне высших административных единиц.

Разгон студенческих демонстраций и многочисленные жертвы с обеих сторон (студенчества и солдат военных подразделений, привлеченных к разгону студентов), встретили резкую критику в западных СМИ, окрестивших китайский режим тоталитаризмом и варварством. В китайском народе также были очень сильны симпатии пострадавшим студентам и солдатам, многие выказывали недовольство введением военного положения. Только спустя три года, оправившаяся после шока коммунистическая партия, получив соответствующие указания от Дэн Сяопина, взялась за продолжение реформ. В официальной прессе «интеллектуальная команда Чжао Цзяяна», отстаивавшая принцип разделения властей и многопартийности, была обвинена в буржуазном либерализме. «Суть такой реформы и политики открытости — это капитализация, включение Китая в западную капиталистическую систему»⁵.

На XIV съезде КПК (1992 г.) был поставлен вопрос о проведении реформ правительственных органов на местах. Премьер Ли Пэн назвал уезды «полигоном» для отработки конкретных форм и методов управления, которые могли бы быть взяты на вооружение органами центрального правительства. Большое внимание было обращено на юридическое обеспечение и регулирование экономических преобразований, на поддержание политической стабильности в стране как необходимого условия рыночных преобразований. Была сформулирована задача ухода правительства из сферы микроэкономического контроля, ликвидации тех министерств и ведомств, которые курировали работу предприятий. Согласно проекту реформы аппарата правительства, обнародованному на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва в марте 1993 г., ликвидации подлежали 7 из 11 специализированных (отраслевых) экономических министерств, включая Министерство энергоресурсов, Министерство машиностроения и электронной промышленности, Министерство аэронавигационной и космической промышленности, Министерство легкой промышленности, Министерство торговли. Существенным изменениям подвергся Государственный комитет планирования и развития, часть функций которого перешла к новому Комитету по экономике и торговле. На всех уровнях число госслужащих сократилось на 2 млн человек, или на 1/4 от общего штата административных органов.

После кончины Дэн Сяопина (в феврале 1997 г.) и смены поколений китайских руководителей вновь обострились вопросы о том, ка-

кой должна быть власть в стране и в каком направлении должны идти политические реформы.

Значительное наращивание общего экономического потенциала, рост благосостояния населения положительно сказывались на политической активности и общественной сознательности населения. Но вместе с относительной зажиточностью и расширением кругозора людей появлялись все новые потребности, шло снижение субъективной удовлетворенности жизнью и возрастание претензий к руководству. Китай попал в «ловушку модернизации», отмеченную значительным копированием потребительских стандартов Запада и его политических идеалов. Рынок внес в жизнь китайского общества культ денег и материального успеха, подорвал традиционные моральные устои. В официальной печати КНР были опубликованы итоги обследования нравственного состояния общества, где содержались такие выводы: «...в области строительства гражданской морали у нас в стране существует немало проблем. В некоторых сферах жизни общества утрачены моральные ориентиры, размывты границы между правдой и ложью, добром и злом, прекрасным и отвратительным. Стали произрастать меркантилизм, гедонизм, крайний эгоизм, иногда имеют место забвение долга ради выгоды, личная нажива за общественный счет, общественным злом стали утрата доверия, обман и подлог, серьезный характер приобрели корыстное злоупотребление своим служебным положением, моральное разложение и деградация личности»⁶. Продолжение развития Китая в «имитационном русле» при ориентации на западную систему ценностей грозило дальнейшим подрывом коллективистских традиций, дезавуированием принципа социальной справедливости; разрастанием имущественного неравенства, процветанием коррупции в различных ее видах; катастрофическим ухудшением экологической ситуации.

Реформа 2003 г. продолжила общую линию на создание правительственной структуры, соответствующей широкому развитию рыночных отношений. К этому времени уже был накоплен богатый опыт административного реформизма, а вступление Китая в ВТО повысило требования к созданию системы управления современного типа. Если раньше реформа касалась в первую очередь существовавших учреждений, приспособляя их к новым рыночным отношениям, то в текущем тысячелетии появилась потребность в принципиально новых институтах комплексного характера. Таким примером служит воссозданный на принципиально иной основе Комитет по контролю и управлению госимуществом, который многим отличался от аналогич-

ного органа образца 1988 г. Он взял под свою опеку крупные государственные предприятия без различия их отраслевой специфики. Схожим институтом нового типа можно считать Комитет по наблюдению и контролю над банковскими учреждениями, созданный на базе специального управления Народного банка. Новое министерство торговли объединило управление внутренней и внешней торговлей, что помогло контролю над товарными потоками. В целях улучшения продовольственного обеспечения и повышения его безопасности было создано единое управление продовольственных и фармацевтических товаров. В 2003 г. в состав учреждений Госсовета входили 28 министерств и комитетов, 18 учреждений прямого подчинения, 4 организационных управления, 4 специализированные организации.

14 марта 2013 г. Всекитайское собрание народных представителей одобрило проект реформы Госсовета КНР, в котором состоят 26 министерств и ведомств министерского уровня, что на 4 единицы меньше, чем было ранее. Было упразднено министерство железных дорог, основные функции которого перешли государственному управлению по железным дорогам в составе Министерства транспорта. Министерство здравоохранения и Государственный комитет по демографической политике и планированию рождаемости преобразованы в единый Государственный комитет здравоохранения и планирования рождаемости КНР.

4.3. Эволюция и современное состояние административно-территориального устройства КНР

Китай «де-юре» является унитарным государством (на всей его территории действуют одни и те же законы и соблюдается строгий принцип иерархического административного соподчинения). Несмотря на рост экономического потенциала и политического влияния отдельных крупных административных единиц, переход от унитарного к федеративному государственному устройству не стоит в повестке дня. Вместе с тем следует иметь в виду, что китайский унитаризм носит особый характер — это сложное унитарное государство со следующими отличиями от «простого» эталонного унитаризма:

- существование наряду с обычными административными единицами (провинциями-*шэнами*) национальных районов с закрепленными за ними автономными правами;

- присоединение новых территорий (Сянган, Аомэнь) в режиме «суперавтономий», отвечающем принципу «одно государство — две системы»;
- асимметрия прав различных территорий по степени территориальной открытости, существование особых административных районов с расширенными административными правами (свободные экономические зоны).

Наличие «административной децентрализации», иначе говоря, хозяйственной обособленности регионов, мешающей рыночной интеграции, разный статус территориальных образований, включая специальные экономические зоны со своим паспортным режимом, — все это дает основание характеризовать китайскую государственность как квазифедерализм. Более того, образование «специальных административных районов» на базе присоединившихся к Китаю бывших колоний Англии и Португалии (Гонконга и Макао) с их высокой степенью автономности вносит в государственное устройство черты конфедерализма.

Китайский унитаризм ни в коем случае нельзя отождествлять с высокой степенью политической и хозяйственной централизации китайского государства. Исторически в Китае сложилось сочетание централизации и децентрализации административного управления. В силу огромных масштабов страны император не мог осуществлять жесткий единоличный контроль, и правители на местах имели широкие полномочия, сглаживавшие тоталитарные претензии верховной власти. Прерогативой центральной власти были вопросы подбора наместников, ведение военных операций и установление общего порядка налогообложения, всеми же остальными делами занимались провинциальные власти. При этом в условиях полунатурального хозяйства регионы большую часть своих потребностей удовлетворяли за счет собственного производства, межрегиональный обмен был крайне ограниченным. Высокая степень децентрализации китайской империи подтверждает вывод о неизбежной «толерантности» крупной империи в связи с тем, что «при огромном пространстве чрезвычайно велики издержки контроля над каждой пространственной единицей, и сам контроль оказывается суженным»⁷.

После образования КНР шло постоянное противоборство централизованных и децентрализованных начал хозяйственной жизни. На централизацию работало стремление укрепить государственную власть, сохранить единство страны, финансово обеспечить ускоренную индустриализацию и ликвидировать структурные диспропорции.

Препятствовали жесткой централизации слабая хозяйственная интегрированность огромной территории, политические амбиции местных руководителей.

Рациональное соотношение централизации и децентрализации до сих пор остается одной из самых сложных задач государственного управления. С одной стороны, масштабность китайских регионов высшего административного уровня, которые по своему людскому, а теперь и экономическому потенциалу превосходят многие самостоятельные государства, оправдывает их претензии на широкую самостоятельность. Финансовые взаимоотношения центра и мест устанавливаются по правилам «бюджетного федерализма». По мнению некоторых зарубежных ученых, «ошеломляющий экономический подъем Китая невозможно понять, если не учитывать растущей независимости местных и провинциальных органов власти от Центра...»⁸. Правового оформления федерального устройства требуют и такие последствия реформы, как возросшая потребность регионов в частных и иностранных инвестициях, все более очевидная экспансия иностранного капитала и становление местного самоуправления. Однако вопрос о том, сохранятся ли современные маятниковые колебания процесса централизации и децентрализации или тенденция федерализма получит весомую официальную поддержку — остается открытым. Осторожность административно-региональных перестроек объясняется особой важностью задачи сохранения целостности государства. Ослабление власти Центра при возрастании экономической мощи провинций может нарушить необходимый баланс между централизацией и децентрализацией и спровоцировать сепаратистские тенденции. При этом следует учитывать, что развитие федерализма не может составлять основу региональной политики государства, поскольку расширение прав и компетенций регионов в рамках федерации само по себе не в состоянии устранить территориальные диспропорции.

В настоящее время в административно-территориальном делении Китая насчитывается пять уровней (без центрального): три уровня считаются основными, или «настоящими»: 1) административные единицы первого порядка — провинции (*шэн*), автономные районы (*цзычжи цюй*), города центрального подчинения (*чжися ши*); 2) уезды (*сянь*), автономные уезды (*цзычжи сянь*), города уровня уездов (*сянь-цзе ши*) и 3) волость (*сян*), национальные волости (*цзычжи сян*) и поселки (*чжэнь*). Кроме трех основных, существуют два промежуточных административных уровня. Это — «округа», занимающее поло-

жение между региональным и уездным таксономическим уровнями, и «регионы» (*цзюй*, или *чжуаньцзюй*) между уездом и волостью и городские микрорайоны. Эти два уровня не предусмотрены действующей Конституцией, но зафиксированы в законе, регулирующем организацию местных органов самоуправления. В них не созываются собрания народных представителей, а органы их управления комплектуются вышестоящими народными правительствами и именуются «делегированными органами». В соответствии с установками Госсовета КНР по управлению административными районами от 15 января 1985 г. волости и волостные центры создаются по решениям провинциальных правительств, изменения на уездном уровне требуют санкции Госсовета⁹.

Интересно, что в русской топонимике принято заменять китайские административные термины их русскими аналогами (провинция, уезд, волость). На наш взгляд, более правильно было бы обойтись без перевода, как это произошло с американскими «штатами», тем более, что «*шэн*» звучит ничуть не хуже, чем «штат». Точно так же было бы правильнее использовать слова «*сянь*» вместо «уезд» и «*сян*» вместо «волость». Однако консерватизм языка не позволяет отступать от общепринятых норм, тем более, что небольшие отличия в звучании «сянь» и «сян» могли бы внести определенную путаницу.

Важной особенностью Китая следует признать следование национально-политическому принципу административно-территориального устройства. Существует различие в правовом положении регионов концентрации ханьского населения (той части территории страны, которая прежде рассматривалась как Собственно Китай, или Внутренний Китай) и районов компактного проживания национальных меньшинств (Внешний Китай). В соответствии с законом права самоуправления районов национальной автономии существенно шире полномочий «рядовых» административных единиц, поскольку первым предоставлялись дополнительные права в области самоуправления, в частности, большая самостоятельность в управлении финансами и т. д. Однако на практике эти права зачастую игнорировались, местные особенности учитывались не в полной мере. В целях преодоления этих недостатков в Конституции 1982 г. было подтверждено право районов компактного проживания нацменьшинств пользоваться национальной автономией, вводить в законодательные акты специальные положения, оговаривающие национальную специфику. Вместе с тем Конституция и Закон о национальной районной автономии, устанавливая компетенции собраний народных представителей

и народных правительств автономных районов, не расширяют их вплоть до признания права наций на самоопределение. Это подчеркивает конституционное определение Китая как «единого многонационального государства».

Еще одной спецификой административного устройства КНР является особое положение городов. По существу административное деление носит дуалистический характер, и городские поселения подразделяются на те же иерархические уровни, что и территории.

Первый таксономический уровень административного деления представлен сейчас 31 единицей (без Гонконга, Макао и острова Тайвань). Это — 22 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения. Деление на административные уровни начало складываться в Китае со времени образования централизованной империи Цинь, т. е. уже более 2 тыс. лет, при этом обозначение высшего административного уровня со временем менялось, а название «уезд» оказалось крайне устойчивым. Современные провинции как высшие административные единицы в основном сложились уже в эпоху Мин (XIV—XVII вв.), и их история насчитывает, таким образом, более 600 лет¹⁰. Можно проследить их связь с административными единицами доминской эпохи и с еще более древними государствами, существовавшими в периоды феодальной раздробленности страны. Беспримерной устойчивости провинций способствовали не только их длительное историческое существование, тяготение к издревле сложившемуся столичному центру, но и определенная географическая целостность, частично отражающаяся в названиях провинций, в которых присутствуют иероглифы частей света и слова гора (*шань*), река (*цзян* и *хэ*), озеро (*ху*). В сочетании с обозначениями частей света (север — *бэй*, юг — *нань*, восток — *дун*, запад — *си*) это дает такие таксономические названия, как Шаньдун—Шаньси, Хэбэй—Хэнань, Хубэй—Хунань. Сейчас, спустя 50 с лишним лет после образования КНР, каждая провинция Китая по численности своего населения и общему экономическому потенциалу вполне сопоставима с крупным самостоятельным государством.

На правах высших административных единиц наравне с провинциями выступают автономные районы. Ко времени образования КНР в стране существовал один автономный район — Внутренняя Монголия. В последующие два десятилетия были созданы Синьцзян-Уйгурский (СУАР, 1955 г.), Нинься-Хуэйский (НХАР, 1957 г.) и Гуанси-Чжуанский автономные районы (ГЧАР, 1958 г.) и в сентябре 1965 г., спустя 9 лет после создания соответствующего подготовитель-

ного комитета, — Тибетский автономный район (ТАР), в который вошла «особая местность» Чамдо. Во время «культурной революции» произошел «раздел» Внутренней Монголии. В августе 1969 г. три из семи составлявших район аймаков были переданы северо-восточным провинциям: аймак Хулун-Буир отошел к пров. Хэйлунцзян, аймак Джирим — к Цилиню, аймак Чжоуда — к Ляонину. В 1970 г. большая часть четвертого аймака Чжаян-Буир была поделена между провинцией Ганьсу и Нинся-Хуэйским автономным районом. Внутренняя Монголия после такой «операции» потеряла более половины своей прежней территории. В июле 1979 г. было принято решение о восстановлении АРВМ в границах, существовавших до 1969 г.

Идея образования специальных административных районов была выдвинута китайским руководством впервые в 1981 г. в расчете на мирное воссоединение с бывшими колониями и Тайванем через предоставление им особого статуса, допускающего симбиоз в рамках одного государства двух различных общественных систем. Конституция 1982 г. позволила этим тогда только перспективным административным единицам утвердить свой особый режим «с учетом конкретной обстановки» (таким режимом пользовался некоторое время остров Хайнань¹¹).

4 апреля 1999 г. был специально принят и обнародован «Основной закон особого административного района Сянган КНР», согласно которому Сянгану (современная транскрипция географического названия Гонконг) в отличие от провинций, автономных районов и городов центрального подчинения разрешалось иметь свой флаг и герб, самостоятельно поддерживать и развивать отношения с разными странами, районами и международными организациями, открывать за рубежом официальные и полуофициальные торгово-экономические представительства. Были оговорены сохранение существовавшего в Сянгане капиталистического социально-экономического строя, высокая степень автономности, внешнеполитические и финансовые компетенции, неизменность образа жизни в течение 50 лет после возвращения Сянгана Китаю. Сянган также получил право толкования статей Основного закона, касающихся автономии Сянгана во время судебного разбирательства. Но в части статей, трактующих полномочия и отношения между Центром и Сянганом, суд ОАР Сянган должен запрашивать мнение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). С 1 июля 1997 г. после присоединения Гонконга к КНР Основной закон Сянгана вступил в силу. Территория Сянгана — 1092 кв. км, население — 6,94 млн

человек (1999 г.). Это один из крупнейших в мире финансовых центров (3—5-е место в мире по банковским операциям, операциям на фондовом рынке), он занимает 7-е место в мире по объему внешней торговли и 3-е — по золотовалютным запасам.

Суверенитет Китая над бывшей португальской колонией Макао (в современной транскрипции — Аомэнь) был восстановлен в декабре 1999 г. За время колониального режима его территория в силу различных договоров увеличилась вдвое — с 10,37 кв. км в 1840 г. до 20,45 кв. км в 1995 г. Здесь проживало в 1998 г. 430 тыс. человек.

Весьма любопытный феномен государственно-территориального устройства КНР — существование обособленных территориальных анклавов в виде «специальных экономических зон». Уже в 1980 г. были созданы четыре СЭЗ — три в пров. Гуандун (Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу) и одна в пров. Фуцзянь (Сямэнь). В 1988 г. постановлением Госсовета КНР острову Хайнань, одновременно с объявлением его провинцией, был предоставлен также статус СЭЗ, пятой по счету. Шестой СЭЗ стал в 1990 г. особый район Пудун города Шанхай. С целью привлечения иностранных инвесторов этим специальным зонам были предоставлены значительные экономические льготы, в том числе льготный таможенный режим. На границах специальных экономических зон открыты пункты таможенного и фактически пограничного контроля. Для жителей этих зон выдаются специальные паспорта, для привлечения рабочей силы и командировочных предусмотрены временные удостоверения.

Формирование правовых основ деятельности специальных экономических зон происходило по правилам трехступенчатой системы. Базовые постановления принимались Госсоветом (правительством) КНР с распространением сразу на все спецзоны. Вторая ступень — это постановления, принимаемые правительством или собранием народных представителей провинции (Гуандун или Фуцзянь), они составляли подавляющую часть постановлений, регулирующих деятельность таких зон. Наконец, часть нормативных актов, главным образом касавшихся конкретных проблем, утверждали на уровне правительств спецзон. Тексты актов, проходивших апробацию на провинциальном уровне, также готовились, как правило, непосредственно в СЭЗ.

Особого разговора требует вопрос о надпровинциальных административных образованиях. Первое время после создания КНР вся территория страны была разделена на 6 крупных военно-административных районов, объединявших несколько провинций, в которых

функционировали военно-административные комитеты и были организованы отделы ЦК КПК, только провинции и города Северного Китая находились в центральном подчинении. В 1952 г. военно-административные районы были преобразованы в крупные районы с действовавшими в них административными комитетами: Северо-Восточный, Северо-Западный, Восточный, Центральнo-Южный, Юго-Западный (несколько позднее был создан Северо-Китайский административный комитет в Северном Китае). Наряду с шестью крупными административными районами на положении высшего звена административно-территориальной структуры находились Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) и Тибетский автономный район (ТАР). Но уже в июне 1954 г. Центральным народным правительством было принято решение об упразднении крупных административных районов и о переходе всех провинций и крупных городов в непосредственное подчинение центру. После кратковременного существования крупных административных районов никакие посягательства на «суверенитет» провинций не допускались, и речь о новых надпровинциальных административных образованиях больше не заходила. Предпринимавшиеся попытки проведения экономического районирования опирались на существующее административное деление, и их практическое значение было ограниченным. Исключением можно считать выделение «трех линий обороны», что предопределило капитальное строительство в 70-е годы.

17 марта 1996 г. на 4-й сессии ВСНП 8-го созыва был принят проект нового экономического районирования, в котором попытались совместить принципы административного подчинения и экономического тяготения. Территория страны была разбита на 7 экономических районов:

- 1) устье реки Янцзы и часть приморской зоны;
- 2) район залива Бохай;
- 3) Юго-Восточный приморский район;
- 4) Юго-Западный район;
- 5) Северо-Восточный район;
- 6) пять провинций Центрального Китая;
- 7) Северо-Западный район.

В виде подрегионов выступают территории, непосредственно прилегающие к среднему течению реки Янцзы, и пров. Ляонин¹².

Огромные масштабы китайских провинций подтолкнули поиски промежуточных звеньев между двумя главными административными уровнями — провинцией и уездом, что создало сложную многоступенчатую систему.

пенчатость административно-территориального деления. Но в настоящее время окружной уровень остался только в наиболее отсталых западных регионах.

Провинции и автономные районы делятся на уезды (*сянь*) и низшие административные единицы — волости (*сян*). Китайская история знает образец особой территориальной организации на базовом уровне — систему круговой поруки «*баоцзя*» как способ подчинения императорской власти кланово-общинной структуры деревни. Отголоском этой системы можно считать существовавшие в годы «большого скачка» сельские и городские «народные коммуны» (*жэньминь гуншэ*). Это была весьма примечательная заявка на кардинальное изменение территориальной организации Китая и его перехода на «коммунальную» систему. «Народная коммуна» в трудах китайских экономистов рассматривалась как низовой экономической район, самая маленькая клеточка производственного комплекса страны. Каждая из 26 тыс. таких «коммун» создавалась на территории двух или более волостей. После «большого скачка» было произведено разукрупнение «народных коммун», и к 1964 г. их число составило 74 тыс. В течение 25 лет в административном делении Китая волости отсутствовали, и низовые представительные органы были ликвидированы. Конституция 1982 г. восстановила волости и национальные волости, работа по воссозданию, а затем снова укрупнению которых в основном завершилась к концу 1984 г.

Параллельно с территориальным делением в Китае складывался иерархически построенный «мир городов». К высшим административным единицам приравнены по своему положению города центрального подчинения (в Китае приходилось сталкиваться с мнением, что эти города-муниципии имеют даже более высокий статус, нежели провинции). После создания КНР было 14 городов центрального подчинения, но к середине 50-х годов таких городов-провинций осталось только 3 — столица Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. Тяньцзинь в 1958 г. был выведен из этого «триумвирата» и понижен до положения центра пров. Хэбэй. Свой прежний престиж он восстановил только в 1967 г. В 1999 г. к этим «трем избранным» присоединился крупный город пров. Сычуань — Чунцин, который в период войны с японскими захватчиками выполнял функцию столицы неоккупированной территории страны, но после образования КНР не был главным городом пров. Сычуань. Поскольку при оформлении современного статута города центрального подчинения к Чунцину отошла значительная часть территории Сычуани, этот акт фактиче-

ски можно рассматривать как раздел самой многонаселенной провинции Китая.

На следующем уровне административной иерархии находятся города окружного ранга, или ранга префектур (*дицзи ши*). Эта категория была введена в 1983 г. вместо выделяемого прежде понятия городов подчинения провинции или округу. В категорию городов ранга округов входят столицы провинций и административные центры округов. Главные города провинций — это города-миллионеры, важные политические центры (а теперь и экономические) прежде соперничавшие между собой за первое место в китайской империи и на какое-то время его отвоевывавшие. Столицами Китая были Лоян, Сиань, Нанкин, Гуанчжоу.

В середине 80-х годов наиболее крупным китайским городам со стоимостью валовой продукции промышленности более 10 млрд юаней стал присваиваться ранг «самостоятельных плановых единиц» с хозяйственно управленческими функциями, близкими к провинциальным. Расширились и их финансовые права. Оставаясь административными центрами провинций, эти города в финансовых и плановых вопросах выходят непосредственно на центральные органы подобно Пекину, Шанхаю и Тяньцзиню. Все это можно расценить как завуалированный возврат к прежнему более широкому кругу городов центрального подчинения. Из числа таких городов Чунцин уже переведен в ранг «города центрального подчинения». В статистическом справочнике «Чжунго тунци няньцзянь» за 2003 г. приведены сведения по пяти городам, находящимся на положении «самостоятельных плановых единиц» — Далянь, Сямэнь, Циндао, Нинбо, Шэньчжэнь. Кроме последнего, это все крупные портовые города.

Города центрального подчинения (города-провинции) и окружного ранга — это «элита» всех городских центров Китая, «собственно города», так называемые «города-ши» (города-муниципии). Система «городов-ши» как городских агломераций современного типа начала складываться в середине 20-х годов прошлого века. В 1925—1934 гг. этот титул был присвоен 26 городам, наиболее крупным политическим и транспортным центрам общекитайского значения. Первыми официальными городами стали Гуанчжоу и Шимэнь (сейчас Шицзячжуан). Пекин, Шанхай и Тяньцзинь вошли в этот разряд в 1928 г. В 1936—1944 гг. категория «ши» была присвоена еще 25 городам, а затем в 1945—1947 гг. еще 9 городам на Северо-Западе и Юго-Западе Китая, расположенным в зонах повышенной военной опасности.

По своим масштабам «города-ши» делятся на следующие категории: 1) сверхкрупные города — с населением более 1 млн человек; 2) крупные города с населением 0,5—1 млн человек; 3) средние города — 200—500 тыс. человек; 4) мелкие города — население менее 200 тыс. человек. Урбанизационная политика КНР строилась многие годы на ограничении развития крупных и на поддержку малых городов. В 1980 г. на общекитайской конференции по развитию городов было заявлено: «Ограничивать развитие крупных городов, рационально развивать средние города, активно содействовать развитию малых городов». Этот курс был по существу повторен в постановлении по городскому планированию от 1990 г.¹³

Вторая категория городских поселений — это «поселки» (*чжэнь*), занимающие ту же ступень административной иерархии, что и волости. Если категория «ши» является довольно устоявшейся и пополняется медленно, то с категорией «чжэнь» проводились разного рода манипуляции, прямо отразившиеся на суммарной численности городского населения и общих представлениях о степени урбанизации Китая.

Сами критерии отнесения к городским поселениям менялись по мере роста населения страны и в зависимости от общего отношения к процессу урбанизации. В те периоды, когда господствовала концепция «сельское хозяйство — основа», предпочтительно выглядели более низкие цифры городского населения, и производились соответствующие статистические манипуляции. Наоборот, когда более престижными становились высокие показатели степени урбанизации, правила зачисления в разряд городских населенных пунктов заметно смягчались.

Первое постановление в КНР относительно содержания понятий «город» (*ши*) и поселок (*чжэнь*) с соответствующими политическими и административными последствиями было принято в 1955 г. К городам-муниципиям (*ши*) были отнесены тогда только те, в которых проживало более 100 тыс. человек. Поселками (*чжэнь*) могли становиться те городские пункты, в которых число жителей превышало 2 тыс. человек и несельскохозяйственными занятиями было охвачено более половины (включая население городской области). В исключительных случаях статут поселка мог присваиваться тем населенным пунктам, в которых проживало от 1 до 2 тыс. человек в случае несельскохозяйственной занятости более 75 %¹⁴. В декабре 1963 г. было принято совместное постановление ЦК КПК и Госсовета КНР относительно нового содержания категорий «город» и «поселок» и уреза-

ния территории городских областей. Правила присвоения статуса «города-*ши*» остались прежними (более 100 тыс. жителей, с некоторыми исключениями для особо важных промышленных, торговых и пограничных центров, административных центров провинций). Понятие же «чжэнь» было пересмотрено в сторону ужесточения критериев, и этот титул стал присваиваться населенным пунктам, в которых проживало не менее 3 тыс. жителей, из которых свыше 70 % были заняты вне сферы сельского хозяйства, либо 2,5—3 тыс. человек при 85%-ной несельскохозяйственной занятости, причем при учете лиц, занятых вне сферы сельского хозяйства, требовалась постоянная городская прописка. Центры «народных коммун» оставались за пределами городского «массива» даже если они соответствовали принятым критериям. Правда, перепись населения 1964 г. (вторая перепись, долгое время остававшаяся засекреченной) проводилась не по новым правилам 1963 г. и к «поселкам городского типа» (*чжэнь*) относились, как было принято ранее, только поселения с числом жителей более 2 тыс. человек, из которых более 50 % были заняты вне сферы сельского хозяйства. Эти «традиционные» критерии» (без нововведений 1963 г.) действовали и во время переписи 1982 г. (третьей), но городские территории к тому времени значительно расширились за счет прилегающих уездов. Следование принципу административной принадлежности привело к тому, что в разряд «горожан» попало значительное число крестьян и дислоцированных на данной территории военных.

С 1984 г. стали действовать правила ГСУ КНР, согласно которым на статут поселка городского типа могли претендовать: 1) уездные центры, 2) административные центры волостей с населением свыше 20 тыс. человек, в которых не менее 10 % населения заняты вне сферы сельского хозяйства, 3) административные центры волостей с населением менее 20 тыс. человек, но при не сельскохозяйственной занятости более 10 %, 4) поселения особого значения (промышленные, транспортные и туристические центры), в которых занятость вне сферы сельского хозяйства составляет не менее 2 тыс. человек¹⁵. Согласно новым правилам, в городское население не зачислялись жители управляемых ими уездов, а только близлежащих территорий на правах городской области. Поскольку эти установки ЦСУ не обладали характером строгой директивы, в статистических справочниках 80-х годов образовался большой разбой в цифрах.

В апреле 1986 г. появилось новое государственное постановление, значительно снизившее критерии перевода населенных пунктов в

разряд городских. Было дано разрешение на присвоение титула «поселка» центрам территорий с несельскохозяйственным населением более 60 тыс. человек и стоимостью валовой продукции свыше 200 млн юаней¹⁶. Введение новых правил резко повысило численность городского населения. В 1993 г. вышло постановление Госсовета КНР о корректировке критериев города. Был сформулирован комплексный подход по целому набору критериев в зависимости от плотности населения и уровня экономического развития региона.

В декабре 1999 г. ГСУ КНР выпустило еще одно специальное постановление по поводу разграничения городского и сельского населения, в котором были записаны следующие положения: «решения о создании городов принимаются Госсоветом», «поселки создаются по решениям соответствующих уполномоченных органов», «жители волостей и деревень рассчитываются по исключению из общей численности населения городских жителей»¹⁷. Соответственно были сделаны пересчеты уровней урбанизации на 1985—1989 гг., в результате чего образовались два ряда сильно расходящихся между собой цифр.

Манипуляции с критериями городского статуса, остающимися в целом гораздо более высокими, чем в других странах мира, сложность самой процедуры подсчета населения и числа занятых — все это приводит к значительной степени условности в определении итогов урбанизации Китая. Уровень урбанизации, оцениваемый по числу постоянно проживающих, равен 60 %, а по количеству жителей с городской пропиской — только 36 % (на 2014 г.)¹⁸. Не говоря о самой завышенной «городской планке», признано, что примерно 1/8—1/4 имеющихся населенных пунктов, соответствующих установленным стандартам, по тем или иным причинам этот статус не получают¹⁹.

Взаимоотношения между «округом», «уездом» и «городом» после 1949 г. испытали в общей сложности следующие модификации:

- раздельное существование города и уезда с выходом на окружные органы управления — город и уезды существуют в разных системах административных координат, и город, и уезд управляются властями округа;
- раздельное существование города и уезда с выходом на разные органы управления — город существует как самостоятельная административная единица, подчиняющаяся провинции, уездами руководят округа;
- разные системы подчинения уездов — частью уездов руководит город, другой частью — округ²⁰.

Одним из компонентов административной реформы стала так называемая «городская реформа», направленная на объединение территориальных и городских административных единиц с посягательством на само существование «неофициального» окружного иерархического уровня. Начало «городской реформе» положил в 1981 г. город Шаши пров. Хубэй. В 1982 г. к нему присоединилась пров. Цзянсу. В документе ЦК КПК 1982 г. за № 51 было сформулировано предложение о создании системы «город руководит уездами»²¹. В 1985 г. число такого рода экспериментирующих городов было доведено до 59, а в 1987 г. — до 72. Несколько городов из их числа были переведены на положение самостоятельных плановых единиц с общими хозяйственными прерогативами, аналогичными провинции (Чунцин, Ухань, Шэньян, Далань, Харбин, Сиань, Гуанчжоу). Уже к концу 1993 г. эта система была введена в 27 высших административных единицах страны, что привело к формальному слиянию округа и окружного центра и к появлению в статистических изданиях новой рубрики — «территории, управляемые городами» (вместо округов). В докладе о проекте 6-го пятилетнего плана (1986—1990 гг.) тогдашний премьер Чжао Цзяян сформулировал задачу «сделать экономически развитые города центрами притяжения прилегающих к ним сельских территорий, организовать в едином порядке производство и реализацию продукции и постепенно создавать разные по величине и профилю экономические районы вокруг городов». Этот план был нацелен на то, чтобы, преодолев ведомственную и местническую разобщенность и одновременно дифференциацию между городом и деревней, образовать и узаконить новые территориальные единицы по типу город плюс городская область, которые в дальнейшем могли бы заменить округа и города окружного ранга. Предполагалось тем самым уменьшить административный аппарат на местах. В 1999 г. Госсовет в документе «По поводу реформы механизма местного управления» предложил переходить к созданию общегосударственной системы «город управляет уездами».

Образование нового типа административных единиц — города с входящими в них территориями — происходило несколькими способами:

- путем слияния административного управления округом с правительством города окружного значения, где было расположено это управление, которое получало полномочия управлять уездами, входившими ранее в округ;

- путем передачи определенного числа уездов и уездных городов, прилегавших к городу окружного значения, в ведение этого города, ранее не управлявшего ими;
- путем возведения городов и поселков уездного значения в ранг городов окружного значения или путем непосредственного превращения окружного административного управления в правительство города окружного значения с передачей в его подчинение некоторого числа уездов и уездных городов.

К 2004 г. на эту систему перешли 80 % всех китайских уездов²². Новые административные единицы были своего рода узаконены в официальных статистических ежегодниках. Однако эта реформа вскоре получила негативную оценку за создание «трех воронок узурпации городами прав территорий» — финансовых, административных и организационно-технических, что привело к углублению дифференциации между городом и деревней.

Утвердилось мнение, что эта реформа планировалась на стадии «полурыночной-полуплановой» экономики и в условиях широкого развития рыночных отношений себя не оправдала. Интерес реформаторов переключился на проводившийся с 2000 г. в провинциях Аньхой, Хубэй и Ганьсу эксперимент «провинция непосредственно руководит уездами», т. е. прямого подчинения уездов провинциальным властям без промежуточного административного уровня округов («шэн чжи гуань сянь»). Это затронуло в первую очередь финансовые отношения между провинцией и уездами и привело к восстановлению самостоятельности городов и уездов по отношению друг к другу. Были учтены также результаты проводившегося с 2002 г. в провинциях Чжэцзян, Хубэй, Хэнань, Гуандун эксперимента по расширению прав «сильных уездов» (*цяньсянь куан цюань*). Часть экономических прав городов окружного ранга (*дицзи ши*) была передана сильным уездам.

В 2006 г. новый порядок получил поддержку со стороны премьер-министра Вэнь Цзябао и лег в основу реформы государственного бюджета (провинция управляет уездом, уезд управляет волостью). В июне 2009 г. вышло постановление «О продвижении финансовой системы «провинция непосредственно управляет уездом». К концу 2012 г. на такой порядок административного и финансового подчинения перешли все регионы страны, за исключением национальных автономий.

Реформы административного деления в КНР можно с полным правом отнести к разряду перманентных. Все последние 30 с лишним лет в административном делении Китая без лишней рекламы и в уме-

ренном режиме шли постоянные изменения, затронувшие, прежде всего, нижний административный уровень. На состав провинций и автономных районов было наложено табу, хотя время от времени появлялись высказывания относительно того, что большие масштабы провинций создают немало трудностей в политическом и экономическом управлении. По мере роста китайской экономики и межрегиональных экономических связей прежние административные границы теряют свою неприкосновенность и нередко выступают как препятствия на пути формирования единого общегосударственного рынка. Согласно мнению сотрудника Центра региональных исследований Пекинского университета Шэнь Тяня, сейчас уже начинается потребность пересмотра границ административных регионов²³. Дуальность административного устройства — по районам и по городам, отражая объективное наличие глубоких различий между городом и деревней, отнюдь не способствовала их преодолению. В современных статистических справочниках разделение территорий и городов уже не практикуется.

Современное административное деление представлено в табл. 3.

Рациональное обустройство территории предполагает установление такого межрегионального разделения труда и такого баланса между человеком и природой, которые максимально благоприятны для экономического развития и проживания человека. Идеальным территориальным устройством сейчас не может похвастаться ни одна страна мира, но существует то или иное приближение к оптимуму и постоянно действующие стимулы к его достижению. Нахождение оптимальной в экономическом и социальном плане территориальной структуры государства требует ответа на целый ряд вопросов:

- каким принципам размежевания районов следует отдать предпочтение — культурно-историческим или социально-экономическим (сохранять ли устойчивость регионов и их исторически сложившуюся конфигурацию или добиваться приближения административного районирования к экономическому);
- как распределить полномочия между Центром и периферией, чтобы способствовать проведению общегосударственной социально-экономической стратегии и максимально мобилизовать внутренние резервы развития регионов;
- как обеспечить превосходство центростремительных сил над центробежными и сохранить целостность государственной территории;

Таблица 3. Административное деление Китая (конец 2014 г., без Сянгана, Аомэня и Тайваня)

Районы	Уровень округа		Уровень уезда				Уровень волости		
	Округа	Города окружного ранга	Районы городского подчинения	Уезды	Автономные уезды	Города уездного ранга	Волости	В т.ч. национальные волости	Поселки
Северный Китай									
Пекин			14	2			38	5	144
Тяньцзинь			13	3			6	1	121
Хэбэй		11	39	106	6	20	947	50	1050
Шаньси		11	23	85		11	632		564
АРВМ	3	9	22	17		11	275	18	495
Северо-Восточный Китай									
Ляонин		14	56	19	8	17	217	56	645
Цзилинь	1	8	21	16	3	20	184	28	434
Хэйлунцзян	1	12	65	45	1	17	380	53	513
Восточный Китай									
Шанхай			16	1			2		107
Цзянсу		13	55	21		23	79	1	780
Чжэцзян		11	35	34	1	20	258	14	629
Аньхой		16	43	56		6	315	9	938
Фуцзянь		9	28	44		13	321	19	628
Цзянси		11	20	70		10	587	8	816
Шаньдун		17	51	58		28	81		1114
Центральный Китай									
Хэнань		17	50	87		21	718	12	1103
Хубэй	1	12	39	37	2	24	170	10	761

Окончание табл. 3

Районы	Уровень округа		Уровень уезда				Уровень волости		
	Округа	Города окружного ранга	Районы городского подчинения	Уезды	Автономные уезды	Города уездного ранга	Волости	В т.ч. национальные волости	Поселки
Хунань	1	13	35	64	7	16	902	97	1153
Гуандун		21	61	34	3	21	11	7	1128
ГЧАР		14	36	55	12	7	350	59	773
Хайнань		3	8	4	6	6	21		176
Юго-Западный Китай									
Чунцин			21	13	4		207	14	610
Сычуань	3	18	49	116	4	14	2382	98	1937
Гуйчжоу	3	6	14	55	11	7	500	208	762
Юньнань	8	8	13	74	29	13	561	140	665
ТАР	4	3	3	71			544	9	140
Северо-Западный Китай									
Шэньси		10	25	79		3	74		1142
Ганьсу	2	12	17	58	7	4	702	34	526
Цинхай	6	2	5	28	7	3	225	28	140
НХАР		5	9	11		2	91		102
СУАР	12	2	11	62	6	24	562	42	305
Вся страна	45	288	897	1425	117	361	12 282	1020	20 401

Источник: Чжунго тунци чжайяо. 2015. Пекин, 2015. С. 1—2.

- какой форме государственно-политической организации отдать предпочтение — унитаризму или федерализму;
- как решить проблему выбора между институтом национально-территориальной автономии и институтом национально-культурной автономии;

- как стимулировать и одновременно контролировать процесс урбанизации, чтобы избежать перенаселенности больших городов и постепенно ликвидировать кардинальные различия между городом и деревней.

Особенно важна отработка правильной политики в отношении районов национальной автономии. Печальный опыт распада СССР показывает, что существование национальных республик и гипертрофия интересов региональных элит способствовали развитию регионального сепаратизма, вылившегося, в конечном счете, в требование полной государственной самостоятельности республик СССР.

4.4. Проблема демократизации политической системы Китая

В развитых капиталистических странах сложилось представление о тесном взаимодействии рыночной экономики и демократической политической системы в идеологической привязке к экономическому и политическому либерализму. Западный концепт «демократии» как якобы «лучшей из существующих форм государственного управления» метафорично изложен в речи А. Линкольна 1863 г.: власть народа, осуществляемая народом и в интересах народа²⁴. Самые преданные поклонники Демократии пишут это слово с большой буквы и в единственном числе, ссылаясь на то, что Демократия — некая неоспоримая данность (или она есть, или ее нет). Западная политическая наука выделяет такие классические принципы демократии, как свободные выборы, парламентаризм, разделение властей, многопартийность, уважение прав оппозиции и меньшинства, независимая пресса, права человека. Такого рода «полноценная демократия» навязывается западными странами всем народам как эталон политического устройства, пригодный на все случаи жизни вне зависимости от экономических, социальных, цивилизационных и культурных различий²⁵. «Принуждение к демократии» осуществляется информационно-пропагандистскими методами, прямым военным насилием и путем экспорта «цветных революций».

Серьезные аналитики и политики, не согласные с таким всевластием глобалистского демократического проекта, указывают на разные ипостаси «демократии», которую следует рассматривать как тип политического устройства, как процедуру формирования и смены элит, как инструмент формирования гражданского общества и как

некую мировоззренческую установку. Отсюда следует вывод о многообразии демократических обликов разных стран, о закономерной эволюции критериев демократичности. Жизнь убеждает в порочности механического перенесения западных институтов в условия других стран и бездумной имитации политических моделей, хорошо зарекомендовавших себя применительно к североамериканским и европейским политическим реалиям. Сравнение исходного и современного варианта «демократии» дает полное основание относиться к этой категории как исторической, содержание которой меняется в разные эпохи. Отсюда следует, что нынешняя «эталонная демократия» в будущем может сильно измениться под влиянием процессов экономической интеграции, повышения среднего уровня образования, внедрения новых средств электронной коммуникации и других причин. Все большее признание находит идея «демократии во множественном числе» — специфичной формы эволюции отдельных обществ, констатации разнообразия экономических, социальных и политических реформ.

С началом реформы Китай испытал на себе влияние идей западного демократизма со столь привлекательным для всех людей лозунгами свободы, равенства и социальной справедливости. Конституция КНР 1982 г. содержала демократически выверенные положения о свободе слова, печати и получения информации, об участии народа в государственном управлении, о предоставлении ему возможности выражать свое мнение и осуществлять контроль над властью, о введении альтернативных кандидатур на выборах в собрания народных представителей. Однако вопрос о том, как соединить демократические принципы с традиционными ценностями китайского общества и не нарушить порядок в стране, до сих пор остается в повестке дня.

Специфика китайского отношения к демократии объясняется в первую очередь общей мобилизационной обстановкой экономического рывка. Проведение политики ликвидации экономической отсталости требует установления жесткой вертикали власти, необходимой при принятии непопулярных решений. Внедряя мобилизационную стратегию, власти не могут допустить широкого разброса мнений и общенародного обсуждения политических авторитетов, что может обернуться «игрой компроматов». Введение конкуренции в политическую жизнь чревато превращением латентных конфликтов в открытые. Волны, которые поднимает «стихия выборов», способны раскачать государственную «лодку» до опасного крена в сторону этнического и религиозного сепаратизма.

В отличие от: 1) марксистской идеи «подлинной демократии» как постепенного перехода от государственной организации к институтам самоорганизации и 2) либеральных представлений о вытеснении государственного диктата рыночным саморегулированием китайский идеал управления страной исключает возможность ослабления государственного начала. Сами масштабы Китая и его населения требуют сильной государственной власти, прежде всего, для того, чтобы не допустить распада страны, обеспечить внешнюю безопасность и внутреннюю стабильность. Сильное государство является гарантом успешного проведения экономических реформ и необходимых на новом этапе индустриализации структурных перестроек.

За рубежом широко распространено мнение о том, что китайский антидемократизм имеет глубокие исторические корни, что при «азиатском способе производства» все жители страны находились в «поголовном рабстве» и предпринимательская инициатива была полностью задавлена. И сейчас Китай якобы движется к цивилизованному рынку без всякой демократии. Авторы доклада Национального совета США по разведке «Проект 2020», ссылаясь на мнение большинства привлеченных к этому делу экспертов, полагают, что сегодня китайские лидеры «безразличны к проблеме демократии и проявляют большой интерес к развитию того, что они считают наиболее эффективной моделью управления». Выдвигается предположение, что Китай может избрать «азиатский путь демократии, сочетающий выборы на местном уровне и консультативный механизм на общенациональном уровне, возможно, при сохранении контроля коммунистической партии над центральным правительством»²⁶. По словам президента Японского института международных отношений (Токио) Юкио Сато, «до сих пор человечество еще не имело демократического эксперимента в стране с 1,3 млрд жителей»²⁷. Такого рода выводы одними интерпретируются как позитив (это не мешает развитию страны), другими как негатив (такое положение чревато системным кризисом).

Тот факт, что китайская история не дала образцов развитых форм частной собственности и демократии, не может служить достаточным основанием для утверждения о полном неприятии демократии в Китае. Действительно, при преобладании жестких административных связей «сверху-вниз» и сакрализации власти представление о «демократии», подобное античному, возникнуть в Китае не могло. «Власть» и «народ» всегда воспринимались как антиномии, как дуализм «управляемых» и «правителей», обеспечивающий состояние упорядо-

ченности государства. Но если подходить к демократии как к нечто большему, чем форма правления, а именно как «способу ассоциативной жизни, коммуникативно закрепленному общему (conjoint) опыту»²⁸, то окажется, что сама идея демократии отнюдь не отторгалась китайским обществом. Идеалы демократии, законности и правопорядка, понимаемые не как диктат большинства, навязывающего свои правила игры всему обществу, а как власть, строящуюся на идее равноправия граждан, справедливости и расширения свободы личности, столь же популярны на Востоке, как и в странах Запада, которые принято называть «развитыми» и «цивилизованными». Защита людей от произвола власть предержащих осуществлялась в Китае в рамках социальных корпораций (община, клан). Свое стремление к свободе и независимости китайский народ многократно демонстрировал в ходе массовых крестьянских войн, которые расчищали путь для новой династии. В отрядах крестьянских повстанцев существовала традиция «народной вольницы», которая пережила свое второе рождение в ходе гражданской войны, предшествовавшей образованию КНР. Совершенно очевидно, что императорскую власть с вмонтированным в нее сочетанием централизации и децентрализации, с подчинением личности нормам социума и философскими идеями «ненасилия», «гармонии» и «морали» нельзя безоглядно отождествлять с тоталитаризмом. Во всяком случае, китайский «арендный феодализм» представлял непосредственному производителю гораздо больше «степеней свободы», нежели классический феодализм на Западе и крепостничество в России. Надо также отметить особый конкурентный характер комплектации бюрократических структур в Китае за счет лиц, успешно выдержавших государственные экзамены, в которых мог участвовать каждый желающий. Такого формального «равенства возможностей» Европа никогда не знала²⁹.

Термин «демократия» имеет «чужеродное» происхождение и появился в китайском языке только в конце XIX в., когда возникла потребность перевода произведений западных авторов. При иероглифическом изображении греческого слова «демократия» (сначала в Японии, а затем и в Китае) произошло некоторое отступление от первоначального смысла. Первый иероглиф: бинома «*миньчжу*» (демократия) — «*минь*» столь же многозначен, как и греческое понятие «демос». Этим словом в трудах Аристотеля обозначалось и народонаселение в целом, и простонародье, кроме того, «дем» зачастую заменял слово «род». В китайском языке значения «*минь*»: 1) народ; 2) население, подданные; 3) простой народ, простолюдин; 4) частный

(в противоположность государственному). Но зато второй иероглиф — «*чжу*» (хозяин) не однозначен греческому понятию. «кратос» (власть), Если в древней Греции «демократию» можно было толковать как власть всех, власть простонародного большинства, власть формального организованного в «демы» граждан³⁰, то китайский термин «*миньчжу*» буквально означает «хозяин — народ», «хозяин — простолюдник», «хозяева — частные лица». Толкование сущности человека как властелина над всем миром природы явно противоречит китайским древним представлениям о верховенстве природы над законами человеческого общежития и о «саморазвитии» природы (китайское слово «природа» — *цзыжань*).

В отличие от либерального признания самоценности отдельной личности, огражденной от произвола правителей легализованными «правами человека», в китайской философии отдельный человек изначально рассматривался как природно-космическое существо, достоинство которого определяется его включением в жизнь общества и государства. В такой трактовке личность выступает воплощением коллективности и обязана соблюдать интеграционные интересы иерархически построенного человеческого сообщества. Вместо «власти народа» конфуцианство отстаивало управление на основе сложившихся традиций и этических норм (*ли*) при соблюдении установившейся социальной иерархии «государство—правитель—подданный» с перенесением норм родственных отношений на все государственное устройство: глава клана (государство) — глава семьи — (правитель) — члены семьи (население). Требование нравственности относилось как к правителям, так и к их подданным. Специфическую форму протодемократии можно усмотреть в конфуцианском признании права народа насильственно покончить с деспотическим правлением и низложить тирана, отступившего от канонов «мандата Неба». Именно этот смысл был заложен в бинеме «*гэмин*», который в современном китайском языке выступает аналогом западного политологического термина «революция».

Крупные общественные деятели Китая конца XIX в., болезненно переживавшие поражения своей страны в столкновениях с европейскими узурпаторами, ощущали необходимость реформировать политическую систему и были открыты использованию иностранного опыта. Неизменным требованием политической модернизации было при этом сохранение китайской идентичности и культуры, преобладание «китаизации» над «вестернизацией». После Синьхайской революции (1911 г.) симпатии прогрессивных деятелей Китая тяготели к

постепенно формировавшейся радикально-демократической парадигме, которая отличается первенством коллективного интереса, общего блага, социализированного индивида.

Родоначальником современной демократической традиции в Китае следует считать лидера китайского революционно-демократического движения Сунь Ятсена. Его программа-максимум — построение в Китае индустриально развитого общества, составляющего часть мировой цивилизации, демократически управляемого и обеспечивающего всеобщее благосостояние. В 1905 г. Сунь Ятсен изложил свое видение принципа «демократии», за которым впоследствии закрепилось определение «три народных принципа»: «*миньцзу чжэуи*» (национализм, или установление национального суверенитета), «*миньцзоань чжэуи*» (народовластие), «*миньшэн чжэуи*» (благосостояние народа). Во всех этих терминах использовался иероглиф «*минь*», входящий в слово «демократия» Можно отметить если не заимствование, то явную переключку суньятсеновского триптиха с концептом Линкольна. По мысли Сунь Ятсена, власть должна избираться народом, осуществляться через строгий отбор соответствующих профессионалов, отчитываться перед народом и получать от него соответствующая оценку. Как непримиримый противник «экономической силы меньшинства, монополизированного богатства общества», Сунь Ятсен стоял за активную роль государства, что было в традициях китайской нации, но государства «нового типа», а именно управляемого народом и служащего интересам народа. Не отвергая саму идею «демократического просветительства», Сунь Ятсен высоко ставил «этикетскую мораль», веками выработанную китайцами — «цивилизационной нацией патриотов», этическая культура которой «во много раз совершеннее, чем у иностранцев»³¹.

Сунь Ятсену принадлежит также идея трех этапов революционного процесса:

- сначала становление народа как суверенного субъекта политического процесса в рамках самостоятельной государственности;
- затем народ создает систему власти «из народа» и «для народа», т. е. осуществляет политическую революцию;
- далее, эта власть проводит социальную революцию, утверждая принцип социальной справедливости на основе повышения благосостояния народа и укрепления социальной стабильности. В итоге создается «новое общество» и «новый народ», обладающий новыми ценностями, и открывается перспектива расширения базы демократизации общества.

Что касается действительности тогдашнего Китая, то Сунь Ятсен, одно время переоценивавший готовность своих соотечественников к восприятию демократических идеалов и ценностей, уже к 1915—1916 гг. пришел к выводу, что народ в основной своей массе не расположен к «демократическим переменам» и продолжает исповедовать идеалы монархии, во всем полагаясь на власть бюрократии³².

Мао Цзэдун еще в 1935—1938 гг. начал разрабатывать концепцию «новой демократии» в виде альтернативы «буржуазной демократии»³³ (см. гл. 3). Принятая в 1949 г. Программа Народного политического консультативного совета, которая на первых порах выполняла роль Конституции, провозгласила Китай «государством новой демократии» и объявила о создании «демократической диктатуры народа», которая является государственной властью единого фронта рабочего класса, крестьян, мелкой буржуазии и прочих патриотических демократических элементов, основанной на союзе рабочих и крестьян и руководимой рабочим классом.

В конце 50-х и в 60-е годы Мао Цзэдун, противопоставляя государственному устройству развитых капиталистических стран и СССР свою «коммунитарную модель», опирался на такие методы «линии масс», как шумные собрания с критикой неугодных власти людей, демонстрации и вывешивания рукописных газет «больших иероглифов» (*дацзыбао*). Этот псевдодемократический шабаш массовых кампаний, которыми в действительности манипулировало окружение Мао Цзэдуна, обернулся разгулом анархии и широкомасштабными репрессиями против инакомыслящих, главным образом из кругов интеллигенции. В числе объектов критики хунвэйбинов оказалось и все богатое философское наследие Китая, что и показала пресловутая эпопея «критики Линь Бяо и Конфуция» (1972—1976 гг.).

В ходе реформы в новые базовые идеологические установки вошли задачи политической реформы и демократизации общественной жизни, в формулировании которых огромный вклад внес Дэн Сяопин. О своей приверженности демократическим ценностям он заявлял еще в 1941 г., а с началом реформы постоянно подчеркивал, что без демократии не будет ни социализма, ни модернизации. В своем программном выступлении в феврале 1980 г. («Перестройка системы руководства партии и государства») он поддержал положение о необходимости разделения функций государственных и партийных органов управления. Одобрившие эту установку «реформаторы-прагматики» выступили за сочетание экономической и политической реформ, за постепенное введение демократических порядков, но без посяга-

тельств на решающую политическую и экономическую роль государства и главенствующую роль коммунистической партии.

Несмотря на серию проведенных в КНР политических реформ, современный политический режим в Китае сохраняет немаловажные атрибуты авторитарности: правящая коммунистическая партия обладает монополией на власть и стоит над другими органами управления страной; внутрипартийная жизнь остается в значительной мере закрытой, и выдвижение политических лидеров лишено необходимой гласности; председатель ЦК КПК сосредотачивает в своих руках широкие политические полномочия; отсутствует четкое разграничение управленческих функций между партией и правительственными организациями; ограничена свобода СМИ; не отлажен механизм общественного контроля над властью со стороны общественности. Болезненно ощущается вмешательство государства в личную жизнь граждан, что особенно ярко проявлялось в период проведения политики однодетной семьи. Китайские суды при наиболее тяжелых преступлениях, включая коррупцию особо крупных масштабов, выносят смертные приговоры.

Китайские власти в случаях политических волнений никогда не чурались армейской поддержки. До сих пор жива память о кровавых событиях лета 1989 г., ставших серьезным испытанием для всей страны и ее руководителей. Сепаратистские настроения в некоторых регионах проживания национальных меньшинств не раз подавлялись жесткими мерами. Решительные преследования со стороны властей нелегальных религиозных организаций и сект (типа Фалуньгуна) вызывают ожесточенную критику за рубежом. Не все просто во взаимоотношениях центральной власти с органами управления специальных административных регионов Сянган и Аомэня, требующих расширения демократических прав. О принципиальных отличиях формирующейся в Китае социально-политической модели от господствующих на Западе демократических институтов и норм гражданского общества свидетельствует идеологическое кредо современного курса реформ, включающего пять «табу» — отказ от многопартийной системы как не соответствующей историческим традициям и китайскому менталитету; отказ от идеологического плюрализма и китаизация марксизма-ленинизма; отказ от разделения трех ветвей власти и двухпалатного законодательного собрания; отказ от федеративного государственного устройства; отказ от всеохватывающей приватизации³⁴. Неоспоримым остается акцент на руководящую роль партии, о чем свидетельствует постановление о создании Руководящей группы ЦК

КПК по всестороннему углублению реформ с функциями проектирования, координации действий и контроля над проведением намеченных преобразований.

В то же время усложнение общественных отношений по мере роста экономического потенциала и институциональной трансформации повышает требования к качеству рабочей силы, творческой инициативе работников, свободе предпринимательской деятельности. Новый виток научно-технической революции, важная роль науки, рост материальных и духовных потребностей населения — все эти новые явления общественной жизни не совместимы с жестким диктатом авторитарного государства. Господство государственной собственности на средства производства заменяется системой многоукладности. Директивные планы уступили место рыночным отношениям и макрорегулированию. Ушли в прошлое карточная система распределения и жесткий запрет на миграцию крестьян в города. Наблюдающиеся очевидные «ослабления» дают основание некоторым западным ученым констатировать переход Китая от жесткого авторитаризма к гибкому авторитаризму (полуавторитаризму), от государственных директив к государственным рекомендациям, от требования послушания к участию масс в управлении государством. Дальнейшее совершенствование государственного управления немыслимо без демократизации общественной жизни и учреждения новых демократических институтов. Это признают и китайские ученые: «Политическая система постепенно подстраивается под усложнение общества, что ограничивает государственные полномочия»³⁵.

Состоявшийся в сентябре 1997 г. XV съезд Компартии Китая, откликаясь на возросший «спрос на демократию», стал зачинателем нового раунда политической перестройки, назвав ее целями «развитие демократии, укрепление правовой системы, отделение функций государственного управления от функций управления предприятиями, совершенствование государственных органов, улучшение системы контроля, поддержку стабильности и единства». Научные и партийные издания развернули пропаганду за сохранение морально-этических норм и лучших традиций китайского народа, заимствование наиболее достойного из передовой культуры государств мира. Принятая в 2001 г. «Программа строительства гражданской морали» сделала акцент на следующих моральных принципах: любовь к родине и исполнение закона, четкое следование правилам общежития, искренность и доверие в отношениях между людьми, сплочение и дружелюбность, трудолюбие, бережливость и самоотверженность, служение

своему долгу. Все они входят в конфуцианский моральный кодекс, который призывает также к умеренности в потреблении, соблюдению «золотой середины», толерантности и терпимости в отношениях с другими. Обращение к конфуцианской этике призвано гармонизировать формальные и неформальные институты путем возвращения к традициям, обычаям, кодексам поведения, наиболее продуктивным с позиций новой экономики и новой идеологии. Углубление рыночных реформ понимается как построение общества «сяокан» в духе известной идеологии традиционного Китая. Воплощая в себе конфуцианский принцип «человечности» и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, «сяокан» (малое благосостояние) означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием.

На XVI съезде КПК (2002 г.), на котором произошла передача власти от лидеров третьего поколения во главе с Цзян Цзэмином к руководителям четвертого поколения во главе с Ху Цзиньтао, были обозначены основные положения стратегии следующего этапа реформы, включая продолжение рыночных реформ, перестройку государственного аппарата с изменением государственных функций, улучшение качества жизни населения. Впервые был поставлен вопрос о демократизации партии с перечнем следующих задач: 1) разделение политического и партийного руководства; 2) создание основ правового законодательства; 3) демократизация партийной жизни; 4) расширение участия граждан в контроле над органами власти; 5) более полная информированность общества обо всем происходящем при сочетании свободы и ответственности органов СМИ. Стратегические установки нового руководства были достаточно полно представлены на проведенном в октябре 2003 г. 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, который — в продолжение традиции особой значимости третьих партийных пленумов — сформулировал основы нового развития: сбалансированного (*сецзюй*), всестороннего (*цюаньмянь*), устойчивого (*кэчжисюй*).

В 2004 г. в Конституцию были внесены поправки, зафиксировавшие курс на развитие правового и построение гражданского общества. С 2005 г. тематика демократизации стала получать все большую популярность среди политиков и ученых. В октябре 2005 г. в серии публикаций Госсовета КНР вышла Белая книга «Строительство политической демократии в Китае». Широкий резонанс общественности вызвала опубликованная в октябре 2006 г. в газете «Бэйцзин жибао» статья заместителя директора Бюро переводов при ЦК КПК, руково-

дителя Центра сравнительных политических и экономических исследований Юй Кэпина «Демократия — хорошая вещь». В начале января 2007 г. она появилась вторично в газете «Сюэси шибао», издаваемой Центральной партшколой КПК. Автор статьи обосновал необходимость строительства социалистической демократии с китайской спецификой, которая вобрала бы в себя все политические открытия мировой цивилизации без попыток копирования иностранной политической модели³⁶.

На XVII съезде КПК в 2007 г. демократическая политическая система была провозглашена одним из четырех основных компонентов социализма наравне с рыночной экономикой, передовой культурой и «гармоничным обществом». В сформулированную съездом концепцию «социалистического гармоничного общества» включено положение об управлении на основе законов и правовом обеспечении демократических выборов, демократической политики, демократического управления и демократического контроля.

На XVIII съезде КПК (2012 г.) была выдвинута идея «модернизации системы и способности управления государством». Китай приступил к разработке модели демократии, наиболее соответствующей китайским условиям. Новый политический идеал можно сформулировать следующим образом:

1. Установка на сильное государство с большим объемом полномочий в сфере административного управления, макрорегулирования и собственнических отношений. Не полный отказ, но существенное сужение собственнических функций государства, государственный патронаж над системами здравоохранения, образования и социального обеспечения с постепенным переходом к «государству обслуживающего типа». Сокращение административного аппарата, повышение эффективности его работы и обеспечение контроля над его деятельностью.

2. Формирование устойчивой «смешанной экономики» при соблюдении основных социалистических принципов (главенство общественной собственности и принципа оплаты по труду) и сохранении общего курса на утверждение многоукладной экономики. Переход к «социальному государству» с высоким уровнем жизни населения и ликвидацией крайних форм имущественной дифференциации.

3. Утверждение принципа «демократического централизма», сочетание административного и рыночного регулирования. Экономическая децентрализация как расширение самостоятельности хозяйствующих субъектов и регионов. Внедрение новых форм самоуправления.

4. Создание «правового государства», совершенствование системы законодательных органов и законодательных норм. Полное соблюдение основных гражданских прав и свобод (право на жизнь и безопасность, на труд и отдых, право выбора рода деятельности и местожительства, свобода передвижения и миграции, выезда за границу и т. п.). Прекращение вмешательства в частную жизнь граждан и обеспечение надежного государственного контроля над нарушениями норм общежития и установками демографической политики, над потреблением наркотиков.

5. Укрепление лидирующего положения КПК в общественной жизни страны как особого государственного института, выполняющего роль посредника между органами власти и народными массами, как поставщика подготовленной и идеологически выдержанной управленческой элиты. Расширение внутрипартийной демократии и контроля над высшими партийными органами со стороны рядовых членов партии. Постепенный переход КПК к конфигурации «нормальной» политической партии (регулярная сменяемость лидеров, периодичность партийных съездов, конкурсный отбор в руководящие подразделения).

6. Развитие сотрудничества КПК с другими демократическими партиями, повышение роли НПКСК как важного органа «совещательной демократии».

7. Соблюдение правила отделения церкви от государства, уважение к представителям всех видов вероисповедания и установление союза верующих и атеистов.

8. Продолжение политики национальной автономии, уважение прав национальных меньшинств, борьба с национальным сепаратизмом.

9. Совершенствование идеологической пропаганды под лозунгом «все во имя человека». Возведение идеологического фундамента внутривнутриполитической консолидации на базе таких ценностей, как: патриотизм, верность делу социализма и коммунизма, достоинство личности. Широкая пропаганда высоких моральных ценностей как общечеловеческих, так и свойственных китайской цивилизации.

10. Обеспечение политической стабильности и предотвращение социальных кризисов при согласовании интересов различных групп и социальных слоев и при использовании механизмов принуждения в отношении антисоциалистических элементов, всех нарушающих правила общежития и обличенных в коррупционных деяниях.

3-й пленум ЦК КПК открыл новый тур борьбы с коррупцией. В 2013 г. контрольно-дисциплинарные органы всей страны приняли к рассмотрению более 1,2 млн жалоб и заявлений граждан по поводу проявлений разных видов коррупции в органах государственной и партийной власти. В общей сложности подверглись уголовным наказаниям и партийным взысканиям более 180 тыс. партийных и административных работников различных категорий³⁷. Главной темой 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, состоявшегося осенью 2014 г., было «управление государством на основе права». В постановлении пленума подробно изложены меры по реформированию в области законодательства, правоисполнения, соблюдения законов, охватывающие законодательные органы, правительство, судебные органы и все общество.

Нельзя не учитывать того, что введение и поддержание демократии является достаточно дорогостоящим мероприятием, и она оказывается востребованной именно сейчас при достигнутом более высоком уровне экономического развития, обеспечивающем необходимые ресурсы. Даже те финансовые затраты, которые необходимы для проведения самих выборов, в условиях слаборазвитости выглядят как неоправданные «излишества». Запрос на демократию свидетельствует о росте демократических инстинктов в обществе, о соответствующем состоянии умов, при котором новые институты и процедуры воспринимаются как совершенно необходимые, а их нарушение как предосудительное³⁸.

Вместе с тем свойственное китайским реалиям отношение к демократии как этическому императиву не позволяет противопоставлять две стороны этой концепции — процедурную и нормативную. Критерием «демократичности» государства при таком подходе служит не только наличие выборов законодательных органов, но в первую очередь защита основных прав человека, социальная направленность принимаемых законов, обеспечение достойного уровня жизни для рядовых граждан. Мало того, что выборы не позволяют выделить наиболее достойных кандидатов во власть, они к тому же не всегда способны обеспечить контроль над властью со стороны народа.

В плане дальнейшего продвижения демократии среди выдвигаемых мер, которые можно квалифицировать как три новых «народных принципа», на первом месте стоит лозунг «подлинной демократии» (*шичжи миньчжу*) как гарантии базовых прав человека, а именно, обеспечение каждого питанием, жильем и одеждой, доступ к образованию и услугам здравоохранения. Второй принцип — «демократия

как система» (*чжиду миньчжу*) утверждает управление на основе закона, создание правового государства, отлаживание юридической системы и борьба с правонарушениями. Конкретные цели формулируются следующим образом: совершенствование системы собраний народных представителей и повышение их роли, научная проработка решений и их легитимизация, активизация деятельности всех существующих партий при сохранении общего руководства КПК, укрепление единого патриотического фронта, улучшение профсоюзной работы, работы среди женщин и с представителями национальных меньшинств, расширение сети общественных организаций. Третий принцип — «демократия при соблюдении нравственных норм» (*сяньчжэнь миньчжу*) призывает комплектовать органы власти из лиц с высокими моральными принципами, насаждать принципы морали и во властных, и в общественных структурах.

Хотя в целом ряде зарубежных работ отставание реформы политической системы по сравнению с реформой экономической системы нередко фигурирует в числе главных недостатков проводимого курса, фактически быстрый экономический рост был обеспечен именно наличием стабильной политической системы. Монопольное положение компартии нисколько не помешало успеху реформ. Наоборот, инициатива политической перестройки исходила от самой партии, а ее претворение в жизнь осуществлялось при опоре на партийный аппарат и рядовых членов, в число которых были допущены и представители предпринимательского слоя. Большое внимание уделяется сейчас демократизации самой партии, в которой все шире проводятся конкурсные выборы руководителей, установление им определенного испытательного срока.

Учитывая исторические традиции Китая, правильный выбор стратегии и тактики реформы и соответствующий уровень компетентности и сплоченности правящей элиты, можно надеяться на сохранение важной регулирующей роли государства и КПК, целостности страны и основ государственного устройства, на полную независимость от рецептов международных органов. Достижения Китая в своей основе определяются тем, что он остался верен своей цивилизационной парадигме, «не потерял лицо», придерживается суверенного типа государственного управления и макререгулирующей роли государства, ориентации на национальные интересы и национальную безопасность. Основные моральные ценности формирующейся китайской модели: на индивидуальном уровне — патриотизм, преданность работе, добросовестность, высокая нравственность; на общест-

венном уровне — свобода, равенство, справедливость, опора на закон; на государственном уровне — служение стране, демократичность, цивилизованность и гармония. Основную универсальную ценность, которая должна существовать на уровне всей планеты, лидеры страны определяют как «мир всюду под Небесами», экологическая безопасность.

Примечания

¹ Дэн Сяопин. Цинцзянь цзигоу ши и гэ гэмин : [Реконструкция госаппарата — это революция] // Избр. произ. Т. 2. Пекин, 1993. С. 396.

² Ху Аньган. Чжунго ды чжаньлюэ : [Генеральная стратегия Китая]. Ханчжоу, 2003. С. 245.

³ Чжунго цзинцзи гайгэ: фачжань юй цзисяо : [Экономическая реформа в Китае и развитие: политика и ее эффективность]. Пекин. 2005. С. 259.

⁴ Дэн Сяопин вэньсюань 1975—1982 нянь : [Избранные труды Дэн Сяопина. 1975—1982]. Пекин, 1983. С. 132.

⁵ Гуанмин жибао. 18.02.1990. Цит. по: ТАСС. БПИ № 62. 29.03.1990.

⁶ Цит. по: *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007. С. 219.

⁷ *Аузан Александр.* Снова мимо. Почему в России в очередной раз откладывается модернизация // Новая газета. 20.11.2008.

⁸ *Каспер Вольфганг.* Конкурентный федерализм // Политэконом. 1997. № 2. С. 38.

⁹ *Е Юйминь.* Китайский путь урбанизации. Пекин, 2001. С. 180—181.

¹⁰ *Ху Чжаолян.* Чжунго цюйюй фачжань даолунь : [Пособие по региональному развитию Китая]. Пекин, 2000. С. 40.

¹¹ *Дэн Сяопин.* Указ. соч. С. 396.

¹² *Ли Пэн.* Доклад о девятом пятилетнем плане социально-экономического развития и перспективной программе на 2010 г. Пекин, 1996. С. 99—101 (на кит. яз.).

¹³ *Ху Чжаолян.* Указ. соч. С. 202.

¹⁴ Данные по критериям отнесения того или иного населенного пункта к категории города заимствованы из статьи: *Кондрашова Л., Островский А.* Урбанизация в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 2. С. 84—85.

¹⁵ Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин, 1997. С. 85—86.

¹⁶ Дандай Чжунгоды чэнши цзяньшэ. 1990. С. 16.

¹⁷ Постановление ЦСУ КНР 1999 г. № 14. См.: *Е Юйминь*. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 2014. № 6. С. 59.

¹⁹ *Ду Цимин*. О связи административных районов и городов // Дили яньцзю юй кайфа. март 1998. Т. 17. № 1. С. 6.

²⁰ *Ою Вэйсинь*. К проблеме «город управляет уездами // Цаймао цзинцзи вэньти яньцзю. Пекин, 1984. Т. 2. С. 417.

²¹ *Чжо Юнлян*. По поводу предложения о прямом управлении уездами со стороны провинции // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 2003. № 5. С. 109.

²² *Пу Шаньсинь*. Чжунго синчжэн шойхуа гайгэ : [Реформа административного деления в Китае]. Пекин, 2006. С. 99—120.

²³ *Гэн Шу*. Сдвиги в региональной экономике КНР: подходы к проблеме и достигнутые результаты // Чжунго далу яньцзю (Тайбэй). Vol. 46. № 47. July-August 2003. P. 73 (на кит. яз.).

²⁴ *Lincoln A. Speeches and Writings. 1859—1865. N.Y. 1989.*

²⁵ По классификации Freedom House, в 2003 г. лишь 61 страна из 202 отвечала критериям либерально-демократического режима, 27 стран были отнесены к разряду типично авторитарных (в их число попал и Китай). Большинство стран были охарактеризованы как электоральные демократии или псевдодемократии по причинам засилия президентской власти либо монополии правящей партии. (Коммерсантъ-Daily. 31.01.2006).

²⁶ Карта будущего. Доклад Национального совета США по разведке «Проект 2020». М., 2006. С. 77.

²⁷ Цит. по: *Блинов А.* Глобализация как фактор возвышения Китая // НГ-дипкуррьер. 02.04.2007.

²⁸ *Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. N.Y., 1966.*

²⁹ *Боревская Н.Е.* Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. № 10. С. 79.

³⁰ *Ильин М.* Приключения демократии в Старом и Новом свете // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 73.

³¹ *Гарушыяц Ю.М.* Гоминьдан и «движение 4 мая» // Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004. С. 36.

³² Там же.

³³ *Мао Цзэдун.* О новой демократии // Избр. произв. В 4 т. М., 1953. Т. 3. С. 232—233.

³⁴ Твердо следовать по пути социализма с китайской спецификой. Материал Центра изучения теории китайского социализма АОН Китая // Цюши. 2011. № 8. С. 13—14.

³⁵ *Хэ Цзюнь*. Гоцзя чжуаньсин, нунцунь чжиду бяньцянь юй сяньчжэнь чжэнфу синдун : [Трансформация государства, институциональные изменения в деревне и поведение волостно-поселковых правительств] // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 2014. № 6. С. 84.

³⁶ Миньчжу ши гэ хао дунси — Юй Кэпин фаньтаньлу : [Демократия — хорошая вещь — запись бесед с Юй Кэпином]. Пекин, 2006. С. 2.

³⁷ *Цзун Хэ*. «Новое нормальное состояние» в политике // Китай. 2014. № 12. С. 18.

³⁸ *Подберезский И.В.* Приключения демократии на Востоке // Восток—Запад—Россия. М., 2002. С. 241.

Глава 5

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Ситуация, сложившаяся к концу 70-х годов XX в., требовала изменения экономической политики. Жизнь показала, что методами централизованного руководства и административного зажима без активизации хозяйственных звеньев и широкого развития товарно-денежных отношений добиться ускоренного и сбалансированного экономического развития и существенного повышения жизненного уровня населения невозможно. Очевидной стала необходимость преодоления противоречия между хозяйственной системой административно-командного типа, сложившейся в результате форсированной индустриализации, и задачей динамизации экономических процессов.

После своих поездок в провинции Гуандун и Сычуань Дэн Сяопин призвал к проведению кардинальной реформы экономической системы, назвав ее «второй китайской революцией». Революционный характер начавшейся трансформации проявился в разрыве с одиозным прошлым «большого скачка» и «культурной революции», в решительном переходе от плановой к рыночной системе, от политики автаркии к стратегии внешнеэкономической открытости.

Вместо пропаганды «продолжения классового боя» главным стал лозунг ускорения экономического роста и модернизации страны.

5.1. 1979—1989 гг. Между двумя внутренними кризисами

Первое десятилетие экономической реформы ушло на нормализацию хозяйственной жизни, утверждение самой идеи реформы и проработку ее содержания. Поскольку влияние левых взглядов оста-

валось еще очень сильным, какое-то время сохранялись прежние идеологические установки, включая заявления о «новом большом скачке» и равнении на опыт его знаменосцев — металлургического комбината Дацин и сельскохозяйственной производственной бригады Дачжай. Состоявшееся в июне-июле 1978 г. Всекитайское финансово-торговое совещание прошло в прежней атмосфере «учебы у Дацина и Дачжая».

Перелом наступил в самом конце 1978 г., когда состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, официально провозгласивший перенос центра тяжести всей работы партии на экономическое строительство. Решение пленума о развитии рыночных отношений, кадровая победа «прагматиков» и комплектация управленческого аппарата дали впоследствии основание вести отчет китайской реформы именно с этого события.

Инициатива хозяйственных преобразований и их общие установки исходили от Дэн Сяопина, которого все чаще стали называть «архитектором реформы». Костяк так называемой «целевой модели» реформы составляли несколько основных положений — признание товарного хозяйства имманентной чертой социализма, необходимость использования многообразных форм собственности и форм хозяйствования, переход к «открытой экономике» с тесными и многообразными связями с зарубежными странами. Тон задавала идея «уменьшить роль государства, увеличить роль рынка». Эволюция хозяйственного механизма понималась как постепенное сокращение сферы директивного планирования, освоение «направляющего планирования» и в перспективе создание в стране «социалистического рынка», охватывающего не только товарный рынок, но также рынки факторов производства, финансовых средств, технических достижений, рабочей силы. Вместе с тем целостная социально-экономическая стратегия к тому времени еще не сложилась, и диапазон мнений экономистов колебался в широких пределах — от признаний плановой экономики неотъемлемой частью социалистической системы до идеализации рыночных методов как чуть ли не единственного способа повышения эффективности производства. Реформа продвигалась вперед в значительной степени на ощупь, без детально разработанного сценария. В силу масштабности проблем, инерционности управленческих методов и общего недостатка опыта превалировал компромиссный подход сочетания плана и рынка, инициатив и компромиссов. И все же установку XII съезда КПК («план — главное, рынок — вспомогательное») вскоре сменило более радикальное положение,

выдвинутое на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва — «социалистическая экономика — это плановое товарное хозяйство»).

Стартовой площадкой реформы стало сельское хозяйство, и этот выбор реформаторов был оправдан как с точки зрения настроения масс, так и с точки зрения общей экономической ситуации в стране, целиком и полностью зависимой от продовольственного обеспечения. Показательно, что инициатива новой аграрной реформы исходила от самих крестьян, самовольно приступивших к разделу кооперативной земли. Принцип семейного подряда, возвращавший к традиционным методам индивидуального хозяйствования и увязавший доходы с приложенными усилиями, стимулировал активность крестьян и способствовал общему подъему сельского хозяйства. Уже в 1984 г. семейным подрядом было охвачено 95 % крестьянских дворов. Сбылась вековая мечта китайских крестьян о своем участке земли с правом передачи его по наследству. За первые 6 лет реформы валовой сбор зерна увеличился на 1/3, примерно с 300 до 400 млн т.

Отступлением от прошлых лжекоммунистических порядков выглядело решение о ликвидации «народных коммун» и трех ее ступеней (коммуна, большая и малая производственные бригады). Административная вертикаль вернулась к трехступенчатой иерархии 30-летней давности. Государственный контроль на местах перешел к волостным и поселковым правительствам (первая ступень). Большим производственным бригадам вернули статус «деревни» (вторая ступень) во главе с комитетом жителей деревни. Малые производственные бригады превратились в звенья коллективных хозяйств (третья ступень). За волостными органами власти были закреплены обязанности выполнения государственного «направляющего» плана по поставкам сельскохозяйственной продукции, налоговым платежам, поддержанию нормального состояния ирригационных сооружений, лесопосадок, содействию работе волостно-поселковых предприятий. Комитеты жителей деревни проводили надел земельными участками, отслеживали соблюдение правил подряда, следили за предоставлением разного рода услуг крестьянским дворам. В Документе ЦК КПК № 1 от 1 января 1984 г. был установлен 15-летний срок подряда.

Полученным урожаем крестьяне после выполнения подрядных обязательств могли распоряжаться самостоятельно. Вместе с тем, поскольку крестьянский двор формально входил в сохранившееся коллективное хозяйство, а земля оставалась в коллективной собственности, независимость подрядчика носила ограниченный характер. Крестьяне были отстранены от всякого рода операций с землей и могли

рассчитывать на очень скромную компенсацию в случае ущемления их интересов. Реализация продукции частично на рынке, частично в рамках государственной системы закупок по фиксированным ценам породила «двухколейную» систему цен. По мере укрепления семейных хозяйств коллективная собственность на уровне деревни начала превращаться в новую коллективно-частную форму сложной совместной собственности. Во многих районах Центрального и Западного Китая большая часть общественных фондов была поделена между дворами, в результате чего коллективное хозяйство сохранялось чисто номинально. К началу 1990-х годов примерно 60 % деревень обладали только «вывеской» кооператива. С 1980 г. в деревнях стали активно создаваться кредитные кооперативы, координировавшие свои операции с Сельскохозяйственным банком. Этот банк выдавал крестьянам небольшие кредиты, оказывал им торгово-посреднические услуги, включая предоставление сведений о конъюнктуре рынка. В предложениях Министерства сельского хозяйства Китая, касавшихся 9-й пятилетки, была изложена в общем виде концепция структурной перестройки и повышения экономической эффективности земледелия с учетом требований рынка.

Подъем сельского хозяйства и улучшение продовольственного снабжения населения позволили приступить к реструктуризации и реформированию промышленности. Обеспеченная сельскохозяйственным сырьем легкая промышленность в 1979—1984 гг. по темпам роста значительно обгоняла тяжелую промышленность (12 % годового прироста против 7 %). После 1984 г. было покончено с дефицитом потребительских изделий и началось расширение их экспорта. В 1985—1990 гг. подлинный бум пережили отрасли, производившие бытовую электротехнику, которая стала пользоваться все большим спросом на мировом рынке.

Начало организационным реформам в городском секторе экономики проложил эксперимент на 6 предприятиях в пров. Сычуань. К концу 1980 г. по всей стране число такого рода предприятий было доведено до 6 тыс. В принятых по итогам экспериментов документах оговаривались права предприятий на часть получаемой ими прибыли и средств амортизационного фонда, на самостоятельную реализацию части произведенной продукции, на уточнение планов по закупкам сырья и т. п.

Основным направлением преобразований в государственном секторе стало «делегирование прав вниз», передача предприятий в управление мест, отказ от бюджетного финансирования и переход с 1981 г.

на систему кредитования по основным фондам, а с 1982 г. и по оборотным фондам. С октября 1981 г. по решению Госсовета на ряде предприятий начали вводить систему подрядной (контрактной) ответственности, которая касалась взаимоотношений между государством и предприятием и между различными подразделениями внутри предприятия, устанавливала твердую норму отчислений в госбюджет и разрешала хозяйственным организациям распоряжаться сверхнормативными доходами. С 1983 г. приступили к двухэтапной замене отчислений от прибыли выплатой подоходного налога. Первый этап этой процедуры завершился в конце 1983 г. и охватил 26 500 государственных объектов. Прибыльные предприятия стали отчислять в госбюджет подоходный налог по ставке 55 % и часть прибыли. 1 апреля 1983 г. было принято специальное решение Госсовета, в котором впервые государственные предприятия получили титул самостоятельных юридических лиц с наделением их соответствующими правами. В соответствии с принятыми позднее государственными установками, включая Постановление Госсовета о дальнейшем расширении самостоятельности промышленных предприятий (май 1984 г.) и Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР о хозяйственной реформе (октябрь 1984 г.), предприятия получили возможность участвовать в планировании своей хозяйственной деятельности, производить продукцию сверх установленного плана с самостоятельной реализацией ее по плавающим ценам в пределах установленных лимитов, распоряжаться собственными финансовыми средствами, производить внутренние организационные перестройки, определять нормы оплаты труда работников и т. д.

В октябре 1984 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва был оговорен принцип разделения права собственности и права хозяйствования. Вместо налога с оборота и части прибыли предприятия стали отчислять в бюджет подоходный и регулирующий налоги, начали пользоваться дополнительными правами, в том числе относительно возвращения кредитов до начисления налогов. Вследствие незапрограммированного падения рентабельности предприятий этот эксперимент пришлось временно приостановить.

В 1984—1985 гг. отдельные разрозненные эксперименты по «разгосударствлению» сложившейся системы собственности переросли в официальную политику поощрения группового и индивидуального предпринимательства в рамках общей стратегии создания многоукладной экономики. Мелкие предприятия, которым был обещан льготный налоговый и инвестиционный режим, стали рассматривать-

ся как важное подспорье в деле удовлетворения потребительского спроса и расширения трудоустройства. Начав свое развитие почти с «нуля», индивидуальные предприятия показали сверхвысокие темпы роста (ежегодный прирост числа занятых порядка 60—70 %). С 1978 по 1986 г. в промышленности доля государственного сектора понизилась с 80,8 до 56,5 %. В разделе «общественные формы собственности» коллективные предприятия значительно потеснили государственные. Около половины всей продукции предприятий стало реализовываться по договорным и свободным рыночным ценам. Широкое распространение негосударственные формы собственности получили в торговле и сфере обслуживания. Развернулось сокращение сферы централизованного материально-технического снабжения и создание взамен и в дополнение существующей сети предприятий оптовой торговли объединенных торговых центров в городах, а также ярмарок с целью налаживания свободного обмена готовой продукцией.

Новый порядок взаимоотношений между местными и центральными бюджетами строился на расширении прав регионов и их переводе на систему «регионального финансового подряда», предусматривавшего деление налогов между центральным и местными бюджетами. Для регионов, расходы которых не могли быть покрыты за счет их доходов, предусматривались определенные суммы дотаций. Две китайские провинции Южного Китая — Гуандун и Фуцзянь — наделялись особыми финансовыми льготами. Эти провинции к тому же первыми создали у себя специальные экономические зоны, полностью себя оправдавшие. В 27 городах по инициативе Комитета по хозяйственной реформе и Народного банка Китая развернулся эксперимент по созданию рынков краткосрочного взаимного кредитования.

Провозглашенная «открытая» внешнеэкономическая политика была нацелена на развитие экспортной базы, диверсификацию форм и методов экономических контактов с внешним миром, активное привлечение иностранного капитала, использование различных методов производственной кооперации с заграницей. Повышению международного авторитета Китая способствовало его вступление в 1980 г. в Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), а в 1986 г. — в Азиатский банк развития. Из 178 стран, с которыми КНР установила торговые контакты, 24 страны открыли свои представительства и банковские филиалы.

Окрепшие регионы активно включились в новую внешнеэкономическую политику. 11 приморских провинций были удостоены прав самостоятельно утверждать совместные проекты с зарубежными ин-

весторами стоимостью до 30 млн долл., что значительно превысило установленный лимит в других регионах. В отраслях легкой и швейной промышленности 70 % экспортной выручки, оставшейся после уплаты налогов, стало поступать непосредственным изготовителям экспортной продукции, которые вынуждены были делиться с местными властями.

Улучшению инвестиционной привлекательности Китая служили Закон о совместных предприятиях, основанных на китайском и иностранном капитале (1979 г.) и Закон о предприятиях, полностью основанных на иностранном капитале (1986 г.). Эти юридические документы предоставляли иностранным инвесторам целый ряд льгот: право вывоза прибылей за границу, частичное или полное освобождение от налогов в течение первых 2—3 лет деятельности, гарантии права собственности на ввозимое оборудование и промышленное сырье. Вступили в силу правила, касавшиеся получения патентов и товарных знаков, подключения морских перевозок, работы постоянных представительств иностранных компаний и др. Всего за период 1979—1988 гг. было принято 260 нормативных актов, регулирующих осуществление внешнеэкономических связей. В тот же период КНР подписала с иностранными партнерами 22 межстрановых соглашения о защите инвестиций. За 1984—1986 гг. сумма привлеченных иностранных инвестиций выросла в 7 раз (с 3 до 20 млрд долл.).

Важная роль в наращивании экспорта и привлечении иностранных инвесторов отводилась свободным экономическим зонам. Еще в 1979—80 гг. были созданы 4 СЭЗ на юге Китая. Их статус определяли с учетом международного опыта работы зон свободной торговли, свободных портов и тому подобных международных экстерриториальных образований. Зоны представляли собой своего рода анклав, изолированные от остальной территории страны особым пропускным режимом въезда и выезда, провоза товаров через таможенные пропускные пункты. В них вводился льготный налоговый и таможенный режим для зарубежных инвесторов, особенно в случае экспортной ориентации производства. Наем рабочей силы, определение условий оплаты труда и организации производства осуществляли специально созданные государственные инвестиционные конторы или сами совместные предприятия. Специальные зоны должны были стать «окнами» во внешний мир для притока иностранного капитала и современных технологий, ознакомления с зарубежным управленческим опытом. Образцовой площадкой развития экспортных производств стал город Шэньчжэнь, примыкающий к Сянгану (Гонконгу).

В 1984 г. более широкие полномочия в сношениях с границей. получили 14 крупных приморских городов. Годом позже «открытыми» для зарубежных предпринимателей и инвесторов были объявлены регионы в дельтах рек Янцзы, Чжуцзян и в пров. Фуцзянь.

Произошедшее в 1984—1985 гг. резкое ускорение темпов экономического роста сопровождалось типичными признаками «экономического перегрева»: распыление капиталовложений, углубление различного рода диспропорций, снижение качества продукции. Облегчение условий кредитования предприятий и местных органов власти при отсутствии должного макроэкономического контроля спровоцировало подлинный инвестиционный и потребительский бум, сформировалось устойчивое превышение разных видов спроса над предложением. В 3 раза выросло количество денег в обращении. Эти дисбалансы вкпе с полученной предприятиями свободой установления отпускных цен стали причиной инфляционных явлений.

Остерегаясь чрезмерного «перегрева» экономики, государственные органы с конца 1985 г. обратились к политике урегулирования. Было проведено ужесточение прямого административного вмешательства государственных органов в производственную деятельность, урезаны лимиты капитальных вложений, банки сократили все виды кредитования, наблюдался возврат к фондируемому обеспечению предприятий дефицитными видами сырья и топлива, вступили в силу жесткие ограничения на миграцию рабочей силы.

Выполняя государственные установки на сдерживание реформы и повальной децентрализации управления, Всекитайская партийная конференция 1985 г. наметила три главных направления дальнейшей работы: 1) укрепление макроэкономического контроля; 2) поиски мер регулирования социалистического рынка; 3) сохранение, но необходимое ограничение самостоятельности предприятий. Задача ликвидации «перегрева» экономики была перенесена с первоначально намеченного срока (конец 6-й пятилетки на начало 7-й пятилетки, после чего ожидалось ускорение экономического роста и возврат к более энергичному проведению реформ.

Свидетельством просчетов в ходе реформы стало ухудшение состояния сельского хозяйства. Если в 1978—1987 гг. его валовая продукция выросла в 2,3 раза, то затем производство важных видов сельскохозяйственной продукции начало отставать от потребностей населения и бурно развивавшихся отраслей легкой промышленности. Расширение сферы рынка и вызванный этим подъем цен привели к стихийному переливу ресурсов в более рентабельные отрасли, что

создало угрозу устойчивому снабжению населения продовольствием и накоплению государственных зерновых запасов. В итоге спрос на зерно возрастал ежегодно на 10—15 млн т, а его урожай практически не рос, колеблясь вокруг цифры 400 млн т. Резкое падение производства зерна в 1985 г. в результате недостаточно продуманной ценовой политики и серьезных стихийных бедствий и нестабильность урожаев в последующие годы заставили правительство на какое-то время вернуться к монополии торговли рисом и растительным маслом, отложить на будущее отказ от нормированного снабжения продовольствием в городах.

Отъем земли на промышленные и строительные нужды при росте сельского населения и сдерживание миграции в города из-за неустойчивого продовольственного положения усугубили и без того напряженную ситуацию с аграрным перенаселением. Площадь земельного надела отдельного крестьянского двора продолжала сокращаться. В условиях малоземелья крестьяне вынуждены были наниматься на волостно-поселковые предприятия либо становиться «отходниками», переходя на положение городских нелегалов. Общее количество волостно-поселковых предприятий выросло с 1,35 млн единиц в 1993 г. до 18,88 млн единиц в 1988 г., а число занятых на них работников с 32,35 до 95,45 млн человек. Согласно проведенному в 1987 г. обследованию, только 24,4 % сельских жителей целиком работали на земле, 67 % совмещали сельский труд с побочными занятиями, а для 10,6 % главными стали уже различного вида промыслы¹. За первое десятилетие реформы свыше 100 млн человек покинули свои дома. Сельская индустриализация положила начало сельской урбанизации, росту средних и мелких городов и поселков.

Чтобы не допустить опасного замедления темпов роста, государство поспешило свернуть политику урегулирования, ослабив контроль над оборотными средствами и капиталовложениями. Уже со второй половины 1986 г. кривая экономической динамики поползла вверх.

Ряд мероприятий свидетельствовал о начале «второго шага» аграрной реформы:

- объем государственных закупок зерна был уменьшен почти наполовину. Директивное планирование и управление ценами сохранились только в отношении важнейших видов сельскохозяйственной продукции (частично зерно, полностью хлопок, а также масличные культуры, сахароносы, коконы шелкопряда, табак);

- вместо натуральной формы сельскохозяйственного налога была введена денежная система налогообложения;
- цены на половину объема реализуемой сельскохозяйственной продукции были «отпущены». Реальные доходы крестьян, зависимые от государственных закупочных и рыночных цен, к 1988 г. выросли по сравнению с началом реформы почти в 3 раза².

В целом за 1981—1987 гг. продовольственное снабжение в стране значительно улучшилось, закупки зерна за эти 6 лет выросли в 2 раза, растительного масла — в 2,3 раза, хлопка — в 1,6 раза. Повысилась товарность сельского хозяйства. Доля товарного зерна выросла до 30—36 % валовых сборов. При сужении рамок плановых закупок, частичной либерализации цен на стратегически важные виды сельхозпродукции и полном освобождении цен на нестратегические виды образовалась «двухколейная» система обращения основных видов продукции сельского хозяйства и закрепились «двухколейная» система цен. Причем розничные цены, как правило, были заметно выше плановых.

Однако с исчерпанием первоначального эффекта реформы, явившегося во многом результатом интенсификации ручного труда, и при сохранении сложившейся ценовой политики в пользу промышленности сельское хозяйство стало утрачивать стимулы дальнейшего роста. Сказались низкий уровень материально-технической базы, нехватка земли, узкие рамки мелких крестьянских хозяйств, ограниченность государственных инвестиций. О серьезном недофинансировании сельского хозяйства можно судить по доле сельского хозяйства в государственных капиталовложениях (в 1995 г. — 7 %). В 1986—1988 гг. этот показатель опустился до 3,5 %, что оказалось самым низким уровнем за всю историю страны. Дискриминационная в отношении сельского хозяйства ценовая политика внесла свою лепту в ухудшение материальных условий аграрного производства и затухание роста крестьянских доходов. Дифференциация доходов в городе и деревне из стадии сглаживания вновь перешла в стадию углубления.

Город после временного отступления перед деревней в скорости преобразований стал быстро нагонять упущенное. Ускорился начатый в 1986 г. переход государственных предприятий на подрядную форму хозяйствования. В конце 1987 г. с ним справились уже 80 % крупных и средних государственных предприятий. Одновременно стали практиковаться и другие методы реформирования госпредприятий. На небольших объектах вводилась аренда. На крупных началось внедрение акционерной формы организации производства. Распространение

получили две формы акционерных предприятий — компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании с ограниченной ответственностью. Акционирование открыло дополнительные возможности привлечения финансовых средств, повысило заинтересованность работников. 1987 год закончился в обстановке нового экономического подъема. Темп экономического роста составил 9,4 %, в промышленности — 16,5 %. Урожай продовольственных культур превысил четырехсотмиллионную отметку (420 млн т). Экспорт за год вырос на 27,8 %.

Естественно, что не все реформистские начинания дали ожидаемый эффект. Хотя в Шанхае и Шэньчжэне были открыты фондовые биржи со свободной реализацией ценных бумаг, но объем производимых ими операций оставался незначительным. Возник целый блок новых противоречий, например, между интересами разных групп пайщиков, между текущими и долгосрочными целями развития производства.

В конце октября 1987 г. состоялся XII съезд КПК, на котором проводимый курс в целом был одобрен. В отчетном докладе ЦК КПК была выражена поддержка экономических реформ, в частности, курса на расширение негосударственного сектора экономики и реформирования госпредприятий. Была выдвинута новая концепция соотношения «плана» и «рынка» — «государство регулирует рынок, рынок направляет деятельность предприятий», что означало освобождение государства от прямого управления хозяйственной деятельностью. Фраза о «главной роли плана» исчезла со страниц партийных и государственных документов.

Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяян был полон намерений добиваться такого углубления экономических реформ, которое обеспечило бы необратимость рыночных преобразований. В своих публичных выступлениях он настаивал на широкой либерализации цен при неукоснительной борьбе с инфляцией и на дальнейшем внедрении акционерной формы хозяйствования при сохранении приоритета общественной собственности на средства производства. Такая тактика «и либерализация, и стабилизация», «и план, и рынок» отражала переходный характер новой системы, что вызывало обострение разногласий по вопросам скорости и глубины рыночных преобразований, соотношения экономической и политической реформ. Доводы обеих сторон звучали одинаково убедительно.

1988 год был отмечен серией мероприятий по активизации реформы госсектора, которая проходила под девизом разграничения

прав собственности и прав хозяйствования. В апреле 1988 г. на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва был принят Закон о промышленных предприятиях общенародной собственности, а в июне того же года Госсовет КПК выпустил Временное постановление по частным предприятиям. В декабре 1988 г. Госсовет одобрил «Некоторые установки по углублению реформы на предприятиях и по активизации их деятельности», в которых были узаконены новые методы хозяйствования на промышленных предприятиях — контракт (подряд), аренда, акционирование.

В том же 1988 г. был учрежден Государственный комитет по управлению госимуществом, в обязанности которого вошла организация сети провинциальных органов соответствующего назначения, подготовка новых законодательных актов, борьба с разрастающейся убыточностью госпредприятий, проведение операций с имущественными правами. В Постановлении Госсовета по поводу создания этого Комитета говорилось: «Имущество государственных предприятий принадлежит всему народу. От лица народа функцию собственника государственного имущества выполняет Госсовет КНР, а функции управления им возлагаются на Министерство финансов и соответствующие подразделения Комитета по делам госимущества».

Сторонники переноса акцента реформ на систему ценообразования старались спешно провести либерализацию цен. На двух летних заседаниях Политбюро ЦК КПК (30 мая — 2 июня и 15—17 августа 1988 г.) было решено сохранить государственный ценовой контроль над небольшой группой важнейших товаров и услуг, сняв ценовой контроль над большинством рядовых товаров. Эта акция, явно поспешная и недостаточно подготовленная, усугубила напряженность на внутреннем рынке, в результате чего многие виды товаров стали дефицитными, что вызвало скачок инфляции. Столкнувшись с угрозой неминуемого обесценивания своих личных сбережений, население в панике бросилось изымать банковские вклады и скупать все, что только возможно.

К концу 1988 г. появились все признаки кризисного «перегрева» экономики в виде разбухания капитального строительства, роста цен, ажиотажного спроса и задолженности предприятий. Для покрытия дефицита бюджета широко привлекалась денежная эмиссия. Кредиты на капитальное строительство росли стремительно со среднегодовыми темпами 25—30 %. Доля капитальных вложений в валовом продукте в 1988 г. подскочила до 38,1 %, вплотную приблизившись к

«скачковому» рекорду 1958 г. Банки превратились в безотказных кредиторов всех региональных проектов и заинтересованных предприятий без учета государственных и своих собственных интересов. За 10 лет (1979—1988 г.) объем предоставленных кредитов вырос с 216,3 млрд до 1148 млрд юаней, а кредитная банковская задолженность поднялась с 71 млрд до 312 млрд юаней³.

Половинчатые результаты реформы вызвали волну критики. Указывали на утрату Центром контроля над финансовыми ресурсами при отсутствии четкого размежевания функций центральных и местных органов власти, на декларативный характер самостоятельности предприятий. Предприятия оказались не готовыми к налаживанию производственных связей, попали в «кабалу» местных органов власти, которые продолжали вмешиваться в составление планов развития производства, в оплату труда, в организационные перестройки и кадровые перемещения.

3-й пленум ЦК КПК 13-го созыва (26—30 сентября 1988 г.), пытаясь переломить ситуацию, постановил «сделать центром тяжести политики реформ и хозяйственного строительства в следующие два года оздоровление экономической среды и наведение «экономического порядка». Ставилась задача соединить рыночные реформы с совершенствованием макроконтроля, проводить реформу цен поэтапно по мере сбалансирования спроса и предложения. Одновременно планировалось активизировать комплексную реформу системы собственности, включая совершенствование подряда в промышленности, акционерно-паевой системы, налаживание концентрации производства. Признавалась важность создания единого товарного рынка, искоренения так называемых «товарных войн» между провинциями. Однако быстро преодолеть нарастания кризисных явлений не удалось, инфляционные тенденции сохранились до самого конца 1988 г., когда экономическая дестабилизация начала перерастать в политическую.

Комментируя итоги первых 10 лет реформы, некоторые китайские аналитики отмечали, что проведенные преобразования не вышли за рамки «поверхностных» и «поисковых». На место прежней административно-плановой системы пришла родственная ей система «административной децентрализации». Ускорение темпов экономического роста было достигнуто за счет привлечения экстенсивных факторов, сопровождалось распылением капиталовложений, углублением различного рода диспропорций, ухудшением качества продукции и ее затовариванием.

Избранный с начала реформы путь эволюционных изменений, позволивший ускорить темпы роста, избежать болезненных последствий шокового перехода от старой системы к новой, привел в итоге к образованию своеобразного «дуалистического» хозяйственного механизма. Легитимным способом установления связей между экономическими агентами разных ступеней иерархической лестницы управления стали договорно-подрядные отношения, охватившие все сферы жизни. В деревне закрепился семейный подряд с предоставлением земельных наделов. Почти на всех государственных предприятиях установился порядок «подрядной хозяйственной ответственности». Отношения между Центром и регионами регулировались в режиме «регионального хозяйственного подряда». Внешнеторговые организации тоже руководствовались подрядными обязательствами.

Сложившийся переходный хозяйственный механизм (и план, и рынок) совместил не только преимущества, но и недостатки двух систем, в результате чего производители и потребители стали получать сигналы из двух разных источников — от административных органов управления и от рынка, начали втягиваться в игру на разнице договорных и рыночных цен. Правительство оказалось не в состоянии раздельно управлять общими и дополнительными ресурсами через два разных механизма — распределительный и рыночный, его регулирующие способности иссякали. Благополучие предприятий по-прежнему определялось не столько успехами на предпринимательской ниве и общей ситуацией на рынке, сколько их монопольным положением и результатами «торгов» с властными структурами. Привыкшие к государственным регламентациям и дотациям и несущие ответственность фактически только за прибыли, но не за убытки, предприятия неохотно вступали в «дебри рынка», преследовали краткосрочные цели. Такое положение дел открыло лазейки для спекуляции, незаконного присвоения средств, коррупции, что сказалось отрицательно на всей общественной атмосфере.

5.2. 1989—1999 гг. — от внутреннего кризиса к международному

Принимавшиеся в первую половину 1989 г. конкретные меры по претворению в жизнь курса на «оздоровление и упорядочение» затронули как промежуточный, так и конечный спрос. Сокращение мас-

штабов капитального строительства и объема кредитования экономики дало серьезный побочный эффект в виде замораживания и снижения оборачиваемости оборотных средств, роста складских запасов готовой продукции, возникновения серьезных тромбов во всей системе обращения и материально-технического снабжения. Ухудшение условий хозяйствования ударило и по нарождавшемуся индивидуальному сектору экономики. В социальном плане наиболее болезненными явлениями стали увеличение безработицы как в городе, так и в деревне, замораживание доходов рабочих и служащих. Стагфляция, т. е. сочетание замедления темпов роста с высокой инфляцией, из теоретической возможности превратилась в реальность. Несмотря на то, что финансовые органы вынуждены были пойти на некоторые послабления в отношении кредитования главных отраслей и ключевых объектов, большинство предприятий испытывало серьезные трудности с платежами. Ухудшение рыночной конъюнктуры выразилось в сокращении товарооборота, ухудшении финансового положения предприятий. Страницы массовой печати запестрели сообщениями о затоваривании предметов длительного пользования. Недовольство населения социально-экономической политикой руководства страны, накапливавшееся в предыдущие несколько лет, в апреле-мае 1989 г. переросло в многочисленные протестные акции, в ходе которых под критику нередко попадал и Дэн Сяопин.

События весны и лета 1989 г. ввергли страну в состояние эмоционально-политического шока. Неотложная задача стабилизации обстановки лучше вписывалась в программу «урегулирования», нежели в сценарий реформы, даже в ее умеренном «планово-рыночном» варианте. Это дало основание предсказаниям ряда зарубежных исследователей о неизбежности свертывания реформы. Поводов для такого рода инсинуаций оказалось предостаточно: повсеместно наблюдался рецидив административно-командных методов управления, введение новых норм хозяйствования на государственных предприятиях явно застопорилось, запрещалось распространение аренды и сузилось число предприятий с возможным выходом на фондовый рынок, ограничивалась хозяйственная самостоятельность мест. Правительственные постановления продолжали настаивать на сокращении масштабов капитального строительства. Отказ от ряда налоговых преференций вызвал массовое банкротство мелких индивидуальных и частных предприятий, включая волостно-поселковые.

Идея временной реформистской паузы хорошо вписалась в решения 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва «О дальнейшем проведении

курса на оздоровление, упорядочение и углубление реформы» от 9 ноября 1989 г. Главный лейтмотив нового постановления — надлежащее усиление централизации с целью установления взаимосвязи плана и рынка, сочетание хозяйственной самостоятельности предприятий и регионов с макроконтролем. В практической плоскости это означало продолжение рестрикционной политики, включавшей ужесточение бюджетного и банковского контроля, привлечение директивного планирования в целях лучшей сбалансированности спроса и предложения, повышение роли плановых ведомств в снабжении важнейшими видами материальных ресурсов. Жесткой критике слева была подвергнута «двухколейная» система цен на средства производства. Этот документ, получивший позднее известность как «39 пунктов», был назван западными синологами «манифестом консервативных сил в китайском руководстве». Совещание в ЦК КПК 5 июля 1990 г. в присутствии самых видных китайских экономистов (Сюэ Муцяо, Лю Гогуан, Су Син, У Цзинлянь и др.) поддержало положение о вспомогательной роли рынка по сравнению с планом и приоритет общественной собственности на средства производства по сравнению с частной, что означало вынужденный возврат к более консервативным установкам. По мнению участников совещания, инфляция 1988 г. и политические волнения лета 1989 г. были спровоцированы чрезмерным увлечением рынком.

Во всех сферах общественной жизни усилился крен в сторону «порядка» и «стабилизации», восстановления авторитета власти и проводимой социально-экономической политики. В этом духе прошло празднование 40-летия создания КНР (1949—1989 гг.) и 10-летия хозяйственной реформы (1979—1989 гг.). Поражение рыночников-либералов завершилось дискредитацией самой идеи форсированного перехода к «полнокровной рыночной модели», пропагандой преимуществ социализма и контрпропагандой «слабого государства». Популярность приобрел афоризм Чэнь Юня, который сравнил рынок с птицей, а план с клеткой и призвал отгородиться от рыночной стихии «плановыми решетками»⁴.

Результаты 1989 г. оказались более чем скромными. Валовый внутренний продукт в 1989 г. достиг 1578,9 млрд юаней при росте за год в 3,6 %. Этот показатель оказался одним из самых низких за всю историю КНР. Подведение итогов закончившейся в 1990 г. 7-й пятилетки показало, что, несмотря на все политические катаклизмы и экономические трудности, за все пятилетие удалось удержать неплохие среднегодовые темпы роста. ВВП увеличивался в среднем ежегодно на

7,8 %. Производство продукции электро- и радиотехнической промышленности совершило подлинный рывок — среднегодовой выпуск телевизоров в сравнении с периодом 6-й пятилетки возрос в 2,5 раза, холодильников — почти в 10 раз. По этим видам изделий, а также по производству стиральных и швейных машин, электрических вентиляторов, велосипедов КНР прочно заняла первое место в мире. Общие условия конкуренции продолжали оставаться более благоприятными для небольших предприятий негосударственных форм собственности. В 1984—1991 гг. среднегодовой рост государственной промышленности был 8,3 %, негосударственной — 23,9 %. В 1991 г. доля негосударственного сектора в промышленности составила 43,8 % против 30,9 % в 1984 г.

Получив права на часть произведенной прибыли и перейдя с 1987 г. на систему подрядной хозяйственной ответственности, государственные предприятия преодолели жесткую привязку к бюджету. В результате наращивания производства и корректировки процедуры налоговых и амортизационных отчислений финансовые возможности предприятий существенно выросли. Уже примерно половина их капиталовложений производилась за счет собственных средств. На более чем 70 % предприятий была введена увязка заработной платы с эффективностью производства. Заметно сузилась сфера директивного планирования, и был положен конец тотальному контролю министерств. Снабжение сырьем и оборудованием, а также реализация продукции все в большей степени переключались на рынок.

Внешнеторговый оборот страны все первые 10 лет реформы обгонял по темпам роста ВВП, что повысило его удельный вес в ВВП почти вдвое — до 21,3 % в 1988 г. Произошло заметное улучшение структуры внешнеторгового оборота. В общем объеме экспорта доля готовой промышленной продукции увеличилась до 74,5 %. Было привлечено почти 50 млрд долл. иностранных инвестиций. В принятом позднее Законе о внешней торговле было отменено квотирование экспорта и импорта ряда товаров, провозглашена самостоятельность организаций в области внешнеэкономической деятельности. Иностранные инвесторы наделялись широкой гаммой привилегий и налоговых льгот. Центрами притяжения иностранного капитала и своего рода «очагами развития» продолжали оставаться свободные экономические зоны, среди которых особенно выделялась СЭЗ Пу-дун в Шанхае. В то же время в отношении ряда важнейших импортируемых товаров (нефть, нефтепродукты, стальной прокат и др.) продолжали действовать жесткие протекционистские меры.

В сообщении ГСУ КНР в связи с завершением 7-го пятилетнего плана наряду с несомненными положительными результатами были отмечены многие серьезные проблемы, не нашедшие своего решения. Прежде всего, не удалось устранить одну из главных диспропорций экономического роста — между промышленностью и сельским хозяйством. Снизившийся спрос на рабочую силу привел к обострению проблемы занятости. Хотя денежная зарплата выросла, но вследствие роста цен, разбалансированности рынка в ряде мест наблюдалось снижение жизненного уровня. Обследование 19 крупных городов показало, что по городскому населению снижение доходов затронуло более трети семей. По сведениям Министерства сельского хозяйства КНР, реальные доходы крестьян упали на 10 %.

Представитель Государственного статистического управления КНР в своем выступлении на пресс-конференции для китайских и иностранных журналистов в октябре 1990 г. констатировал, что самый трудный период «урегулирования» можно считать пройденным, созданы условия для поступательного движения вперед. В самом конце 1990 г. Дэн Сяопин прямо призвал не бояться некоторого риска, смело идти на расширение рынка, не отождествляя рыночную экономику с капиталистической. Позиция Дэн Сяопина имела большой общественный резонанс. В средствах массовой информации участились призывы ускорить переход от старой хозяйственной системы к новой. Термин «рыночная экономика» вновь обрел широкую популярность.

Настрой на ускорение хозяйственных преобразований поддержал состоявшийся в самый канун 1990 г. в Пекине 7-й пленум ЦК КПК 13-го созыва. На пленуме были подведены итоги первого из «трех шагов» экономической программы XIII съезда КПК, который пришелся на 1980—1990 гг. Среди сформулированных 12 пунктов строительства «социализма с китайской спецификой» фигурировали: утверждение демократической диктатуры народа; поддержка руководства КПК; развитие производительных сил; совершенствование социалистической политической и экономической системы; проведение независимой внешней политики и расширение связей с внешним миром; реализация доминирующей роли социалистической собственности и принципа распределения по труду; активное развитие социалистического планово-товарного хозяйства; следование доктрине марксизма-ленинизма и идеям Мао Цзэдуна; становление социалистических национальных отношений; содействие плавному объединению Сян-гана и Аомэня с другими регионами страны в соответствии с курсом «одно государство — две системы».

В рамках предложений по 10-летнему плану развития народного хозяйства и по 8-й пятилетке (1990—1995 гг.) перед хозяйственной реформой были поставлены следующие задачи:

- совершенствование системы подрядной хозяйственной ответственности на промышленных предприятиях;
- корректировка системы регионального хозяйственного подряда с целью расширения источников пополнения доходов госбюджета;
- усиление банковского контроля над денежной эмиссией и объемом предоставляемых кредитов;
- одновременное использование рыночного и централизованного распределения материальных ресурсов с целью улучшения снабжения наиболее важных хозяйственных объектов;
- обеспечение стабильности цен на самые важные потребительские продукты, постепенное расширение сферы либерализации цен;
- совершенствование планирования в реальном секторе и капитальном строительстве, налаживание связи между плановой, финансовой и банковской системами;
- сочетание курса «опоры на собственные силы» с проведением «открытой» внешнеэкономической политики при общей нацеленности на сбалансирование экспорта и импорта и экономии валютных средств.

В конце февраля 1991 г. в Пекине состоялось Всекитайское рабочее совещание по реформе хозяйственной системы, итоги которого впервые с 1988 г. широко освещались в центральной печати. В материалах совещания еще присутствовал прежний тезис о «механизме функционирования экономики, сочетающий плановое хозяйство и рыночное регулирование», однако в целом декларируемые цели реформы на 1990-е годы уже заметно вышли за пределы консервативно-организационных постулатов предыдущего десятилетия. В частности, в список главных задач преобразований попали создание многоукладной структуры экономики и формирование единой, открытой, отличающейся равноправной конкуренцией системы социалистического рынка. В конце года официально было объявлено о выполнении в основном задач по урегулированию экономики, началось концептуальное осмысление перехода к следующему этапу построения «социалистической рыночной экономики».

16 мая 1991 г. Госсовет распространил «Уведомление относительно дальнейшей активизации работы крупных и средних государст-

венных предприятий». Утвержденные Госсоветом в июне «Основные направления реформы хозяйственной системы на 1991 г.» подчеркнули важность экономической эффективности деятельности предприятий. С 31 августа по 4 сентября проходило Рабочее совещание под эгидой Госсовета по поводу взаимной задолженности предприятий. Выступивший на нем Ли Пэн предложил ряд мер по созданию более благоприятных внешних условий работы предприятий, включая сокращение числа директивных указаний, снижение процентной ставки по кредитам и ставки подоходного налога. Он также перечислил 8 направлений совершенствования деятельности самих предприятий, призванных обеспечить их поворот к рынку (контрактная система найма работников, переход к подрядным обязательствам по увеличению фондов, освоение системы «затраты—выпуск» и др.). На основе этих предложений премьера в 1992 г. было разработано специальное «Положение о смене механизма хозяйствования промышленных предприятий общенародной собственности». Один из его пунктов был посвящен реформе системы социального обеспечения и ослаблению бремени социальных обязательств государственных предприятий.

Окончательно обеспечить переход экономики на рыночные рельсы и преодолеть последствия неблагоприятной политической и экономической ситуации конца 80-х годов помогло выступление Дэн Сяопина в защиту рыночных тенденций и ускорения экономического роста, сделанное им по итогам поездки в южные районы страны в период с 18 января по 21 февраля 1992 г. После XIУ съезда КПК 1992 г. рыночная ориентация реформы стала неоспоримой истиной. За рынком была признана «базовая роль» в распределении ресурсов. Широкий резонанс получили серия статей в центральной прессе с утверждениями типа «Социализм тоже должен иметь рыночную экономику» и принятое в сентябре 1992 г. решение Госсовета КНР об активном использовании рыночных законов в сельском хозяйстве.

В 1992—1993 гг. почти повсеместно были введены свободные цены на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию, до минимума сократилась доля продукции, реализуемой по твердым государственным ценам, была отменена карточная система продовольственного снабжения. Но очень скоро выявилась преждевременность либерализации цен. Появившиеся в 1992—1994 гг. признаки «перегрева» экономики и разрастающаяся инфляция (кстати, самая серьезная со времени реформ с индексом роста цен порядка 20 %) потребовали от правительства принятия экстраординарных мер рестрикци-

онного характера, получивших название «лекарства вице-премьера Чжу Жунци». Было решено на время вернуться к государственному контролю над закупочными и розничными ценами на зерно и растительное масло. Принятые антиинфляционные меры оказались эффективными, но привели к нежелательному подавлению спроса, прежде всего, предметов потребления.

После кратковременной паузы реформирование госсектора и развитие негосударственного уклада получили как бы «второе дыхание». Тем не менее, на масштабную приватизацию руководство КНР не отваживалось и по идеологическим, и по сугубо прагматическим соображениям. Мешали не только сохранившиеся стереотипы относительно обязательного господства общественной формы собственности при социализме, но и организационная неготовность к такой сложной процедуре, неуверенность в ее положительных итогах. Теоретические поиски «своего пути» реформы системы собственности увенчались компромиссом «модернизация вместо приватизации» при установлении государством «правил игры» и при соблюдении самостоятельными производственными организациями не только корпоративных, но и общегосударственных интересов.

Превращение всех предприятий в самостоятельных товаропроизводителей предполагало замену прежних «производственных предприятий», выполнявших государственные задания и находившихся на государственном обеспечении, «воспроизводственными предприятиями», которые располагают собственными ресурсами и правами их использования.

Новое отношение к предприятиям подкреплялось положением о разделении права собственности, носителем которого остается государство, и права владения и распоряжения собственностью, которое передается хозяйственным организациям.

Общие задачи реформирования системы собственности были сформулированы следующим способом:

- разрешение частного и индивидуального предпринимательства как важных компонентов «социалистического рынка», которые вносят существенный вклад в рост производства и обеспечение занятости населения;
- реформирование по принципу отделения административного управления от хозяйственного («чжэн» от «ци»), крупных предприятий от мелких («удерживать крупные и отпускать мелкие»);
- стимулирование производственной конкуренции с учетом объективных условий;

- сохранение предприятий общегосударственной важности (почта и телеграф, железные дороги, авиатранспорт, электро- и водоснабжение, охрана окружающей среды) в системе государственной собственности с прямым выходом предприятий на госбюджет и полным бюджетным обеспечением их заявок;
- преобразование крупных предприятий монопольного характера в корпорации с контрольным пакетом акций у государства (или с «золотой акцией»);
- акционирование обычных предприятий конкурентного характера с сохранением того или иного государственного участия или без него, превращение их в самостоятельных товаропроизводителей, работающих в режиме полной самокупаемости с ориентацией на рыночный спрос;
- преобразование мелких государственных предприятий в паевые товарищества, кооперативы, акционерно-кооперативные организации, передача их в аренду или продажа частным лицам и коллективам.

Решение мартовской 1993 г. сессии ВСНП и постановление 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва в ноябре того же года нацеливали на создание так называемой системы современных предприятий. В рамках реформы была проведена санация большой группы важнейших предприятий, начаты три пилотных эксперимента по созданию государственных холдингов, организованы 567 крупных корпораций, проведена реструктуризация госсектора в 18 городах. В декабре 1993 г. был принят Закон о компаниях, который легализовал создание двух основных типов корпораций. В последующие годы в виде подготовки масштабного акционирования было осуществлено обследование общего состояния государственного имущества, проведены три общегосударственные промышленные переписи, приступили к организации новой институциональной основы управления в промышленности. Предложенная схема этой системы: правительственные органы управления госимуществом — локальные органы управления — организации, пользующиеся доверительным правом на управление госимуществом.

После принятия в мае 1992 г. специального постановления о методах акционирования уже к концу 1993 г. число акционерных предприятий возросло до 11 489, доля государства в акционерном капитале равнялась 36,7 %, доля предприятий как юридических лиц — 43,6 %⁵. На конец 1996 г. из 2 тыс. с лишним крупных предприятий, участвовавших в акционерном эксперименте, 4/5 были преобразова-

ны в корпорации, около 500 единиц стали акционерными предприятиями с ограниченной ответственностью⁶.

Установление «ступенчатой подрядной системы» в финансовых отношениях Центра и регионов с сопутствующим наращиванием собственных фондов предприятий и внебюджетных фондов привело к устойчивому бюджетному дефициту и «двум снижениям»: доли бюджета в ВВП и центрального бюджета в общегосударственных расходах. Возможности государственного финансирования были поставлены под угрозу. В 1992 г. единый государственный бюджет был разделен на две части: регулярный бюджет и бюджет развития. Первый формировался главным образом за счет налогов, второй — за счет неналоговых поступлений от предприятий, перечислений из внебюджетных фондов.

Проведенная в 1994 г. бюджетно-налоговая реформа призвана была пресечь тенденцию уменьшения ресурсов, доступных правительству, через унифицированное налогообложение предприятий различных форм собственности и стабилизацию налоговых поступлений в бюджет. Для всех отечественных предприятий вводился подоходный налог с фиксированной ставкой в размере 33 % от валовой прибыли вместо прежней ставки в 55 %. Для низкорентабельных предприятий на 2 года устанавливалась льготная ставка в размере 27 либо 18 %. С малых государственных и коллективных предприятий стал взиматься подоходный налог по 8-разрядной шкале, а с индивидуальных предприятий по 10-разрядной. Для поддержки госпредприятий им оставлялась вся прибыль после налоговых отчислений. Такой порядок сохранялся в течение 13 лет.

Был пересмотрен также ряд других налоговых категорий. Расширение сферы применения налога на ресурсы (на добычу полезных ископаемых) сочеталось с упорядочением ставок и методики начисления налогов. Был введен налог на операции с землей. Среди косвенных налогов главным стал налог на добавленную стоимость. По образцу других стран вместо пестрой гаммы налогов с оборота вводился единый налог на добавленную стоимость с двумя видами ставок: общая — 17 и льготная — 13 %. Эти правила действовали как в отношении национальных предприятий, так и в отношении предприятий с иностранным участием.

Еще одно важное направление налоговой реформы — замена «регионального финансового подряда» системой деления налогов между центральным и местными бюджетами. К центральным налогам были отнесены таможенные пошлины, подоходный налог с государствен-

ных предприятий и с определенных видов хозяйственной деятельности (включая оказание банковских и страховых услуг). К местным налогам причислялись: подоходный налог с предприятий местного подчинения, личный подоходный налог и др. Часть налоговых поступлений распределялась в определенной пропорции между Центром и регионами. Введение нового налогового порядка было рассчитано на 5 лет, в течение которых регионам были обещаны компенсации потерь по сравнению с прежней ситуацией.

В ходе реформы кредитно-денежной системы прошло разграничение коммерческих и некоммерческих операций с разделением функций финансовых учреждений. Статус центрального банка как главного государственного института в осуществлении макрорегулирования кредитно-денежной сферы был установлен законом от 1995 г. — «О Народном банке Китая». Обеспечение бесприбыльного кредитования менее развитых районов и поддержка экспорта комплектного оборудования были возложены на так называемые «политические банки». Принятый в том же 1995 г. Закон о коммерческих банках обеспечил правовые основы перехода крупнейших специализированных банков (Банк Китая, Стройбанк и др.) на коммерческую основу.

На состоявшемся в 1997 г. XV съезде КПК была выдвинута программа модернизации государственного сектора, включавшая создание крупных корпораций, широкой технической реорганизации промышленности и введение научных методов управления. Создание системы «современных предприятий», отвечающих высоким требованиям реорганизации, намеревались провести в два этапа.

Начальный этап — предприятия переходят на начала самохозяйствования, выступают в роли юридических лиц с широкой хозяйственной самостоятельностью, что позволяет говорить о полном разделении политики и экономики, юридической и экономической собственности. В то же время постепенно формируется «собственность предприятия» — полные собственнические права предприятий на часть своих фондов, созданных за счет реинвестирования прибыли, остающейся на предприятии после расчетов с госбюджетом. Таким образом, собственность получает двоякий характер — и государство, и предприятие. Как полный собственник части имущества предприятий государство имеет право на часть дохода от его деятельности. Как высший орган государственной власти государство облагает предприятия налогами в виде платы за пользование государственным имуществом. Финансирование предприятий осуществляется не через бюджет, а че-

рез государственные инвестиционные компании, которые на правах кредиторов следят за сохранением и приумножением государственного имущества. Инвестиционные компании действуют как самостоятельные хозяйственные организации со своими долгосрочными интересами.

Заключительный этап — в государственной собственности остаются только наиболее важные объекты инфраструктуры (железные дороги, телефонная и телеграфная связь, электро- и водоснабжение и т. п.), а также предприятия, построенные на новые государственные капиталовложения (из прибыли государственных кредитно-денежных учреждений). Все остальные предприятия выступают в роли полноправных собственников своего имущества, созданного за счет прибыли и выкупа у государства его паевой доли. Предприятия преобразуются в акционерные общества, в роли вкладчиков которых могут выступать и государственные, и общественные организации, а также отдельные физические лица.

К середине 1990-х годов госсектор по валовой продукции уже значительно сдал свои позиции, но сохранил приоритет по другим показателям, а именно: по объему основных фондов, по общей величине капложений (в 1995 г. — 55,6 % от всех промышленных инвестиций) и по денежным отчислениям в государственную казну. О степени разгосударствления китайской экономики на протяжении 1985—1995 гг. дает представление табл. 4, отражающая результаты третьей промышленной переписи в Китае.

Таблица 4. Изменения структуры промышленности КНР по формам собственности, %

Формы собственности	Основные фонды		Число занятых		Валовая продукция	
	1985 г.	1995 г.	1985 г.	1995 г.	1985 г.	1995 г.
Государственная	74,6	53,7	41,1	31,6	64,9	34,0
Коллективная	24,1	23,8	49,5	39,8	32,1	36,6
Частная	—	1,0	—	3,3	—	2,6
Индивидуальная	0,5	1,9	8,9	17,5	1,8	10,5
Акционерная	—	5,0	—	1,7	—	3,5
Прочие	1,9	14,6	0,5	6,1	1,2	12,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Гэ Кэсо. Исследование качества промышленного роста. Пекин, 1999. С. 136.

По отраслям показатель степени огосударствления варьировал в пределах от 100 % (железнодорожный, авиационный транспорт, почтово-телеграфное обслуживание населения) до 60 % (машиностроение, строительная индустрия, сфера внешней торговли). В финансовой сфере, в отраслях электроэнергетики, нефтяной и угольной промышленности, в металлургии и химии он составляет примерно 90 %.

Наиболее крупные и важные государственные предприятия (1 тыс.) стали кандидатами превращения в корпорации с предоставлением им самой широкой хозяйственной самостоятельности. Мелким и средним госпредприятиям предоставляется право свободного выбора формы хозяйствования.

На проходившей в марте 1995 г. очередной сессии ВСНП тогдашний премьер Ли Пэн выступил с докладом, поддержав лозунг «удерживать крупные и отпустить мелкие (предприятия)» и выделив 6 основных направлений реформ в производственном секторе: улучшение работы крупных госпредприятий и доведение в течение 3 лет числа экспериментальных производственных объединений с 57 до 120 единиц, преобразование малых госпредприятий с допустимым выходом за пределы госсектора, расширение числа городов-участников экспериментов в области перестройки системы управления госимуществом (до 110), пропаганда методов научного управления производством, изучение опыта наиболее успешно функционирующих предприятий.

Реструктуризация госсектора предусматривала открытую продажу акций как китайским резидентам (в первую очередь работникам акционизируемых предприятий), так и зарубежным инвесторам, а также расширение практики банкротств при стандартизации этой процедуры. Хотя первые попытки эмиссии акций относятся еще к началу 80-х годов, а с 1986 г. начались эксперименты по рыночной торговле ими, становление фондового рынка в Китае до середины 90-х годов продвигалось довольно медленно.

Большой размах приобрела кампания ликвидации убыточности государственных предприятий. На конец 1997 г. из 16 784 крупных и средних госпредприятий убыточными были 6599⁷. В связи с разразившимся в 1998 г. азиатским финансовым кризисом и снижением платежеспособного спроса в стране объем убытков продолжал нарастать. Доля убыточных предприятий выросла с 27,6 % в 1990 г. до 41,4 % в 1998 г., коэффициент убыточности повысился с 47,3 до 68,8 %⁸.

В результате растущей декапитализации и неотработанности процедуры банкротств право собственности сохранялось во многих слу-

чаях чисто формально. Со второй половины 1984 до конца 1998 г. было проведено только 2336 банкротств государственных предприятий. Нормальной процедуре банкротств мешали опасения роста безработицы и социальной напряженности. Задержки с выбытием устаревших фондов и нехватка средств для проведения технической реконструкции усугубляли техническое отставание государственных предприятий и ухудшали условия их конкуренции.

В 1997—1999 гг. государство провело серию мероприятий по выводу государственных предприятий из состояния убыточности. Было направлено 160 млрд юаней на списание задолженности по банковским кредитам, проведено 6 тыс. операций банкротств, 800 крупных и средних предприятий были закрыты или подвергнуты слиянию⁹. В 1999 г. состоялось учреждение 4 инвестиционных компаний, которым перешли «плохие» долги 4 государственных коммерческих банков на общую сумму 1400 млрд юаней. Из этой суммы 460 млрд юаней невыплаченных кредитов, специально выделенных государством 600 предприятиям, в 1999—2001 гг. были переведены в акции с разрешением производить с этими документами различные операции, включая их покупку и продажу¹⁰.

Массовая убыточность госпредприятий, поставленная в вину Комитету по управлению государственным имуществом, стала одной из причин его ликвидации в 1998 г. Региональное звено управления госимуществом не было целиком разрушено, и некоторые регионы получили возможность продолжить свои исследования и эксперименты.

Некоторое замедление темпов роста к концу 1990-х годов в известной мере было предопределено необходимостью сдерживания «перегрева» экономики с помощью «мягкой посадки». Но затем трудности в проведении реформ, воздействие азиатского кризиса 1998 г., а также крупномасштабные стихийные бедствия (в 1998 г. сильнейшее наводнение на четверти территории страны, в 1999 г. засуха и землетрясение) еще более осложнили обстановку. В 1998 г. до намеченного показателя экономического роста в 8 % не удалось дотянуть, хотя и немного. В 1999 г. ситуация оставалась столь же противоречивой. С одной стороны, Китай избежал последствий азиатского кризиса, столь больно ударившего по его соседям, и удержал темп экономического роста на уровне выше 7 %. С другой стороны, обнаружилась масса таких явлений («вялый рынок», недоиспользование производственных мощностей, общее снижение уровня цен, замедление притока иностранного капитала, рост дефицита бюджета и внутреннего долга), которые пессимисты интерпретировали как кризис

перепроизводства, а оптимисты использовали для вывода о вступлении страны в зону «повышенного риска». Значительно ухудшилась социальная обстановка, обострилась проблема занятости, мощными дестабилизирующими факторами стали имущественное расслоение и региональная дифференциация. Угрожающие масштабы приняла коррупция. Китай оказался в нижней точке экономического цикла.

5.3. 2000—2013 гг. — между двумя мировыми кризисами

В первом десятилетии нового века обстановка как внутри страны, так и за ее пределами складывалась все более неблагоприятно. К внутренним негативным факторам в виде высокой капиталоемкости китайской продукции, обострения социальных противоречий, ухудшения состояния природной среды добавилось разрушительное влияние экономических кризисов сначала 1998 г., а затем 2008—2010 гг. Кризисы, связанные с ухудшением условий мировой торговли, выявили чрезмерную зависимость китайской экономики от состояния дел в странах-партнерах. На конкурентоспособности китайских фирм на мировом рынке отрицательно сказались не только коллизии мировой обстановки, но и повышение себестоимости и сравнительно низкое качество экспортируемых китайских товаров, недостаточно высокая доля высокотехнологичной продукции, вынужденное повышение курса китайской валюты.

Тем не менее, по общему признанию, Китай пережил кризисы с меньшими потерями, чем страны Юго-Восточной Азии. Случилось это благодаря большему вовлечению государства в хозяйственные процессы и тем факторам, которые принято считать «недоразвитостью» рыночных отношений, а именно: отсталость финансовой системы, особенно слабость банковского сектора, закрытость рынка капиталов, растущее положительное сальдо внешней торговли, преобладание прямых иностранных инвестиций над портфельными, неконвертируемость национальной валюты, Накануне азиатского кризиса правительству удалось стабилизировать небольшой по объему операций рынок ценных бумаг, остановить рост количества просроченных ссуд.

Вступление Китая в связи с кризисом 1998 г. в зону повышенной турбулентности заставило руководство КНР серьезно задуматься о корректировке курса реформ. Собственно говоря, такая необхо-

димось осознавалась и ранее, но опасения перестроечного хаоса какое-то время явно перевешивали доводы в пользу решительных действий. Позднее эта пробуксовка рыночных преобразований дала основание разговорам о «потерянном десятилетии». Директор Национального института экономических исследований Фань Ган, призывая «нагонять упущенное», отметил, что кризис 1998 г. «оказал положительное воздействие на реформу предприятий, развеяв сомнения относительно проведения приватизации»¹¹.

Новый тур реформы системы собственности был подготовлен успехами борьбы с убыточностью предприятий. На сентябрь 2000 г. из 6999 убыточных крупных и средних государственных предприятий 4098 справились с финансовыми трудностями. 2001 год оказался беспрецедентным по количеству банкротств со списанием долга в размере 51,5 млрд юаней¹². В соответствии с выборочным обследованием, проведенным Комиссией по экономике и торговле, в 2001 г. 2/3 государственных предприятий уже прошли акционирование. Из состава реорганизованных предприятий примерно 2/5 предпочли метод коллективного пая, около 1/3 — закрепление за индивидуальным владельцем. Привлечение частных инвестиций вело к снижению доли государственного пая и даже к переходу контрольного пакета акций к негосударственным структурам. Из 2 тыс. государственных предприятий, прошедших акционирование, 15,4 % стали компаниями либо совсем без государственного пая, либо с неконтрольным государственным паем, что означало их фактическую приватизацию. В результате проведенной реструктуризации и серии банкротств за 1997—2001 гг. число крупных государственных предприятий уменьшилось на 2/5, а крупных и средних акционерных компаний выросло в три с лишним раза.

Еще большими потерями для госсектора обернулась расправа с мелкими убыточными предприятиями. За 2000—2001 гг. было закрыто 53 тыс. небольших рудников и 20 тыс. с лишним мелких угольных шахт. На конец 2002 г. в Китае насчитывалось 149 тыс. мелких государственных предприятий, что на 90 тыс. меньше по сравнению с 1995 г.¹³ Государственный сектор оказался в значительной мере очищенным от мелких предприятий, которые перешли в акционерно-кооперативную и смешанную форму собственности. После вступления Китая в ВТО в 2001 г. оживилось проникновение иностранного капитала на госпредприятия путем закупки части или всего пакета государственных акций, а также путем образования смешанных предприятий.

В результате к 2003 г. общее количество государственных предприятий и акционерных компаний с контрольным пакетом акций у государства сократилось до 150 тыс. единиц, что оказалось почти на 2/5 меньше их наличия в 1998 г. На корпоративную форму были переведены 76 % ключевых предприятий, 514 из 520 предприятий-гигантов¹⁴. В 2004—2005 гг. количественный состав госпредприятий продолжил свое сокращение, ежегодно на 3—5 тыс. единиц.

Дальнейшая реформа государственного сектора промышленности следовала принципу дифференцированного отношения к различным типам предприятий. Предприятия, являвшиеся монополистами (нефть, атомная энергетика, военно-промышленный комплекс, авиастроение), подлежали корпоративизации при сохранении 100%-ной государственной собственности. Акционирование крупных предприятий немонопольного характера предусматривало сохранение в том или ином объеме государственного пая. Третью группу составили мелкие государственные предприятия, которые вошли в реестры продаж, слияний с крупными объектами, реорганизации с введением кооперативных начал и других видов преобразований.

Переход на корпоративную форму организации производства связан со следующими изменениями:

1) освобождение предприятий от какого-либо вмешательства со стороны административных органов. Превращение их в самостоятельных юридических лиц, полностью ответственных за результаты своей деятельности;

2) освобождение государства от материальной ответственности за результаты деятельности корпораций при сохранении права собственности на часть их имущества, созданного за счет бюджетных инвестиций;

3) возложение на корпорацию ответственности перед государством (выплата налогов) и перед своими акционерами (выплата дивидендов), в числе которых также может быть государство.

6 марта 2003 г. Госсовет КНР принял документ об углублении реформы системы управления государственным имуществом и о создании нового Комитета по контролю и управлению государственным имуществом (далее — Комитет госимущества), к которому должны были перейти соответствующие функции Государственного комитета по экономике и торговле, Министерства финансов и других государственных органов. Роль промежуточных звеньев системы управления госимуществом отводилась холдинговым компаниям 4 типов: 1) государственные инвестиционные компании; 2) филиалы центрального

органа управления госимуществом; 3) крупные производственные объединения; 4) финансово-промышленные компании, управляющие государственными паями в крупных коммерческих банках и других финансовых учреждениях.

Главное назначение Комитета состояло в том, чтобы не допустить разбазаривания государственного имущества, положить конец бесконечным переброскам предприятий из системы центрального подчинения в систему местного подчинения и обратно. Под непосредственный контроль Комитета по госимуществу перешли 196 наиболее важных промышленных объектов (потом их число сократилось). Из принятых в 2003 г. новых правовых документов следует отметить два закона — Закон об управлении государственным имуществом и Закон о банкротстве.

Однако за прошедшие годы в положении нового Комитета по госимуществу так и не сложилось четкой определенности. Он остается в структуре государственного аппарата, обладает только контрольными и наблюдательными, но не собственническими функциями, пересекается в своей деятельности с Министерством труда Табачная промышленность, железные дороги, почта и телеграф остались вне рамок созданного управления. Уже давно сформулированный и хорошо обоснованный вывод о предоставлении органу по управлению госимуществом полной самостоятельности и его выведении за рамки Госсовета до сих пор не реализован. Видимые причины — нехватка квалифицированных специалистов, сохранение традиционного бюрократизма, значительные масштабы коррупции. Более глубокая причина — противоречие идеи «двоевластия» (административное управление и управление государственной собственностью) авторитарному характеру государственного аппарата.

Другим важным направлением современных экономических реформ стали преобразования в финансово-бюджетной системе, нацеленные на установление контроля над всеми слабо учтенными средствами. На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (2003 г.) прозвучало предложение о создании консолидированного государственного бюджета. В виде подготовки к его реализации была проведена серия преобразований в сфере налогов, включая унификацию подоходного налога с отечественных и иностранных предприятий, введение земельного налога в городах и поселках, урегулирование процедуры возврата части налогов при проведении экспортных операций. Отчисления неналогового характера в большинстве были переведены в разряд налогов. Расширилась сфера экспериментов по concentra-

ции отчислений от прибыли предприятий в провинциальных бюджетах.

В сентябре 2007 г. было опубликовано Постановление Госсовета относительно экспериментального введения бюджета государственного имущества. Если до того самостоятельно хозяйствующие госпредприятия, подобно частным, перечисляли в бюджет только налоги, то с 2007 г. в бюджетные обязательства стали включать и часть прибыли. Порядок отчислений был дифференцированным и щадящим. С 5 отраслей (нефтехимия, почтово-телеграфная связь, угольная, электроэнергетическая, табачная) устанавливалась норма отчислений в 10 % от посленалогового остатка прибыли, в остальных отраслях эта норма была понижена до 5 %. Наука и оборона освобождались от отчислений с прибыли на 3 года¹⁵.

По правилам, разработанным Институтом бюджетной и торговой-экономической политики АОН Китая, в 2008—2009 гг. консолидированный бюджет (*цюань коуцзин юйсуань*, full-covered budget) объединил три самостоятельных финансовых блока: государственный бюджет общественного назначения, бюджет управления государственным имуществом и фонд социального обеспечения¹⁶.

Доходы государственного бюджета (первый блок) формируются из трех источников: налоговые отчисления, денежные средства специальных статей, доходы от государственных займов.

Второй блок (бюджет государственного имущества) формируется из части (4—10 %) общей прибыли предприятий и небольших перечислений из госбюджета. Предложены три варианта контроля над поступающей в бюджет прибылью предприятий: сохранение главенствующей роли Министерства финансов при небольших размерах бюджета госимущества; подключение Комитета госимущества и расширение бюджета госимущества; полное отделение бюджета госимущества от государственного бюджета и передача его под контроль Комитета госимущества.

Социальный фонд (третий блок госбюджета) объединяет пенсионный фонд, фонд здравоохранения городских работников, фонд помощи безработным, травмированным на производстве и материнский фонд (5 видов фондов). Появление этого третьего бюджетного блока меняет отношение к финансированию социальных проектов. До начала 2000-х годов расходы на социальные цели не зачислялись в бюджет. В 1996 г. было решено до создания общегосударственной системы социального обеспечения включать пенсионные фонды и пособия по безработице во внебюджетные фонды или статьи со специальным на-

значением, но это правило соблюдалось редко, в большинстве случаев средства продолжали распределять между разными министерствами.

При сохранении мощного госсектора правительство КНР могло обойтись относительно скромными размерами перераспределения ВВП через бюджет и, опираясь на мощные экономические структуры министерств и госкорпораций, оказывать влияние на экономику в целом, в том числе на финансовые потоки, в несколько раз превышавшие номинальный центральный бюджет. Когда госсектор сократился, значение бюджетного перераспределения значительно возросло. Бюджетные средства по расширенной учетной базе (с включением внебюджетных средств) теперь составляют более 20 % от ВВП, а с подключением прибыли госпредприятий и государственных займов государство получает в свое распоряжение суммы, составляющие 30—35 % от ВВП, что весьма близко к соответствующему показателю развитых стран.

Еще один важный аспект бюджетных преобразований касается взаимоотношения между двумя ступенями местных бюджетов. До 2007 г. бюджеты строились по основным административным уровням, отдельно существовали бюджеты городов и уездов. Создание новых административных единиц по принципу «город управляет уездами» привело к слиянию бюджетов городов и уездов, что отвечало в большей мере интересам городских формирований. С 2007 г. установились прямые бюджетные связи провинций с городами и уездами. Финансовые увязки городов с уездами аннулированы.

Полученный после вступления в ВТО в 2001 г. режим наибольшего благоприятствования позволил Китаю укрепить позиции в международной торговле. Уже через 4 года был отмечен существенный рост как основных макроэкономических показателей развития страны, так и внешней торговли в целом. При этом максимальный темп прироста внешнеторгового оборота был достигнут в 2003—2004 гг., когда он рос по 35 % в год. В 2005—2007 гг. рост несколько замедлился, но остался на уровне 26—28 % в год. В 2008 г. экспорт вырос, несмотря на начавшийся кризис на 18 %, но уже в 2009 г. из-за кризиса экспорт сократился на 16 %, а импорт — на 11,2 %. В Европу экспорт снизился на 20 %, в США — на 12, в Японию — на 15 %. Кризис сопровождался банкротством многочисленных средних и мелких предприятий, ориентированных на экспорт, что вызвало волну увольнений и рост безработицы. За счет экспортного бума начала нулевых годов внешнеторговый оборот Китая вырос с 509,8 млрд долл. в 2000 г. до 3642 млрд долл. в 2011 г., т. е. более чем в 7 раз. Если до вступления

Китая в ВТО доля Китая в мировом экспорте составляла 3,9 %, а в импорте — 3,3 %, то в 2010 г. экспорт достиг 10,4 %, а импорт — 9 % от мирового объема.

Под давлением США Китай в 2005 г. снял жесткую привязку юаня к доллару и ввел ограниченный плавающий курс национальной валюты, ревальвирав юань на 2,1 %. За три последующих года курс юаня повысился с 8,2 до 6,83 юаней за доллар, что эквивалентно суммарной ревальвации на 17,7 %. В середине 2008 г., когда развернулся финансовый кризис, курс китайской валюты к доллару был снова зафиксирован. Заявления относительно сохранения официально установленного паритета юаня к доллару делались руководителями Китая и в 2008, и в 2009 гг., в том числе премьером Вэнь Цзябао. Однако ползучей ревальвации не удалось избежать. Специфика сложившейся экономической системы, для которой характерны государственный контроль, полурыночность экономики, мягкая денежная политика, слабость юаня, помогла Китаю успешно преодолеть последствия кризиса 2008—2010 гг., что продемонстрировало его определенную независимость от циклов мировой экономики. Подконтрольное распределение кредитных ресурсов, осуждавшееся в период бурного экономического роста, в кризисные годы позволило избежать нецелевого использования имеющихся средств. То, что китайский фондовый рынок остался не слишком большим по масштабам, более регулируемым и закрытым для нерезидентов, облегчило борьбу со спекулятивными операциями. Этому же способствовало преобладание прямых иностранных инвестиций над портфельными.

Огосударственной финансовой системе не потребовалась ренационализация наподобие той, что случилась в других странах. Сказалось преимущество Китая в виде преобладания внутренних источников накопления, контроля над финансовыми потоками, высокая степень централизации распределения кредитных средств. В начале 2009 г. центральный банк снизил процентные ставки и нормы обязательного резервирования, ослабил лимиты кредитования. Активы Народного банка уже к августу 2009 г. выросли по сравнению с 2007 г. на 30 % и успешно трансформировались в рост денежного предложения. Выделение банками больших кредитов для инвестиций в инфраструктуру позволило сохранить высокие темпы роста. Наличие массива государственных предприятий обеспечило достаточно эффективное абсорбирование выделенных государством средств. Можно сказать, что в Китае нашлись и необходимые финансовые средства, и эффективные каналы их доведения до адресатов.

Продолжалась структурная модернизация, обеспечившая увеличение потребительского спроса, который должен был скомпенсировать падение внешнего спроса. Объем розничной торговли вырос за 2009 г. на 15,5 %. Этот рост оказался выше, чем в 2001—2006 гг., но ниже, чем в 2007 г. и особенно в 2008 г. При сложившемся к тому времени соотношению доходов и цен китайский рынок показал себя достаточно насыщенным.

Однако избавиться удалось далеко не от всех последствий кризиса. В связи с массивными кредитными вливаниями произошло не только чрезмерное разбухание рынка недвижимости в городах, но и распространение теневого банков, рост задолженности местных правительств. Повышению внутреннего спроса помешали недостаточно высокие доходы горожан и, особенно, сельского населения, дороговизна образовательных и медицинских услуг. Внутренний рынок не мог восполнить экспортные потери. Китайская экономика начала снижать свои обороты.

Примечания

¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго цзинцзи ши : [Экономическая история Китайской Народной Республики] / под ред. Дун Фужэна. Т. 2. Пекин, 1999. С. 213, 225.

² Чжунго нунцунь шицынянь цзинцзи гайгэ ды шэнли юй фубай : [Победы и поражения экономической реформы в китайской деревне за 14 лет] // ИДВ РАН. Инф. бюллетень. № 5. М., 1994. С. 21.

³ Тоуцзы яньцзю. 1990. № 5. С. 23.

⁴ Цзинцзи жибао. 25.10.1989.

⁵ Чжунго гою цие гайгэ 30 нянь хуэйгу юй чжаньван : [30 лет реформы государственных предприятий в КНР: ретроспективный и перспективный взгляд] // под ред. Чжан Чжоюаня и Чжэн Хайхэна. Пекин, 2008. С. 36.

⁶ Люй Вэй, Сяо Чжи. Чжунго цзинцзи гайгэ юй фачжань: чжэнцэ юй цзисяо : [Китайская экономическая реформа и развитие: политика и ее результаты]. Далянь, 2006. С. 94.

⁷ Чжунго гою цие гайгэ 30 нянь хуэйгу юй чжаньван : [30 лет реформы государственных предприятий в КНР: ретроспективный и перспективный взгляд] // под ред. Чжан Чжоюаня и Чжэн Хайхэна. Пекин, 2008. С. 38.

⁸ Цие гайчжи юй чаньцюань цзяои цюаньчэн яолюэ : [Обзор реформирования предприятий и проведения операций с имущественными правами] // под ред. Ли Цзяннина и Цай Чжунцзе. Цзинань, 2006. С. 33.

⁹ Синьхуа. 02.10.2000.

¹⁰ У Цзинлянь. Дандай Чжунго цзинци гайгэ : [Современная китайская экономическая реформа]. Шанхай, 2003. С. 132.

¹¹ Китай и АТР на пороге XXI века // Тезисы докладов IX Международной синологической конференции 29.09—01.10.1998. М., 1996. С. 36.

¹² Синьхуа. 12.12.2000.

¹³ Чжунго цзинци гайгэ юй фачжань : [Экономическая реформа и развитие Китая]. Ухань, 2005. С. 112.

¹⁴ 30 лет реформы... Цит. соч. С. 40.

¹⁵ Ань Тифу, Цзян Чжэнь. Иньсян вого шоужу фэньпэй гунпинды жогань чаньцюань чжидумэнь вэньти яньцзю : [Рассмотрение некоторых проблем систем собственности, влияющих на справедливое распределение доходов в нашей стране] // Цаймао цзинци. 2012. № 4. С. 16.

¹⁶ Шисин цюань коуцзин юйсуань гуаньли : [Налаживание управления консолидированным бюджетом] / под ред. Гао Пэйюна. Пекин, 2009.

Глава 6

«ЧЕЛОВЕК — ОСНОВА ОСНОВ» (КИТАЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)

Социальная политика нового Китая складывалась в условиях жесткого противоречия между желаемым и действительным, идеалом и реальностью. Как новый, прогрессивный общественный строй социализм нацелен на повышение жизненного уровня населения, справедливое распределение общественных благ, уничтожение эксплуатации и, в конечном счете, уничтожение классов и классового антагонизма. Эти задачи совпадали с мечтами китайцев о долгой жизни и достатке, о семейном счастье и благополучии своих детей, об обеспеченной старости. Но построение прекрасного будущего требует огромных усилий по преодолению экономической отсталости. В известном китайском тезисе «*цян го фу минь*» («могущественное государство, процветающий народ») уже заключена идея баланса между экономикой и социальной сферой и правильно расставлены приоритеты. В развивающихся же странах, когда и «государство слабое, а народ бедный», первостепенной задачей становится экономический подъем, а решение социальных проблем откладывается «до лучших времен».

Для дореформенного Китая была характерна модель однородного общества, в котором сохранились лишённые гражданских прав остатки эксплуататорских классов и основную массу населения составляли крестьяне, рабочие и новая интеллигенция. При низком уровне развития производительных сил и амбициозных планах ликвидации экономической отсталости доходы населения росли медленно. Удовлетворение насущных жизненных потребностей людей могло осуществляться только путем относительно уравнительного распределения, поддержания низких розничных цен и предоставления государствен-

ной поддержки некоторым слоям населения. Она оказывалась в первую очередь работникам привилегированных государственных предприятий и не распространялась на массы сельских жителей. Форсированная индустриализация служила оправданием жесткого государственного контроля над ростом заработной платы, сменой места жительства, выбором места работы и учебы. При наличии карточной системы и слабом развитии рыночных отношений не было свободы потребительского выбора, сохранялась традиционная склонность к сбережениям «на черный день». Длительное пренебрежение потребительскими нуждами населения нарушало условия воспроизводства рабочей силы и повышения ее качества, создавало барьеры наращиванию спроса и структурному совершенствованию производства. Игнорирование материальных стимулов обернулось падением заинтересованности в результатах труда, тормозило рост эффективности производства и введение технических новшеств.

До 1978 г. 90 % заработной платы было фиксированным, зависящим от тарифной сетки или условий сдельной оплаты. Идеологическая пропаганда преподносила патерналистскую социальную политику как отвечающую нормам социалистического общежития. Призыв к скромному образу жизни и бескорыстному труду находил отклик среди простых людей с их живыми воспоминаниями о невзгодах гражданской войны и японской оккупации, с их нетребовательностью к жизненным благам, сложившейся в условиях бедности и перенаселенности, с их почитанием конфуцианской морали, основанной на соблюдении во всем «золотой середины».

Рыночные отношения привели к кардинальным изменениям в социальной сфере, в числе которых:

1) отказ от системы полной занятости, примирение с фактом существования открытой и скрытой безработицы;

2) ликвидация системы государственного трудоустройства, внедрение механизма трудового найма конкурентного типа (подряд в деревне и контрактная система в городе);

3) существенное повышение жизненного уровня населения и переход на распределение рыночного типа при сочетании оплаты по труду и других видов доходов;

4) ускорение процесса урбанизации за счет снятия официальных ограничений на миграцию крестьян в города, формирование рынка рабочей силы;

5) сохранение дуальной паспортной системы и бесправие сельских мигрантов (*нунминьгун*);

6) углубление имущественной дифференциации (между городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между различными категориями населения);

7) появление новых социальных страт с привилегированным положением и высоким достатком (индивидуальные предприниматели, сотрудники финансовых учреждений, высокооплачиваемые менеджеры);

8) освобождение государственных предприятий от оказания социальных услуг своим работникам и постепенный переход к общегосударственной системе социального страхования, дополняемой сетью платных услуг более высокого качества.

Положительно оценивая китайские реформы с точки зрения их влияния на жизнь подавляющего количества граждан, нельзя закрывать глаза на то, что Китай продолжает сталкиваться с целым рядом сложных социальных и национальных проблем, доставшихся в наследство от дореформенной эпохи и порожденных рыночной экономикой. Погоня за чисто экономическими показателями роста в ущерб социальным, стремление к повышению конкурентоспособности страны за счет системы низкой заработной платы противоречат модернизационным устремлениям Китая и порождают опасность социального кризиса. Внедрение в сознание людей потребительских стереотипов чревато потерей национальной идентичности, моральными издержками и процветанием коррупции.

Полное осознание важности социальных проблем пришло только теперь, когда экономический потенциал Китая сильно вырос, появились возможности повышения благосостояния всех слоев населения и соблюдения социальной справедливости. Одновременно в условиях распространения новых информационных технологий и кризисных явлений заработали целевые установки на высокое качество рабочей силы и расширение внутреннего спроса, повысились требования к условиям жизни и участились случаи социальных протестов.

6.1. Общая демографическая ситуация

В годы правления Мао Цзэдуна надежды на экономический подъем связывались с наличием большого населения. О сдерживании демографического роста не могло быть и речи. В результате осуществления массовых противоэпидемических и санитарно-гигиенических мероприятий уровень смертности снизился, а рождаемость оставалась

лась традиционно высокой, в результате население выросло в 1949—1979 гг. почти вдвое — до 975,4 млн человек при среднегодовом приросте порядка 2 %.

За годы реформы состоялся исторический переход к современному типу воспроизводства населения¹. Это подлинное «демографическое чудо» было достигнуто в относительно короткий период времени путем жесткого ограничения личной свободы граждан. Также сыграли свою роль улучшение жизненных условий и изменение индивидуальных предпочтений в сторону роста потребления и получения образования. Установившийся строгий демографический контроль позволил сократить рождаемость населения с 18,25 ‰ в 1978 г. до 12,37 ‰ в 2014 г., что при устойчивом показателе смертности на уровне 7 ‰ привело к четырехкратному падению естественного прироста населения — с 12,0 до 5,21 ‰ (минимальный естественный прирост населения наблюдался в 2013 г. — 4,92 ‰)².

Общая численность населения выросла в 1978—2012 гг. на 2/5 (с 962,59 до 1367,2 млн человек, т. е. на 404,6 млн). При сохранении же прироста населения на уровне 1,5 %, который установился накануне реформы, прибавка населения могла бы быть вдвое большей (плюс еще 350—400 млн человек). Существенное ослабление спроса на ресурсы и давления на природную среду облегчило решение ряда важных социальных проблем, в частности, уменьшило государственные расходы на материальное обеспечение растущего населения и создание новых рабочих мест. Но нельзя не видеть и отрицательных последствий жесткой демографической политики в виде разрушения семейных устоев, слишком быстрого старения населения, уменьшения доли молодежи в общем числе занятых, возникновения гендерного диспаритета. В одночасье была разрушена мечта многих о большой и дружной семье, состоящей из трех поколений, о поддержке в старости со стороны детей и внуков. Конфуцианский идеал вынужден был уступить место императиву экономического подъема и модернизации. Дальнейшее изменение возрастной структуры в случае сохранения установленного демографического контроля уже к 2020 г. могло бы обернуться нехваткой трудовых ресурсов.

В результате политики однодетной семьи доля детей в возрасте 1—14 лет в общей численности населения упала с 33,6 % в 1982 г. до 16,5 % в 2014 г., доля взрослых трудоспособных выросла с 61,5 до 73,4 %, доля лиц старшего возраста увеличилась с 4,9 до 10,4 %³. Негативные последствия строгого демографического контроля заставили китайское руководство пойти на попятную. Широкое одобрение

получило обнародованное на XVIII съезде КПК предоставление права на рождение второго ребенка в семьях, если оба родителя являются выходцами из однодетных семей⁴. Потом эта норма была распространена уже на все молодые семьи. Вследствие этого можно ожидать некоторого увеличения демографического роста, изменений структуры населения

Произшедшее замедление темпов роста населения мало повлияло на проблему дефицита земли. После 1978 г. средняя плотность населения в Китае выросла на 40 % (со 100 до 142 чел./кв. км в 2014 г.). Особенно ощущается нехватка земли в наиболее развитых восточных регионах, где плотность населения на равнинных территориях превышает 600 чел./кв. км. В холмистых центральных районах плотность населения вдвое меньше — более 300 человек, а на менее освоенном западе страны, где преобладают горы и пустыни, плотность населения составляет менее 10 чел./кв. км.

Следует отметить такую особенность демографической ситуации в Китае, как полное доминирование титульной нации, каковой являются ханьцы (90 % всего населения) и одновременно наличие большого числа (более 50) других национальностей, живущих преимущественно в окраинных регионах. Сунь Ятсен, признавая подавляющее преобладание ханьцев, у которых единая кровь, единые язык и письменность, единая религия, единые права и обычаи, настаивал, на том, что Китай моноэтничен. Большинство членов партии Гоминьдан, в отличие от Сунь Ятсена, рассматривали китайцев как полиэтническую общность. Известный китайский политический деятель Лян Цичао придерживался концепции образования в Китае одной большой этнонации путем слияния в «большую пятерку» — ханьцев, маньчжуров, монголов, мяо и тибетцев.

Наиболее многочисленная из неханьских национальностей — чжуаны, численность которых сейчас достигла около 20 млн человек, в наибольшей степени ассимилированы ханьцами. Это также относится и к маньчжурам, которые по существу отказались от своего языка. Свою ни с чем не сравнимую самобытность сохраняет Тибет с его 3-миллионным населением, из которого большинство исповедует ламаизм. Не грозит ассимиляция уйгурам, составляющим более половины Синьцзян-Уйгурского автономного района. Настоящий этнографический калейдоскоп можно наблюдать в пров. Юньнань, где обитает до трех десятков разных немногочисленных этносов.

Вместе с тем состав самой ханьской нации нельзя признать однородным. Велики различия не только между северянами и южанами,

но по существу между жителями основных провинций собственно Китая, которые ведут свое происхождение от когда-то самостоятельных царств. Особенности исторических традиций, производственных навыков и уклада жизни местного населения, значительные языковые расхождения (в устной речи при общности иероглифической письменности) и даже отличия антропологических признаков — все это дает основание рассматривать жителей многих китайских провинций как особое этническое образование в пределах китайской нации-цивилизации. Современные процессы экономической интеграции и миграции способствуют демографическому «перемешиванию» и росту национального самосознания на базе китайской цивилизационной общности. Тем не менее, и сейчас каждый ханец не забывает о своей «малой родине» как земле своих предков. Ощущая единство истории и культуры своей великой нации, ханьцы склонны рассматривать языковые различия как чисто диалектические, но с точки зрения этнографической науки есть основание говорить о китайцах-ханьцах как супер-этнoсе, включающем в себя несколько субнаций.

6.2. Проблема занятости

Реформа внесла коренные изменения в систему трудовых отношений. Прежде каждый человек ежедневно и ежечасно ощущал на себе патронаж государства, которое обеспечивало ему место работы и учебы, закрепляло за ним определенное место жительства и контролировало передвижения по территории страны. Выпускник школы не был волен в выборе своей профессии, а выпускник вуза в выборе места работы. Нельзя сказать, что реформа положила конец этой системе государственного «опекунства», но она пробила в ней брешь и дала мощный толчок необратимым процессам ее разрушения.

Вторжение рыночных отношений и потеря гарантии трудоустройства обострили конкуренцию на рынке труда. Систему пожизненного найма постепенно сменили разборчивость предпринимателей и дефицит рабочих вакансий. Внедрение системы семейного подряда в деревне, сопровождавшееся повышением интенсивности труда и быстрым ростом избыточной рабочей силы, дало толчок массовой сельской миграции в города и более развитые районы. Безработица в городах, по официальным данным, численно выросла на 80 % (5,3 млн в 1978 г. и 9,52 млн человек в 2014 г.), но относительно сокра-

тилась (с 5,3 до 4,1 % от всей рабочей силы). Однако эти цифры касаются только «зарегистрированных» безработных в рамках установленных сроков поисков работы. Лица, лишенные доступа к системе социального обеспечения, в органы по выплате пособий по безработице обычно не обращаются. Альтернативные подсчеты с учетом неполной занятости и скрытой безработицы дают результаты, значительно превышающие официальные статистические данные. Например, специалисты Народного университета оценивают численность зарегистрированных и «скрытых» безработных на начало XXI в. примерно в 200 млн человек. Если соотносить эту цифру с общим количеством занятых на 2000 г., размеры безработицы следовало бы повысить до 1/4 от общей величины городской занятости⁵.

Пытаясь установить баланс между спросом на рабочую силу и ее предложением, государство в первые годы реформы полагалось прежде всего на мелкую промышленность и сферу местных услуг, что позволяло крестьянам находить замену сельскохозяйственным занятиям, не покидая своих домов. Создание рабочего места на сельских предприятиях обходилось примерно в 10 раз дешевле, чем в городе. В 1981 г. было принято постановление о расширении каналов трудоустройства в коллективном и индивидуальных секторах и одновременно о санкционировании в определенных пределах свободной рабочей миграции. Развернулось массовое строительство волостно-поселковых предприятий, которые поглощали до половины прироста населения в трудоспособном возрасте в деревне. Доля работников в несельскохозяйственном секторе составляла примерно четвертую часть всех занятых в деревне.

С 1982 г. прежняя система найма на крупных предприятиях начала заменяться системой трудовых договоров, в которых оговаривались условия приема на работу и ее оплаты. «Контрактники» проходили конкурс и не могли повлиять на условия найма. В июле 1986 г. Госсовет КНР обнародовал 4 важных положения, касающихся государственных предприятий, — о широком внедрении трудовых контрактов, о порядке трудоустройства на государственных предприятиях, о дисциплинарных взысканиях и правилах увольнения с госпредприятий, о страховании увольняемых с работы. К 1987 г. все предприятия государственного сектора перешли на контрактные условия найма. За ними вскоре последовали частные и смешанные предприятия, а затем и коллективные. Дальнейшее «углубление реформы» на государственных предприятиях, сопровождавшееся предоставлением им возможности самостоятельно определять потребность в рабочей силе, сроки

и условия найма, начало размывать грани между «постоянными» работниками и «контрактниками», но это не затронуло различий между коренными горожанами и пришельцами из деревень.

В дальнейшем в связи с проведением курса на создание «современных предприятий» и повышением рентабельности производства государственные предприятия стали освобождаться от излишней рабочей силы и от нагрузки по социальному обеспечению своего персонала. Рыночные отношения оказались несовместимыми с уравнительной оплатой труда и с бесплатным предоставлением услуг. Широкие масштабы приобрело массовое увольнение работников как с основных объектов, так и с подсобных (ясли, детские сады, школы, медучреждения и т. п.). Необходимость вторичного трудоустройства увольняемых и конкурсный набор рабочих повысили значимость специального обучения и переобучения. По решению правительства развернулось создание центров занятости и площадок биржи труда, курсов переподготовки. Привлекались также такие меры, как выдача пособий потерявшим работу, оказание помощи в их повторном трудоустройстве, предоставление налоговых льгот и выгодных кредитов предпринимателям, изъявившим согласие участвовать в программах помощи безработным С 1998 по 2001 г. в общей сложности около 29,91 млн уволенных работников государственных предприятий (так называемые *сяган*) смогли в централизованном порядке найти новое место работы⁶.

О динамике и структуре занятости можно судить по данным табл. 5. За годы реформы общее число занятых в 1978—2014 гг. возросло на 370 млн с лишним человек, т. е. почти вдвое, и произошел переход от аграрного к аграрно-индустриальному обществу. Число занятых в городском секторе увеличилось с 95,1 до 393,1 млн человек (в 4 раза), в аграрной сфере — с 306,4 млн до 379,43 млн человек (на 23,8 %) ⁷. Если в 1978 г. городская занятость составляла 23,7 % от общей, то в 2014 г. — уже 50,9 % (табл. 5). Вместе с тем многое в демографической ситуации демонстрирует незавершенность процесса модернизации. Китай продолжает существовать в условиях избытка рабочей силы и необустроенности малых городов. В городской занятости обращает на себя внимание в первую очередь сокращение персонала работников госпредприятий. Если в начале реформы в системе государственного распределения находились 4/5 работников городских предприятий, то теперь на государственных предприятиях работают только 16 % городского контингента занятых. В настоящее время в несельскохозяйственном производстве ежегодно дополни-

Таблица 5. Рост и структура занятости в годы реформы

	1978		1990		2000		2014	
	млн человек	%	млн человек	%	млн человек	%	млн человек	%
Общее число занятых	401,52		647,49		720,85		772,53	
Городская занятость	95,14	100,0	170,41	100,0	231,51	100,0	393,1	100,0
В том числе госпредприятия	74,51	78,3	103,46	60,7	81,02	35,0	63,12	16,1
Коллективные	20,48	21,5	35,49	20,8	14,99	6,5	5,37	1,4
Акционерные компании					4,57	2,0	17,51	4,5
Частные					12,68	5,5	98,57	25,1
Индивидуальные	0,15		4,5	2,6	21,36	9,2	70,09	17,8
Сельская занятость	306,38	100,0	477,08	100,0	489,34	100,0	379,43	
В том числе на сельских предприятиях	28,27	9,2	92,65	19,4	128,20	26,2	...	

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо. 2011. С. 43; 2013. С. 42; 2015. С. 40.

тельно создается около 10 млн рабочих мест, однако потребность в трудоустройстве, включая естественный прирост численности рабочей силы, уволенных с госпредприятий работников, временно потерявших работу, остается значительно выше.

6.3. Урбанизационные и миграционные процессы

Поставленная после победы революции задача ликвидации экономической отсталости была напрямую связана с переходом от аграрного общества к аграрно-индустриальному, от традиционного сель-

ского хозяйства к современному. Ускоренная индустриализация шла в ногу с урбанизационным процессом. За счет естественного прироста, но главным образом за счет сельских мигрантов население китайских городов в 1949—1957 гг. выросло с 57,6 до 99,6 млн человек, а доля городского населения повысилась до 15,4 %. Индустриализация Китая, совершенная за счет внутреннего накопления, финансовых и людских ресурсов сельского хозяйства, обескровила деревню, разрушила весь образ жизни земледельцев. Изъятие средств из аграрной сферы в пользу индустриального города происходило частично через систему налогообложения, но в еще большей степени с помощью ценовой политики, создания «ножниц цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

Мао Цзэдун был одержим идеей кардинального преобразования территориального устройства страны, соединения города и деревни. Созданные во время «большого скачка» «народные коммуны», заменившие низовые административные единицы (волости и поселки), создавались как замкнутые административно-хозяйственные анклавы, жители которых обязывались обеспечивать себя всем необходимым. Такое совмещение разнородных занятий, которое можно расценить как рецидив натурального хозяйства, отождествлялось с коммунистической установкой на уничтожение классовых различий. Видный российский синолог-аграрник А.С. Мугрузин пришел в свое время к выводу о том, что предпринятые в годы «скачка» меры с целью национализации земли, перестройки традиционного характера труда и быта сельских жителей можно с полным основанием расценить как попытку экспроприации крестьянства⁸. Привилегированное положение города и роль рабочего класса как гегемона нового общества были закреплены Конституцией Китая.

Китайские города в годы «скачка» пережили две миграционные волны с противоположными направлениями людских потоков. Сначала на нужды промышленного строительства из деревень было привлечено до 30 млн человек, что почти вдвое увеличило число городского населения и сразу подняло уровень урбанизации в 1960 г. до 19,7 %. В 1961 г. был достигнут пик числа городов (до 200 единиц). Затем ухудшение продовольственной ситуации потребовало принятия экстраординарных мер в виде высылки всех новопривывших в места их прежнего проживания. Масштабы этой насильственной репатриации достигли порядка 20 млн человек. Показатель урбанизации мгновенно снизился до менее 17 %. Этот уровень с небольшими колебаниями сохранялся все дореформенные годы.

Для контроля над численностью городского населения в сентябре 1958 г. было принято «судьбоносное» постановление о введении раздельной паспортной регистрации в городе и деревне, что закрепило дуализм гражданских прав населения. Городской паспорт стал не только идентификатором личности, но и гарантом получения того спектра услуг, который были в силах предоставить городские органы власти населению, проживающему в сфере их юрисдикции. Своего рода полукрепостной режим для сельских жителей проявлялся в ущербных квотах их представительства в высших законодательных органах, в лишении свободы на выбор местожительства и переезд в другие регионы страны. Комплектация рабочего персонала для возросшего числа городских новостроек происходила среди крестьян в централизованном порядке. Доступ к карточному снабжению основными продуктами питания получали только лица с городской пропиской.

Рецидив деурбанизации имел место и в годы «культурной революции», когда массовый характер приобрели высылки студентов и интеллигенции в сельскую местность для «коммунистического перевоспитания». Это затронуло, по разным подсчетам, от 15 до 30 млн человек. Маоистские эксперименты по «уничтожению классовых различий» и углублявшееся аграрное перенаселение, вынуждавшее людей искать дополнительные источники доходов вне сферы сельскохозяйственных занятий, породили особую «рабоче-крестьянскую» социальную прослойку, которую стали называть «*нунминьгун*» (рабочие и крестьяне). Это те деревенские жители, которые вошли в штат сельских предприятий, занимались время от времени то обработкой земли, то разного рода подсобными промыслами, а также мигранты из сельской местности, не получившие городских паспортов и сопутствующих им льгот. Часть таких переселенцев, потеряв надежду на постоянную работу в городе, в дальнейшем возвращалась домой. Часть оставалась в городе или «челночила» между городом и деревней в надежде со временем получить все же желанную городскую прописку.

Знаменательно, что реформа началась с сельского хозяйства, с раздела земли, аналогично тому, что случилось после образования КНР. Не став полноправными собственниками земли, крестьяне, тем не менее, получили право самостоятельного распоряжения конечным продуктом своего труда, оставшимся после выплаты сельхозналога и выполнения обязательств перед местными властями. Крестьянский двор стал главным хозяйственным субъектом на селе. Введение систе-

мы сельского семейного подряда многими расценивается как второе освобождение крестьян, равное по своей значимости аграрной реформе 50-х годов прошлого века. Интересам крестьян отвечало и решение Госсовета КНР, принятое в ноябре 1983 г., относительно ликвидации «народных коммун» и передачи функции низовых административных единиц восстановленным волостям и поселкам.

Хотя реформа не предполагала немедленной отмены паспортного режима, но начавшееся формирование рынка рабочей силы исключало сохранение строгого контроля над передвижениями населения. Бурный промышленный рост поднял спрос на рабочую силу, особенно на малоквалифицированную, а повышение производительности труда в сельском хозяйстве после введения сельского подряда обострило проблему аграрного перенаселения, подталкивая крестьян на поиски своего места под «светом городских фонарей». Отмена карточного снабжения разрушила главный барьер между городом и деревней. В поисках лучшей доли в город уходили самые молодые и перспективные уроженцы сел. В крупных городах прирост рабочей силы примерно наполовину происходил за счет сельской миграции. Город привлекал не только более высоким уровнем жизни и более высокими зарплатами, но и разнообразием возможностей для работы и отдыха, освобождением от рутинного тяжелого сельского труда.

Попав в город, крестьяне оказывались в тяжелых условиях «незванных гостей», вынужденных оплачивать жилье и получение необходимых социальных услуг, включая медобслуживание, детсадовский уход и школьное обучение детей. Часть своих заработков они пересылали оставшимся в деревне родичам. Возросшие расходы только частично компенсировались за счет поступлений от земельного пая, который был для многих гарантией «на черный день».

Первыми взялись за легализацию мигрантов небольшие города, где быстро росло число мелких промышленных предприятий и где оказание бесплатных социальных услуг было ограниченным и вследствие этого не столь обременительным для местных бюджетов. Согласно Постановлению Госсовета в октябре 1984 г. («Уведомление, касающееся предоставления городских паспортов переселившимся в поселки крестьянам»), а затем поддержки этого эксперимента со стороны Министерства госбезопасности в мае 1997 г. для всех жителей небольших поселков после полугодичного срока проживания и наличия места работы был установлен единый порядок паспортной регистрации. Занятые на волостно-поселковых предприятиях статистиче-

ски были выделены в особую категорию в пределах сельской рабочей силы. и по роду своих занятий, уровню квалификации, оплаты труда, минимуму социальных благ они по существу ничем не отличались от «*нунминьгун*».

Если в малых городах и поселках к 2001 г. был завершен в основном процесс унификации паспортов, прекращена практика оплаты крестьянами своего права на переезд в город, то в средних и крупных городах отступление от дуальной паспортной системы происходило гораздо медленнее и со значительными криминальными отклонениями. Только к 2007 г. в 17 высших административных единицах Китая (более половины от их общего числа) формально вместо двух видов паспортов (сельского и городского) был введен единый документ общегражданского типа, однако это не означало автоматического подключения «городских новичков» к создающейся системе социального обеспечения. В итоге в значительном числе регионов от прежней паспортной системы до сих пор не отказались. Пекин и Шанхай стоят на особом положении, и свободное поселение в них запрещено. Фактически вместо «дуальной» паспортной системы (деревенские и городские паспорта) образовалась многоярусная система регистрации в соответствии с городскими рангами.

До 2009 г. численность категории «*нунминьгун*» оставалась неопределенной. Разные авторы оперировали различными цифрами, не вдаваясь в подробности состава этой категории населения. Так, например, в статье Ду Яна «Миграция сельской рабочей силы: выбор политики на этапе трансформации» приводились следующие цифры: 2006 г. — 132,1 млн человек, 2007 г. — 136,5 млн, 2008 г. — 140,4 млн человек⁹. Ян Цзыхуа оперировал на те же годы другими цифрами: 2006 г. — 212,71 млн, 2007 г. — 219,06 млн, 2008 г. — 225,42 млн, т. е. на 80 млн человек с лишним больше¹⁰. Если же относить к категории «*нунминьгун*» работников волостно-поселковых предприятий, находящихся в «полугородских» условиях жизни и труда, то ее численность надо было бы увеличить еще на 70—80 млн человек.

Более четкое представление о динамике роста прослойки «*нунминьгун*» дает табл. 6.

Таким образом, в 2009 г. общее количество горожан, не имеющих городской прописки или не получивших доступа к городской системе социального обеспечения, превышало 300 млн человек, что соответствовало почти 2/5 от общего числа занятых в стране. По приблизительным оценкам, на категорию «*нунминьгун*» приходится около половины численности занятых в городе, около трети занятых в сель-

Таблица 6. Рост городской, сельской занятости и категории «нунминьгун» («крестьяне—рабочие»)

Год	Городская занятость, млн человек			Сельская занятость, млн человек		
	Общая (1)	«нунминьгун» (2)	Доля в % (2/1)	Общая (3)	Рабочие волостно-поселко- вых предприятий (4)	Доля в % (4/3)
2000	231,51	78,5	33,9	489,34	128,20	26,2
2001	239,40	84,0	35,1	490,85	130,86	26,7
2002	247,80	104,7	42,3	489,60	132,88	27,1
2003	256,39	113,9	44,4	487,93	135,73	27,8
2004	264,76	118,2	44,6	487,24	138,66	28,5
2005	273,31	125,8	46,0	484,94	142,72	30,3
2006	283,10	132,1	46,7	480,90	146,80	30,5
2007	293,50	136,5	46,5	476,40	150,90	31,7
2008	302,10	140,4	46,5	472,70	154,51	32,7
2009	311,20	145,3	46,7	468,75	155,88	33,2

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо. 2011. Пекин, 2011. С. 45; Цзинцзи тичжи бицзяо. 2010. № 5. С. 90—91.

ском хозяйстве, более половины всех занятых в промышленности, до 2/5 занятых в сфере услуг.

Существование такой «промежуточной» прослойки между городским и сельским населением создает значительную социальную напряженность. Однако ее «рассасывание» может растянуться на многие годы и напрямую связано с ходом урбанизации и созданием системы социального обеспечения в стране. По некоторым оценкам, на одного крестьянина, который переходит в разряд горожанина, требуется потратить из бюджетных средств 14,5 тыс. юаней на обустройство его места работы и места проживания и еще 10,5 тыс. юаней на оказание социальных услуг (в ценах 2000 г.). При современных среднегодовых масштабах миграции в 10—12 млн человек их городская ассимиляция обойдется казне в 300—350 млрд юаней в год. При планируемых тем-

пах урбанизации к середине XXI в. на превращение мигрантов в сто-процентных горожан потребуется затратить астрономическую сумму в 1,5—1,75 трлн юаней¹¹.

Снятия формальных запретов и паспортных ограничений явно недостаточно для превращения новоселов в «обычных горожан» и подтягивания уровня их доходов и образования. Зарботная плата «*нунминьгун*» в последние годы росла довольно быстро, в 2009 г. она достигла в среднем 1221 юаней в месяц, что в 1,9 раза выше показателя 2001 г.¹² Тем не менее, они остаются самыми обездоленными слоями городского населения. Оставив родные деревни, они оказались в городе в положении лиц «второго сорта», будучи лишены постоянного места работы, постоянного жилья, не имея достаточной профессиональной квалификации. Значительную часть своего заработка они отсылают своим деревенским родственникам, отказывая себе во всем необходимом. Скудные сбережения не позволяют им купить городскую квартиру, оплачивать те услуги, которые горожане получают по системе социального обеспечения. В случае сохранения подрядного надела земли они имеют возможность вернуться в село, но для большинства это уже не очень радостная перспектива.

В стадии эксперимента находится такой неординарный метод выравнивания положения крестьян и горожан, как предоставление крестьянам всего пакета социальных услуг в обмен на земельный пай. В 1993 г. этот метод начали вводить в пров. Чжэцзян. В 2006 г. в городе Чэнду (пров. Сычуань) и в 2008 г. в г. Цзясин (пров. Чжэцзян) начались эксперименты с обменом не только подрядной земли на доступ к системе бесплатного образования и здравоохранения, но и сельского дома вместе с землей, на которой он стоит, на квартиры в городе. Однако полностью порывая с землей, городские мигранты из крестьян лишаются гарантийного минимума от земельного пая и свободы в принятии решений относительно своего будущего.

Наплыв новых поселенцев в города способствовал ускорению урбанизации. С начала реформы до конца XX в. степень урбанизации повышалась ежегодно более чем на 0,8 п.п. и достигла в 2000 г. 36,2 %. Количество городов выросло со 190 до 659, поселков — с 2176 до 20 312. С началом XXI в. темпы урбанизации еще более возросли, ежегодная прибавка степени урбанизации составила 1,15 п.п. К 2010 г. в городах, согласно официальной статистике, проживало уже ровно половина населения страны, к 2014 г. этот показатель возрос до 54,8 %¹³ (288 городов окружного ранга, 361 город уездного ранга, 20 401 поселок городского типа).

Следует обратить внимание на то, что показатель степени урбанизации Китая до сих пор сохраняет неопределенность. Одна из причин — разная методика подсчета городского населения: либо по количеству постоянного населения, либо по числу жителей с городской пропиской. Если бы все, проработавшие в городе несколько лет, получили сертификат городского проживания, степень урбанизации Китая в начале XXI в. превысила бы современный показатель и вышла на уровень 60—65 %¹⁴. Вторая причина — действующие критерии понятий «город» и «поселок». Например, введение новых правил в 1984 г. резко повысило численность городского населения (в 1985 г. на 1/3, в последующие годы — в пределах 2/3, а на 1989 г. даже вдвое), что и зафиксировали статистические справочники 1980-х годов. Однако эти критерии вскоре были забракованы, а показатели степени урбанизации соответственно откорректированы. Новые требования 1993 г. и их произвольное приложение до сих пор оставляют за бортом большое число сельских поселений, которые по формальным признакам числа жителей и доли занятых в несельскохозяйственном производстве вполне могли бы претендовать на получение городского статуса. Третья причина — явления «лжеурбанизации», когда в разряд городов и поселков попадают поселения, не дотягивающие до должного уровня. Зачастую далеко не вся городская территория застроена домами городского типа, не везде достигнут полный охват населения стандартными городскими услугами, большая доля жителей проживают в городе на временной основе. По некоторым оценкам, более близкой к реальности является степень урбанизации на уровне 35 %¹⁵.

Разросшиеся крупные города сейчас все чаще сталкиваются с проблемами «городской болезни»: чрезмерная скученность, перегруженность транспортных магистралей, перебои водо- и энергоснабжения, рост цен на жилье, трудности обеспечения работой и скопления безработных. Все больше нареканий вызывает и экологическое состояние городов. Об успехах урбанизации теперь предлагается судить не по красивым картинкам городских небоскребов и даже не по цифрам городского населения, а по качеству жизни горожан.

Связанный с индустриализацией отток населения из деревень уже привел к серьезным негативным последствиям, в значительной мере обезлюдив деревню. В ней остались дети, подростки и престарелые люди, которые с трудом справляются с обработкой земли. Постепенно приходит осознание того, что индустриальное развитие и рост городов не должны происходить за счет деревни. Разрешение про-

блем «аграрной триады» («*сань нун*» — сельское хозяйство, деревня, крестьяне) переносится в плоскость «трех парных соотношений»: «сельское хозяйство—промышленность», «деревня—город», «селяне—горожане». Стратегии «скоординированного развития города и деревни» нацелена на «развитие современного сельского хозяйства», «строительство новой социалистической деревни». Она выступает альтернативой наметившейся тенденции «раскрестьянивания» и «деаграризации» и делает ставку на развитие потенциальных возможностей села без чрезмерных надежд на поддержку со стороны города. Выполнение этой программы потребует немало средств и времени и непосредственно связано с другими долгосрочными программами, такими, как освоение западных регионов, подъем старопромышленных регионов, с широкомасштабными планами транспортного строительства. Обосновывается необходимость повышения жизненного уровня сельского населения, развития на селе сферы услуг, создания системы социального обслуживания самой деревни.

6.4. Жизненный уровень и формирование системы социального обеспечения

Реформа в Китае, освободившись от пут маоистской утопии, была поставлена перед сложной дилеммой: «социальное равенство» или «рыночная конкуренция». С одной стороны, заработали целевые установки на ликвидацию нищеты, повышение благосостояния всех слоев населения и расширение сферы бесплатного здравоохранения и образования. Из официальной пропаганды полностью были исключены все инсинуации относительно совместимости социализма с бедностью. С другой стороны, рынок требовал материального стимулирования трудовой и предпринимательской инициативы, изживания иждивенческих настроений, платности предоставляемых населению услуг. Китайским реформаторам удалось опровергнуть расхожий тезис о том, что крупные экономические преобразования не могут обойтись без социальных потерь, и при этом использовать для экономического подъема такой важный резерв, как дешевая рабочая сила.

Одной из самых главных особенностей китайской реформы следует считать тот факт, что к решению задачи подъема жизненного уровня населения приступили с самых первых лет ее осуществления,

не дожидаясь улучшения общей экономической ситуации в стране. Первыми воспользовались плодами реформы самые обездоленные слои населения — крестьяне. Введение семейного подряда способствовало подъему производства и повышению товарности сельскохозяйственной продукции, что сопровождалось быстрым ростом доходов сельского населения и сокращением разрыва в уровне жизни между городом и деревней. Уже в 1979 г. был проведен ряд мер, которые можно считать своего рода «потребительским допингом». К их числу относятся: повышение на 25—30 % закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию при одновременном сокращении налогообложения деревни.

Во второй половине 80-х годов приоритет роста доходов перешел к городскому населению. Реформы в городском секторе также начались с повышения тарифных разрядов, Увеличились премиальные выплаты, которые стали зависеть от размеров оставляемой на предприятии прибыли. Благоприятный эффект имели и другие мероприятия, в частности, введение различных дотаций в связи с ростом розничных цен. В целом потребительские расходы в 1978—1980 гг. выросли на 16 %, что полностью совпало с ростом ВВП и даже превысило рост общественной производительности труда: Этот китайский вариант «шоковой терапии» по позитивному сценарию китайские экономисты объясняли необходимостью «возврата долгов населению», накопившихся за годы «большого скачка» и «культурной революции».

Компенсационный характер роста потребления продолжался всю 6-ю пятилетку, но уже в конце 80-х годов в Китае стала высказываться озабоченность относительно опережения потребления в сравнении с общим экономическим ростом. Обнаружившееся отставание производства потребительских товаров от платежеспособного спроса вызвало скачок цен. В полной мере выявилось также расхождение между ростом доходов и ростом производительности труда. Снижение спроса еще более усугубил последовавший за тяньаньмэнскими событиями 1989 г. спад в росте доходов. В ходе проведенной в 1992—1993 гг. реформы заработной платы стал происходить отход от оплаты труда по разрядной тарифной сетке, зарплата более 40 млн рабочих и служащих была увязана с результатами хозяйственной деятельности предприятия и конкретно с результатами работы данного человека. Это расширило возможности повышения оплаты труда, но одновременно отрицательно сказалось на материальном положении работников убыточных или недостаточно эффективно работающих предприятий.

К концу 90-х годов спад в росте доходов и потребления был преодолен. Полная ликвидация дефицита основных видов потребительских изделий сменилась избыточным предложением, что характеризуется как новая ситуация «рынка потребителя».

Китайские экономисты, признавая системный характер перехода, считают конечной целью реформы замену механизма директивного распределения материальных благ механизмом распределения рыночного типа при главенстве принципа распределения по труду. Новым веянием стало широкое распространение совместительства, подключения таких источников, как доходы от распоряжения имуществом (предпринимательская прибыль, арендная плата за сдаваемое в наем жилье, проценты на банковские сбережения, доходы от государственных ценных бумаг и дивиденды на акции). Дополнительные доходы стали компенсировать недостаточно высокую оплату труда квалифицированных работников и интеллигенции, а в некоторых случаях даже превышать основные (табл. 7).

Таблица 7. Структура среднедушевых доходов городского населения

Показатели	1990 г.		2000 г.		2010 г.		2012 г.	
	юань	%	юань	%	юань	%	юань	%
Общий доход	1516,2	100	6295,9	100	21 033,4	100	26 959,0	100
Зарплата	1149,7	76	4480,5	71	13 707,7	65	17 335,6	64
Предпринимательская деятельность	22,5	1	246,2	4	1713,5	8	2548,3	9
Доходы от имущества	15,6	1	128,4	2	520,3	3	707,0	3
Дополнительные доходы	328,4	22	1440,8	23	5091,9	24	6368,1	24

Источник: Чжунго тунци чжайяо, 2013. С. 193.

Благосостояние населения за годы реформ значительно повысилось. Общий рост доходов городского населения за 1978—2012 гг. составил 11,5 раза, а сельского — 11,8 раза¹⁶. К достижениям реформы современные китайские социологи относят уменьшение на 300 млн человек числа людей, живущих ниже официально установленного «порога бедности», переселение 200 млн человек из деревни в город, пополнение категории лиц с доходами выше среднего уровня по стра-

не примерно на 100 млн человек. Среднедушевые потребительские расходы городского населения в 2012 г. достигли 16 674,3 юаней против 311,2 юаней в 1978 г., сельского населения соответственно 5908 и 116,1 юаней¹⁷.

В структуре потребления произошли трехэтапные изменения. В начале реформы превалировало натуральное распределение: в городе действовала карточная система, в деревне преобладало снабжение населения за счет собственного производства. С середины 80-х годов в городе произошел сдвиг в структуре потребления в сторону питания и предметов длительного пользования, в деревне — питания и строительства жилья с подключением рыночного обмена. В 90-е годы в структуре потребления доля питания снизилась, повысилась доля расходов на жилье, транспорт и медицинские услуги. Доля питания в структуре потребления городского населения составила в 1996 г. 48,6 % против 57 % в 1981 г. В потреблении сельского населения доля питания также снизилась, произошло повышение доли расходов на жилье. О росте благосостояния населения, затронувшего как город, так и деревню, можно судить по высокой динамике потребительского спроса, в 1980—1985 гг. розничный товарооборот прибавлял ежегодно по 12,3 %.

Быстро забыв о продовольственном дефиците и продуктовых карточках, горожане стали регулярно и достаточно хорошо питаться, зачастую предпочитая домашнему приготовлению пищи услуги искусных поваров многочисленных закусочных и ресторанчиков. Зерноовощной тип питания с недостатком белков, минералов и витаминов сменился разнообразным пищевым рационом, в котором присутствуют мясо, рыба и морепродукты. Если раньше уличная толпа обескураживала унылым однообразием синих униформ, то теперь китайцы стали добротнo и разнообразно одеваться, покупать различные вещи домашнего обихода, по наличию которых судят о зажиточности того или иного человека. Так, в начале реформы считалось престижным иметь ручные часы, велосипед и швейную машинку, стоимость каждого из этих предметов была примерно 100 юаней. Для такой покупки деньги копились в течение 5—6 лет. В 80-е годы китайцы начали обзаводиться стиральными машинами, холодильниками и черно-белыми телевизорами, цена каждого из этих предметов длительного пользования — около 1 тыс. юаней, но для накопления такой суммы требовался уже только год работы. В начале 90-х годов интересы потребителей переключились на цветные телевизоры, кондиционеры, видеотехнику, сотовые телефоны. Обеспеченность пред-

метами длительного пользования достигла довольно высокой степени. В последнее десятилетие китайцам с хорошим заработком стали доступны покупки компьютеров, автомобилей, благоустроенных квартир. Хотя жилищная проблема еще далека от своего решения, обеспеченность жильем значительно улучшилась: с 3,6 кв. м на душу городского населения в 1978 г. до 32,9 кв. м в 2012 г. (с учетом нереализованного жилья), по сельскому населению — с 8,1 до 37,1 кв. м. Раньше во многих домах не было элементарных санитарных удобств, теперь городские квартиры, а нередко и сельские дома обустроены санузлами, все чаще жители их пользуются вместо привычных, иногда модернизированных вентиляторов кондиционерами. Вследствие новой экономической стратегии потребление стало мощным фактором, обеспечивающим экономический рост и формирование рыночной экономики. По оценкам китайских экономистов, вклад потребления как главной составной части конечного спроса в экономический рост с 1978 г. был примерно 60 %.

Тем не менее, на фоне экономических успехов достижения в социальной сфере выглядят куда более скромными. В годы реформ имело место существенное отставание роста доходов от роста ВВП. Снижение фонда потребления в ВВП в 1978—2014 гг. с 61,3 до 51,6 % свидетельствует о факте «недопотребления» и перекосе в сторону накопления. В течение более чем трех десятилетий реформ промышленный рост находился на уровне 10 %, а заработная плата трудящихся после начального повышения перешла на скромный ежегодный рост 1—3 %.

К такому результату привело поведение китайских предпринимателей, которые подчиняются требованиям конкуренции и повышения своего престижа. Широкое распространение получило явление «прибыль в ущерб оплаты труда». Прекратив с 1994 г. отчисление прибыли государству и получив широкие права в отношении распоряжения своими доходами, руководители государственных и акционерных предприятий нередко урезали выплату дивидендов акционерам либо вовсе отказывались от такой практики, старались избегать повышения ставок оплаты труда и сверхурочных работ, предпочитали брать на работу более стоворчивых сельских мигрантов.

Значительно более скромными оказались успехи реформы в деле создания системы социального обеспечения, которой Китай не мог похвастаться и ранее. Она начала создаваться сразу же после революции, но по сугубо избирательной схеме, без претензий на полное бесплатное обслуживание населения и широкое государственное финан-

сирование. В феврале 1951 г. был опубликован Закон о страховании труда в КНР, но он затрагивал только рабочих и служащих предприятий государственной и смешанной форм собственности с числом работников более 100 человек. Пенсионным обеспечением была охвачена небольшая часть населения, фактически не более 1/4 лиц старше 60 лет. Для поддержания необходимого прожиточного минимума использовались разного рода государственные субсидии, которые имели вид скромной доплаты к зарплатку независимо от возраста и трудового стажа работника.

Наиболее осязательные результаты были достигнуты в сфере здравоохранения, что позволило значительно увеличить среднюю ожидаемую продолжительность жизни. Государственная система здравоохранения развивалась по трем направлениям: формирование государственных органов и учреждений системы здравоохранения, организация системы охраны труда и социального обеспечения на государственных предприятиях, налаживание сотрудничества деревень в целях оказания медицинских услуг населению. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в свое время одобрила опыт Китая в качестве модели для развивающихся стран, ссылаясь на его успехи в поддержании здоровья 22 % мирового населения при наличии только 1 % мировых медицинских ресурсов¹⁸. Но во время «культурной революции» государство фактически сняло с себя ответственность за социальную поддержку населения. Реформаторам пришлось по существу заново создавать систему государственного социального страхования, приспособив ее к требованиям рыночного хозяйства и обеспечения более справедливого доступа к ней всех граждан. По мере повышения доходов населения и расширения сферы платных услуг удалось подключить к формированию фондов социальной поддержки средства самих работников.

Не имеющие постоянного места работы или утратившие работу могут претендовать на получение пособия из общенационального фонда занятости. Он формируется из средств предприятий (в размере 0,6—1 % от фонда заработной платы), поступлений по линии госбюджета и отчислений с заработной платы самого работника. Однако выплата государственных пособий по безработице обставлена массой процедур, охватывает крайне ограниченное число лиц и рассчитана на небольшой срок. Размер пособий — 50—75 % от прежней заработной платы в течение 2 лет при непрерывном стаже более 5 лет и в течение года при непрерывном стаже менее 2 лет. Согласно предписанию правительства 1993 г., а также решениям ЦК КПК и Госсовета

КНР 1995 и 1998 гг., государственные предприятия обязывались иметь специальные программы по обеспечению и вторичному трудоустройству увольняемых работников.

Освобождение государственных предприятий от социального бремени способствовало повышению производительности труда, но одновременно лишило привилегированную прежде категорию работников широкого спектра бесплатных услуг, гарантированного материального минимума в старости. В 1986 г. после 2 лет экспериментов было принято решение о постепенном внедрении централизованной системы пенсионного обеспечения. Предприятия в соответствии с установленными местными органами социального страхования нормативами стали отчислять средства в городские и провинциальные пенсионные фонды. С 1992 г. в ряде районов началось в экспериментальном порядке формирование пенсионных фондов с подключением отчислений с заработной платы самих работников. В других регионах проводился эксперимент по созданию личных пенсионных счетов из отчислений от заработной платы работника и субсидий из фондов предприятия.

В конце 1994 г. на такой порядок пенсионного обеспечения перешли уже все государственные предприятия, причем в 13 высших административных единицах были образованы общепроvincиальные пенсионные фонды. В 2 тыс. уездах стала действовать система пенсионного обеспечения работников предприятий коллективной собственности. В 11 отраслях был введен единый порядок пенсионных выплат¹⁹. В 2009 г. пенсионная система была распространена и на сельскую территорию.

За последнее десятилетие охват пенсионным обеспечением повысился с 30 до примерно 50 % общего количества лиц пенсионного возраста. Из-за существенного увеличения лиц старшего возраста и пополнения контингента пенсионеров за счет работников госпредприятий пенсионные расходы стремительно растут, дефицит пенсионной системы на 40 % покрывается за счет дотаций из государственного бюджета. Выплата пенсий рассчитывается в зависимости от трудового стажа и среднего заработка перед уходом на пенсию. С 2005 по 2012 г. 8 раз производилось повышение базовой пенсионной ставки. В 2012 г. среднемесячная пенсия в городе достигла 1712 юаней. В сельской местности для получения пенсии индивидуальные взносы являются обязательными, ежемесячная базовая ставка составляет всего 55 юаней на человека²⁰. Сельские мигранты до последнего времени не могли рассчитывать на пенсионные выплаты.

Реформа китайского здравоохранения, основы которого были заложены к 1998 г., придерживается принципа сочетания государственных и негосударственных учреждений. Помимо государственной системы медицинского обслуживания, действуют система трудового страхования и кооперативное здравоохранение. Первая финансируется из бюджета и предназначена в основном для обслуживания государственных и партийных учреждений, Вторая существует за счет отчислений предприятий в фонд социального страхования. К концу 2008 г. медицинские страховки имели 318,2 млн человек в больших и малых городах против менее 200 млн в 2005 г. В сельских районах кооперативным медицинским обслуживанием охвачена примерно четверть сельского населения. В рейтинге ВТО китайское здравоохранение по уровню обслуживания занимает 144-е место в мире, а по доступности медицинских услуг даже 188-е место²¹. На предстоящем витке реформирования системы здравоохранения предусматривается значительно улучшить качество медицинских услуг, по возможности выровняв положение в городе и сельской местности и шире подключив к формированию фондов медицинского страхования средства самих работников. В городах личные счета уже являются важным источником оплаты медицинских услуг. Согласно принятому в январе 2009 г. решению Госсовета КНР об углублении реформы системы здравоохранения, в ближайшие годы участие в базовом медицинском страховании рабочих и служащих и жителей городов и поселков, а также охват сельской кооперативной медициной должны подняться до 90 %.

С 1978 г. развернулось восстановление системы образования, почти полностью разрушенной в годы «культурной революции». Приоритетными направлениями стали: полная ликвидация безграмотности в стране, повышение охвата молодежи средним и высшим образованием, увеличение расходов на образование, проведение целого ряда реформ в направлении интеграции образования, науки и производства. В первой половине 80-х годов восстановлено 12-летнее общее образование: младшая школа (6 лет обучения), неполная средняя (3 года), полная средняя (3 года). В начале 80-х годов правительство изменило систему среднего образования, перепрофилировав часть средних школ в профессиональные учебные заведения или в сельскохозяйственные профучилища. В результате доля выпускников таких училищ по отношению к числу оканчивающих среднюю школу второй ступени выросло с 4,1 % в 1979 г. до 42,9 % в 2009 г.

Проведение большого количества реформ, создание централизованной системы высшего образования, с одной стороны, и предло-

ставление широкой автономии вузам, с другой, позволили Китаю выйти из кризиса 60-х годов и поднять высшее образование на достаточно высокий уровень. Важным переломным моментом стало принятие в 1998 г. нового Закона о высшем образовании (вступил силу с 1 января 1999 г.), который определил дальнейшую стратегию преобразований с целью достижения высокого мирового уровня в сфере высшего образования. Количество высших учебных заведений выросло в 1998—2010 гг. в 2,3 раза. Все вузы делятся на 5 категорий: университеты общего профиля с естественным и гуманитарным отделениями, технологические университеты и институты, отраслевые институты, педагогические университеты и колледжи, специальные колледжи.

Общее руководство сферой высшего образования осуществляется Госсоветом через подчиненные ему ведомства. Государство создает вузы на средства бюджета, а также поощряет их создание и финансирование профессиональными, предпринимательскими организациями, общественными коллективами, другими общественными организациями и гражданами. Из действовавших в 2010 г. 2358 вузов 75 подчиняются Министерству образования, 38 — центральным органам управления, 1569 — местным властям, а 676 принадлежат частным собственникам. Государство финансирует в первую очередь сельское образование (в 2006—2010 гг., например, на него было выделено 218,2 млрд юаней, и оно является полностью бесплатным) и элитные вузы (на нужды 30 ведущих университетов на 2010—2012 гг. в бюджете заложено около 85 млрд юаней).

Система распределения на работу после окончания вуза отменена. Учебные планы и программы утверждаются непосредственно самими вузами. Государственный комитет по вопросам образования (организованный вместо Министерства просвещения) только контролирует выполнение основных требований. Распространяются факультативы и европейская система зачетных единиц (за весь период обучения). Организуются вечерние и заочные отделения, экстернат. С 1997 г. отменен старый порядок приема в вузы, разделявший студентов на две категории — принятых на учебу по директивному плану государства и принятых в дополнение к государственному плану. Все студенты принимаются в едином порядке и должны платить за обучение. Стоимость обучения, финансирование учебного процесса и источники поступления средств устанавливаются административными органами Госсовета и провинций в зависимости от себестоимости обучения в каждом отдельном случае. Плата за обучение не должна

превышать 25 % от общих расходов университета и составляет на одного человека от 5 тыс. до 10 тыс. юаней в год, а в частных вузах на 25—30 % выше. Для тех студентов, кто переживает финансовые трудности, открыт банковский кредит. Число ежегодно поступающих в вузы выросло с 1,08 млн до 6,65 млн за период с 1998 по 2010 г., а общее количество студентов составляет 40 млн человек.

С самого начала реформ китайские власти взяли курс на открытость высшего образования. Первые 860 студентов выехали из страны на учебу еще в 1978 г., в 1984 г. таких насчитывалось уже 3400, а в 2009 г. — 2,3 млн. По мере роста их количества государство все более либерально относилось к решениям выпускников относительно их возвращения на родину. Однако в последние годы правительство разработало соответствующий план и добилось того, что в 2009 г. в страну вернулись 1,1 млн выпускников зарубежных вузов. Параллельно Китай открывал и свою систему образования для иностранных студентов и специалистов. Если в 1978 г. всего 78 университетов могли принимать иностранных студентов, чье общее число составило 469 человек, то в 2010 г. 620 вузов страны приняли 265 000 иностранцев. В 1978 г. в вузах КНР работали 102 профессора и преподавателя из других стран, в 1989 г. — 686, а в 2009 г. — более 11 000.

За годы реформ Китай совершил большой прорыв: неграмотность была практически полностью искоренена в конце 1990-х годов, обязательным 9-летним образованием сейчас охвачено 90 % детей школьного возраста. Возобновили работу Центральный научно-исследовательский институт педагогики, а также аналогичные НИИ в ряде провинций и крупных городах. К концу 80-х годов прошлого века действовало более 30 научных учреждений в области педагогики и народного образования. В середине 90-х годов были запущены две амбициозные программы — «Проект-211» и «Проект-985», цель которых — вывести в сжатые сроки ведущие китайские университеты на мировой уровень. Основное внимание было сосредоточено на Пекинском университете и университете Цинхуа, которые получили большую финансовую помощь.

Рост доходов и демонстрационный эффект западного общества потребления объясняют имитационный характер китайского потребительского спроса, внедрение в сознание людей потребительских стереотипов (что некоторые рассматривают как потерю национальной идентичности). Однако объективные обстоятельства перенаселения и нехватки ресурсов ставят барьеры на потребительском ажиотаже. В настоящих условиях недостаточное развитие сферы социально-

го обеспечения сокращает государственные расходы на потребление. Поддерживаемая традиционным культом скромности и бережливости привычка откладывать «на черный день» изымает из текущего потребления до 1/3 доходов населения.

Высоко оценивая китайские реформы с точки зрения их влияния на жизнь людей, нельзя закрывать глаза на то, что Китай еще не освободился от целого ряда сложных социальных проблем, доставшихся в наследство от старых режимов — и дореформенного, и дореволюционного. Более того, само проведение реформ по выбранному сценарию дало немало негативных последствий в виде растущей имущественной дифференциации и нарушений социальной справедливости.

6.5. Имущественная дифференциация

В дореформенном Китае распределение было достаточно равномерным, хотя разговоры о всеобщей уравниловке следует считать явным преувеличением. Прослойка «ганьбу» (административных и партийных управленцев) пользовалась многочисленными льготами, удовлетворяя свои потребности из государственного «кармана» и на законных, и на незаконных основаниях.

За годы реформ на место прежнего «равенства в бедности» пришла имущественная дифференциация, которая уже превышает масштабы, типичные для многих слаборазвитых стран. Индекс Джини, определяющий степень неравномерности распределения доходов в обществе, вырос с 0,3 в 1981 г. до 0,346 в 1990 г.²² Пик был достигнут в 2008 г. — 0,491, после чего в 2014 г. наступило некоторое снижение — до 0,469, превысившее все же критическую отметку в 0,4²³. Форсированная индустриализация за счет сельского хозяйства закрепила существенную разницу в уровне жизни горожан и сельских жителей. Расхождения в доходах на душу населения в деревне и городе достигли в 2012 г. соотношения 1:3,1 против двукратного соотношения к концу 1-й пятилетки и пропорции 1:2,57 в 1978 г. По данным ректора Народного университета, в 2004 г. на 10 % самых богатых китайских семей приходилось 45 % личного состояния всех жителей КНР, а на 10 % самых бедных — всего 1,4 %, т. е. в 32 раза меньше. К 2009 г. эта разница выросла до 40 раз²⁴.

Имущественная дифференциация возникла в силу разных причин. Во-первых, ее породила экономическая стратегия «опоры на

лучших», что усилило различия между городом и деревней, приморскими и внутренними районами. Во-вторых, сказалась политика оплаты труда с учетом разных форм собственности и отраслевых приоритетов. Из трех видов предприятий — государственных, коллективных и частных — зарплата работников коллективных предприятий по сравнению с государственными предприятиями оказалась в среднем на 1/4 ниже, а на частных на 1/3 выше. На государственных объектах наиболее высокие оклады существовали в сфере финансов и страхового дела. В-третьих, имущественная дифференциация — порождение рыночных отношений, соотношения рыночных и директивных цен. Крестьяне, занимающиеся растениеводством, имеют доходы примерно в 2 раза ниже, чем работники волостно-поселковых предприятий, в 2—5 раз ниже в сравнении с лицами, занимающимися торговлей и услугами, в 5—8 раз ниже, нежели крестьяне, занятые извозом и строительными работами. В-четвертых, рыночный спрос усилил зависимость от местоположения предприятия, транспортного обеспечения.

Концепция «социализма с китайской спецификой», родоначальником которой явился Дэн Сяопин, делая ставку на индивидуальную и местную инициативу в интересах ускорения экономического роста, допускает наличие имущественной дифференциации. Именно Дэн Сяопин первым кинул клич «пусть одни становятся зажиточными раньше других». В одном из своих выступлений он отметил: «Экономическая политика должна разрешить той части районов и предприятий, той части рабочих и крестьян, которые добиваются больших успехов за счет усердного труда, увеличивать доходы и повышать свой жизненный уровень раньше других. Улучшение жизни у части людей будет иметь колоссальную притягательную силу. Оно повлияет на соседей. И люди из других регионов и организаций начнут подражать их примеру. Все народное хозяйство тогда станет непрерывно развиваться, волнообразно продвигаясь вперед, и народы страны более или менее скоро заживут в достатке и довольстве». Этот лозунг (сродни бухаринскому призыву «Обогащайтесь!»), отвергающий прежние уравнительные иллюзии, должен был поддержать дух соперничества, новаторства и стремления к лучшей жизни.

В китайской статистике сейчас выделяются 5 групп населения: семьи с низкими доходами (малообеспеченные), с доходами ниже среднего уровня, со средними доходами, с доходами выше среднего уровня и с высокими доходами. Китайский ученый Ян Сюшэн на основе деления общества на пять страт, используя в качестве критерия величину

доходов, а также учитывая профессиональную деятельность различных слоев китайского общества, социального положения лиц и их репутацию, делит современное китайское общество на следующие несколько слоев²⁵.

1. Верхний (высший) слой — около 1 % от общего числа всех занятых (на начало XXI в. приблизительно 7 млн человек). Это высшие правительственные чиновники, ответственные должностные лица государственных банков и других государственных учреждений центрального уровня, управляющие крупных государственных предприятий или крупных компаний, владельцы крупных и средних предприятий.

2. Верхний слой среднего уровня доходов. Это часть интеллигенции (приблизительно 300 тыс. человек), управляющие средних предприятий (около 7 млн), наиболее успешные владельцы средних и мелких предприятий (приблизительно 900 тыс.), «белые воротнички» — наемные работники на предприятиях с иностранным капиталом (около 800 тыс.), служащие привилегированных отраслей экономики (валюта, финансы, страхование, телекоммуникации) (приблизительно 20 млн человек). Всего 29 млн 300 тыс. человек, или 4,2 %.

3. Средний класс (средний уровень доходов) — технические специалисты и научные работники, юристы, преподаватели вузов и средних школ, работники в сфере культуры и искусства, журналисты (в масштабе всей страны этот слой интеллигенции составлял около 30 млн человек), служащие государственных учреждений (около 11 млн), низшие слои служащих негосударственных предприятий (примерно 30 млн), рядовые владельцы средних и мелких предприятий и индивидуальные торговцы и предприниматели (около 11 млн человек). Общая численность относившихся к этому слою приблизительно 82 млн, 11,8 % от общего числа занятых.

4. Нижний слой среднего уровня доходов — постоянно занимающиеся сельским трудом (их численность — 330 млн человек), крестьяне, работающие по найму в городе и в деревне (80 млн), рабочий класс (120 млн). Общая численность этого слоя, по оценке автора, приблизительно 480 млн человек, или 69 % от общего числа всех работающих.

5. Наименее обеспеченные. Это беднейшие слои города и деревни, как, например, безземельные крестьяне, безработные и люди, потерявшие работу. Их общее число 100 млн, или 14 %.

Среднедушевой уровень доходов городского начеления и их дифференциация на 2006—2012 гг. представлены в табл. 8.

Таблица 8. Динамика среднедушевого уровня доходов городского населения по пяти имущественным strатам

Имущественные strаты	2006 г.		2010 г.		2012 г.	
	юани	%	юани	%	юани	%
Среднедушевой уровень доходов	11 759,5		19 109,4		24 564,7	
Высший уровень доходов	25 410,8	100,0	41 158,0	100,0	51 456,4	100,0
Верхний слой среднего уровня доходов	14 049,2	55,3	23 188,9	56,3	29 813,7	57,9
Средний уровень доходов	10 269,7	40,4	17 224,0	41,8	22 419,1	43,6
Нижний слой среднего уровня доходов	7554,2	29,7	12 702,1	30,9	16 761,4	32,6
Низший уровень доходов	4567,1	18,0	7605,2	18,4	10 353,8	20,1

Источник: Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо. 2013. С. 105.

Примечание. Расчет в соотношении с высшим уровнем доходов.

Существующая имущественная дифференциация примерно на 30 % обязана своим происхождением разрастающемуся разрыву между городом и деревней. До середины 80-х годов происходило сближение доходов жителей сел и городов. Введение подрядной системы дало кратковременный взлет крестьянских доходов, но затем освоение рыночных свобод имело свои плюсы и свои минусы, разрыв между городом и деревней вновь начал увеличиваться. В 1997—2003 гг. доходы горожан уже росли вдвое быстрее доходов крестьян, в результате чего неравенство достигло трехкратного уровня по денежным доходам и шестикратного с учетом социальных льгот горожан. Максимальный разрыв по доходам был отмечен в 2008 г. — 1:3,33²⁶. В целом рост доходов в городе и на селе в 1978—2012 гг. оказался почти одинаковым — в 11—12 раз, разрыв увеличился с 2,5:1 до 3,1:1, но при значительных расхождениях исходных величин деревня по уровню доходов уступает сейчас городу на целое десятилетие. В городе двухзначные цифры темпов роста доходов населения наблюдались только в отдельные годы — 1979, 1984, 1986, 2002, 2006, 2007 гг. В пределах этих основных имущественных групп (город и деревня) также происходит значительное имущественное расслоение, тем большее, чем менее развитым является район обследования.

Все посещающие Китай отмечают большую разницу в уровне жизни приморских и внутренних районов. Из всех административных единиц пять первых мест по доходам населения занимают Гуандун, Шанхай, Пекин, Чжэцзян, Тяньцзинь. Пять последних — Внутренняя Монголия, Ганьсу, Цзилинь, Хэнань, Шаньси. Доходы сельского населения в самой зажиточной и самой бедной по этому показателю провинции расходятся почти в 5 раз. О сложившемся соотношении провинций по среднедушевым доходам городского населения можно судить по следующим данным (табл. 9).

Таблица 9. Среднедушевые доходы городского населения в провинциях Китая

Регионы	2006 г.		2010 г.		2014 г.	
	юани	%	юани	%	юани	%
В среднем по стране	11 759,5	100,0	19 109,4	100,0	28 843,9	100,0
Северный Китай						
Пекин	19 977,5	169,9	29 072,9	152,1	48 531,8	168,2
Тяньцзинь	14 283,1	121,5	24 292,6	127,1	31 506,0	109,2
Хэбэй	10 304,6	87,6	16 263,4	85,1	24 141,3	83,7
Шаньси	10 027,7	85,3	15 647,7	81,9	24 069,4	83,4
АРВМ	10 358,0	88,1	17 698,2	92,6	28 349,6	98,3
Северо-Восточный Китай						
Ляонин	10 369,6	88,2	17 712,6	92,7	29 081,7	94,5
Цзилинь	9775,1	83,1	15 411,5	80,6	23 217,8	100,8
Хэйлунцзян	9182,3	78,1	13 856,5	72,5	22 609,0	76,4
Восточный Китай						
Шанхай	20 667,9	175,8	31 838,1	166,6	48 841,4	169,3
Цзянсу	14 084,4	119,8	22 944,3	120,1	34 346,3	119,1
Чжэцзян	18 265,1	155,3	27 359,0	143,2	40 392,7	140,0
Аньхой	9771,1	83,1	15 788,2	83,6	24 838,5	86,1

Окончание табл. 9

Регионы	2006 г.		2010 г.		2014 г.	
	юани	%	юани	%	юани	%
Фуцзянь	13 753,3	117,0	21 781,3	114,0	30 722,4	116,5
Цзянси	9551,1	81,2	15 481,1	81,0	24 309,2	84,3
Шаньдун	12 193,2	103,7	19 945,8	104,4	29 221,9	101,3
Центральный Китай						
Хэнань	9810,3	83,4	15 930,3	83,4	23 672,1	82,1
Хубэй	9802,7	83,4	16 058,4	84,0	24 852,3	84,8
Хунань	10 504,7	89,3	16 565,7	86,7	26 570,2	86,2
Гуандун	16 015,6	136,2	23 897,8	125,1	32 148,1	111,5
ГЧАР	9898,8	84,2	17 063,9	89,3	24 669,0	85,5
Хайнань	9395,1	79,9	15 581,1	81,5	24 486,5	84,9
Северо-Западный Китай						
Чунцин	11 569,7	98,4	17 532,4	91,7	25 147,2	87,2
Сычуань	9350,1	79,5	15 461,2	80,9	24 234,4	84,0
Гуйчжоу	9116,6	77,5	14 142,7	74,0	22 548,2	78,2
Юньнань	10 069,9	85,6	16 064,5	84,1	24 299,0	84,2
ТАР	8941,1	76,0	14 980,5	78,4	22 015,8	76,3
Юго-Западный Китай						
Шэньси	9267,7	78,8	15 695,2	82,1	24 365,8	84,5
Ганьсу	8920,6	75,9	13 188,6	69,0	21 803,9	75,6
Цинхай	9000,4	76,5	13 855,0	72,5	22 306,6	77,3
НХАР	9177,3	78,9	15 344,5	80,3	23 284,6	80,7
СУАР	8871,3	75,4	13 643,6	71,4	23 214,0	80,5

Источник: Чжунго тунци чжайяо. 2011. С. 110; Чжунго тунци чжайяо. 2015. С. 65.

Примечание. Проценты рассчитаны по данным статистических справочников.

Критики китайской реформы «слева», ссылаясь на внушительный разрыв в доходах рядовых работников и работодателей, констатируют возрождение эксплуатации. На частных предприятиях разница доходов особенно велика и возрастает по мере увеличения масштабов производства. На предприятиях с числом рабочих 10—30 человек доходы работодателей превышают зарплату рабочего в 15—40 раз, при численности работников 31—50 человек — в 40—70 раз, при числе работников 51—100 человек — в 65—130 раз. Директора некоторых поселково-волостных предприятий получают в год до 1,5 млн юаней. Даже на иностранных предприятиях, где зарплата рабочих значительно выше средней по стране, управленцы-граждане КНР получают примерно в 10 раз больше, чем обычный рабочий. На другом полюсе находятся безработные, пенсионеры, мигранты, крестьяне бедных районов.

Надо признать, что народ долгое время воспринимал приоритетность экономического роста с должным пониманием, и мотивация труда, разрушавшая уравнилительные настроения, благополучно вписалась в контекст рыночных отношений. Но с течением времени поляризация доходов стала восприниматься обществом весьма болезненно. Недовольство населения вызывает не только разрыв между богатыми и бедными, но и растущая коррупция, показное потребление, дискриминация сельских мигрантов, спекуляция землей и другие асоциальные явления.

Выдвинутое на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в конце 2015 г. требование предоставить всем гражданам возможность пользоваться плодами реформ поворачивает социальную политику в сторону большей социальной справедливости. Главным направлением преодоления неравенства провозглашается борьба с бедностью. Масштабная работа по ликвидации бедности началась в Китае в середине 1980-х годов. В 1986 г. была учреждена Руководящая группа Госсовета КНР по вопросам оказания помощи социально-экономическому развитию бедных районов, которая занялась разработкой необходимых в этом деле нормативных актов, научными исследованиями и руководством практической деятельностью. Были разработаны и реализованы несколько специальных программ — «Семилетний план избавления от бедности 80 млн человек (1994—2000 гг.)», «Программа освоения китайской деревни» и аналогичная программа, рассчитанная на 2011—2020 гг. С 1986 г. в Китае трижды корректировали критерий определения бедности. В общей сложности с 1981 по 2009 г. численность бедного населения в Китае сократилась на 678 млн человек (с 835 до

157 млн человек). В 2011 г. порог бедности для сельского населения был повышен с 1274 юаней годового дохода до 2300 юаней, что увеличило число проживающих за чертой бедности на 122 млн человек²⁷. По данным на конец 2014 г., за чертой бедности в Китае оставались 70,17 млн человек. Почти половина бедного населения приходилось на западные регионы страны. В конце 2015 г. была определена задача полностью ликвидировать бедность к 2020 г., т. е. к дате построения «общества сяокан».

6.6. Социальная структура и социальная модель

Несмотря на повышенное внимание, уделяемое китайской наукой изучению социальных сдвигов, преобладающим остается поисковый характер анализа при стремлении расширить его методологию. Особо следует отметить доклад, подготовленный группой специалистов Института социологии АОН Китая под руководством Лу Сюэи²⁸. В 2002 г. доклад в сокращенном виде был включен в десятую по счету «Синюю книгу по социальным проблемам» вместе с работой социолога Ли Цяна (Университет Цинхуа). Доклад подвел итоги социологических опросов в 10 провинциях и городах, в ходе которых были собраны 11 тыс. анкет и проведены почти тысяча интервью. Характерным явилось отступление от марксистской теории классового деления и использование нового для китайской социологии стратификационного подхода, базирующегося на профессиональных отличиях различных категорий населения. Авторами доклада были выделены 10 основных групп населения:

1. *Государственные, партийные руководители и представители высшего звена аппарата общественных организаций* (2,1 %). В структуре этой группы 9,4 % — представители высших, 17 — средних и 57,9 % — низших административных органов. В эту группу также включены главы высших и средних учебных заведений, главные редакторы газет, радио и телевидения, руководители научно-исследовательских институтов.

2. *Хозяйственные руководители высшего и среднего звена, крупные и средние предприниматели* (1,5 %). В эту страту входят директора крупных, средних и мелких государственных и коллективных предприятий, владельцы крупных частных предприятий, менеджеры крупных и средних предприятий с иностранным и смешанным капиталом. Численность этой группы в городе и деревне неодинакова. В городе их

доля в структуре населения составляет 3,4 %, в деревне — 0,4 %. Большинство ее представителей имеют хорошее образование.

3. *Частные предприниматели, владельцы средних и мелких предприятий* (0,6 %). В развитых регионах доля этой страты выше — около 3 %, в менее развитых ниже — 0,3 %. Это люди, которые управляют собственным делом, с числом наемных работников более 8 человек.

4. *Владельцы индивидуальных промышленных и торговых предприятий* (4,2 %). В данную категорию входят те мелкие собственники, у которых число наемных рабочих варьируется в пределах от 1 до 7 человек. Более того, большинство (примерно 80 %) предпочитают обходиться без наемной рабочей силы.

5. *Научно-технические специалисты* (5,1 %). Это профессионалы, имеющие высшее либо среднее образование. Таковы специалисты в области науки и образования, культуры, медицины — 69,3 % от числа лиц данной категории (как правило, работники государственного сектора); инженерно-технические работники — 22,4 %, специалисты в области экономики (бухгалтеры, маклеры, маркетологи и др.) — 8,3 %. В крупных и средних городах численность страты специалистов и НИОКР особенно велика — до 10—20 %, в поселках — 1,5—3 %.

6. *Служащие* (4,8 %). К ним относятся государственные чиновники, работники аппарата общественных учреждений, управлений государственных предприятий (62,4 %), а также так называемый «вспомогательный персонал перечисленных видов организаций» («белые воротнички») — 37,6 %.

7. *Рядовые работники сферы торговли и услуг* (12 %). Сюда входят две группы: квалифицированные специалисты, так называемые «синие воротнички» (повара, водители транспорта, парикмахеры, кассиры, экскурсоводы и т. д.), и выполняющие физическую или вспомогательную работу (охранники, официанты, продавцы, уборщики и т. д.).

8. *Производственные рабочие* (22,6 %), в основном работники физического труда в промышленности и на строительстве. Относительно самостоятельной частью этой страты являются «рабочие-крестьяне», которые по роду своей деятельности не отличаются от городских рабочих, но остаются крестьянами по своему социальному происхождению и прописке и, соответственно, ущемлены в заработной плате, охране труда и социальном обеспечении.

9. *Крестьяне* (44 %). Эта страта объединяет самостоятельных арендаторов, наемных сельскохозяйственных работников, частных и индивидуальных предпринимателей сферы услуг в сельском хозяйстве, рабочих волостно-поселковых предприятий.

10. *Безработные и не имеющие постоянной работы* (3,1 %), включая уволенных с работы по сокращению штатов, лиц, занятых неполный рабочий день, крестьян, потерявших землю и не нашедших постоянной работы («маргиналы» и «слабые группы»).

Приведенное деление дает сравнительно объективную картину социальной структуры китайского населения, тем не менее, вызывает серьезные споры и разногласия методологического характера. Например, многие возражают, что термины «класс» («цзецзи») и «страта» («цзецэн») употребляются на равных. В научных кругах прижился термин «страта». Стратификационную схему поддержали участники Чэндуского форума по вопросам гармоничного общества, который состоялся 10 июля 2010 г. В официальных материалах, например, в Уставе КПК, сохраняется прежнее классовое деление.

Комбинация вышеперечисленных страт позволяет выделить следующие основные уровни социальной структуры.

Элита в виде бюрократов высшего уровня, высшего слоя менеджеров государственных предприятий и корпораций, владельцев крупных частных предприятий. В настоящее время в Китае энергично идет процесс создания крупнейших корпораций, наличие которых составляет общую отличительную черту современного «нового индустриального общества». По линии реальной власти и по политическому влиянию верхушка руководителей крупнейших корпораций фактически сливается с высшей бюрократией, а по своему имущественному положению эти лица не отличаются от собственников крупных частных предприятий.

Средний класс представлен квалифицированными научно-техническими кадрами, мелкими предпринимателями и лицами свободных профессий. Это современная интеллигенция, которую можно считать собственниками интеллектуального ресурса.

К лицам наемного труда принадлежат промышленные рабочие, рядовой персонал торговых учреждений, рядовой управленческий персонал. Здесь важно деление на лиц умственного и физического труда, на работников различных типов предприятий.

Крестьяне с присущей им имущественной дифференциацией по численности почти сравнялись с наемными работниками. В сельской местности главной фигурой стал арендатор с перспективой превращения в самостоятельного фермера с правом найма рабочей силы.

Люмпенизированные слои.

Прямым бенефициарием хозяйственной реформы можно считать китайскую элиту как союз политической и экономической элит. Во-

прос о присоединении к ним интеллектуальной элиты остается открытым. По своим политическим предпочтениям и профессиональным связям интеллектуальная элита примыкает к двум другим элитным стратам, но, хотя она служит важным источником пополнения контингента политических и партийных руководителей, ее основная миссия состоит в их интеллектуальном обслуживании, а имущественное положение только в исключительных случаях «дотягивает» до высшего уровня.

Базовые «народные» страты получили выигрыш на начальном этапе реформы, а затем их положение относительно ухудшилось, особенно в статусном отношении. Происходящее «раскрестьянивание» обусловлено сокращением доли сельского хозяйства в ВВП и массовой миграцией селян в города. В Китае в 2014 г. удельный вес сельского хозяйства в ВВП снизился до 9 %, сельскохозяйственных трудящихся в структуре трудоустройства — до 1/3.

Рабочий класс уже не может претендовать на ведущую общественную роль, которая перешла к управляющей элите. Вместе с крестьянами, низшим слоем профессионально-технических работников, рядовыми чиновниками, единоличниками, работниками низших звеньев сферы торговли и услуг массы города и деревни противостоят элитным и околоэлитным слоям, осуществляющим управление государством, обществом и политической жизнью страны.

Это противопоставление «элиты» и «массы» занимает важное место в концепции Кан Сяогуана, изложенной в его статье «Анализ политической стабильности в континентальном Китае в будущем 3—5 лет», вышедшей в 2002 г.²⁹ В его трактовке главной угрозы дестабилизации, исходящей от «массы», просматривается намек на продолжение в измененном виде борьбы Труда и Капитала. Собственник, управляющий и наемный работник являются основными фигурами формирующихся в настоящее время рынков капитала и труда.

Критической оценки происходящих социальных изменений придерживается и китайский социолог Сунь Липин, который считает, что, начиная с середины 90-х годов XX в., в Китае социальная стратификация привела к появлению «сломанного общества», и проявлением этого является существенное различие между двумя частями — верхним и нижним сословием, находящимися во взаимной изоляции. Это точка зрения называется «излом»³⁰.

С этой критической позицией солидарна Хэ Циньлан, считающая социальную структуру источником нестабильности, так как большая часть китайского общества не может признать законности богатства

немногочисленной общественной элиты, полученной путем маркетизации власти³¹.

В противоположность этим взглядам Лу Сюэи и его коллеги стоят на оптимистической позиции «осовременивания социальной структуры по мере развития рыночных отношений, что приводит к расширению возможностей подъема по ступеням «социальной иерархии». Повышение образовательного уровня, расширение контингента «белых воротничков» предоставляют хорошие возможности для вхождения в высшие сословия. Наряду с этим неизбежно происходит рост среднего класса общества, тогда как верхнее и нижнее сословия общества сужаются. Такая тенденция развития социальной структуры ведет к замене «пирамиды» с фундаментом в виде основных страт «рабочих» и «крестьян» на «эллипс», в котором основным элементом классовой структуры становится средний класс.

Стратегическая установка на построение общества «сяокан» (средний уровень благосостояния) напрашивается на сравнение с существующими на Западе моделями Welfare State (государство всеобщего благосостояния). В опубликованной в 1990 г. книге Г. Эспинг-Андерсена «Три мира капитализма благосостояния»³² были предложены три модели (режима) современного государства всеобщего благосостояния на основании следующих параметров: уровень декоммодификации (детоваризации)³³; стратификация общества (социальное расслоение), государственное вмешательство (интервенция).

Эти модели:

1. Неолиберальная (англо-американская) модель: уровень декоммодификации — низкий; стратификация общества — сильная; государство несет ответственность за определенный минимум социальных гарантий и оказывает адресную социальную помощь в скромных размерах главным образом группам с низким достатком (в основном рабочему классу и иждивенцам), Государственное вмешательство осуществляется не напрямую, а в форме регулирования рынков.

2. Консервативно-корпоративистская модель (франко-германская): уровень декоммодификации — средний; стратификация общества — сильная, способности государства к прямому перераспределению материальных ресурсов невелики. Государство финансирует отдельные социальные программы для различных профессиональных и статусных групп, выступает гарантом частного страхования, ограничивает власть рынка над гражданским обществом.

3. Социально-демократическая (скандинавская, шведская) модель: уровень декоммодификации — высокий; стратификация общества — слабая; привлечение прямой государственной поддержки политики полной занятости и высоких стандартов благосостояния и качества услуг. Принципы универсализма социальных прав (равенство прав рабочих и высокообеспеченных слоев общества) соседствуют с акцентированием индивидуальной автономии³⁴.

Эта классификация относится только к развитым капиталистическим странам, в силу чего не может претендовать на универсальность. Следует также сделать и вторую оговорку, а именно, отсутствие в реальной жизни «чистых» моделей. Скандинавские страны могут быть в целом социально-демократическими, но они не свободны от значимых либеральных элементов. Аналогично, нет строго либеральных режимов. Американская система социального обеспечения основана на принципах перераспределения и обязательности и далека от чисто страховых систем. Экономические реформы президента Ф. Рузвельта, направленные на преодоление Великой экономической депрессии, по крайней мере, на ранней стадии опирались на положения социально-демократической модели. Европейские консервативные режимы включают и либеральные, и социально-демократические составляющие. Отнесение к той или иной модели осуществляется не по абсолютной, а только по относительной доминантности классификационного признака.

Особенностью типологии английского ученого Н. Мэннинга³⁵ является акцент не столько на экономической подоплеке социальной политики, сколько на политической системе управления социальным обеспечением и преференциальном решении социальных проблем. Мэннинг выделяет **плюралистическую модель** («открытое государство», где граждане, индивидуально или в организованных группах, имеют много возможностей влиять на формирование и воплощение социальной политики), **модель элит** (влиятельные индивиды и группы из определенных кругов с общим мировоззрением реально определяют политику), **корпоративную модель** (ключевые корпоративные группы — профсоюзы, представляющие власть и интересы рабочих, бизнес-сообщество и само государство) и **марксистскую** (вся система социальной политики в данном случае приспособляется под интересы сильных экономических групп)³⁶.

В социалистических странах в свое время реализовывалась так называемая патерналистская модель социальной политики, для которой характерно жесткое директивное регулирование производства,

распределения и обмена социальными благами и услугами (высокий уровень декоммодификации), прогрессирующая стратификация, огосударствление социальной сферы, ее отдельных отраслей и учреждений, вытеснение из социальной сферы любых субъектов, способных не только составить конкуренцию государству, но и предложить сотрудничество в решении социальных проблем.

Главная особенность патерналистской (социалистической, этатистской) модели — чрезвычайно слабое развитие рыночных отношений в отраслях социальной сферы. В СССР в таких отраслях, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, практически полностью отсутствовали платные формы услуг, и ресурсы для их развития направлялись из государственного и местного бюджетов и из средств предприятий. В отраслях культуры, связи и физической культуры, на пассажирском транспорте для пользователей устанавливались заниженные по сравнению с себестоимостью цены, требовавшие постоянных и все возрастающих дотаций производителям. В третьей группе отраслей — в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании — исторически сохранялись элементы частной собственности и реального рынка и в открытой, и в скрытой форме (в форме блага и «теневого» экономики).

Другая существенная черта патерналистской модели — существование узкой группы привилегированных лиц и массы рядовых потребителей, вынужденных мириться с урезанием своих нужд и относительным равенством в потреблении материальных благ и услуг. Некоторая компенсация скудного материального положения общедоступностью социальных благ сыграла важную роль в культурном подъеме СССР. На основе бесплатного предоставления наиболее важных услуг была достигнута всеобщая грамотность, улучшены жилищные условия миллионов людей, снижена заболеваемость и положен конец массовым эпидемиям, увеличена продолжительность жизни. Вместе с тем редистрибутивные и уравнивательные методы поддержания благосостояния населения снижали стимулы к труду, отрицательным образом влияли на качество предоставляемых услуг.

Еще одна важная черта патерналистской модели социальной политики — гарантированная всеобщая занятость — была обусловлена мобилизационной политикой экономического роста и отсутствием реального рынка труда. По мере интенсификации общественного производства, сокращения рабочих мест и повышения требований к квалификации рабочих политика всеобщей занятости начала давать сбои. В то же время слаборазвитая система переподготовки и пере-

квалификации кадров не позволяла оперативно реагировать на реструктуризацию народного хозяйства. Следует признать, что применение патерналистской модели социальной политики к российским реалиям во многом было предопределено исторически, соответствовало особенностям российского менталитета и, в приложении к характеру российской социально-экономической и политической ситуации, в течение нескольких десятилетий давало положительные результаты в разных областях социальной сферы. Однако на определенном этапе развития общества патерналистская модель социальной политики стала существенным тормозом для совершенствования социально-экономических отношений.

Такие важные особенности китайской реформы, как переход к рыночной экономике, высокая имущественная дифференциация и важная роль государства, придают столь значимое своеобразие китайской социальной политике, которое позволяет претендовать на наличие самостоятельной модели (табл. 10).

Таблица 10. Варианты социальных моделей

Социальные модели	Декоммодификация	Стратификация	Роль государства
Неолиберальная	+	+++	+
Консервативно-корпоративистская	+	+++	++
Социально-демократическая	++	++	++
Патерналистская	+++	+	+++
Китайский социализм	++	+++	+++

Примечания: «+» — низкий уровень; «++» — средний уровень; «+++» — высокий уровень.

Если оценивать социальную политику в годы реформ, нельзя не признать серьезного расхождения между заявленными целями и достигнутыми результатами. Ушло в прошлое политическое и идеологическое давление на простого человека, расширились возможности решения сложных социальных проблем. Тем не менее, рациональное соотношение экономической эффективности и социальной справедливости до сих пор не найдено. Исходя из имеющихся материальных ресурсов и степени важности отдельных социальных проблем, на первое место ставится решение задач трудоустройства и борьба с бедно-

стью, на более отдаленное будущее отложено кардинальное улучшение системы социального обеспечения.

Об успехах Китая в социальной сфере можно судить по индексу развития человеческого потенциала. Он строится на основании трех показателей: 1) здоровье и долголетие, оцениваемые по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении; 2) доступ к образованию, измеряемый уровнем грамотности населения и степенью охвата населения средним и высшим образованием; 3) уровень экономического развития по душевому показателю ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности юаня и доллара. С индексом 0,699 Китай в 2013 г. занял 101-е место из 186 стран (точно такое же место он занимал и в 1991 г.), хотя в 2007 г. он сумел подняться на 81-е место. По всей вероятности, такая ситуация объясняется пересмотром численности бедного населения из-за изменения критериев бедности. Таким образом, на данный момент по индексу гуманитарного развития, разработанному специалистами ООН (0,644), Китай приближается к странам среднего уровня развития (ниже 0,5 — слаборазвитые страны, 0,5—0,8 — страны среднего уровня развития)³⁷.

Примечания

¹ Чжунго тунцзи чжайяо 2012. С. 39—40.

² Жунго тунцзи чжайяо. 2015. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ *Баженова Е.С.* 1 300 000 000. Население Китая. Стратегия развития и демографическая политика. М., 2010. С. 259—260.

⁵ Эта цифра очень близка к предварительной оценке скрытой безработицы на 2000 г., сделанной Министерством труда КНР в его прогнозных расчетах. См.: *Баженова Е.С.* Указ. соч. С. 198.

⁶ *Ли Абэ.* Развитие рынка труда в Китае. Хунань, 2007. С. 178.

⁷ Чжунго тунцзи чжайяо: 2015. С. 40.

⁸ *Мугрузин А.С.* Аграрные отношения в Китае в 20—40-х годах XX века. М., 1970. С. 105.

⁹ Цзинцзи тичжи бицзяо. 2010. № 5. С. 90—91. Автор ссылается на ежегодники Статуправления КНР по обследованию крестьянских дворов — «Нунцунь чжуху дяоча няньцзянь».

¹⁰ *Ян Цзыхуа.* Дифференциация между городом и деревней, различия между коренными жителями и мигрантами: изучение степени социального обеспечения в миграционном аспекте // Жэнькоу яньцзю. 2011. № 5. С. 11.

¹¹ Тунчоу цзинци шэхуэй фачжань (Скоординированное социально-экономическое развитие). Пекин, 2005. С. 276.

¹² Цзинци тичжи бицзяо. 2010. № 5. С. 94.

¹³ Чжунго тунци чжайяо. 2015. С. 1—2.

¹⁴ Диэрцы чжуаньсин. Чуцзай шицзы лукоу ды фачжань фанши чжуаньбянь : [Вторая перестройка. Новые методы развития на перекрестке пути] // гл. редактор Чи Фулинь. Пекин, 2011. С. 145.

¹⁵ Хуан Цзухуэй, Шао Фэн, Пэн Вэньхуань. Туйцзинь гуньехуа, чэнчжэньхуа хэ нунь сяндайхуа сетяо фачжань : [Способствовать уравниванию развития индустриализации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства] // Чжунго нунцунь цзинци. 2013. № 1. С. 11.

¹⁶ Чжунго тунци чжайяо. 2015. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 60.

¹⁸ Проблемы социального обеспечения в России и Китае. СПб., 2010. С. 111.

¹⁹ Юй Цзюяо. Чжунго цзинци ды году цинкуан юй гэжэнь шоуужу фэньпэй : [Переходное состояние китайской экономики и распределение индивидуальных доходов]. Пекин, 1997. С. 334.

²⁰ Лю Сяньюнь. Пенсионная реформа как необходимость // Правда. 12—15.07.2013.

²¹ «Чжунго моши» ды ваньшань юй «фэньхэнсин цзинци фачжань» : [Совершенствование «китайской модели» и экономическое развитие по типу «выгода достается всем»] // Наньцзин лигун дасюэ сюэбао. 2011. № 5. С. 2.

²² Zhu Cuiping, Guanghua Wan. Rising Inequality in China and the Move to a Balanced Economy // China and World Economy. 2012. No. 1. Vol. 20. P. 86.

²³ Чжан Чжоюань. Фачжань дандай Чжунго макэсычжуи чжэнчжи цзинцисюэ саньти : [Три проблемы развития современной марксистской политической экономии в Китае] // Цзинци яньцзю. 2016. № 3. С. 18.

²⁴ Разница доходов бедных и богатых в Китае достигает 40 раз. URL: [http://www.epochtimes.com.ua/ru/china/economics/raznica-.dohodov-bedn-hy-bogat-\(03.12.2012\)](http://www.epochtimes.com.ua/ru/china/economics/raznica-.dohodov-bedn-hy-bogat-(03.12.2012)).

²⁵ Ян Сюэшэн. Анализ структуры слоев в современном Китае. 2003. С. 3—10. URL: <http://www.da-iun.com.cn/jiecheng.html>

²⁶ Ли Чанмин, Ван Бинбинь. Чжунго чэнсян эрюань цзинци цзегоу чжаньхуань яньцзю : [Относительно сдвигов в дуальной экономической структуре Китая «город—село»] // Цзинцисюэ дунтай. 2010. № 10. С. 76.

²⁷ ИТАР-ТАСС. 25.03.2013. URL: <http://www.biztass.ru/news/id/63549>

²⁸ Дандай Чжунго шэхуэй цзэцэн яньцзю баогао : [Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая] / под ред. Лу Сюэи. Пекин, 2002.

Цит. по: *Лань Цзюэли*. Современные подходы к исследованию социальной стратификации в КНР // Вестник ТОГУ. 2011. № 2 (21). С. 260—262.

²⁹ *Кан Сяогуан*. Вэйлай 3—5 неянь. Чжунго далу чжэнчжи вэньдинсин фэнси (Анализ политической стабильности в континентальном Китае в будущем 3—5 лет) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2002. № 3.

³⁰ *Сунь Липин*. Вомэнь цзай кайши мяньдуй игэ дуаньле дэ шухуэй? : [Не замаячило ли вновь перед нами расколотое общество?] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2002. № 2.

³¹ Чжэнмин. 2002. № 8. С. 40. Цит. по: Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.). М., 2004. С. 254.

³² *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge Polity Press. 1990.

³³ Декоммодификация (или детоваризация) — замещение принципа рыночного распределения товаров государственным обеспечением.

³⁴ *Сидорина Т.Ю.* Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М., 2013. С. 90—100 (типология Г. Эспинг-Андерсена).

³⁵ *Manning N.* The Politics of Welfare // *Social Policy / ed. By Baldock? N/ Manning? S/ Miller? S/ Viskerstaff.* N.Y. Oxford Univ. Press. 1999.

³⁶ Цит. по: *Сидорина Т.Ю.* Указ. соч. С. 90—100 (типология Г. Эспинг-Андерсена). С. 104—105.

³⁷ Цзинцзи яньцзю. 1997. № 8. С. 5.

Глава 7

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ»

Китайские ученые отдают пальму первенства в выдвигании понятия «китайская модель» Дэн Сяопину, который в 1998 г., говоря о том, что китайская революция не копировала советскую модель, предостерегал против имитации чужестранных образцов общественного развития. До этого слово «модель» использовалось достаточно широко, но чаще в инварианте «целевая модель» без определения «китайская». В официальной пропаганде широкое обращение к словосочетанию «китайская модель» наблюдается с 2002 г., когда на XVI съезде КПК был провозглашен перенос центра тяжести партийной и государственной работы на решение социальных задач.

На международной арене полемика вокруг этой идеи развернулась после публикации Лондонским центром международной политики в мае 2004 г. доклада Джошуа Рамо, противопоставившего «Пекинский консенсус» «Вашингтонскому консенсусу», который от лица международных экономических организаций предписывал слаборазвитым странам приватизацию государственных предприятий, широкую либерализацию внешней торговли, сокращение государственных ассигнований на социальные цели. «Пекинский консенсус», в изложении Рамо, отличает от вашингтонского предшественника переосмысление существовавших прежде постулатов в духе либеральных теорий, акцент на устойчивое сбалансированное развитие, посягательство на устоявшиеся каноны, смелое введение инноваций, постепенность и последовательность действий вместо «шоковой терапии». Согласно заключению Дж. Рамо, «китайская модель» демонстрирует «новую физику власти развития», которая приобрела характер достаточно медленного и осторожного проведения многочисленных хозяйственных экспериментов и становится привлекательной для многих стран¹.

В развернувшейся после выхода работы Рамо научной дискуссии приняли участие как китайские, так и иностранные специалисты. В Китае термин «Пекинский консенсус» был встречен с определенной настороженностью из-за его иностранного происхождения и намек на «китайский вызов». Может быть, по этим причинам в ходе дискуссий китайские участники обычно отдавали предпочтение индифферентному термину «китайская модель», который потеснил рассуждения о «консенсусе», а заодно с ним и некоторые прежние идеологемы.

Тематике «китайской модели» был посвящен целый ряд научных совещаний, в частности, она затрагивалась на Азиатском форуме в Боао в ноябре 2003 г., на научном симпозиуме в Китае в августе 2005 г. Второй тур дебатов совпал с начавшимся в 2008 г. глобальным финансово-экономическим кризисом, который поставил под сомнение западную модель развития по неолиберальным рецептам. В ноябре 2010 г. автору удалось принять участие в 4-м Форуме синологических исследований в Шанхае (далее — Шанхайский форум), где полемика на эту тему заняла очень важное место.

7.1. Существует ли «китайская модель» и в чем ее специфика?

Разброс мнений участников дискуссий по вопросу существования феномена «китайской модели» объясним как разным толкованием самого термина «модель» в обществоведческой литературе, так и идеологическими симпатиями участников дискуссий. Научный сотрудник Института Евразии Шанхайской АОН Ху Цзянь выделяет три основные группы дискутантов: 1) позиция полного отторжения понятия «китайская модель»; 2) позиция «за» с рядом оговорок; 3) позиция безоговорочной поддержки. По мнению Ху Цзяня, неприятие «китайской модели» свойственно в большей мере зарубежным специалистам, которые в своих оценках апеллируют к западным ценностям. С их точки зрения, поскольку «китайская модель» явно «не дотягивает» до общепринятых западных стандартов рыночной экономики, рассуждать по поводу «модели» не имеет смысла. Отвергая эту логику, Ху Цзянь считает, что обращение к «китайской модели» позволяет правильно оценить настоящее и предугадать будущее Китая, что отнюдь не исключает дальнейшую эволюцию модели при сохранении ее «ядра»².

К числу иностранных скептиков относится сянганский крупный бизнесмен Цин Шао, который в своей работе «По поводу осуществ-

ления модернизационного проекта Китая» заявил, что какой-то особой «китайской модели», отличной от европейской и американской, просто не может быть. Другой пример — профессор Университета Дж. Хопкинса (США) Д. Лэмптон. По его словам, «следует говорить не о модели, а о способе, позволяющем китайскому народу, составляющему 20 % населения планеты, вступить в качественно новую стадию развития»³.

На Шанхайском форуме 2010 г. ряд иностранных докладчиков также отмежевались от этого научного термина. Например, профессор Чикагского университета Тань Чун сформулировал свое отношение следующим образом: «Я думаю, — сказал он, — что полезнее исследовать цивилизационные последствия устойчивого развития Китая и не пытаться разработать некую “китайскую модель” в геополитическом ракурсе». Представитель Японии Кацзуко Мори отметил, что, хотя Китай за годы реформ добился явных успехов, они не были в должной мере институционализированы. Еще более категоричным оказался Чэнь Цзымин, предложивший прекратить всяческие разговоры о «китайской модели» как полностью беспочвенные. По его мнению, уже с конца XIX в. в Китае не осталось приверженцев особого пути развития. Все китайские лидеры ориентировались на ту или иную западную модель: «Мао Цзэдун сначала копировал советскую модель. Дэн Сяопин предпочитал западную. Когда же Мао Цзэдун попытался изобрести “китайскую модель”, он “попал пальцем в небо”, так и не сумев противопоставить что-либо “советской модели”. После смерти Мао был взят курс на модернизацию по образцу Японии и “четырёх азиатских драконов”. И вот теперь, когда страна только-только начала входить в норму, о прошлом хотят забыть и снова твердят о “ветре с Востока”, снова предлагают отказаться от политических реформ и проповедают преимущества какой-то надуманной “народной демократии”»⁴.

Откровенно нигилистскую позицию демонстрируют далеко не все ученые. Профессор Женевского университета Чжан Вэйвэй в своей статье «Китайская модель как самая неплохая» в перечне специфических черт «китайской модели» на первое место поставил наличие достаточно эффективного правительства с сильными модернизаторскими устремлениями, которое доказало свою способность разработать долгосрочную стратегию реформ в интересах народа и нашло в себе силы для ее реализации. Направленность стратегии на создание социалистической рыночной экономики позволила сбалансировать повышение экономической эффективности и соблюдение социаль-

ной справедливости. Первостепенное значение придавалось подъему народного благосостояния, ликвидации бедности, сочетанию стабильности, реформы и развития. Что касается политических мер, то Китай доказал преимущества эволюционного хода реформ, ранжирования и очередности осуществления намеченных действий. Главная особенность «китайской модели», по мнению Чжан Вэйвэя — это крайне важная роль государства, а главный результат — превращение закрытого аграрного общества в открытую рыночную экономику⁵. К позиции «за» примыкает француз Л. Варон, который в книге «Вызовы Китая» обратил внимание на широкое использование в практике китайских реформ всего ценного из иностранного опыта⁶. Профессор Университета Дж. Вашингтона Г. Хардинг особо отмечает постепенность экономического развития Китая и его «апробацию предпринимаемых действий экспериментальным путем»⁷.

Большинство китайских ученых придерживаются риторики официальной пропаганды и не видят больших различий между «китайским путем», «китайской спецификой» и «китайской моделью». Но кое-кто критикует термин «китайская модель» как ненужный «чужеродный» фразеологизм. По мнению Цяо Синьшэна, «такие понятия, как «Пекинский консенсус» и «китайская модель», служат тому, чтобы втиснуть китайские реалии в западную систему координат, что можно расценить как отсутствие у некоторых представителей китайской науки должного уважения к своим собственным корням»⁸. В некоторых публикациях присутствует нескрываемый скептицизм в отношении преувеличения значимости самой дискуссии. Именно такой настрой продемонстрировали участники беседы в редакции журнала «Цайцзин» — Цай Шэн и Ли Цзэхуо, которые выразили свое согласие с наличием «китайской модели», но одновременно посоветовали «не заикливаться» на ее обсуждении⁹.

Китайские аналитики конформистского толка, избегая открытой полемики по поводу западных ценностей, что может восприниматься за рубежом как «вызов Западу» (не стоит дразнить гусей), зачастую подменяют категорию «модель» (*моши*) схожим понятием «способ» (*фаниши*). Некоторые объясняют свою осторожность в употреблении концепции «китайская модель» опасениями рецидива «пошлой самобытности», т. е. претензий на свою исключительность, что наблюдалось в годы «большого скачка» и «культурной революции».

Директор Института изучения марксизма-ленинизма АОН Китая Чэн Эньсы, полемизируя с теми, кто отрицает правомочность «китайской модели», категорично заявлял, что «китайская модель» уже в ос-

новном сформировалась. Во всех сферах уже существуют необходимые институты. Касаясь разных аспектов «социализма с китайской спецификой», он останавливается в первую очередь на «экономической субмодели», перечисляя 4 главные ее составляющих: 1) многоукладность при главенстве общественных форм собственности; 2) многоканальная система распределения при приоритете оплаты по труду; 3) сложноструктурированная рыночная система при важной роли государственного макроуправления; 4) многосубъектная открытая внешнеэкономическая политика при главенстве принципа опоры на собственные силы. Китайскую политическую модель Чэн Эньсы определяет как «четырёхзвенную» систему при трех константах (руководство партии, власть народа, правовое государство) и четырех главных звеньях государственного управления (система народного представительства, возглавляемая ВСНП, многопартийная система, руководимая КПК; унитарная административная система, включающая районы национальной автономии; самоуправление на нижнем уровне территориально-административной системы)¹⁰.

Среди китайских работ позитивистского характера (категоричная позиция «за») стоит отметить сборник «Китайская модель как главный итог 60-летнего развития КНР», опубликованный в 2009 г.¹¹ Его редактор и автор предисловия профессор Центра международных и китайских исследований при Пекинском университете Пань Вэй дал развернутое изложение своего понимания «китайской модели» как некоей объективной данности. Он предложил рассматривать ее как сочетание трех субмоделей — экономической, политической и социальной.

В экономической модели, называемой им «государственно-частной» (*гоминь моши*), Пань Вэй выделяет 4 главных момента:

1) государственный контроль над использованием земли, т. е. господство общественной собственности на землю (*туди гунъю*) при частном (индивидуальном) владении;

2) государственная собственность в отношении крупных производственных предприятий и главных финансовых учреждений (государственный контроль над финансовыми потоками);

3) свободный рынок рабочей силы, который может считаться одним из самых либерализованных в мире, и количественное преобладание на рынке средних и мелких «народных» предприятий в качестве самостоятельных хозяйственных субъектов;

4) высококонкурентный рынок товаров и капиталовложений, сделавший Китай крупнейшей базой экспортного производства.

По мнению Пань Вэй, два первых института Китая унаследовал от плановой системы. Государственная монополия на землю полностью себя оправдала, поскольку позволила:

- предотвратить концентрацию земли в руках немногих лиц и обеспечить равный доступ крестьян к земле в соответствии с лозунгом «каждому пахарю свое поле», в результате чего было достигнуто довольно справедливое распределение средств производства;
- избавить хозяйственников от высоких цен на землю, что понизило себестоимость промышленной продукции и объектов строительства;
- удержать порядок низкого налогообложения (в отличие от ряда капиталистических государств, где высокий уровень жизни сочетается с высоким налогообложением);
- обеспечить поддержание социальной стабильности, особенно в деревне.

Для характеристики китайской политической модели Пань Вэй использовал термин «народ — основа» (*миньбэнь*), заменив им понятие «демократия» (*миньчжу*). Свой выбор он объяснил разной этимологией этих концептов: в понятии «демократия» народ выступает в роли носителя власти (*чжу* — хозяин), а в термине «*миньбэнь*» народ объявляется «основой», что позволяет рассматривать его одновременно как субъект и объект власти. Модель «*миньбэнь*» в трактовке Пань Вэй имеет четыре главных компонента: 1) преемственность принципам современного гуманизма; 2) конкурсный подбор работников административного аппарата; 3) широкое привлечение к управлению неправительственных политических и общественных организаций; 4) отлаженный механизм «социального лифта» и оценка работы сотрудников правительственных учреждений «по заслугам».

Особое внимание Пань Вэй уделил процедуре принятия управленческих решений и их доведения до исполнителей. Этот метод он называет «*гунгэйчжи*» по аналогии с экономической системой централизованного распределения (планово-директивная система). Все основополагающие решения принимаются в высших органах управления, а уведомление работников нижестоящих инстанций осуществляется по административной вертикали «сверху-вниз». Инициативы граждан проходят процедуру бюрократического отбора и снизу-вверх доводятся до сведения высших органов власти.

Китайская социальная модель (*шэцзя* — общество-семья) в изложении Пань Вэй основывается на авторитете государства, партийном

руководстве, согласовании правительственной политики с общественным мнением, сочетании административного управления с самоуправлением. Семейная этика признается важным регулятором общественных отношений.

С развернутой критикой позиции Пань Вэя выступил сянганский ученый Ян Сюйшэн. Он упрекает всех сторонников «китайской модели» за фактическую поддержку авторитарной системы, подчеркивая особую роль рынка в китайских экономических достижениях, большой вклад в «китайское чудо» дешевой рабочей силы, низких цен на исходное сырье и топливо, предельное сокращение экологических издержек. По его мнению, за пропагандой «китайской модели» стоит целый ряд достижений и недостатков.

К первым он относит:

- смену политики обострения классовых борьбы развернутым экономическим строительством;
- прекращение гонений в отношении неугодных режиму лиц (помещики, богачи, реакционеры, саботажники, «правые элементы») и провозглашение равенства всех граждан;
- запрет на пожизненное занятие руководящих постов в высших эшелонах власти;
- переход от правительства универсального типа по образцу семейного клана к правительству обслуживающего типа, построенному на общественном договоре;
- урегулирование отношений между центром и местами, расширение хозяйственной самостоятельности региональных органов власти;
- отказ от утопических экспериментов, рациональность принимаемых управленческих решений;
- ослабление идеологического зажима, отступление от фальшивого единомыслия;
- отречение от международного противоборства и поддержки революционных движений, предпочтение мирного развития и международного сотрудничества.

Недостатками Ян Сюйшэн считает:

- послушное одобрение существующих политических порядков;
- некритичное восприятие всех реформистских начинаний;
- культ «большого правительства», склонного к ужесточению централизации;
- отторжение западной демократической системы и общечеловеческих ценностей;

- приглушение идеалов «движения 4 мая 1919 г.» с его критикой китайской традиционной деспотической системы;
- слепое возрождение конфуцианских канонов.

Современную «китайскую модель» Ян Сюйшэн определяет формулой «авторитарная политическая система + несовершенный рынок», оговаривая ее современное кризисное состояние. По его мнению, современный Китай не разрешил два главных противоречия — между Трудом и Капиталом, между Бюрократией и Народом, чем и объясняются многочисленные факты социальных протестов. Выход из кризиса он видит в сочетании «конституционно-демократическая политическая система + совершенный рынок».

В статье «Китайская модель и поиски будущего пути развития» профессора Нанькайского университета Хэ Цзыли и его соавторов Цяо Сяонаня и Ли Цзина сделан акцент на государственной функции интеграции территории и поддержания государственной стабильности. Главное назначение государственной администрации — через создание необходимых институтов и правовой системы добиваться бесконфликтности реформистского процесса и поддержания рационального сочетания централизации и децентрализации. Важным положительным моментом авторы считают предоставление местным властям права распоряжаться средствами, остающимися после выполнения налоговых обязательств, что в корне изменило их экономическое поведение. Местные чиновники перестали цепляться за нерентабельные государственные предприятия, стали проявлять большую инициативу в их реформировании, расширили свою поддержку мелким и средним предприятиям. Центральные власти ушли от мелочной опеки местных органов управления. Улучшилась обстановка в отношении преодоления бюджетных ограничений.

Особую значимость реформ авторы увидели в альтернативности новой социальной политики прежней модели мобилизационного типа. Для дореформенного Китая был характерен разрыв между социалистическими целями повышения благосостояния населения и задачами форсированной индустриализации, финансирование которой могло осуществляться только за счет жесткой экономии на оплате труда. При низком уровне развития производительных сил и амбициозных целях ликвидации экономической отсталости выход искали в ограничении потребления и в уравнительном распределении. Плюсами современной социальной составляющей «китайской модели» Хэ Цзыли и его соавторы считают: создание в основном системы распределения рыночного типа с многообразием видов доходов и подключе-

нием к распределению по труду распределения по факторам производства; расширение сферы материального стимулирования, создание механизма трудоустройства конкурентного типа; постепенное введение централизованной системы социального обеспечения¹².

Вместе с тем авторы признают, что радужные надежды на успешное решение социальных проблем в ходе рыночных реформ не оправдались. Темпы повышения доходов населения значительно отставали от темпов экономического роста, и имущественная дифференциации углублялась. Недовольство населения вызывает не только недофинансирование здравоохранения и образования, но и растущая коррупция, многочисленные факты спекуляции с землей, условия жизни сельских мигрантов в городах.

7.2. Формационная принадлежность «китайской модели»

Философский аспект анализа «китайской модели» интересует прежде всего сугубо профессиональный слой ее исследователей. Если понимать «модель» как конкретный набор методов управления хозяйственными процессами, то, казалось бы, нет острой необходимости в жесткой привязке к дуализму «капитализм-социализм» и позволено сосредоточиться на специфике и методах государственного и рыночного управления. Можно понять Дэн Сяопина, который предлагал отложить вопрос системной характеристики китайского общества на будущее и заняться более практичными делами. Но если рассматривать «модель» как важную теоретическую абстракцию, отражающую принципиальные отличия стратегического характера, то без формационных характеристик не обойтись.

По признанию китайских аналитиков, накануне реформы выбор шел между 4 моделями, имевшими определенные временные и «географические» привязки:

- 1) усовершенствованная модель позднесталинского социализма;
- 2) модель «рыночного социализма», которой руководствовались восточноевропейские социалистические страны накануне распада СССР;
- 3) восточноазиатский капитализм при серьезном вмешательстве государства;
- 4) модель свободного рынка по образцу развитых капиталистических стран раннего периода их становления¹³.

К началу 1990-х годов после Тяньаньмэньских событий и распада СССР Китай в основном уже сделал свой выбор, главное — не капитализм развитых западных и восточных стран. Можно использовать элементы капитализма, но капитализм как целевая модель исключен априори.

В качестве примера критики неолиберализма в Китае можно привести Доу Ханьчжана, который разбирает следующие бытующие в научных кругах сомнительные утверждения:

- либерализм пользуется большой популярностью на Западе и сыграл важную роль в модернизации Китая;
- никакая другая доктрина, помимо либерализма, не дала за всю историю человечества столь мощного импульса экономического роста;
- весь ход истории был заполнен стремлением к либеральным идеям свободы и демократии;
- в мире установилось господство западной цивилизации, и она не допустит краха идей либерализма в Китае;
- все философские и мировоззренческие учения по своей целостности и результативности уступают либерализму¹⁴.

Считая «китайскую модель» очевидным фактом, Доу Ханьчжан выступает против постулата «китайская почва, западные семена» и делает вывод, что Китаю отнюдь не прописан либеральный путь развития. В качестве дополнительного подтверждения своей правоты он ссылается на опыт СССР и Югославии, где либерализм оказался главным виновником распада этих государств. Весь пафос его выступления направлен против неолиберализма, который хотя и занял определенные позиции среди студентов китайских университетов, вышедших на площадь Тяньаньмэнь в 1989 г., но оказался фальшивой приманкой и окончательно дискредитировал себя в ходе последовавших экономических кризисов.

В то же время из набора возможных вариантов развития Китая полностью выпал сталинский социализм даже с условным допущением его реформирования. В официальной установке «социализм с китайской спецификой» всеми китайскими комментаторами особо подчеркивается стремление совместить рыночные рычаги повышения экономической эффективности с использованием различных форм собственности на средства производства, с государственным регулированием и соблюдением социальной справедливости. Принципиальным отличием «китайской модели» от советской Ма Луншань, например, считает обращение к рынку, что нельзя расценивать как уступку

капитализму. Говоря о социалистическом характере «китайской модели», он ссылается на авторитет Дэн Сяопина, который «правильно подошел к диалектической связи социализма и капитализма и рассматривал план и рынок как чисто управленческие механизмы (и при капитализме может быть план, и при социализме может быть рынок)»¹⁵. Главным различием капитализма и социализма он признает не дихотомию «план—рынок», а альтернативность частного начала и государственного.

Хэбэйский экономист Цянь Вэймин, обращаясь к теории «рыночного социализма», подчеркивает необходимость соблюдения рационального баланса между двумя регуляторами хозяйственной жизни: «Рыночный и государственный механизмы управления имеют свои достоинства и свои недостатки. Лучший выбор — это их соединение в рамках системы рыночной экономики, где рынок служит базой распределения ресурсов, а государство выполняет важную функцию макрорегулирования... В поисках повышения эффективности производства лучше всего использовать рынок, в установлении социальной справедливости лучше всего полагаться на государство. Так эти два хозяйственных механизма дополняют друг друга, один без другого не может существовать»¹⁶.

На Западе далеко не все исследователи готовы согласиться с принадлежностью Китая к социалистической формации в начальной или в более продвинутой стадии. Основаниями для сомнений в социалистической сущности китайского общества служат такие факты китайской действительности, как социальная дифференциация, низкий охват населения услугами социального обеспечения, власть денег и падение нравов. Еще в конце 90-х годов прошлого века французский ученый Б. Шаванс высказал точку зрения, что китайские реформы 1980-х годов привели к «системному соскальзыванию», появлению специфической постсоциалистической смешанной экономики, где оригинальные китайские инновации сочетаются с явлениями, наблюдающимися в странах Восточной Европы — энергичным негосударственным сектором, растущей множественностью форм собственности, сложной комбинацией частных и общественных форм, их «переплетением» в пределах или вокруг общественного сектора, всевластием партийной верхушки¹⁷.

Сейчас уже мало кого шокирует вывод, что далеко продвинувшийся по пути «догоняющего развития» Китай ориентирован на стандарты развитых капиталистических стран и смирился с издержками жесткой конкуренции. Принятая в реформе модель «асоциального рыночного

хозяйства» позволила сэкономить на дешевой рабочей силе, на социальных издержках и активизировать экономический рост через допущение имущественного и регионального неравенства. Многие западные аналитики рассматривают «китайскую модель» в рамках дальневосточной авторитарно-корпоративной системы, проводя параллели с японской, корейской, тайваньской моделями. Сотрудник Гарвардского университета Вильям Оверхолт в докладе на Шанхайском синологическом форуме 2010 г. подвел итоги своих наблюдений следующим образом: «Китайская модель развития — это вариант феномена “азиатской модели”, хотя в истории подъема каждой из успешно развивавшихся азиатских стран содержится масса уникальных моментов... Приоритеты в “азиатской модели” расставлены таким образом: на первом месте — сельское хозяйство, на втором — легкая промышленность, на третьем — тяжелая промышленность, на четвертом — внутренняя политика, на пятом — внешняя политика»¹⁸. Для социальной политики места, как мы видим, не осталось.

Проазиатская интерпретация «китайской модели» перекликается с ее характеристикой как «государственного капитализма» со значительной свободой экономической деятельности и жесткой политической властью. Согласно этой логике, «китайская модель» аналогична другим госкапиталистическим образованиям кейнсианского и догоняющего типа, включая рейнский госкапитализм, госкапитализм планового типа. Китай объединяет с такими странами соединение государственной собственности и акционированных государственных предприятий с частным иностранным и национальным капиталом. Отличие Китая — активная роль государства с использованием административного и политического аппарата управления. Отсюда интерпретация госкапитализма в Китае как «свободной экономики в сочетании с политическим прессингом».

В китайской научной прессе симпатии все больше склоняются к парадигме «смешанной системы» с широким развитием рыночных отношений при вмешательстве государства и усилении социальной ориентации экономики. Более того, есть предложения рассматривать китайскую экономическую модель как своего рода симбиоз социалистической экономики (государственная собственность на землю, крупные государственные предприятия), капиталистической экономики (рыночное хозяйство, свободный рынок рабочей силы, частная собственность в отношении мелких и средних предприятий) и традиционного хозяйства мелких землевладельцев. Именно такова точка зрения уже упоминавшегося выше Пань Вэя. Но в отличие от запад-

ных аналитиков он целиком и полностью стоит за самобытность «китайской модели», констатируя освобождение от оков советской, а также классической марксистской теории. «Раньше, — говорит он, — мы мистифицировали советский опыт, а сегодня главная задача — уйти от мистификации западного опыта, выскочить из западни западничества... Кризис 2008 г., — продолжает Пань Вэй, — разрушил обе иллюзии, нанесшие нам большой урон: и о “невидимой руке рынка”, и о “вытеснении государственной собственности частной”. Мы учились сначала у СССР, а потом у США. Но наш первый учитель свел счеты с жизнью, а второй попал в капкан мирового кризиса... Теория “китайской модели” поможет нам не сойти с правильного пути, избежать агрессии западных доктрин»¹⁹.

Примером оценки результатов реформы с обращением к историческому наследию может служить работа Вэй Дингуаня. Сравнивая концепты «китайская модель» и «китайский путь», он отдает предпочтение второму, трактуя «путь» как исторические поиски ускоренного и рационального проведения индустриализации и модернизации Китая. Эти поиски дали три варианта китайской модернизации: 1) в представлении реформаторов конца XIX — начала XX в. — Кан Ювэя и Лян Цичао, которые считали возможным трансформировать традиционную феодальную систему; 2) в понимании буржуазных демократов, ориентировавшихся на французский и американский капитализм, представителем которых являлся Сунь Ятсен; 3) в планах коммунистов, симпатизировавших советской модели. «История, — говорит Вэй Дингуань, — предпочла коммунистов и социалистический путь развития, но это вовсе не означает уникальности рецептов “классического социализма” с упором на форсированную индустриализацию... Марксистский социализм — это вовсе не догма одного единственного направления прогресса, а “дорожный знак”, указывающий общее направление движения и конечную цель»²⁰.

7.3. Эволюция «китайской модели» — к рынку или к плану?

Начало XX1 в. следует отнести к завершению этапа ускоренного экономического роста. Несмотря на выдающиеся успехи Китая в области экономики и хор зарубежных похвал, в самом Китае общественность была настроена куда менее оптимистично, многие счита-

ют, что проблем больше, чем достижений. Поставленная задача «углубления реформы» означает перенос акцента с наращивания производства на рациональное распределение. Такое развитие событий предвидел еще Дэн Сяопин, которому принадлежат следующие слова: «Как помочь нашему народу, численностью 1,2 млрд человек, стать богатым и как распределить возросшее богатство — это крайне сложные проблемы. Сейчас мы стоим перед лицом этих проблем, причем проблема распределения является куда более сложной, чем проблема наращивания экономического потенциала... Мы говорили, что сначала надо позаботиться об общем развитии. Теперь мы достигли экономического подъема и вот обнаружили, что сложностей столь же много, как и в начале нашего пути». Эти слова инициатора китайских реформ стали известны только спустя 10 лет после их произношения.

Современные теоретические споры относительно будущего направления реформ фокусируются вокруг проблемы соотношения «плана» и «рынка». Одной из самых заметных фигур группы ревностных сторонников рыночной системы является известный китайский экономист У Цзинлянь. Развитие Китая в течение 30 лет до реформы он оценивает резко отрицательно: «При плановой экономике индустриализация была проведена за счет массивных капиталовложений и мобилизации трудовых ресурсов при столкновении интересов города и деревни, что негативно сказалось на темпах индустриализации и урбанизации и на повышении экономической эффективности»²¹. Реформа, по его мнению, способствовала перетоку ресурсов из низкоэффективных сфер в высокоэффективные, примером чего может стать массовая миграция из сел в города, достигшая масштабов 250 млн человек. За счет сельскохозяйственных угодий площадь городов увеличилась на 70 тыс. кв. км, что равно площади Ирландии. Недостаток внутреннего спроса был восполнен беспрецедентным расширением китайского экспорта. «Открытая» внешнеэкономическая политика позволила нарастить экспорт и импорт, подтянуть технический уровень китайской промышленности.

Несовершенство сложившейся «китайской модели» У Цзинлянь усматривает в главенствующей роли государственного сектора, что проявляется в преобладании государственных предприятий в наиболее важных стратегических отраслях, в расширении полномочий местных властей, которые распоряжаются такими важными ресурсами, как земля и финансы, вмешиваются в хозяйственную деятельность предприятий. Он констатирует: «Таким образом, китайская экономи-

ческая система включает в себя как новые рыночные механизмы, так и старые методы административного управления. Такая система может прогрессировать в сторону расширения рыночных отношений либо регрессировать в сторону старой плановой системы». Чтобы избежать регресса, он рекомендует проводить параллельно экономические и политические реформы, утверждая свободу рыночных отношений, устанавливая режим правового государства и защищая демократические ценности. Связанную с мировым экономическим кризисом тенденцию усиления роли государства следует, по его мнению, считать временным отступлением, затормозившим переход от «полуплановой — полурыночной системы» к свободному рынку по образцу развитых западных стран²².

Таким же рьяным рыночником зарекомендовал себя другой видный китайский экономист Гао Шанцюань. Отмечая повышенный интерес к «китайской модели», вызванный противостоянием Китая мировому экономическому кризису, он говорит: «Я не возражаю против обсуждения “китайской модели”, но я против признания главенствующей роли государства в проведении реформ и против создания “контролируемого рынка”. Такая позиция меняет направление наших реформ и делает ненужным какое-либо “углубление реформы”. Нельзя временные меры выхода из кризиса выдавать за суть “китайской модели”. Государственная политика должна быть направлена на развитие рынка, а не на его свертывание. Чрезмерный акцент на “китайскую модель” можно интерпретировать как завершение реформы и даже как отказ от углубления реформы»²³.

С развернутой критикой позиции У Цзинляня и Гао Шанцюаня выступил профессор Сианьского финансово-экономического института Сюй Юлунь. Напомнив о существующем прозвище У Цзинляня — «глашатай рынка», он выразил свое несогласие с уничижительной оценкой дореформенной системы. На протяжении 20 лет, начиная с 1952 г., среднегодовой темп роста китайской экономики составлял 8,2 %, что не так далеко от достижения реформы. Его перечень экономических моделей включает 4 варианта, повторяя вышеупомянутую схему группы китайских авторов во главе с Хэ Цзыли:

- 1) постсталинская модель;
- 2) модель рыночного социализма;
- 3) модель управляемого рынка;
- 4) модель свободного рынка.

У Цзинлянь, по заключению Сюй Юлуна, симпатизирует четвертой модели, переоценивая достижения западных стран.

«Социализм с китайской спецификой» близок к третьей модели, расставляющей приоритеты следующим образом:

- *исходя из теории начального этапа социализма*: главенство общественной собственности на средства производства, «государственный сектор — руководящее начало»;
- *с позиций рыночной ориентации*: рынок — база преобразований, план — «руководящая сила»;
- *с точки зрения соотношения централизации и децентрализации управления*: многообразие форм предприятий — главное, многоэтапность правительственных органов — руководящий принцип управления²⁴.

Критикуя взгляды Гао Шанцюаня, Сюй Юлунь особо останавливается на подмене понятия «социализм с китайской спецификой» тезисом «народный социализм» с 5 главными принципами:

- 1) вместо «человек — основа основ» (*и жэнь вэй бэнь*) словосочетание «народ — основа основ» (*и минь вэй бэнь*);
- 2) рыночная экономика — база социально-экономического развития;
- 3) главная цель — всеобщее благосостояние;
- 4) установление демократической политической системы;
- 5) процветание китайской национальной культуры.

Сюй Юлунь отмечает, что среди этих принципов нет главенства общественной собственности, отсутствует понятие «контролируемого социалистического рынка», не уточняется смысл демократии как союза рабочих и крестьян, нет упоминания о марксистской идеологии, т. е. исключены все принципы, характерные для «социализма с китайской спецификой». По заключению Сюй Юлуна, его оппонент на деле защищает капитализацию Китая. Реформе мешает не пропаганда «китайской модели», а мифологизация «Вашингтонского консенсуса»²⁵.

Что касается сюжета оригинальности китайских преобразований, то выводы китайских и западных аналитиков, несмотря на их различные политические симпатии, во многом совпадают. Причина — всеми признанная специфика китайской цивилизации. В китайских публикациях утверждается, что за успехами последних 30 с лишним лет стоит 60-летняя история существования КНР, 100-летняя история борьбы за национальное возрождение, 2-тысячелетняя история китайского государства, 5-тысячелетняя история китайской цивилизации. В связи с этим многие вспоминают сформулированные Дэн Сяопином «три табу» — не подражать Западу, не подражать другим социалистическим странам, не игнорировать свои собственные воз-

возможности. В исчерпании имитационного пути развития свою роль сыграл последний мировой кризис, нанесший сильный удар и по капитализму, и по неолиберальной идее. В упоминавшейся выше коллективной работе во главе с Хэ Цзыли говорится:

«30 лет реформ уже остались позади. Сложилась особая китайская модель модернизации. В связи с этим встает вопрос, будет ли Китай в политических, экономических и социальных вопросах и дальше ориентироваться на Америку, Англию и новые азиатские страны или же, полагаясь на самого себя, пойдет новым путем? Ясно одно, что совершенствование “китайской модели” должно быть творческим, а не имитационным процессом. Мы уже в основном создали рыночную систему и видим, что в развитых капиталистических странах рыночная система дает сбои. По нашему мнению, задача имитационной трансформации уже выполнена. Мы должны и впредь изучать, анализировать и использовать передовой зарубежный опыт, но центр тяжести всей работы нужно сместить с подражательства на творчество. Нужно все лучше познавать нашу действительность и, перенимая зарубежный опыт, укреплять в себе дух новаторства, творчески совершенствовать “китайскую модель”» (Хэ Цзыли, Цяо Сяонань, Ли Цзин. Чжунго моши юй молай даолу таньсо : [Китайская модель и поиски будущего пути развития]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/31929.html> (перепечатка из журнала «Шэхуэй кэсюэ яньцзю». 2009. № 2))²⁶.

По мнению этих авторов, за прошедшие годы Китай успешно перенимал многие западные институты, дальнейшее усиление роли рынка ведет к нежелательной маркетизации культурной среды, столь отличной от западной. Пролонгация действующей модели чревата утратой национальной специфики.

Предложения авторов по дальнейшему реформированию Китая и усовершенствованию «китайской модели» в экономической сфере выглядят следующим образом:

- сохранение главенства общественной собственности и контролируемого рынка, что позволяет мобилизовать необходимые ресурсы и эффективно регулировать распределение;
- рационализация принятия экономических решений при согласовании действий центрального правительства, органов власти на местах и отдельных предприятий;
- укрепление макрорегулирования рыночной экономики со стороны государства;
- создание действенной системы материального стимулирования.

Касаясь политического аспекта «китайской модели», авторы отмечают необходимость укрепления государственных институтов управления, позволяющих отслеживать легализацию реформистского процесса и осуществлять прогрессивные политические преобразования, включая дальнейшее расширение прав местных органов власти, особенно в финансовой сфере.

Наиболее важными преобразованиями в социальной сфере авторы считают освоение новой системы распределения при дополнении оплаты по труду многообразными формами распределения по факторам производства; усовершенствование механизма трудоустройства; создание системы социального обеспечения правового характера с участием государства, коллективов предприятий и самих работников²⁷.

Известный современный политолог, директор научно-исследовательского института Сингапурского государственного университета Чжэн Юннань в своей книге «Глобализация и государственная трансформация в Китае» также апеллирует к китайской истории.

«Рассматривая китайскую модель развития, — пишет он, — можно сказать, что 30 лет реформ Дэн Сяопина и 60 лет с момента образования КНР недостаточно для анализа китайской действительности. Китайскую модель необходимо рассматривать с начала развития китайского государства в целом, а также с появления конфуцианства, его становления и развития в Китае» (*Zheng Yong Nian. Globalization and State. Transformation in China. Cambridge University Press. 2004. P. 21—23*)²⁸.

К характерным чертам китайской стратегии реформ Чжэн Юннань относит такие цивилизационные особенности Китая, как важная роль государства и наличие смешанной экономики. «Если обратиться к истории, то частная, или «народная», экономика существовала в Китае испокон веков. При этом в старом Китае никогда не было целиком огосударственной или целиком приватизированной экономики». Спецификой современной «китайской модели» он считает также политику открытости и толерантности с лозунгом «Китайская цивилизация является основой и фундаментом, а в западной цивилизации можно позаимствовать оригинальные дополнения». Заслуживает внимания его несогласие с устоявшимся положением относительно первичности экономической и вторичности политической реформы в Китае (по срокам и по значению). С его точки зрения, нет оснований для рассуждений об отставании политической реформы. Все годы реформ в Китае шло становление политических ин-

ституты, что обеспечило необходимый социальный и политический порядок. Используемые методы политического и административного управления были согласованы с требованиями защиты прав собственности, столь необходимыми при становлении частного сектора. По его словам, экономическая модель — это порождение китайской политической модели. Именно из-за традиционно высокой роли государства в Китае невозможна приватизация по западному образцу²⁹.

Походя упоминая о том, что обсуждение политической системы до сих пор остается в Китае полузапретной темой, Чжэн Юнньань дает такую оценку современной ситуации: «С началом империалистической интервенции Китай предпринял несколько попыток перейти на западную политическую модель, но они оказались безуспешными. За более полувека войн и революций традиционная императорская власть мало-помалу переродилась в партийную власть современного типа. В итоге традиционная императорская власть и современная партийная власть имеют между собой немало общего. В том и другом случае это — меритократическая власть (власть элиты) с тем отличием, что императорская власть отвергала какие-либо реформы, а партийная власть в состоянии модернизироваться. В западной политической системе проблемы решаются экстравертным способом при открытом противостоянии проправительственных и оппозиционных сил. Другое дело Китай, где и старая императорская власть, и современная партийная пытаются решать возникающие противоречия интровертным способом, не допуская открытой политической борьбы. Партийная власть — это ядро китайской политики»³⁰.

Японский социолог Кодзуко Мори в своем выступлении на Шанхайском форуме синологов 2010 г. перечислил 4 варианта моделей перспективного развития Китая:

- 1) общая модернизационная модель, ставящая целью утверждение рынка и демократии (иначе говоря, либерализационная модель);
- 2) восточноазиатская рыночная модель с важной ролью государства;
- 3) традиционная модель управления, основанная на возрожденных конфуцианских ценностях;
- 4) модель «Китай есть Китай», специфическая модель, противостоящая трем вышеуказанным и широко обсуждаемая в среде китайских ученых.

После пика обсуждений «китайской модели», который пришелся на 2009—2011 гг., полемика приобрела более спокойный характер, но вопрос о специфике китайского пути развития не утратил своей ост-

роты. Один из наиболее авторитетных китайских экономистов Фань Ган дает свое видение ответа на него: «В чем же состоит специфика китайского пути развития? Прежде всего, мы — страна, одновременно осуществляющая два перехода. Во-первых, мы осуществляем переход от отсталой экономики к экономическому подъему и еще не завершили его. Во-вторых, этот подъем проходит в условиях перехода от плановой экономики с доминированием общественной собственности к многоукладной рыночной экономике. С такой ситуацией не приходилось сталкиваться ни развитым, ни развивающимся странам. Если сравнивать с бывшим Советским Союзом и восточноевропейскими странами, то они начали перестройку уже после завершения индустриализации, им не пришлось переживать несправедливость экономической отсталости, процесс перестройки у них носил одноразовый характер. Мы же находимся в положении перманентной революции. У нас до сих пор сохраняется большой массив государственных предприятий, сохраняется государственное регулирование. Образовалась специфическая система, единственная в своем роде. Развитие экономики происходит в таких специфических условиях, где есть и много недостатков, и много достижений. Сформировалась не похожая на другие страны “модель развития”»³¹.

Примечания

¹ См.: *Карнеев А.М.* Пекинский консенсус против Вашингтонского? Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения // Материалы Российской научно-практической конференции МИД РФ. М., 2007. С. 179.

² *Ху Цзянь.* Чжэнлунь чжун ды Чжунго моши : нэйхань, тудянь хэ и : [Обсуждение «китайской модели»: ее содержание, особенности и значение] // Теория социализма с китайской спецификой. 2010. № 10. С. 16.

³ URL: <http://news.sohu.com/20081009/n259935195.shtml>

⁴ *Living Together, Growing Together China and the World Integrate* : [Мирное сосуществование, совместное развитие. Путь интеграции и Китая в мировое сообщество] // Материалы 4-го международного форума синологических исследований. Шанхай. 2010. С. 39.

⁵ *Чжан Вэйвэй.* Чжунго моши ши «цзуй бу хуай» ды моши : [Китайская модель как «самая неплохая»].

⁶ URL: <http://cache.tianya.cn/publicforum/content/worldlook/1/176908.shtml>

⁷ URL: <http://www.shekebao.com.cn/tbch/node160/ula1450.html>

⁸ *Цяо Синьшэн*. Гоцзячжуи ды лиши чжунцзе : [Конец истории этатизма]. URL: <http://news.sohu.com/20081009/n25935195.shtml>

⁹ *Цай Шао, Ли Цзэхуо*. Фаньдуй сяньцзайды Чжунго моши : [Сейчас не время рассуждать о «китайской модели»] // Цайцзин. 2010. № 24.

¹⁰ *Чэн Энъсы, Ху Лэмин, Лю Чжимин*. Чжунго моши яньцзю ды жогань наньдянь : [Некоторые сложности в изучении «китайской модели»] // Вестник Хэбэйского университета экономики и бизнеса. 2011. № 1.

¹¹ Пань Вэй. Дандай Чжунхуа тичжи — Чжунго мошиды цзинци, чжэн-чжи, шэхуэй цзеши : [Современная китайская система — описание экономической, паолитической и социальной субмоделей] // Чжунго моши: цзеши Жэньминь гунхэгоды 60 нянь : [Китайская модель: 60-летие КНР]. Пекин, 2009.

¹² *Хэ Цзыли, Цяо Сяонань, Ли Цзин*. Чжунго моши юй молай даолу таньсо : [Китайская модель и поиски будущего пути развития]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/31929.html> (перепечатка из журнала «Шэхуэй кэсюэ янь-цзю». 2009. № 2).

¹³ Там же.

¹⁴ Доу Ханьчжан. Шэй цзай тяочжань Сифан цзыючжуи чжиду : [Кто бросает вызов западной либеральной системе?] URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=37551>

¹⁵ *Ма Луншань*. Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи ши «Чжунго моши» : [Социализм с китайской спецификой — это и есть «китайская модель»]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=37775>

¹⁶ *Цянь Вэймин*. Шичан шэхуэйчжуи лилунь: цзиюй яньцзинь гуаньцзюэ ды игэ шуйпин : [Теория рыночного социализма: подход с точки зрения эволюции взглядов] // Цзинци тичжи гайгэ. 2010. № 4. С. 23.

¹⁷ *Шаванс Б.* Эволюционный путь социализма // Вопросы экономики. 1999. № 6.

¹⁸ Материалы 4-го Международного форума синологических исследований. С. 22.

¹⁹ *Пань Вэй*. Чжунго цзинци моши ши цзоу сян чэнгун ды моши : [Китайская экономическая модель — модель движения к успеху]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=33347> (Перепечатка из журнала «Хунци». 2010. № 8).

²⁰ *Вэй Дингуань*. Нестандартные решения и их результаты: «китайский путь» на фоне мировых событий // Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи лилунь. 2010. № 10. С. 9.

²¹ *У Цзинлянь*. Чжунго моши хайши годусин тичжи? : [«Китайская модель» или переходная система?] // Цайцзин пинлунь. 2011. № 1.

²² Там же.

²³ *Гао Шанцюань*. Цяндяо «Чжунго моши» кэнэн удао гайгэ : [Акцентирование «китайской модели» может ущемить реформу] // Жэньминь лунтань. 2012. № 7.

²⁴ *Сюй Юлунь*. Шэхуэйчжуи шичан цзинци ши шэммо моши : [Какой моделью можно считать социалистическую рыночную экономику?] // Дандай цзинци яньцзю. 2011. № 12.

²⁵ *Сюй Юлунь*. Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи ды цзибэнь тичжи : [Основные характеристики «социализма с китайской спецификой»] // Макэсычжуи яньцзю. 2012. № 4.

²⁶ *Хэ Цзыли* и др. Указ. соч. Электронный ресурс.

²⁷ Там же.

²⁸ *Zheng Yong Nian*. Globalization and State. Transformation in China. Cambridge University Press. 2004. P. 21—23.

²⁹ *Cheng Yung-nian*. The Chinese model of Development and International Perspective// Social Science in China. Vol. XXX1, № 2. May 2010. P. 48.

³⁰ *Чжэн Юннъянь*. Чжунго мошиды хэсинь ши шэммо? : [В чем суть китайской модели?] URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=33605>.

³¹ *Фань Ган*. Чжунго цзиннянь юй ли лунь чуаньчинь : [Опыт Китая и теоретические инновации] // Цзинци яньцзю. 2015. № 12. С. 12.

Глава 8

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА «КИТАЙСКОГО ЧУДА»

8.1. «Китайское чудо» с оговорками

Давным-давно, на излете 50-х годов прошлого века вождь китайского народа Мао Цзэдун замыслил возродить величие своей многострадальной страны, только что пережившей революцию, за три года догнать и перегнать развитые капиталистические страны и войти в историю, подарив миру образец нового общественного устройства. Современные китайские исследователи, признавая утопичность и авантюризм «большого скачка», оправдывают его творца тем, что «он хотел лучшего» (но не получилось!). Этот провальный эксперимент остался в памяти его жертв. Многомиллионные людские потери отозвались наступившим позднее «демографическим эхом», но сохранилась мечта о преодолении исторически сложившейся экономической отсталости, о зажиточной и духовно насыщенной жизни, о равенстве и справедливости. Через 20 лет метаний и поисков за ее осуществление взялись наследники Мао Цзэдуна, которым потребовалось не три года, а три с лишним десятилетия, чтобы поднять на небывалую высоту мощь и авторитет своей великой страны, покончить с беспросветной нуждой и дать всем надежду на лучшее будущее.

Успехи китайской реформы многие называют «китайским чудом». Такое определение Китай заслужил, став мировым рекордсменом по продолжительности высоких темпов экономического роста, завершив в относительно сжатые сроки первый этап индустриализации, перейдя на современный режим воспроизводства населения (низкая смертность, низкая рождаемость, высокая продолжительность жизни). Заслугой реформаторов можно считать сохранение целостности территории страны, поддержание необходимой политической стабиль-

ности, повышение благосостояния населения. Секрет китайского успеха состоит и в том, что реформа не сопровождалась разрушением госинститутов, как в большинстве республик бывшего СССР.

За 35 лет небывалого экономического подъема Китай совершил несколько «переходов»:

- от страны с низким уровнем развития к стране с мощным экономическим потенциалом;
- от аграрной страны к аграрно-индустриальной;
- от плановой к регулируемой рыночной экономике;
- от начального этапа социалистического строительства с огосударственной экономикой к смешанной экономике с большой долей частного сектора.

Впечатляют не только сверхвысокие темпы роста ВВП (в 1979—2014 гг. — 9,7 %), но и их устойчивость. После 1990 г., когда рост упал до критической отметки в 3,9 %, в 1991—2014 гг. амплитуда колебаний составила 7,4—14,3 %. За годы реформ была создана комплексная экономическая система, включающая многоотраслевое сельское хозяйство, полный набор промышленных отраслей, развитую инфраструктуру. Начатые в 1978 г. экономические преобразования, открывшие эру китайской Реформации, превратили Китай в подлинного экономического гиганта и «всемирную фабрику» с поистине астрономическими масштабами производства. КНР принадлежит первое место в мире по добыче каменного угля, выплавке стали, производству цемента, химических удобрений, по производству электроэнергии. Страна вышла в мировые лидеры по выпуску таких современных видов промышленной продукции, как автомобили, цветные телевизоры, компьютеры, сотовые телефоны. Особым приоритетом пользуются отрасли высокой технологии, переживающие подъем от стадии становления к стадии стабильного развития. По объему ВВП (рассчитанному по паритету покупательной способности), по производству многих видов промышленной продукции и даже по объему внешне-торгового оборота Китай уже перегнал Соединенные Штаты. Существуют прогнозы, что через каких-то 10 лет он будет выпускать четверть всей производимой в мире продукции. О динамике и масштабах промышленного производства КНР свидетельствуют данные табл. 11.

В начале XXI в. Китай, завершая средний этап индустриализации, приступил к переходу от количественного наращивания производства к экономической реструктуризации качественного характера. Если в первые 10 лет реформ в центре внимания находились сельское хозяйство и легкая промышленность, а во второе десятилетие особен-

Таблица 11. Динамика производства наиболее важных видов промышленной продукции в КНР (1978—2012 гг.)

Виды промышленной продукции	1978 г.	2000 г.	2010 г.	2014 г.
Каменный уголь, млн т	618	1384	3428	3874
Нефть, млн т	104,05	163,0	202,4	211,4
Природный газ, млрд куб. м	13,73	27,2	95,8	130,2
Электроэнергия, млрд кВт·ч	256,6	1355,6	4207,2	5649,6
Сталь, млн т	31,8	128,5	637,2	822,7
Прокат, млн т	22,1	131,5	802,8	1125,6
Цемент, млн т	65,2	597,0	1881,9	2476,1
Хлопчатобумажные ткани, млрд м	11,03	27,7	80,0	89,4
Химические волокна, млн т	0,3	6,9	30,9	43,9
Автомобили, млн ед.	0,15	2,07	18,26	23,73
Бытовые холодильники, млн ед.	0,03	12,8	73,0	88,0
Бытовые кондиционеры, млн ед.		18,3	108,9	144,6
Интегральные схемы, млрд ед.		5,9	65,2	101,5
Микрокомпьютеры, млн ед.		6,7	245,8	350,8
Цветные телевизоры, млн ед.		39,4	118,3	141,3
Мобильные телефоны, млн ед.		52,5	998,3	1627,2

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо. 2015. Пекин, 2015. С. 114—116.

но быстро росли отрасли бытовой техники, то с 2000 г. высокую динамику показали: металлургическая, угольная, нефтехимическая промышленность, стройиндустрия, лесобработывающая, производство транспортного оборудования, что сопровождалось «утяжелением» промышленной структуры. Подлинными локомотивами экономического роста стали такие отрасли, как жилищное строительство и автомобильная промышленность, а также транспортное и дорожное строительство. За счет широкомасштабного инфраструктурного строительства вперед вырвались отрасли «третьей сферы» и высокой технологии. Великая азиатская держава больше не согласна довольст-

воваться ролью «мировой фабрики» и намерена сменить свой бренд «сделано в Китае» на новый — «изобретено в Китае». Принят ряд законодательных актов, обеспечивающих правовую основу ускоренного научно-технического прогресса, включая Закон КНР о научно-техническом прогрессе. Китай овладел технологией производства мощных ядерных реакторов и межконтинентальных баллистических ракет, стал третьей страной в мире, которая обладает возможностями и технологиями выхода человека в открытый космос. К 2020 г. планируется создать обитаемую космическую станцию для длительного пребывания человека в космосе. КНР располагает большим количеством современного вооружения и боевой техники, постепенно расширяет национальное производство вооружений, налаживает работу 114 зон высокотехнологичного развития, реализованная добавленная стоимость продукции которых составляет 10 % от ВВП страны¹.

Хотя по некоторым важным экономическим показателям (душевое производство промышленной продукции, доля машиностроения и передовых производств в валовой продукции промышленности, разнообразие ассортимента продукции и ее качество) Китай продолжает отставать от экономически развитых стран, но и здесь наблюдаются большие перемены. Если в 1978 г. на душу населения выплавлялось только 33,2 кг стали, то в 2015 г. — 601,7 кг. Душевое производство электроэнергии за те же годы выросло с 268,4 до 4132,2 кВт·ч, цемента — с 68,2 до 1811,1 кг, нефти — с 108,9 до 154,6 кг, угля — с 0,65 до 2,8 т.

Изменения в структуре экономики идут в согласии с общемировыми тенденциями. За второе десятилетие реформы сельское хозяйство потеряло 12 п.п. своего участия в ВВП, а за третье — даже 15 п.п., его доля в ВВП сократилась до менее 10 %². При этом абсолютные данные свидетельствуют о значительном прогрессе сельского хозяйства: его валовая продукция в 1978—2014 гг. выросла в 7,5 раз, сбор продовольственных культур в 2015 г. перевалил за 600 млн т. Сегодняшнее душевое производство продовольствия, близкое к 450 кг, достаточно для обеспечения нормального питания населения и создания необходимых запасов, что гарантирует продовольственную безопасность страны. Серьезные изменения произошли в структуре сельского хозяйства, осуществлен переход от монокультурного земледелия, базирующегося на выращивании зерновых культур, к многоотраслевому растениеводству, дополненному животноводством, лесным и рыбным хозяйством. Сформировалось «большое» сельское хозяйство, составной частью которого стали несельскохозяйственные отрасли — воло-

стно-поселковая промышленность, строительство, торговля, транспорт, услуги. Эти отрасли заняли ведущее место в структуре аграрной сферы, способствуя повышению занятости сельского населения, росту его доходов. На сельских предприятиях работают более 150 млн человек, в доходах крестьян примерно 40 % приходится на вторичную (обрабатывающие отрасли промышленного производства) и третичную (сфера услуг) сферы экономики³.

Повышение доли сферы услуг в ВВП позволяет говорить о подлинной революции в инфраструктурной области. Эксплуатационная протяженность железных дорог достигла 121 тыс. км, в том числе было проложено 19 тыс. км высокоскоростных железных дорог, что составило 60 % от их общей протяженности в мире. Предметом гордости китайских строителей стала ультрасовременная железнодорожная магистраль Цинхай—Тибет на высоте более 4000 м над уровнем моря. Успешно развивается автотранспортная система. Автодороги с твердым покрытием соединяют все населенные пункты. Хотя первые скоростные автомагистрали начали строить только в 1988 г., сейчас Китай уже вышел по их общей протяженности (более 120 тыс. км) на 2-е место в мире.

В настоящее время достигнуты все «эталонные» показатели «модернизации», которые прогнозировались в 70-х годах XX в. (табл. 12). Согласно выводам доклада группы Хэ Цзяньши, Китай в 2007 г. по первичной модернизации занимал 70-е место среди 131 стран мира с индексом 87 %. 100%-ный уровень первичной модернизации должен быть достигнут к 2015—2016 г.⁴ Индекс вторичной модернизации в 2007 г. составил 40 %, что пока не позволило ему покинуть группу развивающихся стран, но дало такую надежду на ближайшее будущее. Раньше всех расчетного уровня вторичной модернизации достигнет Шанхай. В 2018 г. к нему присоединится Пекин, в 2021 г. — Гуандун, в 2026 г. — Тяньцзинь. Последними будут провинции Ганьсу (2062 г.), Цинхай (2065 г.), Гуйчжоу (2070 г.), Тибетский автономный район (2090 г.).

По мнению академика Сергея Глазьева, Китай становится лидером Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором формируется новое ядро экономического роста, соответствующее шестому глобальному технологическому укладу, и его благоприятное развитие в будущем во многом будет зависеть от успехов его инновационной политики⁵.

В целом за годы реформ внешнеторговый оборот КНР вырос с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 4303 млрд долл. в 2014 г., что ставит ее по этому показателю на первое место в мире⁶. Китай является самым

Таблица 12. Степень модернизации Китая

Показатели	Стандартный уровень модернизации	2000 г.	2010 г.	2014 г.	Высокий уровень модернизации
Душевой уровень ВВП, долл.	Более 3000	949	4433	6807*	9000
Доля первичного сектора в ВВП, %	12—15	15,1	10,1	9,2	Ниже 10
Доля сферы услуг в ВВП, %	Более 45	39,0	43,2	48,24	Выше 60
Доля занятых вне сферы сельского хозяйства, %	Более 70	50,0	63,3	65,2	80 %
Городское население, %	Более 50 %	36,2	49,9	54,77	75 %
Естественный прирост населения, %	Менее 10	7,58	4,79	5,21	7,0
Доля грамотных во взрослом населении, %	Более 80	Около 80	Около 80	Около 80	90
Доля студентов среди молодежи, %	10—15	9,8	26,5	30**	20
Число пациентов на 1 медработника, человек	Менее 1000	1834	1633	729**	500 человек
Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	Более 70	70	75	76**	75

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо, 2012. С. 170; 2015; С. 17, 20, 23, 172.

Примечание: * 2013 г., ** условный расчет.

крупным мировым экспортером, на который приходится более 10 % мирового экспорта. По объему золотовалютных запасов (более 3 трлн долл.) ему нет в мире равных.

Другим стал облик страны и ее жителей. Достижение когда-то желанного уровня «тепла и сытости» можно наблюдать чисто визуально. Китайцы стали нормально питаться, хорошо одеваться, посещать раз-

личные развлекательные мероприятия, увлекаются туризмом. Современная, четвертая по счету, «потребительская революция» сделала объектами обывательских вожделений хорошую квартиру, личный автомобиль, зарубежный тур или даже получение образования в престижных зарубежных университетах. Итоги кампании по искоренению нищеты в Китае признаются беспрецедентными в мировой практике. Значительно повысилась обеспеченность жильем, улучшилось качество жилья. Китайская молодежь имеет широкий доступ к информации, стремится не отставать от моды, занимает высокие места в международных спортивных соревнованиях.

Подытоживая итоги реформы, можно сказать, что в успехах Китая большую роль сыграли правильный выбор стратегии реформы, сочетание традиционной политики этического управления и передового зарубежного управленческого опыта. Особо следует отметить привлечение следующих факторов: 1) жесткая демографическая политика, позволившая уменьшить нагрузку на экономику (в результате падения естественного прироста населения Китай «недополучил» порядка 400 млн человек); 2) наличие больших контингентов дешевой рабочей силы; 3) государственная монополия на природные ресурсы, дешевизна земли; 4) высокая норма накопления, масштабные внутренние инвестиции; 5) широкое привлечение иностранного капитала; 6) развитие рыночных отношений и частного сектора при наличии макрорегулирования, емкий внутренний рынок; 7) техническая реконструкция производства и существенное повышение его эффективности (*total effect productivity*); 8) взвешенная структурная политика, повышение доли несельскохозяйственной занятости и новых видов производства; 9) открытая внешнеэкономическая политика и активное участие в ее проведении китайской зарубежной диаспоры; 10) использование благоприятной внешней конъюнктуры для реализации экспортной ориентации экономики; массовый импорт высокотехнологичной продукции; 11) удержание заниженного курса юаня, что способствовало экспортной экспансии Китая.

Рассчитывая на поддержку своих инициатив в народе, китайские реформаторы не игнорировали надежные рычаги централизованного управления и смело шли на расширение местной и индивидуальной экономической свободы. Примечательна тактика эволюционных преобразований с внесением инноваций без разрушения существовавших институтов, с постоянным отслеживанием проводимого курса и проведением необходимых корректировок. Быстрый экономический рост сопровождался чередованием фаз либерализации и «урегу-

лирования», привлечением многочисленных экспериментов, гибким использованием местных особенностей.

Правильным оказалось начало реформы с сельского хозяйства, решительный роспуск «народных коммун», который соответствовал чаяниям крестьян и их традициям индивидуальной работы на земле. Оправданными можно считать темпы либерализации экономики при сочетании «шокового» варианта в сельском хозяйстве и осторожного подхода в городском секторе. Предоставление крестьянам хозяйственной свободы и значительное одноразовое повышение заработной платы рабочим в самом начале реформы создало ту атмосферу доверия руководству, которая была необходима для крупномасштабных изменений.

Надо отдать должное высокому уровню компетентности и сплоченности правящей элиты. Освободившись от идеологических догм и значительно модернизировав теорию социализма, китайские реформаторы не отказались от марксистского учения, дополнили его нравственными постулатами конфуцианства, что в совокупности создало прочную идейную базу правящей партии, консолидировало «традиционное ядро» китайской цивилизации.

Были у китайской реформы и сугубо специфические моменты природно-географического и историко-цивилизационного происхождения. В их числе большая численность трудоспособного населения и огромное аграрное перенаселение, низкая оплата труда и слабая правовая защита населения, неразвитость социальной сферы. Традиции «азиатского способа производства» с характерной для него «верховой собственностью» объясняют важную роль государства и свойственную ему «свободу рук». Государство активно участвовало в проведении экономической политики (политика занятости, структурная, социальная, внешнеэкономическая, денежно-кредитная, бюджетная), продемонстрировало инициативность и способность обеспечить надежность работающих институтов, необходимых для рыночной экономики, успешно справлялось с усложнением проблем и растущими масштабами экономики. Высокая норма накопления, поддержанная исторически сложившейся склонностью населения к сбережениям, обеспечила приток массивованных внутренних инвестиций. Удержание государственного контроля над денежными потоками позволило управленцам манипулировать кредитно-денежной политикой, благодаря чему среднегодовые темпы инфляции составили немногим более 10 %. Сказалось на темпах и существенное улучшение показателя эффективности производства в результате миграции населения из сельской местности

в города и технической реконструкции производства. Решительный отказ от протекционизма при наличии благоприятной внешней конъюнктуры и активном участии в проведении внешнеэкономической политики китайской зарубежной диаспоры помог поднять эффективность экспортной ориентации экономики, нарастить импорт высокотехнологичной продукции и масштабы привлеченного иностранного капитала. Заниженный курс юаня несомненно способствовал китайской экспортной экспансии. Несмотря на то, что степень эксплуатации трудящихся осталась высокой, но значительное повышение жизненного уровня, решение проблемы занятости, предоставление свободы передвижения вкупе с умелой пропагандой сделало тяготы реформационной перестройки менее болезненными для населения.

Вместе с тем недочеты законодательной системы, слабость профсоюзов объясняют произвол властей в отношении изъятия земли у крестьян и их переселений в специальные поселки, увольнений с предприятий «излишков» рабочей силы, отлучения сельских мигрантов от системы социального обеспечения. Приходится признать, что беспрецедентный экономический подъем достался Китаю высокой ценой огромных капиталовложений, серьезных экономических диспропорций, слишком высокой зависимости от конъюнктуры мирового рынка, катастрофического ухудшения экологической обстановки. Колоссальные масштабы промышленного производства были достигнуты при игнорировании таких важных проблем, как рациональное использование энергии и сырья. Удельный расход энергии в Китае в 3 раза превышает среднемировой уровень. Истощение природной среды при нехватке природных ресурсов создает опасность чрезмерной зависимости Китая от импорта сырья и топлива. Мобилизационная модель экстенсивного экономического роста породила значительную имущественную дифференциацию, возникновение целого ряда социальных противоречий. Отставание доходов трудящихся от роста ВВП ограничивало величину совокупного спроса, что при ухудшении конъюнктуры на мировых рынках стало тормозом дальнейшего экономического роста.

8.2. Претензии и опасения сомневающих

Хотя достижения Китая вроде бы являются очевидными, находятся откровенные скептики, заявляющие, что пока не ясно, «чудо» это или не вполне удавшийся эксперимент⁷. Претензии, прежде все-

го, предъявляются к сомнительному качеству китайской статистики. Некоторые иностранные эксперты находят как объективные причины искажения данных (трудности подсчета показателя ВВП и плохое состояние статистической отчетности, нехватка специалистов), так и отрицательные последствия важной роли субъективного фактора (навязывание плановых заданий и подтасовки рапортов об их выполнении). В некоторых случаях пекинские власти прямо обвиняются в фальсификации статистических сведений с целью их завышения. Однако у таких судей находятся оппоненты, которые отмечают ряд моментов, заставляющих подозревать не завышение, а занижение официальных данных — слишком большие масштабы экономики и наличие множества мелких объектов, вынужденное ограничение сферы статистических наблюдений, большая доля натурального производства, укрытие доходов со стороны мелких предпринимателей. Существует и третья точка зрения — констатация фактов как завышения, так и занижения статистических данных

Предвзятое отношение к китайским экономическим публикациям можно объяснить инерцией недоверия к работе статистической службы. В годы «культурной революции» страна очутилась в состоянии «статистического вакуума», большинство специалистов в этой области были либо репрессированы, либо направлены на «трудовое перевоспитание», почти все статистические учреждения прекратили существование. Участники варварских погромов изъяли и уничтожили тысячи статистических отчетов.

Но с самого начала реформы отношение к статистике стало меняться. С целью ликвидации статистического «голода» было проведено несколько крупномасштабных статистических обследований: в 1977 г. — перепись рабочих и служащих предприятий государственного и коллективного секторов, в 1978 г. — перепись объектов капитального строительства, обследование материальных запасов и состояния торговых учреждений. В марте 1978 г. воссозданное Статистическое бюро было выведено из-под контроля Госплана и переведено на положение государственного комитета, подчиняющегося непосредственно Госсовету КНР (Государственное статистическое управление). На него была возложена ответственность за формирование научно обоснованных статистических показателей, за подготовку специалистов, Если в 1979 г. в статистических учреждениях выше административного уровня уездов работало всего 11 тыс. человек, в том числе в ГСУ КНР — только 193 человека⁸, то в течение 1980 г. статистические управления были созданы и укомплектованы во всех выс-

ших административных учреждениях (за исключением Тибета), при 23 министерствах. За годы 6-й пятилетки (1981—1985 гг.) была задействована разветвленная система статистических органов, состоящая из трех основных звеньев: 1) система государственных статистических органов при народных правительствах разных ступеней (вплоть до уезда), возглавляемая ГСУ; 2) ведомственная статистическая служба; 3) статистические отделы при первичных хозяйственных организациях и при волостных правительствах, ведущие текущую статистическую отчетность. В декабре 1983 г. на 3-м заседании Постоянного комитета ВСНП 6-го созыва прошло обсуждение и принятие «Статистического кодекса», установившего единый порядок предоставления, обработки и публикации статистических данных. Фальсификация статистических данных была квалифицирована как уголовно наказуемое преступление. Регулярная отчетность специализированных статистических учреждений служит главным каналом статистической информации. Помимо этого, много важных сведений дают всеохватывающие и выборочные статистические обследования, проводимые по решениям Госсовета КНР. К их числу относятся переписи населения, промышленности и сельского хозяйства, отдельных отраслей и регионов.

С каждым годом объем статистической информации стал расти, как снежный ком. Первым таким официальным документом считается официальное сообщение об итогах выполнения народно-хозяйственного плана в 1978 г., что было сделано впервые после 18-летнего перерыва. С тех пор регулярно публикуются материалы сессий ВСНП и статистических переписей. Восстановленное в мае 1980 г. издательство «Статистика» взяло на себя огромный труд по составлению и подготовке к печати статистических ежегодников. Первый такой справочник увидел свет в 1981 г. («*Чжунго тунци няньцзянь*» и его сокращенный вариант «*Чжунго тунци чжайяо*»). С 1983 г. «*Чжунго тунци няньцзянь*» начал выходить ежегодно и обрастать дубликатами по отдельным отраслям и регионам. Издательство Общества по городской экономике с 1986 г. приступило к публикации ежегодника по городам Китая. В мае 1987 г. газета «Жэньминь жибао» оповестила о выходе первого ежегодника по населению Китая. Существуют аналогичные издания по промышленности, по сельскому хозяйству, по транспорту и связи.

Прошла серия мероприятий по совершенствованию методологии статистических исследований. В связи с переходом на международную систему национальных счетов было решено отказаться от прежних показателей совокупной продукции промышленности и сельско-

го хозяйства, а также национального дохода и перейти на расчеты валового внутреннего продукта (ВВП). Показатель ВВП появился в таблицах статистического ежегодника впервые в 1988 г., потом он не раз корректировался и в целях демонстрации общей динамики развития был рассчитан в ретроспективном порядке. В 1993 г. Китай после смены стандартов системы национальных счетов (СНС) в ООН окончательно перешел на западную методологию подсчетов ВВП, сделав его основным ориентиром экономического подъема. С тех пор страна начала жить в условиях «диктата ВВП». Все регионы и отрасли включились в соревнование за достижение более высоких показателей темпов роста, что периодически поднимало градус экономического перегрева до «точки кипения».

С самого начала введения показателя ВВП в его адрес посыпались замечания такого порядка: 1) неадекватное отражение экономической ситуации вследствие того, что в равной мере учитывается как реализованная, так и нереализованная продукция (не дошедшая до конкретного потребителя) и допускается повторный счет; 2) зависимость этого показателя от чисто организационных преобразований и его сдерживающее влияние на процесс объединения предприятий; 3) индифферентная роль при стимулировании экономики отечественного и импортного сырья и оборудования; 4) трудности подсчета и нестыковка с показателем чистой продукции.

Какое-то время за рубежом продолжалась отлаженная в годы «статистического голода» практика экспертных оценок. Ссылаясь на разного рода «погрешности» китайской статистики и отступления от западных канонов (наличие нескольких «потоков» цен, сомнительные оценки земли, отличный от стандартного набор предоставляемых услуг и др.), Всемирный банк вплоть до середины 90-х годов в своих обзорах по Китаю предпочитал использовать собственные расчетные показатели. Однако по мере улучшения китайской статистики доверие к ней заметно возрастало. Положительно воспринимались постоянный контроль в Китае за работой статистических органов, согласование общего порядка сбора и распространения статистических данных с международными требованиями.

После многочисленных экспертиз специалисты Всемирного банка пришли к выводу, что система статистических показателей Китая является достаточно надежной и по набору показателей в целом соответствующей международным стандартам, хотя и уязвима в отношении транспарентности методологии расчетов и сферы наблюдений⁹. В 1998 г. после переговоров между представителями Всемирного бан-

ка и китайскими официальными лицами МБ отказался от своих перерасчетов китайских официальных данных. С другой стороны, как бы в подтверждение своей лояльности к международным экономическим органам, китайское ЦСУ стало довольно часто обращаться к оценкам иностранных экспертов.

В начале 90-х годов МВФ и МБ решили более не полагаться на традиционный метод пересчета юаней в доллары по обменному курсу, занижающий экономические потенциалы развивающихся стран. По новой методологии сравнения разных стран с использованием паритета покупательной способности валют объем китайского ВВП оказался равным на 1991 г. от 1600 млрд долл. (оценка МВФ) до 2200 млрд долл. (оценка МБ), т. е. в 4 раза большим фигурировавшей до тех пор экспертной оценки приблизительно в 400 млрд долл., что поставило Китай по этому показателю на 3-е место в мире после США и Японии¹⁰. Уже в 1995 г. Китай перегнал Японию, а в 2000 г. его доля в общемировом ВВП поднялась до 1/10, что равнялось приблизительно половине соответствующего американского показателя. Тем не менее, и в международных кругах, и в самом Китае эта «новость» была встречена с массой оговорок. С учетом того, что душевой показатель ВВП равнялся приблизительно 1/5 от среднемирового показателя, Китай в канун нового тысячелетия еще не избавился от своего статуса развивающейся страны.

Критика китайских экономических темпов производится также с точки зрения их «реального наполнения», причем такой скепсис наблюдается и со стороны самих китайских исследователей. Говоря о «скрытых институциональных просчетах» в процессе быстрого экономического роста, сотрудник Чжуншаньского университета (Гуандун) Чжу Фуцянь приводит следующие цифры. На 1 долл. произведенной продукции в Китае затрачивается энергии в 4,3 раза больше, чем в США, в 7,7 раза больше, чем в Германии и Франции, в 11,5 раза больше, чем в Японии. Если исключить это разбазаривание ресурсов и экологические потери, реальный рост может составить 78 % от номинальной величины. «Наши успехи, — говорит он, — достигнуты за счет тяжелого труда всего народа и его немалых лишений»¹¹.

К признанию завышения ВВП статистики приходят и при подсчетах «зеленого ВВП». По мнению профессора Чжу Вэньюаня, участвовавшего в разработке стратегии устойчивого развития, если учесть негативное воздействие производственной и другой деятельности человека на природную среду, ВВП Китая следует понизить на 22 %¹².

Во время мировых экономических кризисов и при случающихся в Китае неполадках всегда находятся недоброжелатели, предсказывающие скорый провал китайской экономики. До сих пор Китай успешно опровергал эти прогнозы, сохраняя высокие темпы роста. Сейчас, когда темпы роста начали снижаться, алармистские предупреждения появляются все чаще.

В Китае уже давно раздавались голоса в пользу некоторого сокращения темпов роста в целях борьбы с «экономическим перегревом». Снижение роста в отраслях тяжелой промышленности, где наблюдается значительный избыток мощностей, позволило бы менее болезненно совершить необходимые структурные перестройки в пользу сельского хозяйства и инфраструктурных отраслей. Вполне безопасным считалось понижение темпов до 7,5—8 %.

9 ноября 2014 г. на саммите руководителей торгово-промышленных предприятий в рамках АТЭС Си Цзиньпин впервые сформулировал понятие «нового нормального состояния китайской экономики» и указал на три его основные особенности: 1) переход от сверхбыстрого роста к умеренно быстрому; 2) структурные изменения в пользу отраслей третьей сферы; 3) вместо массированных инвестиций инновационный характер стимулирования экономического роста. Идея «новой нормы» была положена в основу решений 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва 2015 г. и принятого им 13-го пятилетнего проекта развития народного хозяйства (2016—2020 гг.) с девизом «согласованное развитие». В числе главных задач — новый этап индустриализации и реформы госпредприятий, модернизация сельского хозяйства и создание «новой социалистической деревни», оздоровление финансов, развитие «мягкой силы» государства. Установленный целевой показатель экономического роста 6,5 % в год позволяет вплотную приблизиться к выполнению задачи удвоения ВВП за 2016—2029 гг.

8.3. Перспективы развития Китая — модернизационный и традиционный подходы

Самих китайцев и тех, кто наблюдает за развитием страны из-за рубежа, больше всего интересует вопрос о прочности «китайского чуда», тесно связанный с тем, к какому будущему придет страна и посредством каких реформ. Все официальные китайские прогнозы по-

мещаются в пространстве двух координат. Одна из них демонстрирует степень модернизации и ведет свое начало от Программы четырех модернизаций Чжоу Эньлая, сорванной «большим скачком», а потом и «культурной революцией». Другая — привязывает китайский прогресс к древним представлениям китайцев о переходе от хаоса к процветанию. В контексте национального возрождения и постепенного формирования некоей новой «третьей» модели социально-экономических отношений, отличной от систем капитализма и социализма, общий процесс будущего развития Китая подразделяется на несколько 10-летних и 20-летних этапов, завершающихся круглыми датами:

1) 1978—1990 гг. — от абсолютной нищеты к уровню «*вэньбао*» (тепла и сытости);

2) 1990—2000 гг. — от уровня «тепла и сытости» к достижению уровня «*сяокан*» (умеренного благосостояния, «малой зажиточности»);

3) 2000—2020 гг. — от уровня «*сяокан*» к обществу «*сяокан*», иначе говоря, к умеренному достатку в потреблении, включая предоставление широкого комплекса общественных услуг;

4) 2020—2030 гг. — совершенствование общества «*сяокан*»;

5) 2030—2050 гг. — от общества «*сяокан*» к обществу «*датун*» (всеобщее единство, всеобщее процветание).

«В 1949 г. 540-миллионный китайский народ начал свой экономический подъем. В 1978 г. при численности населения в 1 млрд человек он приступил к комплексным реформам. В 2000 г. при населении 1,2 млрд человек Китай развернул построение «общества *сяокан*» (среднего достатка). К 2030 г. он при населении 1,4 млрд человек достигнет уровня полной зажиточности. К 2050 г. при том же населении 1,4 млрд человек Китай завершит процесс модернизации страны» (*Ху Аньган, Янь Илун и Вэй Син. «2030. Чжунго. Ваньсян гунтун фуюй» : [Китай. 2030. На пути к всеобщему процветанию]. Центр изучения национальной специфики Китая при Университете Цинхуа. Пекин, 2011*)¹³.

Древнему понятию «*сяокан*», которое занимает промежуточное положение в древнекитайском учении о трех этапах возрождения Китая, придаются достаточно конкретные ориентиры. В самом начале реформы Дэн Сяопин предложил ориентироваться на душевой показатель ВВП 800—1000 долл. как уровень достижения «модернизации китайского типа» в первом приближении, употребив при этом дефиниции «семья-*сяокан*» и «государство-*сяокан*». В 1984 г. он уже гово-

рил об обществе «сяокан», в котором еще не достигнуто общее благосостояние, но уже наблюдается приемлемый материальный достаток. В конце 1981 г. на 4-й сессии ВСНП 5-го созыва премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян, по существу реанимировав Программу «четырёх модернизаций», официально сформулировал задачу увеличить годовой объем совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства за 20 лет в 4 раза, значительно поднять уровень народного потребления. Эта общая задача в дальнейшем была конкретизирована в ряде документов, касающихся развития науки и техники на 1986—2000 гг.: программа «Искра» (повышения технического уровня деревни и прежде всего сельской промышленности), программа развития высоких технологий «863», программа «Факел» (развитие технопарков). В «Основных положениях средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006—2020 гг.» была сформулирована задача превращения Китая к 2000 г. в государство инновационного типа с высоким вкладом науки и техники в экономическое развитие (до 60 %) и существенным снижением технической зависимости от импорта. За 10—15 лет предполагалось завершить первую стадию модернизации в рамках глобального перехода от аграрной цивилизации к промышленной.

XIII съезд КПК (1987 г.) сделал особый акцент на роль науки и техники в модернизации страны и наметил осуществление «трех шагов модернизации» в течение следующих 70 лет (до середины XXI века): к концу 1980-х первое удвоение производства, второе удвоение к 2000 г., включая доведение душевого производства введенного в статистический оборот нового показателя валового внутреннего продукта до 800 долл. Поставленные задачи были в основном выполнены уже к 1995 г. После всех уточнений оказалось, что в 2000 г. ВВП Китая вырос по сравнению с 1980 г. в 6,2 раза, т. е. на 50—70 % выше предварительного прогноза (от 3,5 до 4,2 раза).

В 1991 г. в десятилетний план и в план 8-й пятилетки был включен список из 16 целевых установок, знаменующих достижение уровня «сяокан» к 2000 г.: 1) ВВП на душу населения — 2500 юаней (по курсу 1980 г. это соответствовало 900 долл.); 2) доходы на душу городского населения — 2400 юаней; 3) доходы на душу сельского населения — 1200 юаней; 4) жилая площадь на одного городского жителя — 12 кв. м; 5) на одного сельского жителя 15 кв. м деревянных домов или с металлическим каркасом 6) суточное потребление белков на одного человека — 75 г; 7) асфальтированная площадь в городах — 8 кв. м на одного человека; 8) в сельской местности наличие дорог с

твердым покрытием у 85 % населенных пунктов; 9) коэффициент Энгеля (доля питания в потреблении) — 50 %; 10) грамотность взрослого населения — 85 %; 11) ожидаемая продолжительность жизни — 70 лет; 12) смертность младенцев — 3,1 %; 13) доля расходов на образование и культуру в бюджете — 11 %; 14) наличие телевизоров в 100 % семей; 15) лесопокрытость территории — 15 %; 16) соблюдение основных гигиенических правил в 100 % уездов. В 1990 г. соответствие этому показателю в среднем было на уровне 48 %, в 2000 г. — 96 %¹⁴.

В 1997 г. на XV съезде КПК речь шла уже о более высоком уровне «сяокан», достижение которого было отодвинуто на 2010 г. Тогда же Государственное статистическое управление КНР составило список 12 целевых установок «второго шага» выполнения Программы четырех модернизаций — «Основные показатели жизненного уровня «сяокан»». В 2002 г. на XVI съезде КПК было решено продлить этап построения «общества сяокан» до 2020 г. при учетверении показателя ВВП за 20 лет (2000—2020 гг.). К концу указанного срока Китай должен совершить 4 важных транзита: 1) от плановой экономики к современной рыночной экономике; 2) от аграрно-индустриального общества к информационному обществу; 3) от государственного, ручного управления к правовому государству; 4) от сельского общества к городскому.

В целевые ориентиры входят 11 следующих основных показателей: 1) достижение среднего уровня экономического развития с душевым показателем ВВП 3000 долл.; 2) годовые доходы городского населения 18 000 юаней на человека; 3) годовой доход сельского жителя 8000 юаней; 4) коэффициент Энгеля в пределах 25—35 % по населению в целом; 5) обеспеченность жилой площадью в городе — 30 кв. м/чел.; 6) коэффициент урбанизации — 56 %; 7) наличие компьютеров у 20 % населения; 8) грамотность взрослого населения — 85 %; 9) охват базовыми страховыми услугами городского населения — 70 %; 10) снижение коэффициента преступности до 0,1 %; 11) ожидаемая продолжительность жизни в среднем 75 лет. Соотношение трех подразделений народного хозяйства в 2020 г. — 5; 55; 40 %. Распределение занятого населения по этим подразделениям — менее 20; 40 и более 40 %¹⁵.

Настрой на удвоение объема ВВП за каждое десятилетие сохранился и после 2000 г. На XV съезде КПК (1997 г.) была намечена программа развития на XXI век: первые 10 лет — удвоение ВВП по сравнению с 2000 г., следующий десятилетний «цикл удвоения» — до 100-летнего юбилея КПК (2021 г.) и завершение в основном модернизации к 100-летию образования КНР (1949 г.) при достижении ду-

шевого уровня ВВП в 9000 долл. В действительности в годы 10-й пятилетки (2001—2005 г.) поддерживался среднегодовой темп роста в 10 %. На период 11-й пятилетки (2006—2010 г.) были запланированы темпы роста порядка 7,5 %, но они оказались также значительно превышенными (2006 г. — 12,7 %, 2007 г. — 14,2, 2008 г. — 9,6, 2009 г. — 9,2, 2010 г. — 10,4, 2011 г. — 9,2, 2012 г. — 7,8 %) ¹⁶.

С XVI съезда КПК (2002 г.) начался новый этап реформы и модернизации. Был провозглашен переход с преимущественно экстенсивного на преимущественно интенсивный путь развития при акцентировании внимания на отраслях передовой технологии и повышении качества рабочей силы. Развернулась трансформация стратегии рыночных преобразований в сторону их социальной и экологической направленности. Вместе со сменой стратегии роста на стратегию развития закончился и прежний, во многом имитационный путь формирования новых институтов, в чем сыграл свою роль и последний мировой кризис, главный удар которого пришелся на сферу внешней торговли КНР.

На первом заседании ВСНП нового созыва в марте 2013 г. приступивший к выполнению своих обязанностей генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин объявил о существовании «Великой китайской мечты» и изложил свое видение выдвинутого им лозунга, перечислив три ее главных компонента — сильное и богатое государство (*гоцзя фуцянь*), национальное возрождение (*миньцизу чжэнсин*), народное счастье (*жэньминь синфу*). В интервью накануне визита в латиноамериканские страны 1 мая 2013 г. он сформулировал направление предстоящей работы на ближайшие годы. «Цель нашей предстоящей борьбы, — сказал он, — такова: к 2020 г. ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения должны удвоиться на основе показателя 2010 г.; должно быть всесторонне построено среднезажиточное общество. К середине нынешнего века мы должны превратить страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое государство и осуществить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации» ¹⁷.

Более надежная статистическая база помогла повышению качества составлявшихся пятилетних планов и прогнозирования экономического развития на более далекую перспективу. В 1996—1997 гг. большую известность получили труды директора Пекинского экономико-математического института Ли Цзинвэня, в частности, его монография «Мегатенденции экономики Китая в XXI в.». Содержавшийся в ней экономический прогноз исходил из сочетания индуст-

риализации Китая с информатизацией и научно-техническим прогрессом. В прогноз Ли Цзинвэня была заложена идея замедления темпов экономического роста Китая после 2010 г. Задачу догнать развитые страны к 2050 г. намечалось выполнить в три этапа: 1) до 2010 г. довести производство ВВП до 20 трлн юаней, или до 14 тыс. юаней в среднедушевом измерении; 2) в 2011—2030 гг. обеспечить среднегодовой прирост ВВП в 5,9 % и достичь к 2030 г. объема ВВП в 62 трлн юаней; 3) при среднегодовом приросте в 2031—2040 гг. в 4,9 % и в 2041—2050 гг. в 4,3 % к середине века ВВП должен составить 153 трлн юаней, или около 100 тыс. на душу населения¹⁸. По абсолютному размеру ВВП КНР должна была обойти США в районе 2030 г., а к середине XXI в. — выйти на двукратное превышение¹⁹. Несмотря на делавшиеся в свое время оценки прогноза Ли Цзинвэня как «сверхоптимистического»²⁰, он к 2010 г. был выполнен с двукратным превышением в отношении общего объема ВВП (40 151,3 млрд юаней) и среднедушевого показателя (30 015 юаней).

Из других прогнозистов развития Китая следует особо отметить сотрудника Госстатуправления КНР Сюй Сяньчуня²¹, директора Центра экономических исследований Китая Пекинского университета Линь Ифу²², руководителя коллектива составителей ежегодных докладов о модернизации Китая Хэ Чуаньци²³. В начале XXI в. одним из главных прогнозных авторитетов КНР становится Центр по изучению национальной специфики при Университете Цинхуа, который известен своими разработками в области эконометрики, предназначенными не только для ученых-экономистов, но в первую очередь для руководителей партии и правительства. Руководитель Центра Ху Аньган и его коллеги принимали активное участие в подготовке материалов съездов КПК и в разработке директив 12-й пятилетки. В 2003 г. была опубликована монография Ху Аньгана и Мэнь Хунхуа «Генеральная стратегия Китая», в которой были приведены авторские расчеты экономического роста Китая до 2020 г. в сопоставлении с данными Всемирного банка по ВВП главных стран мира (табл. 13).

И отечественные, и зарубежные прогнозисты сходились на том, что Китай в случае сохранения стабильности в стране и устойчивого экономического роста имеет все шансы к 20-м годам XXI в. превратиться в мощнейшую экономическую державу. К 2020 г. ожидалось перевыполнение официально установленного четырехкратного роста ВВП по сравнению с 2000 г.

Экономический прогноз Ху Аньгана в соавторстве с его коллегами (Янь Илун, Вэй Син), вышедший в 2011 г.²⁴, был составлен уже с

Таблица 13. Экономические ресурсы пяти главных стран мира (млрд долл.) и их доля в общемировом показателе, %

Год	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Китай	212 (2,78)	414 (3,16)	821 (4,57)	1520 (5,63)	3080 (8,87)	4966 (11,16)
Индия	266 (3,49)	441 (3,36)	683 (3,80)	1170 (5,02)	1740 (5,02)	2432 (5,46)
Япония	598 (7,85)	1050 (8,04)	1490 (8,27)	2350 (8,73)	2910 (8,38)	3354 (7,54)
Россия	—	—	—	1460 (5,43)	1050 (3,02)	1168 (2,62)
США	1730 (22,71)	2880 (21,96)	3880 (21,60)	5620 (20,85)	7200 (20,73)	9646 (21,64)
5 стран вместе	—	—	—	(44,99)	(46,02)	(48,42)
Мир в целом	7623	13 115	17 955	26 967	34 730	44 506

Примечания: Для оценки экономических ресурсов использован показатель ВВП, рассчитанный по покупательной способности валют. На 2000 г. — данные по валовому национальному доходу (Gross National Income). Цифры в скобках — доля в мире.

Источники: World Bank, World Development Report 2001, New York; Oxford University Press, 2001.

учетом новых внутрикитайских и мировых тенденций. Его основные исходные положения:

1) сохранение благоприятной международной обстановки и отсутствие крупных катаклизмов, которые могли бы помешать выполнению поставленных целей;

2) дальнейшее поступательное развитие Китая высокими устойчивыми темпами 7—8 % в год (т. е. несколько меньшими, чем в предшествующий период. В 1978—2010 гг. среднегодовой темп роста ВВП составил 9,89 %);

3) сохранение современного низкого демографического роста при наличии благоприятного демографического шанса (старение населения еще не наступило и приток трудоспособного населения не иссякает);

4) продолжение рыночных преобразований, сопровождаемых масштабным переливом рабочей силы из деревни в город (доля го-

родского населения Китая в его численности в мире повысится с 13,4 % в 1990 г., 19,1 % в 2010 г. до 22,3 % в 2030 г.) и снижением занятости в сельском хозяйстве к 2015 г. до 250 млн человек и к 2030 г. до 150 млн человек (против более 300 во время составления прогноза);

5) поддержание достаточно высокой нормы накопления и иностранных инвестиций;

6) значительное повышение доходов населения и потребительских расходов;

7) акцент на интенсификацию производства и существенное повышение суммарного фактора производительности труда (TFP, total factor productivity).

Величина ВВП на 2030 г. была определена тремя методами:

1) по существующему обменному курсу в текущих ценах;

2) по покупательной способности юаня к доллару в текущих ценах, рассчитанному Всемирным банком;

3) по покупательной способности юаня к доллару в сопоставимых ценах (ценах 1990 г.) по методике Мэддисона.

По первой методике в 2010 г. ВВП Китая оценивался в 5,8 трлн долл., в 2020 г. — 22,7 трлн и 103,9 %, в 2030 г. — 66,4 трлн и 204,4 %. По второй методике: 2010 г. — 9,8 трлн, 2020 г. — 24,7 трлн, 2030 г. — 51,6 трлн долл. По третьей методике: 2010 г. — 10,7 млрд долл.; 2020 г. — 21,1 млрд, 2030 г. — 34,4 млрд²⁵.

Общий вывод авторов прогноза — Китай в 2030 г. станет самой мощной экономической державой мира, превзойдя уровень ВВП США в 2—2,2 раза, и окажется самым крупным потребительским рынком мира (табл. 14).

В прогнозе намечалось сокращение разрыва в доходах жителей города и деревни с 2,7 раз в 2010 г. до 2,4 раз в 2020 г. и 2,2 раза в 2030 г. Ставилась задача сблизить город и деревню по охвату системой социального обеспечения и общему состоянию сферы услуг. Долю потребления в ВВП предполагалось поднять с 47,1 % в 2010 г. до 63,8 % в 2020 г. и 68,5 % в 2030 г. Из этого следовало, что Китай к 2030 г. сможет добиться некоторого смягчения сложившихся имущественных диспропорций, но не их преодоления. Поставленная задача достижения «всеобщего благосостояния» в полном соответствии с партийными решениями выглядит как отказ от прежней установки «пусть одни обогащаются раньше других», однако о переделе собственности, о повышении налогов на крупные состояния речь не шла.

Тот факт, что Китай по общему экономическому потенциалу уже стал сверхдержавой, сейчас никем не оспаривается. Работавший тогда

Таблица 14. Сопоставление валового внутреннего продукта Китая и США и их процентное соотношение (2000—2030 гг.)

		2000 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
ВВП, трлн долл.							
По обменному курсу	Китай	1,2	5,8	11,5	22,7	38,8	66,4
	США	9,9	14,7	17,9	21,9	26,6	32,5
По паритету покупательной способности (ППП) в текущих ценах	Китай	3,0	9,8	15,6	34,7	35,7	51,6
	США	9,9	14,5	16,4	18,5	21,0	23,7
По паритету покупательной способности (ППП) в ценах США 1990 г.	Китай	4,3	10,7	15,0	21,1	26,9	34,4
	США	8,0	9,5	10,7	12,2	13,8	15,6
Соотношение Китая и США (США = 100)							
По обменному курсу		12,1	39,6	64,1	103,9	145,7	204,4
По ППП в текущих ценах		30,2	67,8	95,2	133,5	170,3	217,4
По ППП в ценах 1990 г.		53,8	112,9	140,0	173,5	195,7	220,8

Источник: Доклад Ху Аньгана в ИДВ РАН, подготовленный в рамках Института изучения современного Китая университета Цинхуа. — «Китай и мир к 2030 г. Растущий Китай на пути к всеобщему изобилию. Меняющийся мир на пути к общему процветанию» (Москва. 23 января 2012 г).

в Мировом банке Линь Ифу в своем выступлении на Гонконгском экономическом форуме 2012 г., поддержав прогноз Ху Аньгана, заявил, что КНР способна в следующие 20 лет в 2 раза превысить американский ВВП и к 2030 г. может отнять у США статус крупнейшей экономики мира²⁶. Как подчеркивают авторы доклада Национального разведывательного управления США, «Китай имеет предпосылки в ближайшие 20 лет оказывать на мир большее влияние, чем какая-либо другая страна»²⁷. Отсюда делается вывод, что уже в недалеком будущем главным американским соперником в мире станет Китай, а современную многополярность сменит новый вариант биполярного мира. Как сказал Ху Аньган в интервью газете «Московские новости», когда в 2030 г. ВВП Китая достигнет трети масштабов мировой экономики, стране нужно будет взять на себя серьезную международную

ответственность. «Мы (т. е. разработчики прогноза) рекомендуем, чтобы к этому времени китайская государственная помощь развивающимся странам составила 1 % китайского ВВП»²⁸. Дэн Сяопин еще в 1977 г. говорил, что после завершения программы модернизации, т. е. после 2000 г., Китай должен внести весомый вклад в развитие стран третьего мира и в защиту их интересов. Сейчас это проявляется не только в расширении торговых контактов Китая и в росте его зарубежных инвестиций, но также в распространении его опыта экономического рывка и перехода «от слабости к силе». Любимая пословица Дэн Сяопина о «переходе реки по камушкам под ногами» заменяется другими образами — «возводить мосты через бурные реки», «строить корабли для больших плаваний».

Большое внимание в прогнозе уделено преодолению региональной дифференциации. Авторы упомянутого доклада рассматривали Китай состоящим из 4 крупных регионов («четыре мира»):

- **«первый мир»** — наиболее развитые районы (Пекин и Шанхай);
- **«второй мир»** — регионы выше среднего уровня развития (Тяньцзинь, Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Фуцзянь, Ляонин, т. е. приморская часть страны);
- **«третий мир»** — среднеразвитые регионы (Хэбэй, Хэйлунцзян, Цзилинь), т. е. в основном Северный и частично Северо-Восточный Китай;
- **«четвертый мир»** — районы ниже среднего уровня развития (Центральный, Юго-Западный и Северо-Западный Китай).

К 2030 г., согласно прогнозу, останутся только два «мира» — развитые провинции и догоняющие их менее развитые. 6 провинций по ВВП на душу населения сравниваются с американским уровнем, 7 провинций его превзойдут.

В долгосрочной перспективе на поддержание достаточно высоких темпов роста работают следующие факторы: 1) стимулирование более высокого душевого производства и потребления и поддержание достаточно высокой нормы накопления; 2) ускоренная урбанизация и уменьшение в ВВП доли слабодинамичного сельскохозяйственного сектора; 3) структурные изменения и повышение доли продукции с высокой добавленной стоимостью; 4) рост жизненного уровня при постепенном расширении внутреннего спроса; 5) сохранение макроэкономического регулирования рынка и улучшение рыночных институтов.

Ускоренный экономический рост за счет массивных инвестиций и экспортной экспансии создал проблему финансовой задол-

женности регионов, серьезных кредитных рисков, возникновения «мыльных пузырей» в сфере недвижимости. Существует опасность продолжения мирового кризиса, дестабилизации внутренней обстановки в стране. Вполне предсказуемо некоторое снижение темпов экономического роста в Китае в предстоящие годы. На понижение темпов роста будут влиять следующие факторы: 1) достигнутая масштабность экономики и необходимость ее реструктуризации; 2) рост цен на добычу и закупки сырья и энергии; 3) повышение стоимости рабочей силы; 4) трудности с реализацией китайской продукции на мировом рынке; 5) расширение затрат на природоохранные цели. В краткосрочной перспективе главный ограничитель — внутренний и внешний спрос.

Примечания

¹ Синьхуа. 03.08.2014.

² Чэнь Гуйгуй и др. Чжунго гуньехуа цзиньчэн баогао : [Доклад, посвященный анализу. процесса индустриализации Китая]. Пекин, 2007. С. 19—36.

³ Сюй Сюоцин. Нунцунь ды цзинци синши юй цзиньци ды чжэнцэ цзоусян : [Современное экономическое состояние сельского хозяйства и направление современной политики] // Саньнун Чжунго. 2011. № 14. С. 15.

⁴ Результат первичной модернизации: формирование и распространение таких черт первичной модернизации, как индустриализация, урбанизация, демократизация, бюрократизация, систематизация, рационализация, секуляризация, маркетизация, стандартизация, профессионализация, централизация, разделение труда и интеграция, плавность развития, повышение благосостояния, высокая эффективность производства, снижение значения сельского хозяйства, современная наука и энергетика, массовые коммуникации, введение обязательного образования.

⁵ Глазьев С. Экономическое первенство Китая — причины и перспективы. URL: <http://jpgazeta.ru/sergey-glazev-economiche-scoe-pervenstvo> (10.10.2014).

⁶ Чжунго тунци чжайяо. 2015. Пекин, 2015. С. 89.

⁷ Антонов М. Иностранные инвестиции — и зло, и благо // Литературная газета. 07—13.10.2015.

⁸ Цзинци гуаньли. 1981. № 2. С. П-5.

⁹ The World Bank. Country Statistical Information. China. URL: <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/CSIDB/getCountryStatInfoXML?id=China&format=CSIDB/>

¹⁰ Гринхаус С. Третье место Китая в мировой экономике // Нью Йорк таймс. 1993. № 11 (30), 8—12 июня.

¹¹ *Чжу Фуцянь*. Чжунго цзинци куайсу чжанчжунды чжиду иньхуань : [Скрытые институциональные огрехи ускоренного экономического роста] // Шэхуэй кэсюэ яньцзю. 2011. № 1. С. 36, 40.

¹² URL: <http://www.china.org.cn/Chinese/jingji/485858.htm>

¹³ *Ху Аньган, Янь Илун и Вэй Син*. «2030. Чжунго. Ваньсян гунтун фууй» : [Китай. 2030. На пути к всеобщему процветанию]. Центр изучения национальной специфики Китая при Университете Цинхуа. Пекин, 2011.

¹⁴ Чжунго нунцунь цзинци. 2003. № 3. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Чжунго тунцзи чжайяо. 2013. С. 191.

¹⁷ Си Цзиньпин о «китайской мечте» // Китай. 2013. № 7. С. 16.

¹⁸ 21 шицзе Чжунго цзинци ды цюйши : [Тенденции развития экономики Китая в 21-м веке]. Шэньян, 1998. Детальное изложение прогноза Ли Цзинвэня см. в работе российских синологов «Экономика Китая вступает в XXI век» / отв. ред. акад. М.Л. Титаренко, рук. авт. колл. И.Н. Наумов. М., 2004.

¹⁹ Экономика Китая вступает в XXI век. С. 38—39, 51, 58.

²⁰ *Портяков В.* О перспективах развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 53.

²¹ *Сюй Сяньчунь*. Чжунго вэйлай цзинци цзэнчжан цзи ци гоцзи цзинци дивэй чжаньван : [Перспективы экономического роста Китая и повышения его мирового рейтинга] // Цзинци яньцзю. 2002. № 3. С. 27—35.

²² China to Become the World Largest Economic Entity by 2030. URL: <http://English.people.com.cn/200501/12/eng20050112-170361.html>

²³ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / под ред. Хэ Чуаньци. М., 2011 (пер. с кит.).

²⁴ *Ху Аньган* и др. 2030. Чжунго. Ваньсян гунтун фууй.

²⁵ Там же. С. 62.

²⁶ URL: http://prognozoff.ru/prognozy_dolgosrochnye/prognozy_diya_kitaya?sh_ow113/

²⁷ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир // Доклад Национального разведывательного управления США. М., 2009. С. 13.

²⁸ «Китаю потребуется делать для окружающего мира гораздо больше». Беседа Александра Ломанова с китайским экономистом Ху Аньганом // Московские новости. 20.06.2012.

Заключение

ПОДЛИННОЕ «КИТАЙСКОЕ ЧУДО» — НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ («ТРЕТИЙ ПУТЬ»)

Существуют разные точки зрения относительно того, в каком направлении идет развитие мировой цивилизации — в сторону унификации или еще большего разнообразия. Первая точка зрения представлена концепцией чисто количественного расширения в глобальных масштабах единой буржуазной цивилизации с непреложностью законов «нормального общества», «нормальной экономики». Вторая точка зрения — развитие человечества многовариантно. Параллелизм институциональных матриц (рыночная и нерыночная) означает отсутствие запрограммированной смены одного пути развития другим и делает саму эту смену весьма проблематичной. «Перейти» в западный блок страна, осуществляющая «догоняющий» путь развития, может только на положении колонии или политически зависимого партнера страны-лидера. В середине века Арнольд Тойнби, анализируя исторические судьбы различных цивилизаций, обращал внимание на точки бифуркации, где такое управление на несколько веков определяло ход развития огромных государств. Ему принадлежит и термин «альтернативная история» для нетрадиционного анализа, имеющего дело не с одной реализовавшейся траекторией цивилизации, государства или этноса, а с полем возможностей.

Учитывая современные глобальные тенденции, можно наметить несколько макросценариев развития различных государств.

1. Капиталистический путь. Капитализм еще далеко не исчерпал всех своих потенциалов, и Запад стремится представить свой опыт как матрицу-основу, на базе которой формируется вся общемировая система стандартов («вечный капитализм»). Глобализация — это стремление перевести планету на западную систему отсчета¹. Этот сценарий в приложении к слаборазвитым странам предполагает индустриализацию, становление буржуазных наций, формирование

«экономического человека». Наиболее реальная перспектива прививки либерального капитализма к обществам азиатской цивилизации — переход к корпоративному капитализму зависимого типа, при котором страны остаются в периферийной зоне развития, а их трудовые и природные ресурсы ориентируются на обслуживание политических систем Запада.

2. Социалистический путь. В прошлом строительство социализма связывалось с постановкой следующих целей: защита национальной идентичности и обеспечение государственной безопасности, достижение достаточно высоких темпов экономического роста, наращивание общего экономического потенциала при максимальной занятости населения, повышение уровня жизни людей при рациональном уровне потребления, широкое распространение различных форм самоорганизации. В XX в. страны, выбиравшие социалистический путь развития, ориентировались на опыт СССР с его планово-административной системой.

3. Смешанная экономика. Для нее характерно сочетание рыночной экономики со значительной ролью государства, что связано с ростом обязанностей государства и требований к нему со стороны индивида, бизнеса и общества. Такие процессы происходят как в развитых, так и в развивающихся странах. Развитие рыночной экономики, соответствующей современной технико-организационной стадии развития и критериям демократического общества, становится зависимым от оптимального для каждого отрезка времени сочетания общественных и частных интересов.

4. «Третий путь». В этом случае в развивающихся странах вместо выбора между социализмом и капитализмом допустима ориентация на создание смешанной традиционно-рыночной экономики. Все решения находятся в основном в рамках рыночной парадигмы и проведения индустриализации с учетом имеющейся политической, экономической и социально-культурной специфичности. Возможный синтез либеральной и социалистической идеи не означает механического сочетания элементов разных социально-экономических и идеологических систем, а создание принципиально новой системы ценностей. Проблема в том, удастся ли придать сочетанию модернизации и традиции, капитализма и социализма системную прочность.

Послереволюционный выбор Китаем социалистического пути развития имеет глубокие цивилизационные корни. В силу демографической и исторической особенности Китая просто «противопоказано» сопутствующее капиталистическим порядкам разрастание иму-

щественной дифференциации, обострение национальных и социальных конфликтов. Сохранение компартии и элементов авторитаризма (который сам по себе не является чем-то исключительным для азиатских стран) всегда рассматривалось как гарантия управляемости страны и поддержания политической стабильности. Однако в отличие от СССР «почва» Китая питала разные представления о сути социализма и путях его построения. Многие китайские интеллектуалы отдавали в свое время предпочтение проекту «смешанного» развития страны как промежуточного этапа к построению социализма при установлении альянса между интересами Труда и Капитала и использовании капитализма для ускорения экономического подъема (привлечение мирового опыта). Можно сослаться на первого президента Китайской республики Сунь Ятсена, который писал: «Моя идея состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономические силы, двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации»².

Переход к рыночной экономике в Китае был оправдан недостатками планово-административной модели хозяйствования и стал возможным после победы «рыночников» в политической борьбе внутри страны. Сама по себе либерализация, происходившая в Китае, не нанесла ущерба экономическому потенциалу, а, наоборот, способствовала небывалому подъему. Но не потому, что пришла на смену государственным институтам, а потому, что элементы либеральной экономической системы были привлечены в качестве комплементарных к базисным институтам, продолжавшим играть решающую роль.

Сейчас стало очевидным, что реформистский процесс в силу своей протяженности и изменения внутренних и внешних условий просто не укладывается в рамки одной модели. До сих пор стратегия реформы основывалась на формуле: высокие темпы роста — высокая капиталоемкость и материалоемкость производства — серьезное загрязнение природной среды — невысокая производительность труда — сравнительно низкая оплата труда. Постепенно пришло осознание того, что с повышением стоимости труда и ресурсов мобилизационная модель экстенсивного экономического роста в основном себя исчерпала. Значительная имущественная дифференциация, отстаивание доходов трудящихся от роста ВВП, отраслевые и региональные диспропорции, экологические просчеты — все это стало тормозом дальнейшего прогресса и побуждает руководство КНР искать новые стимулы развития.

Серьезные претензии выдвигаются сейчас и по отношению к самому ходу реформ: «Китайская реформа до сих пор шла стихийно — что не проходит, то нужно исправлять. Это вело к растранированию налоговых поступлений, не доведению до конца многих начинаний. Это касается и реформы госпредприятий, и строительства “новой деревни”. По существу все надо начинать заново»³.

Новая экономическая модель призвана соблюсти преемственность прежнему реформистскому курсу, вмонтированному в концепцию «социализма с китайской спецификой». Заложенный в реформу принцип многоукладной и рыночной экономики рассматривается китайскими философами как углубление и дополнение марксистской теории. Сформулированные на партийных форумах постулаты «научного развития», «человек — основа основ», «гармоничное развитие» хорошо вписываются в обоснование изменения стратегии и постепенно наполняются реальным содержанием — переход к новому информационному обществу, развитие человеческого потенциала, нацеленность на сбалансированное развитие.

В настоящее время, когда общество оказалось в очередной переломной точке своего развития, актуализируется задача разработки дальнейшей траектории развития. Снова обсуждается вопрос — куда идет страна и в каком ключе должно проводиться «углубление» реформы. Можно выделить три основных блока проблем современного Китая: 1) глобальные экономические проблемы, связанные с наследием экономической отсталости и некоторыми другими особенностями исторического развития (природно-географическими, демографическими, экологическими); 2) проблемы, однотипные со всеми странами, осуществляющими рыночные преобразования; 3) конъюнктурные и специфические проблемы, периодически требующие соответствующей корректировки их решения.

Со стороны элит, заинтересованных в сохранении взятой стратегии развития, идут предложения по дальнейшему проведению реформ в рыночном ключе. Реформаторы-радикалы ведут пропаганду курса на полную маркетизацию экономики, продолжение приватизации, проведение реформы финансового сектора в согласии с мировыми тенденциями. Считается, что падение эффективности капиталовложений, сокращение доходов от экспорта, рост государственной задолженности могут быть компенсированы только улучшением рыночной конъюнктуры (частного предпринимательства и частных капиталовложений, конкуренции и т. п.). Предлагается вплотную заняться перестройкой системы распределения на рыночной основе и в

недалеком будущем перейти к политическим реформам в стиле «демократизации».

Этому вестернизаторскому курсу противостоят защитники «особого пути» развития Китая, критикующие серьезные отрицательные последствия рыночных реформ в сферах этики и экологии. Долгосрочное игнорирование этих проблем настолько усугубило их негативные последствия, что дало повод прогнозировать возможность экологической катастрофы. Подчеркиваются также необходимость более осторожного отношения к интеграции страны в мировой рынок, дозированной модернизации традиционных отраслей производства, дальнейшего улучшения современной инфраструктуры, повышения оплаты труда и качества рабочей силы, развития здравоохранения и образования.

Представители левого крыла оппозиции («новые левые») ставят под сомнение не только возможность завершить начатый рыночный переход со «сменой колеи», но и саму целесообразность полной победы рынка, что противоречит постулатам марксистского учения. Мировой кризис, выход из которого сопряжен с повышением роли государства, исправлением перекосов глобализации, реформированием международных отношений, своеобразно «потворствует» противникам маркетизации культурной среды, столь отличной от западной. Настораживает вывод, что китайская реформа отклонилась от провозглашенной цели построения социалистической рыночной экономики, подверглась сильному влиянию неолиберализма, пожертвовав в погоне за экономическим ростом и «модернизацией» своей естественной средой, многими своими традициями, прежде всего традициями семьи и нравственности⁴. Немало тех, кто считают, что продолжение развития Китая в «вестернизаторском русле» при ориентации на западную систему ценностей грозит дальнейшим отступлением от принципа социальной справедливости, разрастанием имущественного неравенства, широким распространением коррупции;

Власти занимают центристскую позицию, настаивают на поисках новой стратегии развития, подчиненной задаче самореализации личности и гармонизации межличностных отношений. Именно такую миссию берут на себя официальные концепции «гармоничного развития», «интеллектуального общества». Анализируя результаты прошедшего в ноябре 2013 г. 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва, Си Цзиньпин назвал важнейшей проблемой «углубления реформы» достижение правильного соотношения рынка и государства. Касаясь вопроса, каким должен быть рынок и какую функцию призвано выпол-

нять государство, он отметил, что следует избегать как тотальности рынка, так и чрезмерного государственного вмешательства в хозяйственные процессы. Неотложным становится переход к экономике, более ориентированной на развитие внутреннего рынка и рост внутреннего потребления, к политике углубления реформ правовой, судебной и административной системы. Признана необходимость значительной корректировки стратегии развития в плане подтягивания социальной и экологической составляющей, серьезных структурных преобразований, привлечения интенсивных факторов роста. Чтобы идти в ногу с мировыми процессами, требуется развитие новых технологий, реструктуризация экономики, повышение производительности труда. Продолжение устойчивого экономического роста пусть даже с более низкими темпами необходимо согласовать с укреплением территориальной целостности государства и наращиванием «мягкой силы». Выход из мирового кризиса ищется на путях «гармонизации» социально-экономического развития, прежде всего через социализацию экономики, рост потребления и потребительского спроса. За ориентир берется развитая экономика, базирующаяся на высокой оплате труда, высоком подоходном налоге, высоком потребительском спросе (с широким привлечением кредита), высоком качестве образования и здравоохранения. Именно этот смысл закладывается в китайский курс «новое нормальное состояние».

Сходство концепции «социализма с китайской спецификой» с ленинской политикой НЭПа дает основание зарубежным исследователям трактовать китайские реалии как «гибрид», сочетающий в себе неолиберальный режим в рамках партократического государства⁵. Этот постулат подкрепляется ссылками на наблюдаемое сочетание формальной идеологической жесткости с толерантностью в отношении разных философских взглядов, что получило яркое выражение в призыве Дэн Сяопина «не заикливаться» на терминах «капитализм» и «социализм».

Действительно, в сложившейся «симбиозной» социально-экономической модели Китая присутствуют разнородные элементы: государственная и частная собственность, крупное машинное и мелкое полутрадиционное производство, распределение по труду и по факторам производства, высокая степени модернизации в приоритетных отраслях и трудозатратные технологии в других сферах, сосуществование «двух систем» (на территории КНР и в прежних колониях Гонконге и Макао). Ныне Китай — причудливая смесь исторически сложившейся умеренности и неожиданно вторгшегося потребитель-

ства, коммунистической солидарности и буржуазной конкуренции, господства авторитета и власти денег. Сторонники «конвергенции по-китайски» считают китайскую экономическую систему капиталистической, а политическую систему — социалистической.

Избегая жестких философских дефиниций, которые могли бы быть интерпретированы как догматы, китайская общественная наука уделяет все большее внимание поисками модели, альтернативной одновременно обоим путям — и социалистическому, и капиталистическому (*tertium datur* — «третье дано»), а именно, свободной как от пороков бюрократического зажима, так и от подвохов рыночной анархии. Наиболее желательную перспективу можно сформулировать таким образом: не конвергентное общество, совмещающее черты капитализма и социализма, а альтернативное общество, основу которого составляет модернизированный механизм капиталистического хозяйствования, а социалистические принципы и ориентиры выступают в роли социальных ограничителей и модификаторов этого механизма.

Новая модель модернизации на основе собственной специфики, с учетом собственной культуры и менталитета пока находится в Китае в стадии становления, но предпринимаемые усилия дают надежду на успех начинания. На всех политических и экономических форумах особое внимание уделялось ликвидации «пяти дисбалансов»: между экономическим и социальным развитием, городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между человеком и природой, между внутренним развитием и «внешней открытостью». Еще одной инновацией идеологической пропаганды стал лозунг «все во имя человека» («*и жэнь вей бэнь*»), нацеливающий на повышение «качества» человека, прежде всего его познавательной способности, и «качества» общества, измеряемого степенью удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Именно это содержание закладывается в понятие общества «*сяокан*» в духе известной идеологемы традиционного Китая, получившей вторую жизнь. В соответствии с традиционной трактовкой этого термина под обществом «*сяокан*» понимается достижение материального достатка, т. е. удовлетворение насущных потребностей человека, и одновременно умеренность этих потребностей в расчете на совершенствование природы человека. «*Сяокан*» — это не общество аскетов, но и не общество жадных потребителей.

Согласно высказыванию Дэн Сяопина, Китай находится и еще долго будет находиться в начальной стадии социализма, причем упрочение и развитие социалистического строя требуют неустанных усилий десятка, а может и нескольких десятков поколений. Но если рань-

ше китайские стратеги, ориентируясь на опыт «новой демократии» и НЭПа, внедряли рынок, чтобы стимулировать экономический рост и увеличить общий экономический потенциал, то теперь рынок и многоукладность становятся доминантами устанавливаемого правового порядка. Намеченное «углубление» хозяйственной реформы не меняет ее общей рыночной ориентации. Утверждается мнение, что падение эффективности капиталовложений, сокращение доходов от экспорта, рост государственной задолженности могут быть нивелированы только улучшением рыночной конъюнктуры (частного предпринимательства и частных капиталовложений, конкуренции и т. п.). Частная собственность не только не ликвидируется, как предполагала марксистская теория, а, наоборот, упрочивается и узаконивается. Значительно изменилась государственная система управления экономикой и перераспределения ресурсов. Нет больше ни отраслевых балансов, ни обязательных планов. Даже крупные инвестиционные отраслевые проекты теперь не подлежат согласованию ни на центральном, ни на местном уровне. Пятилетний план намечает лишь общие параметры макроэкономики, а сами пятилетки переименованы из «планов» в «программы». Китайский «рыночный социализм» настолько близок «государственному конфуцианскому капитализму» азиатского толка, что вопрос «кто — кого» нельзя считать окончательно решенным.

Важно определить, какая доля капитализма безопасна для «социализма с китайской спецификой». Среди западных обозревателей весьма распространено мнение, что успешно продвигающийся по пути «догоняющего развития» Китай уже в значительной мере усвоил стандарты развитых капиталистических стран, и, вероятно, чем дальше, тем больше будет на них походить. Российские синологи неолиберального толка предлагают квалифицировать «китайскую модель» как «китайское издание государственного капитализма», а российские экономисты с марксистскими симпатиями убеждены в том, что «китаизированный социализм» будет и дальше воспроизводить многие беды, свойственные капитализму, а именно: неравенство в доходах и благосостоянии; негативные эффекты, связанные с разрушением природной среды; коммерциализация общества и стремление к беспрестанному наращиванию индивидуального потребления; макроэкономическая нестабильность, включая безработицу и инфляцию; недопроизводство общественных благ.

Пока уступки «рынку» не дают повода сомневаться в приверженности компартии социалистическим идеалам, Хотя производство ВВП на 60—70 % обеспечивается частными предприятиями, но прак-

тически все основные отрасли промышленности и банки остаются под контролем государства. Причем степень такового варьирует от полного владения энергетическими и телекоммуникационными предприятиями, секторального участия в авиационной и судостроительной отраслях, а также в сфере страхования, транспорта и СМИ до ограниченного контроля в машиностроении, металлургии, строительстве и развитии информационных технологий. В этические представления о будущем «новом социализме» входит сочетание интересов индивидуальных, коллективных и общегосударственных, исключая паразитический образ жизни и эксплуатацию как таковую. Развернувшаяся борьба с коррупцией убеждает в решимости новых руководителей покончить с безнаказанностью расхитителей общественной собственности даже в высших эшелонах власти.

В последние несколько лет за пределами Китая активно велось обсуждение так называемой «китайской модели» экономики, расколотившее всех участников на два лагеря. Одни утверждают, что «китайская модель» весьма эффективна, имеет ряд преимуществ по сравнению с западными моделями развития и может претендовать на качество эталона. Согласно другой позиции, какой-то особой «китайской модели» вообще не существует. Китай, «переходя речку по камушкам», еще не дошел до другого берега и явно «не дотягивает» до общепринятых западных стандартов рыночной экономики, результаты реформ не носят устойчивого характера и нельзя исключить в будущем «жесткой посадки» или даже разрушительного коллапса.

Такие алармистские прогнозы не могут отрицать уже достигнутого Китаем экономического прогресса при сохранении своей национальной идентичности, что придает «китайской модели» ореол общезначимости. Многие государства, перед которыми стоят проблемы трансформации экономической системы, склонны ей подражать. Так Стефан Халпер назвал свою работу «Пекинский консенсус: как китайская авторитарная модель может стать доминирующей в XXI веке»⁶. Авторы доклада Национального разведывательного управления США «Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир» тоже пишут о китайской модели, как о привлекательной модели альтернативного развития: «Многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития»⁷.

Если за рубежом присутствует большой разброс мнений, включая и сверхоптимистические, и сверхпессимистические оценки успехов Китая, то в самом Китае при подведении итогов соблюдается рацио-

нальный баланс достижений и проблем, причем считается, что проблем больше, чем достижений. По существу признается, что преодолев «брод», который переходили, «нащупывая под ногами камушки», реформаторы очутились в просторах «глубоководья», где дно ушло из-под ног.

Проявляя трезвость в своих оценках, китайские лидеры готовы признать отсутствие какой-либо законченной, совершенной модели. В выступлении в декабре 2008 г. на торжественном собрании, посвященном 30-летию 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао отметил, что в мире нет трафаретных моделей развития, пригодных для всех стран, что Китай должен постоянно совершенствовать свою модель развития. В марте 2011 г., отвечая на вопрос иностранного корреспондента относительно привлекательности «китайской модели» для других стран, премьер Вэнь Цзябао сказал: «Мы выбрали путь, соответствующий ситуации в Китае... Наши реформы и строительство в процессе поиска, мы никогда не считали, что наше развитие — это модель». В китайских средствах массовой коммуникации концепция «китайской модели» часто заменяется понятием «китайский путь», в рамках которой пытаются обобщить не только весь многолетний опыт политики реформ и открытости, но и спрогнозировать будущее развитие вплоть до середины XXI века.

Следующий этап китайской эпохи Реформации после 2030 г. будет посвящен преодолению переходности «третьего пути» и проведению политической реформы. Ожидаемая неосоциализация производственных отношений и политической системы, скорее всего, получит девиз «общества *датун*». До сих пор к понятию *датун* как конечной цели национального возрождения современные политики и ученые обращались крайне редко, рассматривая его как весьма далекую перспективу (в чем-то аналогичную марксистскому коммунистическому обществу). Ху Аньган и его соавторы в цитируемом выше докладе 2011 г. придают этому тезису большое значение, различая «*Чжунго Датун*» (*Датун* в пределах Китая) и «*Шицзе Датун*» (*Датун* во всем мире). Мироустройство в стиле *Датун* в авторской интерпретации означает уничтожение трех границ и преодоление трех «разрывов» — между отдельными людьми (между членами данного общества), между разными государствами и между человеческим сообществом и природой. Иначе говоря, это сродни достижению вечной мечты человечества о гармонии и справедливости, это аналог христианского идеала и марксистского коммунизма. Соединение социальной справедливости

с экономической эффективностью так, чтобы первая была условием роста второй, получает конкретизацию в требованиях рациональной оплаты труда, обеспечивающей соответствующее качество рабочей силы, сокращения имущественной дифференциации, гарантирующего социальную стабильность общества. При таком подходе понятие социальной справедливости оказывается нравственной категорией, совпадающей со «сверхзадачей» развития человечества — создание условий для максимального использования творческого (креативного), инновационного потенциала человека. В своем последнем прогнозе Ху Аньган, не боясь обвинений в излишней оптимистичности, приходит к выводу о не столь отдаленном наступлении третьей за всю историю человечества «золотой эре»: «К 2030 г. человечество вступит в новую великую эпоху, где его ждут невиданные изменения». Одно из главных изменений — возвращение Китаю того места в мире, которое он занимал в 1820 г. (табл. 15).

Прогнозы ученых напрямую перекликаются с лозунгом нового китайского руководства — «великая китайская мечта», который, по признанию Си Цзиньпина, должен «всколыхнуть дух всей нации», «собрать воедино силы всей страны». По его словам, ради осуществления «китайской мечты» необходимо неуклонно придерживаться пути социализма с китайской спецификой, продолжать политику реформ и открытости.

Новый лозунг немедленно стал предметом комментариев в самом Китае и за рубежом. Член Постоянного комитета Политбюро ЦК

Таблица 15. Доля отдельных стран в мировом ВВП (оценка по покупательной способности валют)

Страны и регионы	1820 г.	1950 г.	1973 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2030 г.
Юг	70,3	39,5	39,9	43,0	52,4	60,5	66,9
В том числе Китай	33,0	4,6	4,6	11,8	20,7	28,9	33,4
Индия	16,1	4,2	3,1	5,2	8,0	12,2	18,6
Россия	5,4	9,6	9,4	2,1	2,4	2,7	3,0
Бразилия	0,4	1,7	2,5	2,7	2,6	3,6	5,1
Север	29,7	60,5	60,1	57,0	47,6	39,5	33,1
В том числе США	1,8	27,3	22,1	21,9	18,4	15,7	13,1
Великобритания	23,3	27,1	27,1	21,5	18,1	15,7	13,1
Япония	3,0	3,0	7,8	7,2	5,4	4,4	3,2

Источник: Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. «2030. Чжунго. Ваньсян гунтун фуной» (Китай 2030. На пути ко всеобщему процветанию). Пекин, 2011.

КПК Лю Юньшань выделил несколько главных направлений реализации поставленных целей. Во-первых, ускорить процесс трансформации модели экономического развития, перенести акцент на повышение качества и эффективности развития. Во-вторых, всеми силами развивать народную демократию и твердо идти по пути политического развития социализма с китайской спецификой. В-третьих, содействовать культурному процветанию, обогащать культурную и духовную жизнь народа. В-четвертых, обеспечивать и улучшать народное благосостояние, стараться повысить жизнь народа. В-пятых, упрочивать создание экологической цивилизации, старательно строить красивый Китай⁸. Он же дал свое резюме «китайской мечты» как, в первую очередь, мечты о мире и гармонии. На наш взгляд, современное обращение к «мечте» — это, прежде всего, возрождение исконно китайских нравственных ценностей, его отличает намерение противостоять угрозе вестернизации и засвидетельствовать прочность «незападного» пути развития⁹.

Логика пройденного Китаем пути вселяет надежды на успешное продолжение реформ, рост национальной мощи и повышение благосостояния населения. Безусловно, что переход к новой экономической модели не может пройти бесконфликтно, поскольку уже сформировались социальные слои, заинтересованные в сохранении «статус-кво», своих высоких прибылей и своего политического влияния. При наличии огромных финансовых ресурсов их все же недостаточно для ускоренного решения накопившихся социальных и экологических проблем. Для продолжения успешного китайского «марафона» необходимо: совершенствование авторитарного режима и госрегулирования, высокое качество и антикоррупционность элиты, поддержка рациональной занятости и повышение доходов населения.

Если отталкиваться от ленинской формулы российской модели («советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм»), то китайскую модель можно систематизировать в виде следующей формулы — «просвященная авторитарная власть + высокий экономический потенциал + современная техника + качественное образование = китайский социализм». Китай своим примером развеял миф о безальтернативности движения по западному пути и продемонстрировал всему миру возможность противостоять системным и финансовым кризисам путем сочетания рынка и макрорегулирования экономики. Рынок, «встроенный в вертикаль власти», — это не только идеал либерального консерватизма, но и

стержень китайской экономической стратегии. Китайское «гармоничное общество» может сыграть роль той «полезной утопии», которая не гарантирует успеха в обозримой перспективе, но способна противостоять дисфункциям современной экономики.

Современный «второй акт» китайской реформы подтверждает, что ее траектория — это не прямая линия, а волнообразная кривая, включающая фазы «наступления» и «отступления», «утверждения» и «отрицания». Если вспомнить высказывание, что «история идет галсами, пробуя и отработывая, как правило, крайние варианты своего движения»¹⁰, то Китай проиграл и отбросил вариант «казарменного коммунизма», прошел через «дуализм плана и рынка» и разочаровался в либерализационной модели рыночной экономики. Настало время уравнивания принципов социальной справедливости и экономической эффективности, соблюдения равновесия индивидуальных и коллективистских ценностей, что требует поддержания определенной нормы оплаты труда, обеспечивающей соответствующее качество рабочей силы, сокращения имущественной дифференциации до рациональных пределов, гарантирующих социальную стабильность общества. Обращение к высоким нравственным идеалам в традициях Китая, который формировался как страна социоцентристская, а не антропоцентристская. Поскольку модель «смешанной экономики», или «рыночного социализма», — это еще никем не пройденный и не проверенный путь развития, трудности «первопроходца» очевидны. Китаю предстоит лавировать между «политической монополией бюрократии» и «экономической монополией капитала».

Основные моральные ценности формирующейся китайской модели: на индивидуальном уровне — патриотизм, преданность работе, добросовестность, высокая нравственность; на общественном уровне — свобода, равенство, справедливость, опора на закон; на государственном уровне — служение стране, демократичность, цивилизованность и гармония. Основную универсальную ценность, которая должна существовать на уровне всей планеты, лидеры страны определяют как «мир всюду под Небесами».

Совершенно очевидно, что появление нового Китая, не похожего на другие страны, меняет раскладку сил на мировой арене. Защитники однополярного мира отрицают существование «китайской модели» и предрекают провал китайского эксперимента. Их оппоненты, признающие «китайскую модель» как альтернативу капиталистической системы, стоят на позициях многополярного мира. Но если одни воспринимают «подъем Китая» как крах модели глобализации в виде

американо-центричной системы финансового капитализма, то другие выражают опасения по поводу «другой», неевропейской цивилизации с особыми ориентирами развития и независимым политическим дискурсом. Как признался синолог Лионель Вейрон из Люксембурга, «труднее всего воспринимается китайская стратегия в культурологическом плане — западным лидерам и западной общественности нелегко усвоить ту мысль, что после 400 лет их полного доминирования на международной арене какая-то незападная и нехристианская страна вот-вот встанет с ними вровень по своему могуществу и вступит в спор по поводу будущего мира»¹¹. А может быть этот спор — один из первых признаков наступления космической эры Водолея, знаменующей переход от материального созидания к гармонии бытия?

Примечания

¹ Чубайс И.Б. Глобализация как этап в трансформации европейской системы ценностей // Энциклопедия «Глобалистика». М., 2003. С. 190.

² Сунь Ятсен. Программа строительства страны. Избранные произведения. С. 321.

³ Чжу Фуцян. Чжунго цзинци куайду фачжаньдэ чжиду иньхуань : [Скрытые институциональные просчеты в проекте быстрого экономического развития] // Шэхуэй кэсюэ яньцзю. 2011. № 1. С. 35.

⁴ Чжунго гайгэ. 2006. № 5. С. 9.

⁵ Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research // The British Journal of Sociology. 2010. Vol. 61. Issue 3. P. 426.

⁶ Halper S. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y.: Basic Book, 2010.

⁷ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. URL: <http://www.classs.ru/library/node/3547>

⁸ Лю Юньшань. О «китайской мечте» // Китай. 2013. № 6. С. 16.

⁹ Ху Бо. КНР, Россия и Индия находятся в поисках «незападного» пути развития // Жэньминь жибао. 12.11.2013.

¹⁰ Высказывание Б.Ф. Славина на заседании круглого стола «Модернизационный вызов современности и российские альтернативы» в апреле 2001 г. // «О стратегии российского развития» // Аналитический доклад. М., 2003. С. 211.

¹¹ Материалы 4-го Международного синологического форума. Шанхай, 2010. С. 116.

Summary

The monograph is focused on the analysis of the specific social-development model that has taken shape as a result of almost four decades of Chinese reforms. By preserving the socialist orientation of social and economic development and the leading role of the Communist Party, the Chinese leaders boldly chose to correct the Marxist doctrine of socialism by recognizing the need in the broad development of market relations and private ownership. Using such factors of economic development as massive investments, material incentives and cheap labor, Chinese reformers have achieved high economic growth rates, and thus China joined the ranks of the world leaders in the overall economic potential. For the time being, the existing “Chinese model” has largely exhausted itself. The objective is to move from the ultrafast growth rates to “normal” development, and to eliminate the arisen disproportions (especially between man and nature), property differentiation, and the gap between the living standards in cities and rural areas as well as in coastal and inland provinces.

The work can be useful in developing the further development strategy of Russia, be of professional interest for experts in international affairs and Oriental studies, as well as for all those interested in the current course of events and the prospects for China's development.

Keywords: China, Chinese reform, socialism with Chinese specifics, state capitalism, industrialization, modernization, “Chinese model”, “Beijing consensus”.

Научное издание

Кондрашова Людмила Ивановна

**Китай:
к новой модели общественного развития**

Редактор *В.И. Шабалин*

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 31.03.2017. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 21,5.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательский Дом «ФОРУМ»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
E-mail: forum-books@mail.ru